

rocketbook

ДЭНИЕЛ КИЗ

*Таинственная история
Билли Миллигана*

Annotation

Билли просыпается и обнаруживает, что находится в тюремной камере. Ему сообщают, что он обвиняется в изнасиловании и ограблении. Билли потрясен: он ничего этого не делал! Последнее, что он помнит, – это как он стоит на крыше здания школы и хочет броситься вниз, потому что не может больше так жить. Ему говорят, что с тех пор прошло семь лет. Билли в ужасе: у него опять украли кусок жизни! Его спрашивают: что значит «украли кусок жизни»? И почему «опять»? Выходит, такое случается с ним не впервые? Но Билли не может ответить, потому что Билли ушел...

Перу Дэниела Киза принадлежит также одно из культовых произведений конца XX века – роман «Цветы для Элджернона», ставший знаковым явлением во многих странах.

Роман издавался ранее под названием «Множественные умы Билли Миллигана».

- [Дэниел Киз](#)
  - [Предисловие](#)
  - [Личности Миллигана](#)
    - [Десять](#)
    - [Нежелательные](#)
    - [Учитель](#)
  - [Книга первая](#)
    - [Глава первая](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
    - [Глава вторая](#)
      - [1](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
      - [6](#)
      - [7](#)
      - [8](#)

- [Глава третья](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
- [Глава четвертая](#)
  - [1](#)
- [Глава пятая](#)
  - [1](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
- [Глава шестая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
- [Книга вторая](#)
  - [Глава седьмая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
  - [Глава восьмая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
  - [Глава девятая](#)
    - [1](#)
    - [3](#)
    - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [Глава десятая](#)
  - [1](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
- [Глава двенадцатая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
- [Глава тринадцатая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
- [Глава семнадцатая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)

- [Глава девятнадцатая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
  - [Книга третья](#)
    - [Глава двадцатая](#)
    - [Глава двадцать первая](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
    - [Глава двадцать вторая](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
    - [Глава двадцать третья](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Послесловие](#)
  - [Примечания автора](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Дэниел Киз

Таинственная история Билли Миллигана

Предисловие

Эта книга является достоверным описанием жизни Уильяма Стэнли Миллигана, первого человека в истории Соединенных Штатов Америки, которого суд признал невиновным в серьезных преступлениях по причине психического расстройства подсудимого в форме множественности его личности.

В отличие от других людей с множественной личностью, описанных в психиатрической и популярной литературе, чьи имена обычно изменены, Миллиган стал известен широкой публике с того момента, как его арестовали и предали суду. Его лицо появилось на первых страницах газет и на обложках журналов, результаты судебно-психиатрических экспертиз передавались в вечерних теленовостях. Миллиган – первый пациент с множественной личностью, который был тщательно исследован, находясь под круглосуточным наблюдением в клинике. Множественность его личности была подтверждена под присягой на суде четырьмя психиатрами и психологом.

Впервые я встретился с двадцатитрехлетним молодым человеком в Афинском центре психического здоровья, штат Огайо, как только его направили туда по решению суда. Когда Миллиган попросил меня написать о нем, я согласился сделать это при условии, что он предоставит мне более обширный и достоверный материал, нежели информация, появившаяся к тому времени в печати. Билли уверил меня, что до сих пор самые сокровенные тайны его личностей не были известны никому, включая адвокатов и психиатров, тестировавших его. А теперь он хотел, чтобы люди поняли его душевную болезнь. Я был настроен довольно скептически, но заинтересовался.

Несколько дней спустя после нашей беседы мое любопытство возросло. Я увидел статью в «Ньюсуик», озаглавленную «Десять лиц Билли», и обратил внимание на последний абзац:

«Тем не менее остаются без ответа следующие вопросы: откуда у Миллигана способность убегать, как Гудини, продемонстрированная Томми (одной из его личностей)? Почему в разговорах со своими жертвами он объявлял себя «партизаном» и «наемным убийцей»? Врачи думают, что в Миллигане уживаются и другие, еще не выявленные личности и что

некоторые из них могли совершить преступления, пока не раскрыты».

Разговаривая с ним во время следующих посещений психиатрической клиники, я обнаружил, что Билли, как его обычно называли, сильно отличается оттого уравновешенного молодого человека, которого я видел в первый раз. Теперь он говорил неуверенно, колени его нервно подрагивали. Он страдал провалами в памяти. О тех периодах его прошлого, которые Билли помнил слабо, он мог говорить лишь в общих чертах. Когда воспоминания были болезненны, голос его часто дрожал, но при этом он не мог вспомнить многих деталей. После напрасных попыток больше узнать о его прошлой жизни я уже готов был от всего отказаться.

И вдруг однажды случилось нечто поразительное.

Впервые Билли Миллиган предстал цельным человеком, обнаруживая новую индивидуальность – сплав всех его личностей. Такой Миллиган отчетливо помнил почти все обо всех своих личностях с момента их появления: их мысли, действия, отношения с людьми, трагические случаи и комические приключения.

Я говорю об этом в самом начале, чтобы читатель понял, почему мне удалось записать все события прошлой жизни Миллигана, его чувства и рассуждения. Весь материал этой книги я получил от этого цельного Миллигана, от других его личностей и от шестидесяти двух человек, чьи дороги пересеклись с ним на разных этапах его жизни. Сцены и диалоги воссозданы по воспоминаниям Миллигана. Сеансы терапии взяты непосредственно с видеозаписи. Я ничего не выдумал.

Когда я начал писать книгу, мы столкнулись с одной серьезной проблемой – как воссоздать хронологию событий. С раннего детства Миллиган часто «терял время», он редко обращал внимание на часы или даты и порой был озадачен тем, что не знал, какой сегодня день или месяц. В конце концов я смог выстроить хронологию, используя счета, страховки, школьные табели, записи о приеме на работу и другие документы, которые мне предоставили его мать, сестра, работодатели, адвокаты и врачи. Хотя Миллиган редко датировал свою корреспонденцию, его бывшая подруга сохранила сотни писем, которые он написал ей во время двухлетнего пребывания в тюрьме, и я смог датировать их по штемпелям на конвертах.

В процессе работы мы с Миллиганом договорились о том, что будем соблюдать два основных правила.

Во-первых, все люди, места и учреждения будут названы реальными именами, за исключением трех групп лиц, чья личная жизнь должна быть

защищена псевдонимами. Это: другие пациенты психиатрической лечебницы; неосужденные преступники, с которыми Миллиган имел дело еще подростком и уже взрослым человеком и с кем я не мог поговорить непосредственно; и наконец, три жертвы насилия из Университета штата Огайо, включая двух, согласившихся ответить на мои вопросы.

Во-вторых, чтобы Миллиган был уверен в том, что он не нанесет себе вреда, сообщив о преступлениях иных из своих личностей, за которые его все еще могут осудить, мы договорились, что я «пофантазирую», описывая некоторые сцены. В то же время в описаниях преступлений, за которые Миллигана уже судили, будут даны подробности, до сих пор никому не известные.

Из тех, кто встречался с Билли Миллиганом, работал вместе с ним или оказался его жертвой, большинство согласилось с его диагнозом множественной личности. Многие из этих людей, вспоминая что-нибудь сказанное или сделанное им, в конце концов вынуждены были признать: «Он просто не мог бы так притворяться». Другие до сих пор считают его ловким жуликом, имитирующим душевное расстройство, чтобы избежать тюрьмы. И среди тех, и среди других нашлись желающие побеседовать со мной, высказать свое мнение и объяснить, почему именно они так думают.

Я тоже стоял на позициях скептицизма. Мое мнение кардинально менялось чуть ли не каждый день. Но за два последних года, занятых работой с Миллиганом над этой книгой, сомнения, которые я ощущал, когда припоминаемые им действия и переживания казались мне невероятными, развеялись, поскольку проведенное мною расследование показало, что все это правда.

Тем не менее в прессе штата Огайо все еще продолжается полемика, о чем свидетельствует статья в «Дейтон дейли ньюс» от 2 января 1981 года – через три года и два месяца после совершения последних преступлений:

«ЖУЛИК ИЛИ ЖЕРТВА?

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ДЕЛО МИЛЛИГАНА

Уильям Стэнли Миллиган – сложный человек, ведущий сложную жизнь. Он или жулик, который обманывает общество и избегает наказания за тяжкие преступления, или реальная жертва своих многочисленных личностей. В любом случае дело плохо...

Лишь время покажет, кем был Миллиган: жуликом, одурачившим весь мир, или одной из самых печальных жертв этого мира...»

Полагаю, это время пришло.

Афины, штат Огайо 3 января 1981 г.

Личности Миллигана

Десять

Это те, кто стал известен психиатрам, адвокатам, полиции и прессе во время суда.

1. *Уильям Стэнли Миллиган (Билли)*, 26 лет. «Первоисточник» или «ядро»; личность, далее именуемая «нераспавшийся Билли» или «Билли-Н». Бросил школу. Рост 183 см, вес 86 кг. Глаза голубые, волосы каштановые.

2. *Артур*, 22 года. Англичанин. Рассудительный, уравновешенный, говорит с британским акцентом. Самостоятельно выучил физику и химию, изучает медицинскую литературу. Бегло читает и пишет по-арабски. Твердый консерватор, считает себя капиталистом, тем не менее открыто высказывает атеистические взгляды. Первый, кто обнаружил существование всех остальных личностей. В безопасных ситуациях доминирует, решая, кому из «семьи» появляться в каждом случае и владеть сознанием Миллигана. Носит очки.

3. *Рейджен Вадаскович*, 23 года. Хранитель ненависти. Имя составлено из двух слов (Ragen = rage + again – вновь ярость). Югослав, говорит по-английски с заметным славянским акцентом. Читает, пишет и говорит на сербскохорватском. Владеет оружием, специалист по карате, обладает исключительной силой, сдерживаемой благодаря его способности контролировать в себе поток адреналина. Коммунист, атеист. Считает своим призванием быть защитником «семьи» и вообще всех женщин и детей. Овладевает сознанием в опасных ситуациях. Общался с преступниками и наркоманами, для него характерно криминальное, а иногда и садистски-жестокое поведение. Вес 95 кг. Очень крупные, сильные руки, длинные черные волосы, свисающие усы. Рисует черно-белые рисунки, поскольку страдает дальтонизмом.

4. *Аллен*, 18 лет. Жулик. Будучи манипулятором, он является тем, кто чаще всего имеет дело с посторонними людьми. Агностик, его девиз: «Бери все лучшее от жизни». Играет на барабанах, рисует портреты, единственный из всех личностей курит сигареты. Находится в хороших отношениях с матерью Билли. Рост такой же, как у Билли, хотя вес меньше (75 кг). Волосы носит на пробор (справа). Единственный из всех – правша.

5. *Томми*, 16 лет. Мастер по побегам. Его часто путают с Алленом. Как правило, агрессивен и необщителен. Играет на саксофоне, рисует пейзажи.

Специалист по электронике. Светло-русые волосы, глаза цвета темного янтаря.

6. *Денни*, 14 лет. Тот, кто испуган. Боится людей, особенно мужчин. Однажды его заставили копать себе могилу и похоронили заживо. С тех пор рисует только натюрморты. Светлые волосы до плеч, голубые глаза, невысокий и худощавый.

7. *Дэвид*, 8 лет. Хранитель боли: тот, кто сопереживает. Берет на себя боль и страдания всех личностей. Очень чувствительный и восприимчивый, но рассеянный. Большую часть времени пребывает в замешательстве. Темные рыжевато-русые волосы, глаза голубые, рост небольшой.

8. *Кристин*, 3 года. «Ребенок для угла». Названа так потому, что именно она в школе стояла в углу. Смышленная маленькая англичанка, умеет читать и писать печатными буквами, но страдает нарушением речи. Любит рисовать и раскрашивать картинки с цветами и бабочками. Светлые волосы до плеч, голубые глаза.

9. *Кристофер*, 13 лет. Брат Кристин. Говорит с британским акцентом. Послушный, но беспокойный. Играет на губной гармонике. Волосы светло-коричневые, как у Кристин, но челка короче.

10. *Адалана*, 19 лет. Лесбиянка. Застенчивая и самоуглубленная, пишет стихи, готовит пищу и занимается хозяйством за всех остальных. У Адаланы длинные прямые черные волосы. Поскольку ее карие глаза иногда непроизвольно двигаются из стороны в сторону вследствие нистагма, про нее говорят, что у нее «танцующие глаза».

Нежелательные

Эти личности подавляются Артуром, поскольку обладают нежелательными чертами. Впервые они были выявлены доктором Дэвидом Колом из Афинского центра психического здоровья, штат Огайо.

11. *Филип*, 20 лет. Головорез. Житель Нью-Йорка, имеет сильный бруклинский акцент, говорит на жаргоне. Упоминание имени Фил дало полиции и прессе основание считать, что помимо десяти уже известных личностей существуют и другие. Совершил несколько мелких преступлений. Курчавые каштановые волосы, карие глаза, крючковатый нос.

12. *Кевин*, 20 лет. Планировщик. Мелкий преступник, планировал ограбить аптеку. Любит писать. Блондин с зелеными глазами.

13. *Уолтер*, 22 года. Австралиец. Воображает себя охотником на крупную дичь. Имеет отличное чутье, часто используется в качестве наводчика. Подавляет эмоции. Эксцентричный. Носит усы.

14. *Эйприл*, 19 лет. Стерва. Бостонский акцент. Вынашивает планы дьявольской мести отчиму Билли. Другие говорят, что она безумна. Умеет шить, помогает по хозяйству. Черные волосы, карие глаза.

15. *Сэмюэль*, 18 лет. «Вечный жид». Ортодоксальный еврей, единственный из всех личностей, кто верит в Бога. Скульптор, резчик по дереву. Черные вьющиеся волосы, борода, карие глаза.

16. *Марк*, 16 лет. Рабочая лошадка. Безынициативный. Делает что-либо, только если кто-то заставит. Предпочитает монотонную работу. Если делать нечего, просто сидит, уставившись в стенку. Иногда его называют «зомби».

17. *Стив*, 21 год. Закоренелый обманщик. Смеется над людьми, пародируя их. Самовлюблен, эгоцентричен. Единственный из всех, кто не согласен с диагнозом множественной личности. Его насмешливые подражания часто приносят другим неприятности.

18. *Ли*, 20 лет. Комик. Проказник, клоун, остряк, его розыгрыши раздражают других, заставляя вступать в драку, в результате чего они попадают в карцер в тюрьме. Жизнь не дорожит, о последствиях своих поступков не думает. Темно-каштановые волосы, карие глаза.

19. *Джейсон*, 13 лет. «Нагнетательный клапан». Своими истерическими реакциями и вспышками раздражения, которые часто кончаются наказанием, он как бы «выпускает пар». Блокирует плохие

воспоминания, вызывая у других личностей амнезию. Шатен, карие глаза.

20. *Роберт (Бобби)*, 17 лет. Фантазер. Постоянно грезит о путешествиях и приключениях. Мечтает сделать мир лучше, но не имеет амбиций или каких-либо интеллектуальных интересов.

21. *Шон*, 4 года. Глухой. Не способен сосредоточиться, его часто считают умственно отсталым. Издаёт жужжащие звуки, чтобы почувствовать вибрации в голове.

22. *Мартин*, 19 лет. Сноб. Житель Нью-Йорка, любит покрасоваться. Хвастун, напускает на себя важность. Хочет много иметь, но не хочет работать. Блондин, серые глаза.

23. *Тимоти (Тимми)*, 15 лет. Работал в цветочном магазине, где встретился с гомосексуалистом, который напугал его своим вниманием. Ушел в себя, замкнулся.

Учитель

24. *Учитель*, 26 лет. Сумма всех двадцати трех личностей, объединенных в одну. Научил других тому, что они знают. Блестящий ум, восприимчив, обладает тонким чувством юмора. Он говорит: «Я – Билли, все в одном» и относится к другим как к андроидам, которых сам создал. Учитель помнит почти все. Именно его проявление и сотрудничество позволило создать эту книгу.

Книга первая
Спутанное время

Глава первая

1

В субботу, 22 октября 1977 года, Джон Клеберг (начальник полиции Университета штата Огайо) отдал приказ усилить охрану территории медицинского колледжа. Вооруженные полицейские патрулировали территорию на машинах и пешком. Даже на крышах находились вооруженные наблюдатели. Женщин предупредили, чтобы они не ходили в одиночку и остерегались мужчин, в машины которых садятся.

За последние восемь дней на территории университетского городка, прямо у пункта охраны, были похищены две молодые женщины. Судя по рассказам потерпевших, все происходило между семью и восемью часами утра. Первой была двадцатипятилетняя студентка факультета оптометрии, вторая – двадцатичетырехлетняя медсестра. Обеих отвезли за город, изнасиловали, заставили обналичить чек и отобрали деньги.

Газеты опубликовали фоторобот преступника, сделанный полицией, и население отозвалось сотнями телефонных звонков, имен, описаний – но все без толку. Никаких зацепок, никаких подозреваемых. Напряжение среди сотрудников университета нарастало. Соответственно усиливалось давление на начальника полиции. Студенческие организации и сообщества требовали поймать человека, которого газеты и телевидение штата успели окрестить Университетским насильником.

Возглавить охоту на этого человека Клеберг поручил молодому следователю Элиоту Боксербауму. Считающий себя либералом, Боксербаум еще в 1970 году, будучи студентом университета, принимал участие в работе полиции, когда в связи со студенческими волнениями университетский городок был временно закрыт. В том же году Элиот окончил университет, и ему предложили работу в отделе полиции этого университета, но при условии, что он укоротит свои длинные волосы и сбреет усы. Подстричься-то он подстригся, но сбрить усы отказался наотрез. Впрочем, его взяли и так.

Изучив фоторобот и некоторые сведения, полученные от обеих пострадавших, Боксербаум и Клеберг пришли к выводу, что насильником был белый американец двадцати трех – двадцати семи лет, волосы рыжевато-каштановые, вес восемьдесят – восемьдесят четыре килограмма. Оба раза мужчина был одет в коричневую спортивную куртку, джинсы и

белые кроссовки.

Кэрри Драйер, первая жертва, вспомнила, что насильник был в перчатках и держал небольшой револьвер. Время от времени глаза у него судорожно двигались из стороны в сторону – вероятно, симптом нистагма. Насильник приковал девушку наручниками к внутренней стороне дверцы ее собственной машины и отвез в пустынное место за городом, где и изнасиловал. После этого он сказал:

– Если пойдешь в полицию, не вздумай описывать мою внешность. Если увижу что-нибудь в газетах, пошлю к тебе еще кого-нибудь.

Словно желая доказать, что не шутит, он выписал несколько имен из ее записной книжки.

Донна Уэст, невысокая пухленькая медсестра, сообщила, что у человека, который ее изнасиловал, был автоматический пистолет. На руках у него она заметила какие-то пятна – не грязь и не жир, а что-то вроде масляной краски. Насильник сказал, что его зовут Фил. Он много ругался. Глаз его она не разглядела, потому что на нем были надеты темные очки. Насильник записал имена ее родственников и предупредил, что если она опознает его, то она или кто-то из ее родственников пострадают от «братства». Она, а вслед за ней и полиция предположили, что парень хвастался, будто входит в террористическую группу или является членом мафии.

Клеберга и Боксербаума озадачило одно, но существенное различие в описаниях. У первого человека были аккуратно подстриженные усы. У второго – трехдневная щетина на щеках и никаких усов.

– Наверное, между первым и вторым делом он их просто сбрил, – ухмыльнулся Боксербаум.

В Центральном управлении полиции, расположенном в деловой части города Коламбус, детектив Никки Миллер из отдела сексуальных преступлений заступила на дежурство во вторую смену в 3 часа дня, в среду, 26 октября, что и было отмечено в журнале. Она только что вернулась из Лас-Вегаса, где провела двухнедельный отпуск, и теперь чувствовала себя и выглядела посвежевшей. Загар очень шел к ее карим глазам и стриженным светлым волосам.

Детектив Грэмлич из первой смены сообщил ей, что он отвез в университетскую больницу жертву изнасилования. Поскольку это дело предстояло вести Миллер, Грэмлич ознакомил ее с некоторыми деталями, которыми он располагал.

Полли Ньютон, двадцатилетняя студентка Университета штата Огайо,

примерно в 8 часов утра была похищена возле своей квартиры, расположенной недалеко от территории университета. Не успела пострадавшая припарковать голубой «корвет» своего друга, как ее тут же впихнули обратно в машину и приказали ехать в какое-нибудь безлюдное место за городом. Там она была изнасилована. Потом насильник заставил ее вернуться в Коламбус, чтобы обналичить два чека, прежде чем она отвезет его обратно на территорию университета. Затем он предложил ей обналичить еще один чек, прекратить платежи и держать деньги при себе.

Поскольку Никки Миллер была в отпуске, она не читала об Университетском насильнике и не видела его фоторобота. Детективы из первой смены ввели ее в курс дела.

«Факты по новому делу, – отметила Миллер в своем рапорте, – совпадают с подробностями двух похищений и изнасилований, которые расследует полиция Университета штата Огайо, поскольку они произошли на ее территории».

Никки Миллер и ее напарник офицер Э. Дж. Бесселл поехали в университетскую больницу, чтобы поговорить с Полли Ньютон, девушкой с темно-рыжими волосами.

По словам Полли, человек, который ее похитил, сказал, что он – член Метеорологического общества, а кроме того, бизнесмен и водит «мазерати». После того как Полли была оказана помощь, она согласилась поехать с Миллер и Бесселлом, чтобы найти место, куда ее заставили поехать. Но к тому времени стало темнеть, и она поняла, что не найдет этого места. Было решено отправиться туда на следующее утро.

Дактилоскописты из выездной бригады провели поиск отпечатков пальцев в машине Полли. Было обнаружено три частичных отпечатка, достаточно отчетливых, чтобы можно было сравнить их с отпечатками будущих подозреваемых.

Миллер и Бесселл отвезли Полли в следственный отдел, чтобы вместе с художником составить портрет преступника. Затем Миллер попросила Полли посмотреть фотографии белых мужчин, виновных в изнасилованиях. Полли изучила три альбома с фотографиями, по сотне в каждом, но – никакого успеха. Только в 10 часов вечера, выжатую как лимон после семичасового пребывания в полиции, ее наконец оставили в покое.

На следующее утро, в 10 часов 15 минут, детективы утренней смены заехали за Полли и повезли ее в округ Делавэр. При дневном свете она смогла найти место, где ее изнасиловали. На берегу пруда были найдены

гильзы от девятимиллиметровых пуль. Полли сказала, что именно оттуда человек стрелял в бутылки из-под пива, которые бросал в воду.

Когда они вернулись в участок, Никки Миллер как раз заступала на дежурство. Она привела Полли в небольшую комнату, расположенную напротив стола секретаря, и дала еще один альбом с фотографиями. Оставив Полли одну, Никки прикрыла за собой дверь.

Несколько минут спустя в следственный отдел прибыл Элиот Боксербаум с медсестрой Донной Уэст, второй жертвой насилия. Он хотел, чтобы она тоже посмотрела фотографии. Элиот и начальник полиции Клеберг решили придержать студентку факультета оптометрии для опознания насильника в ряду других лиц, если фотографии окажутся бесполезны для суда.

Никки Миллер посадила Донну Уэст за стол в коридоре, уставленном вдоль стен шкафами для документов, и принесла три альбома с фотографиями.

– Бог мой! – воскликнула Донна. – Неужели так много сексуальных маньяков разгуливают по улицам?

Боксербаум и Миллер ожидали неподалеку, пока Донна разглядывала лица в альбомах. Сердитая и расстроенная, она быстро просматривала фотографии. Узнав одно из лиц – не того человека, который ее изнасиловал, а бывшего одноклассника, на днях встреченного на улице, – Донна взглянула на обратную сторону фотографии и прочитала, что тот был арестован за непристойное поведение.

– Господи, – пробормотала она, – кто бы мог подумать!

Дойдя до середины альбома, Донна вдруг споткнулась на фотографии симпатичного юноши с бачками и тяжелым, пристальным взглядом. Она вскочила, чуть не опрокинув стул:

– Это он! Он! Я уверена!

Миллер попросила ее написать свое имя на обороте фотографии, затем посмотрела идентификационный номер, сверила его с записью и написала: «Уильям С. Миллиган». Это была старая фотография. Затем она вложила фотографию в альбом, который еще не был просмотрен Полли Ньютон. Никки, Боксербаум, детектив по имени Браш и офицер Бесселл направились в комнату, где сидела Полли, и передали ей альбом.

Никки Миллер чувствовала: Полли догадывается, что детективы ожидают ее реакцию на одну из фотографий в альбоме. Полли внимательно разглядывала фотографии, и когда она просмотрела половину альбома, Миллер напряглась в ожидании. Если Полли отметит ту же фотографию, Университетский насильник будет у них в руках.

Полли остановилась на фотографии Миллигана, затем продолжила дальше. Миллер почувствовала, что вся дрожит от напряжения. Полли вернулась назад и снова стала рассматривать фотографию молодого человека с бачками.

– Этот парень похож на него, – сказала она, – но я не уверена.

Боксербаум сомневался, стоит ли выписывать ордер на арест Миллигана. Хотя Донна Уэст опознала его уверенно, Элиота беспокоил тот факт, что фотография была трехлетней давности. Он хотел дождаться результатов дактилоскопии. Детектив Браш передал идентификационную карточку Миллигана на первый этаж, в идентификационный отдел, чтобы сравнить его отпечатки пальцев с отпечатками, найденными на машине Полли.

Никки Миллер раздражала вся эта возня. Она чувствовала, что они нашли нужного человека, и хотела как можно быстрее схватить преступника. Но поскольку Полли Ньютон не была уверена в точности опознания, оставалось только ждать. Результат пришел через два часа. Отпечатки правого указательного пальца на внешней стороне стекла дверцы «корвета» со стороны пассажира и правого безымянного пальца, а также правой ладони принадлежали Миллигану. Можно сказать, в десятку! Для суда вполне достаточно.

Но Боксербаум и Клеберг все еще колебались. Они хотели быть совершенно уверены, прежде чем задерживать подозреваемого, и попросили вызвать независимого эксперта.

Поскольку отпечатки пальцев Миллигана совпадали с отпечатками на машине его жертвы, Никки Миллер решила идти вперед и возбудить уголовное дело по факту похищения, ограбления и изнасилования. Она получит ордер на арест, Миллигана доставят в участок, и тогда Полли сможет опознать его.

Боксербаум был согласен со своим начальником Клебергом, который настаивал на том, чтобы подождать заключения эксперта. Это займет час-два, не больше, зато появится уверенность. Было уже 8 часов вечера, когда независимый эксперт согласился с тем, что все отпечатки принадлежат Миллигану.

– О'кей, – сказал Боксербаум, – я выдвигаю обвинение в похищении. Это единственное преступление, совершенное на нашей территории. Изнасилование совершено в другом месте.

Он записал информацию, поступившую из идентификационного отдела: Уильям Стэнли Миллиган, 22 года, бывший осужденный, досрочно освобожден из Ливанского исправительного заведения, штат Огайо.

Известен и адрес: 933, Спринг-стрит, Ланкастер, Огайо.

Миллер вызвала группу захвата. Все собрались в отделе сексуальных преступлений для разработки плана операции. Сначала необходимо было выяснить, сколько людей живут в одной квартире с Миллиганом. Две пострадавшие сообщили, что он называл себя террористом и боевиком; в присутствии Полли он стрелял из пистолета. Следовательно, он вооружен и опасен.

Офицер Крейг из группы захвата предложил следующий план. Он воспользуется пустой коробкой из-под пиццы, притворившись, что кто-то по этому адресу заказал пиццу, и когда Миллиган откроет дверь, Крейг попытается заглянуть внутрь. Никто не возражал против такого плана.

С того момента как Боксербаум узнал адрес, он пребывал в недоумении. С какой стати бывший осужденный трижды за две недели будет совершать поездки в сорок пять миль от Ланкастера до Коламбуса, чтобы совершить изнасилование? Что-то не сходилось. Когда все уже собирались уходить, Элиот поднял телефонную трубку, набрал номер адресной службы и спросил, не было ли новых записей по Уильяму Миллигану. Он выслушал ответ и быстро записал адрес.

– Миллиган переехал, – объявил он. – Новый адрес – 5673, Олд-Ливингстон-авеню, Рейнолдсбург. В десяти минутах езды отсюда, на восточной стороне. В этом уже есть какой-то смысл.

Все облегченно вздохнули.

В 9 часов Боксербаум, Клеберг, Миллер, Бесселл и четверо из группы захвата выехали на трех машинах, двигаясь со скоростью двадцать миль в час по пустынной дороге. Фары машин с трудом пробивали туман. Такого густого тумана никто из них еще не видел.

Первой прибыла на место группа захвата. Пятнадцатиминутная поездка растянулась на час. Еще пятнадцать минут ушли на поиск нужного адреса по извилистой, вновь проложенной улице жилого комплекса «Ченнингуэй». Ожидая, пока подъедут остальные, прибывшие поговорили с некоторыми из соседей. В квартире Миллигана горел свет.

Когда подъехали детективы и офицеры университетской полиции, все заняли свои места. Никки Миллер спряталась с правой стороны внутреннего двора. Бесселл зашел за угол здания. Трое из группы захвата заняли позиции с другой стороны. Боксербаум и Клеберг забежали за дом и встали у двойных стеклянных раздвижных дверей.

Крейг вынул из багажника пустую коробку из-под пиццы и написал на ней черным фломастером: «Миллиган, 5673, Олд-Ливингстон». Он

вытащил рубашку из джинсов, чтобы прикрыть револьвер, и неторопливо пошел к одной из четырех дверей, выходящих во двор.

Нажал на звонок – никто не ответил. Позвонил снова и, услышав шум внутри, принял скучающий вид, одной рукой держа пиццу, а другую положив на бедро рядом с пистолетом.

Со своего места за домом Боксербаум видел молодого человека, сидящего в коричневом кресле перед большим цветным телевизором. С левой стороны от центральной двери он заметил красное кресло. Гостиная, она же столовая, имела форму буквы Г. Больше никого не было видно. Молодой человек, смотревший телевизор, поднялся и пошел открывать дверь.

Когда Крейг позвонил еще раз, сквозь стекло возле двери он заметил какой-то силуэт. Дверь открылась, и перед ним оказался симпатичный молодой человек.

– Получите вашу пиццу, – сказал офицер.

– Я не заказывал пиццы.

Крейг попытался заглянуть в глубь комнаты и увидел Боксербаума, стоящего перед стеклянной задней дверью с незадернутыми шторами.

– Мне дали этот адрес. Для Уильяма Миллигана. Это ваше имя?

– Нет.

– Кто-то позвонил отсюда и сделал заказ, – сказал Крейг. – Кто вы?

– Это квартира моего друга.

– А где ваш друг?

– Его сейчас нет.

Молодой человек говорил тусклым, запинаящимся голосом.

– Тогда где он? Кто-то заказал пиццу. Билл Миллиган, по этому адресу.

– Я не знаю. Его соседи знают, может, они скажут. Может, и пиццу они заказали.

– Не покажете где?

Молодой человек кивнул, подошел к двери напротив, постучал, подождал несколько секунд, опять постучал. Никто не ответил. Крейг бросил коробку, выхватил револьвер и приставил его к затылку подозреваемого.

– Замри! Я знаю, что ты Миллиган!

Щелкнули наручники. Молодой человек был потрясен:

– За что? Я ничего не сделал!

Крейг ткнул револьвером ему между лопаток, потянув за его длинные волосы, словно за вожжи.

– Зайдем в комнату.

В это время остальные члены группы окружили их, держа оружие на изготовку. Подошли Клеберг и Боксербаум. Никки Миллер вынула фотографию Миллигана, на которой была видна родинка у него на шее.

– У него такая же родинка. И лицо то же самое. Он, точно!

Миллигана усадили в красное кресло. Никки заметила, что он смотрит прямо перед собой с отсутствующим выражением, как будто находится в трансе. Сержант Демпси наклонился и заглянул под кресло.

– Тут револьвер, – сказал он, выдвигая оружие при помощи карандаша. – «Смит-вессон», калибр девять миллиметров.

Полицейский из группы захвата перевернул сиденье коричневого кресла, стоявшего перед телевизором, и начал поднимать обойму и пластиковый пакет с патронами, но Демпси остановил его:

– Подожди. У нас ведь ордер на арест, а не на обыск. – Он повернулся к Миллигану: – Вы разрешаете произвести обыск?

Миллиган продолжал смотреть в одну точку.

Клеберг решил, что ему не нужен ордер на обыск, чтобы посмотреть, есть ли кто-нибудь в других комнатах, прошел в спальню и увидел на неубранной постели коричневый спортивный костюм. В комнате царил беспорядок, на полу валялось белье. Клеберг заглянул в открытый стенной шкаф и там, на полке, обнаружил аккуратно сложенные кредитные карточки на имя Донны Уэст и Кэрри Драйер. Даже клочки бумаги, отобранные у женщин. Затемненные очки и бумажник лежали на туалетном столике.

Клеберг пошел рассказать об увиденном Боксербауму и нашел его в столовом уголке, превращенном в студию художника.

– Посмотрите на это!

Боксербаум указал на большую картину, на которой была изображена не то королева, не то знатная дама восемнадцатого столетия, одетая в голубое платье с кружевной отделкой, сидящая за пианино с нотами в руках. Точность деталей изумляла. Картина была подписана «Миллиган».

– Какая красота! – сказал Клеберг.

Он увидел другие полотна, выставленные вдоль стены, кисти, тюбики с красками. Тут Боксербаум хлопнул себя по лбу:

– Пятна на его руке, о которых говорила Донна Уэст! Вот, значит, откуда они. Он пишет масляными красками.

Никки Миллер, которая тоже видела портрет, подошла к подозреваемому, все еще сидящему в кресле.

– Ты Миллиган, верно?

Тот поднял голову и посмотрел на нее невидящим взглядом.

– Н-нет, – пробормотал он.

– Там висит прекрасная картина. Это ты нарисовал?

Он кивнул.

– Что ж, – улыбнулась Никки, – она подписана «Миллиган».

Боксербаум подошел к Миллигану:

– Слушай, Билл, я Элиот Боксербаум из полиции Университета штата Огайо. Можно поговорить с тобой?

Никакого ответа. Не было подергивания глаз, о котором говорила Кэрри Драйер.

– Кто-нибудь зачитал ему права?

Никто не ответил. Боксербаум вынул карточку, где были записаны права задержанного, и громко прочитал их. Он хотел быть уверенным во всем.

– Ты обвиняешься в похищении девушек с территории университета, Билл. Хочешь рассказать об этом?

Миллиган удивленно вскинул голову:

– Что происходит? Я что, кого-то обидел?

– Ты сказал девушкам, что к ним придут другие. Кто они?

– Надеюсь, я никому не сделал ничего плохого. Увидев, что полицейский направился в спальню, Миллиган встрепенулся:

– Не трогайте коробку! Она взорвется!

– Бомба? – быстро спросил Клеберг.

– Она... там...

– Покажешь мне? – попросил Боксербаум. Миллиган медленно поднялся с кресла и пошел в спальню. Он остановился на пороге и кивнул в сторону небольшой картонной коробки на полу возле туалетного столика. Клеберг остался с Миллиганом, а Боксербаум вошел посмотреть. Остальные собрались позади Миллигана в дверном проеме. Боксербаум опустил на коленцу коробки. Через открытый верх были видны провода и что-то похожее на часы.

Он попятился из комнаты и обратился к сержанту Демпси:

– Лучше вызовите кого-нибудь из отдела разминирования. Клеберг и я возвращаемся в участок и забираем Миллигана с собой.

Клеберг подогнал университетскую полицейскую машину. Рокуэл из группы захвата сел рядом с ним. Боксербаум сел на заднее сиденье рядом с Миллиганом, который никак не реагировал на вопросы об изнасиловании. Он наклонился вперед в неудобной позе – ему мешали наручники за спиной – и бессвязно пробормотал:

– Мой брат Стюарт мертв... Я кого-то обидел?

– Ты знал кого-нибудь из этих девушек? – спросил Боксербаум. – Ты знал медсестру?

– Моя мама медсестра, – запинаясь, ответил Миллиган.

– Скажи мне, почему ты искал жертвы на территории университета?

– Немцы хотят прийти за мной...

– Поговорим о том, что случилось, Билл. Тебя привлекли длинные черные волосы медсестры?

Миллиган взглянул на него:

– Странный вы какой-то. – Затем, снова уставившись в одну точку, сказал: – Моя сестра возненавидит меня, когда узнает.

Боксербаум сдался.

Они прибыли в Центральное управление и провели задержанного через заднюю дверь на четвертый этаж в оперативно-технический отдел. Боксербаум и Клеберг пошли в другой кабинет помочь Никки Миллер подготовить бумаги, дающие основание для выдачи ордера на обыск.

В полдвенадцатого ночи Бесселл вновь зачитал Миллигану его права и спросил, подпишет ли он отказ от претензий. Миллиган только уставился на него. Никки Миллер услышала, как Бесселл сказал:

– Послушай, Билл, ты изнасиловал трех женщин, и мы хотим знать об этом.

– Я это сделал? – спросил Миллиган. – Я кого-то обидел? Если я кого-то обидел, мне очень жаль.

После этого Миллиган замолчал.

Бесселл отвел его на пятый этаж, где его должны были сфотографировать и снять отпечатки пальцев. Женщина-полицейский в форме подняла голову при их появлении. Бесселл взял руку Миллигана, чтобы снять отпечатки, но внезапно тот рванулся назад, словно придя в ужас от его прикосновения, и спрятался за спиной женщины, ища у нее защиты.

– Он чем-то напуган, – сказала она. Повернувшись к побелевшему, дрожащему юноше, она мягко, словно ребенку, сказала: – Мы должны взять у тебя отпечатки. Ты понимаешь, что я говорю?

– Я... я не хочу, чтобы он дотрагивался до меня.

– Хорошо, – сказала женщина в форме. – Я это сделаю. Так лучше?

Миллиган кивнул и позволил ей снять отпечатки пальцев. После этой процедуры и фотографирования Бесселл отвел его в изолятор временного содержания.

Когда бланк ордера на обыск был заполнен, Никки Миллер позвонила

судье Уэсту. Выслушав имеющиеся у нее свидетельства и учитывая срочность дела, судья попросил ее приехать к нему домой и в половине второго ночи подписал ордер. Миллер сразу же поехала в «Ченнингс-уэй», пробираясь сквозь туман, ставший еще гуще.

Затем Никки позвонила в мобильную оперативно-следственную группу. В четверть третьего, по их прибытии, она предъявила ордер, и был произведен обыск. Вот составленный ими список вещей, изъятых из квартиры подозреваемого:

«Туалетный столик – 343 доллара наличными, защитные очки, наручники и ключ к ним, бумажник, удостоверение на имя Уильяма Симмза и Уильяма Миллигана, регистрационная карточка расходов на имя Донны Уэст.

Стенной шкаф – удостоверения клиента банка на имя Донны Уэст и Кэрри Драйер, медицинская карта Донны Уэст, фотография Полли Ньютон, автоматический пистолет калибра 0,25 с пятью полными обоймами.

Шкатулка – лист бумаги с именем и адресом Полли Ньютон. Страница из ее записной книжки.

Изголовье кровати – пружинный нож, два пакета с порошком.

Комод – телефонный счет на имя Миллигана, кобура от пистолета “смит-вессон”.

Под красным креслом – 9-миллиметровый “смит-вессон” с обоймой и шестью боевыми патронами.

Под сиденьем коричневого кресла – обойма с пятнадцатью боевыми патронами и пластиковый пакете пятнадцатью патронами».

Вернувшись в Центральное управление, Никки Миллер отнесла улики секретарю суда, заверила их нотариально и отдала в камеру хранения.

– Этого достаточно, чтобы привлечь к суду, – сказала она.

Миллиган съежился в углу крохотной камеры. Его всего трясло. Внезапно, издав икающий звук, он потерял сознание. Через минуту открыл глаза и с удивлением стал осматривать стены, туалет, койку.

– О боже, нет! – закричал он. – Только не это опять!

Он сел на пол, тупо уставившись в пространство. Потом увидел в углу тараканов, и выражение его лица изменилось. Скрестив ноги, Миллиган сгорбился, положив подбородок на ладони, и по-детски заулыбался, наблюдая, как тараканы бегают кругами.

Несколько часов спустя, когда за Миллиганом пришли, чтобы перевести в другое место, он не спал. Его сцепили наручниками с огромным негром и вместе с другими заключенными вывели через заднюю дверь на стоянку машин. Там их посадили в фургон, направляющийся в тюрьму округа Франклин.

Фургон доехал до центра Коламбуса и остановился у здания, напоминающего футуристическую крепость, выстроенную в самом сердце города. Ее бетонные стены, массивные и глухие, поднимались с небольшим наклоном внутрь на высоту двух этажей. Над вторым этажом возвышалась надстройка – современное офисное здание. Во внутреннем дворе тюрьмы господствовала статуя Бенджамина Франклина.

Фургон свернул в узкую улицу за тюрьмой и остановился перед гаражом, ворота которого были сделаны из рифленой стали. С этого места тюрьма виделась в тени более высокого здания, с которым она соприкасалась, – здания суда округа Франклин. Стальные ворота с лязгом поднялись, фургон въехал, и ворота снова опустились. Заключенных вывели из фургона в узкое пространство у тюрьмы, расположенное между двумя подъемными стальными дверями. Вывели всех, кроме одного: Миллигану удалось избавиться от наручников, и он остался в фургоне.

– Выметайся оттуда, Миллиган! – крикнул офицер. – Сукин сын, чертов насильник! Ты что думаешь, с тобой в игрушки играют?

Негр, который был скован наручниками с Миллиганом, сказал:

– Я тут ни при чем! Клянусь Богом, он их просто стряхнул с руки.

Дверь тюрьмы с шипением поднялась, и шестерых заключенных запустили в коридор между внешней дверью и отгороженным решеткой пространством. Сквозь решетку можно было видеть центральный пункт контроля – телемониторы, компьютерные терминалы и множество полицейских, мужчин и женщин, в серых брюках или юбках и черных рубашках. Когда внешняя дверь закрылась, открылись решетчатые ворота, и вновь прибывших впустили внутрь.

Вестибюль был наполнен движущимися черными рубашками, голосами, звуками шагов, гудением работающих принтеров. У входа женщина-полицейский протянула конверт из оберточной бумаги.

– Ценности, – скомандовала она, – кольца, часы, драгоценности, бумажники.

Когда Миллиган опустошил карманы, она взяла его куртку и стала

прощупывать подкладку, прежде чем передать ее дежурному камеры хранения. Молодой офицер вновь обыскал его, уже более тщательно, и отвел в камеру, где находились другие заключенные, ожидающие регистрации. Сквозь небольшое квадратное окошко мало что можно было увидеть. Негр ткнул локтем Миллигана:

– Эй, парень, ты у нас знаменитость. Здорово освободился от браслетов. Посмотрим, как ты нас отсюда вызволишь.

Миллиган безучастно взглянул на него.

– А с этими, – негр кивнул в сторону надзирателей, – не цапайся. До смерти забьют! Уж поверь моему слову, я здесь был много раз. Ты раньше сидел в тюрьме?

Миллиган кивнул:

– Поэтому-то мне здесь и не нравится. Поэтому-то я и хочу уйти.

3

Когда зазвонил телефон в офисе государственных защитников, расположенном в квартале от тюрьмы, Гэри Швейкарт, высокий, бородатый тридцатитрехлетний адвокат-инспектор, был занят раскуриванием трубки. Звонил Гон Гедмонд, один из их штатных адвокатов.

– Я был в муниципальном суде и кое-что узнал, – сообщил Гедмонд. – Прошлой ночью полиция поймала Университетского насильника, и его только что поместили в окружную тюрьму. Сумма залога определена в полмиллиона долларов. Вам следует послать кого-нибудь объяснить ему, что к чему.

– В конторе пусто, Гон. Я один держу оборону.

– Так или иначе, произошла утечка, и теперь репортеры «Ситизен джорнал» и «Диспэч» наводнят территорию университета. У меня такое ощущение, что копы собираются надавить на парня.

В большинстве случаев тяжких уголовных преступлений, когда было ясно, что полиция продолжит расследование после ареста, Гэри Швейкарт обычно посылал в окружную тюрьму любого подвернувшегося под руку адвоката. Но данный случай не был обычным. Пристальное внимание прессы к делу Университетского насильника сделало этот арест большой удачей полиции Коламбуса, и Швейкарт понимал, что теперь они насядут на заключенного, чтобы он дал признательные показания. Потребуется много сил, чтобы защитить права этого человека.

Швейкарт решил сам съездить в окружную тюрьму – только для того,

чтобы представиться в качестве государственного защитника и предупредить парня, чтобы он не говорил ни с кем, кроме своего адвоката.

Швейкарт вошел в тюрьму как раз в тот момент, когда двое надзирателей вели Миллигана через прогулочную площадку и передавали его дежурному сержанту. Швейкарт попросил полицейского разрешить ему коротко переговорить с заключенным.

– Они говорят, я что-то сделал, а я ничего об этом не знаю, – жалобно скулил Миллиган. – Не помню. Они просто пришли и...

– Послушай, я только хотел представиться, – сказал Швейкарт. – Переполненный коридор – не лучшее место для разговоров о деле. Через день-два мы с тобой поговорим без свидетелей.

– Но я не помню. Они нашли те вещи в моей квартире и...

– Эй, остановись! У этих стен есть уши. Когда тебя поведут наверх, будь осторожен, у полиции много трюков. Не говори ни с кем, даже с другими заключенными. Некоторые из них могут быть подсадными утками. Вокруг всегда найдутся парни, собирающие информацию на продажу. Хочешь справедливого суда – держи рот на замке.

Миллиган все тряс головой и тер щеку, пытаясь что-то сказать о своем деле. Затем он пробормотал:

– Скажите, что я не виноват. Может, я сумасшедший?

– Там посмотрим, – сказал Швейкарт, – но сейчас мы об этом говорить не будем.

– У вас есть женщина-адвокат, которая сможет вести мое дело?

– Да, у нас есть женщина-адвокат. Я посмотрю, сможет ли она взять тебя.

Швейкарт смотрел, как надзиратель повел Миллигана переодеваться в синий спортивный костюм – в такие костюмы были одеты все заключенные в окружной тюрьме. Трудно будет работать с этим клубком нервов – парень явно в панике. Он не отрицает своих преступлений, только повторяет, что ничего не помнит. Это было необычно. Университетский насильник, ссылающийся на безумие? Можно себе представить, какой это будет праздник для газетчиков.

Выйдя из тюрьмы, Швейкарт купил «Коламбус диспэч» и увидел на первой странице заголовок:

ПОЛИЦИЯ АРЕСТОВАЛА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В
ИЗНАСИЛОВАНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА

В статье говорилось, что одну из жертв, двадцатилетнюю

студентку-выпускницу, изнасилованную две недели назад, попросят опознать подозреваемого. Статья предварялась фотографией с подписью «Миллиган».

Вернувшись в свой кабинет, Швейкарт позвонил в другие газеты и попросил их не публиковать фотографию, так как это может предопределить опознание, назначенное на понедельник. Они отвергли его просьбу. Если у них есть фотография, сказали они, ее напечатают. Швейкарт почесал бородку мундштуком трубки и стал набирать номер жены, чтобы сказать ей, что придет поздно.

– Эй, – раздался голос с порога кабинета, – ты похож на медведя, которого застучали, когда он сунул нос в улей.

Швейкарт поднял голову и увидел улыбающееся лицо Джуди Стивенсон.

– Вот как? – зарычал он, кладя трубку и улыбаясь в ответ. – Кстати, догадайся, кто хотел тебя видеть?

Джуди откинула с лица длинные черные волосы, открыв родинку на левой щеке. В ее карих глазах стоял вопрос. Швейкарт подвинул к ней газету, указав на фотографию и заголовок, и его гулкий смех заполнил маленький офис.

– Опознание в понедельник утром. Миллиган попросил женщину-адвоката. Вот ты и поведешь дело Университетского насильника.

4

Джуди Стивенсон прибыла на опознание в 9 часов 45 минут утра в понедельник, 31 октября. Когда привели Миллигана, она заметила, что он сильно испуган и находится в отчаянии.

– Я государственный защитник, – представилась она. – Гэри Швейкарт сказал, что ты предпочитаешь, чтобы адвокатом была женщина. Поэтому мы с ним будем работать вместе. А теперь успокойся. Ты выглядишь так, словно вот-вот развалишься.

Он протянул ей сложенный лист бумаги.

– Мне принесли это в пятницу.

Джуди развернула бумагу. Это был «Приказ о задержании» из отдела условного освобождения заключенных, предписывающий держать Миллигана под охраной и сообщить ему, что предварительное слушание по делу о совершении им преступления в период условного освобождения будет проводиться в тюрьме округа Франклин. Поскольку полиция во

время ареста обнаружила в его доме оружие, Джуди поняла, что его условное освобождение может быть аннулировано и в ожидании суда он будет немедленно возвращен в Ливанскую тюрьму, расположенную недалеко от Цинциннати.

– Слушание состоится через неделю, в среду. Посмотрим, что можно сделать, чтобы оставить тебя здесь. Мне бы хотелось, чтобы тебя оставили в Коламбусе, где у нас есть возможность поговорить с тобой.

– Я не хочу возвращаться в тюрьму.

– Не волнуйся.

– Я не помню ничего из того, что я, по их словам, сделал.

– Мы поговорим об этом позже. А сейчас ты должен подняться на ту площадку и встать там. Справишься с этим?

– Думаю, да.

– Убери волосы с лица, чтобы тебя смогли хорошо разглядеть.

Полицейский провел Миллигана на площадку, и он встал в ряд под номером 2.

Для опознания были представлены четыре человека. Донне Уэст, медсестре, узнавшей его по фотографии, сказали, что она не нужна для опознания, и она уехала со своим женихом в Кливленд. Синтия Мендоза, которая обналачивала один из чеков, не опознала Миллигана. Она указала на номер 3. Женщина, которую изнасиловали в августе при совершенно других обстоятельствах, сказала, что это мог быть номер 2, но она не уверена. Кэрри Драйер смутило отсутствие усов, но номер 2 показался ей знакомым. Полли Ньютон опознала его со всей определенностью.

3 ноября большое жюри вынесло вердикт о привлечении Миллигана к уголовной ответственности по трем фактам похищения, трем фактам ограбления с отягчающими обстоятельствами и четырьмя фактами изнасилования. Все обвинения были первой степени, заслуживающими наказание от четырех до двадцати пяти лет по каждому факту.

Прокуратура редко принимала участие в назначении обвинителей, даже в случаях убийств. Обычно за две-три недели до суда начальник отдела тяжких преступлений назначал обвинителя по случайному выбору. Но окружной прокурор Джордж Смит вызвал двух очень способных обвинителей и сказал им, что предание гласности дела Университетского насильника вызвало широкий общественный резонанс. Поэтому он хотел, чтобы они взялись за это дело решительно и жестко.

Терри Шерман, тридцати двух лет, с курчавыми черными волосами и гвардейскими усами, имел репутацию непримиримого борца с насильниками и хвастался, что не проиграл ни одного дела об

изнасиловании. Просмотрев материалы, он засмеялся:

– Дело можно считать закрытым. Доказательства налицо. Парень наш – защитникам тут делать нечего.

Бернард Залиг Явич, тридцатипятилетний обвинитель по уголовным делам, закончил юридический институт на два года раньше Джуди Стивенсон и Гэри Швейкарта и хорошо их знал. Гэри работал у него секретарем. До того как стать обвинителем, Явич четыре года проработал государственным защитником. Он был согласен с Шерманом, что это дело будет нетрудно выиграть.

– Нетрудно? – удивился Шерман. – Да со всеми уликами, показаниями, отпечатками, опознанием – он наш! Уверяю тебя, они проиграют.

Несколько дней спустя Шерман поговорил с Джуди и решил ее предупредить:

– В деле Миллигана не должно быть никаких попыток смягчить приговор. Мы собираемся признать его виновным и добиться максимального срока. У вас ничего не получится.

Но Берни Явич задумался. Как бывший защитник, он знал, что мог бы сделать на месте Джуди и Гэри.

– И все-таки у них есть один шанс – если его признают невменяемым.

Шерман только рассмеялся.

На следующий день Уильям Миллиган попытался покончить с собой, разбив голову о стену камеры.

– Он не хочет дожить до суда, – сказал Гэри Швейкерт, когда услышал новость.

– Мне кажется, ему не вынести суда, – ответила Джуди. – Надо сообщить судье, что, по нашему мнению, он не способен помогать в своей защите.

– Хочешь показать его психиатру? – спросил Гэри.

– А что делать, придется.

– О господи, – вздохнул Гэри, – я уже вижу заголовки в газетах.

– Да черт с ними, с заголовками! С этим парнем явно что-то не так. Не знаю, что именно, но ты же видишь, каким разным он бывает в разное время. И когда он говорит, что ничего не помнит об изнасилованиях, я ему верю. Его надо обследовать.

– А кто будет платить за это?

– У нас есть фонды.

– Ну да, миллионы.

– Да перестань ты! Мы можем позволить себе проверить его у

психолога.

– Скажи это судье, – пробормотал Гэри.

Когда суд согласился отложить слушание, чтобы Уильяма Миллигана обследовал психолог, Гэри Швейкерт смог уделить внимание предварительному слушанию дела, возбужденного Комиссией по условно-досрочному освобождению и намеченного на среду.

– Меня собираются отправить обратно в Ливанскую тюрьму, – сообщил Миллиган.

– Если нам не удастся помешать этому, – сказал Гэри.

– Они нашли пистолеты в моей квартире. А это было одним из условий моего освобождения: никогда не покупать, не хранить и не использовать холодное или огнестрельное оружие.

– Что ж, все возможно, – согласился Гэри. – Но если мы собираемся защищать тебя, лучше, чтобы ты оставался в Коламбусе. Тут мы сможем работать с тобой.

– Что вы собираетесь делать?

– Предоставь это мне.

Гэри впервые увидел, как Миллиган улыбнулся. В глазах его появился блеск. Он расслабился, успокоился, стал шутить – почти беззаботно. Совершенно другой человек, не похожий на тот клубок нервов, с которым Швейкерт встретился в первый день. Он подумал, что парня будет намного легче защищать, чем показалось вначале.

– Так и держись, – посоветовал ему Гэри. – Сохраняй спокойствие.

Он привел Миллигана в помещение, где члены Комиссии по условно-досрочному освобождению уже раздавали копии докладной записки полицейского и показания сержанта Демпси, что во время ареста Миллигана он нашел девятимиллиметровый «смит-вессон» и полуавтоматический пистолет с пятью патронами в обойме.

– Скажите, господа, – обратился Швейкерт, потирая бороду костяшками пальцев, – эти пистолеты прошли тестовую стрельбу?

– Нет, – ответил председатель, – но это настоящие пистолеты, с обоймами.

– Если тестовая стрельба не была проведена, чем можно доказать, что это настоящие пистолеты?

– Экспертизу проведут не ранее следующей недели.

Гэри хлопнул ладонью по столу.

– Но я настаиваю, чтобы вы решили вопрос о досрочном освобождении сегодня, или вам придется решать его после судебного слушания. Так пистолет это или игрушка? – Он оглядел присутствующих. –

Вы не доказали мне, что эта вещь – пистолет.

Председатель кивнул.

– Господа, я считаю, что у нас нет выбора. Мы вынуждены отложить решение о прекращении условного освобождения до тех пор, пока не выясним, является ли оружие настоящим.

На следующее утро, в 10 часов 50 минут, офицер по условному освобождению, курировавший Миллигана, сообщил, что дело о прекращении условного освобождения будет слушаться 12 декабря 1977 года в Ливанском исправительном заведении. Присутствия Миллигана не требовалось.

Джуди посетила Миллигана, чтобы поговорить об уликах, найденных в его квартире. Она увидела отчаяние в его глазах, когда он спросил:

– Вы думаете, что это сделал я?

– Дело не в том, что я думаю, Билли. Дело в найденных уликах. Нам нужно, чтобы ты объяснил, почему все это находилось в твоей квартире.

Взгляд его потускнел. Миллиган снова отстранился от нее и замкнулся в себе.

– Не важно, – сказал он. – Уже ничего не важно.

На следующий день она получила письмо, написанное на линованной желтой казенной бумаге:

Уважаемая мисс Джуди!

Пишу это письмо, потому что иногда я не могу сказать того, что чувствую, а я больше всего хочу, чтобы Вы меня поняли.

Прежде всего я хочу поблагодарить Вас за все, что Вы сделали для меня. Вы добрый, милый человек, и Вы очень стараетесь. Большее нельзя и требовать.

Теперь Вы со спокойной совестью можете забыть про меня. Скажите в Вашей конторе, что я не хочу никаких адвокатов. Мне не нужен адвокат.

Раз Вы считаете меня виновным, значит, я действительно виновен. Я лишь хотел знать это наверняка. Всю свою жизнь я только и делал, что причинял боль и вред тем, кого люблю. И самое страшное то, что я не могу прекратить это, потому что не могу не делать этого. Заключение в тюрьму делает меня только хуже, как это случилось в прошлый раз. Психиатры не знают, что делать, потому что не могут понять, в чем дело.

Теперь я должен остановиться. Я сдаюсь. Мне все равно. Можно Вас попросить исполнить мою последнюю просьбу? Позвоните маме и Кэти и скажите им, чтобы они больше сюда не приходили. Я больше не хочу никого видеть. Но я люблю их и прошу прощения. Вы самый лучший адвокат, каких я знаю, и я всегда буду помнить, что Вы были добры ко мне. Прощайте.

Билли

В тот же вечер сержант позвонил Швейкарту домой.

– Ваш клиент снова пытался покончить с собой.

– О господи! Что же он сделал на этот раз?

– Вы не поверите, но мы вынуждены предъявить ему иск за порчу казенного имущества. Он разбил унитаз в камере и осколком перерезал себе вены.

– Черт побери!

– Скажу вам еще кое-что, адвокат. С вашим клиентом и в самом деле что-то странное. Он разбил унитаз кулаком.

5

Швейкарт и Стивенсон проигнорировали письмо Миллигана, в котором он отказывался от их услуг, и ежедневно посещали его в тюрьме. Служба государственной защиты выделила деньги на оплату психологического тестирования. 8 и 13 января 1978 года доктор Уиллис С. Дрисколл провел серию тестов.

Тест на интеллект показал коэффициент интеллектуального развития (IQ), равный 68, но Дрисколл заявил, что депрессия Миллигана снизила этот показатель. Его диагноз – острая форма шизофрении.

«Миллиган страдает расстройством личности до такой степени, что трудно определить границы его “я”. Он испытывает шизофреническую неспособность определять расстояние и почти не в состоянии отделить себя от своего окружения. <...> Он слышит голоса, которые приказывают ему совершать те или иные действия и кричат на него в случае отказа. Миллиган выражает уверенность, что это голоса людей, которые вышли из преисподней, чтобы мучить его. Он также говорит о хороших людях, которые периодически входят в его тело, чтобы сражаться

с плохими людьми. <...> По моему мнению, в настоящее время мистер Миллиган не способен выступить в свою защиту, не способен установить адекватный контакт с реальностью, чтобы понять происходящие события. Я настоятельно рекомендую поместить этого человека в больницу для дальнейшего исследования и возможного лечения».

Первая судебная схватка произошла 19 января, когда Стивенсон и Швейкарт представили отчет психолога судье Джею С. Флауэрсу в доказательство того, что их клиент не способен выступить в свою защиту. Флауэрс сказал, что он обратится в Юго-Западный центр психического здоровья в Коламбусе, чтобы тот обязал свой отдел судебной психиатрии обследовать их подзащитного. Гэри и Джуди это встревожило, поскольку обычно эта организация принимала сторону обвинения.

Гэри настаивал на том, что любая информация, которая будет получена во время исследований в психиатрическом центре, не должна разглашаться и не должна быть использована против их клиента ни при каких обстоятельствах. Шерман и Явич возражали. Тогда государственные защитники пригрозили, что посоветуют Миллигану не разговаривать ни с кем из психологов и психиатров этого центра. Судья Флауэрс был близок к тому, чтобы обвинить их в неуважении к суду.

В качестве компромисса обвинители согласились с тем, что только в том случае, если Миллиган будет давать показания в свою защиту, они зададут ему вопросы, касающиеся уличающих фактов, о которых он сообщит психологам, назначенным судом. Частичная победа все же лучше, чем ничего. На таких условиях адвокаты решили рискнуть и позволить специалистам Юго-Западного отделения судебной психиатрии побеседовать с Уильямом Миллиганом.

– Неплохая попытка, – смеясь, сказал Шерман, когда они выходили из кабинета судьи Флауэrsa. – Отчаянные вы ребята, как я погляжу. Но это вам не поможет. Я продолжаю утверждать, что дело можно считать закрытым.

Чтобы предотвратить дальнейшие попытки самоубийства, шериф распорядился перевести Миллигана в одиночную палату в лазарете и надеть на него смирительную рубашку. Пришедший позднее посмотреть заключенного врач Расс Хилл не поверил своим глазам. Он позвал сержанта Уиллиса, старшего по смене с 3 до 11 часов, и показал на Миллигана сквозь решетку. Уиллис раскрыл рот от удивления: Миллиган крепко спал, положив под голову свернутую смирительную рубашку.

Глава вторая

1

Первая беседа со специалистом Юго-Западного центра была назначена на 31 января 1978 года. Психолог Дороти Тернер, хрупкая женщина с застенчивым, почти испуганным выражением лица, подняла голову, когда сержант Уиллис, ввел Миллигана в кабинет для беседы.

Она увидела привлекательного высокого молодого человека в синем спортивном костюме. У него были усы и длинные баки, но в его глазах застыл детский страх. Увидев ее, он вроде бы удивился, но когда сел на стул напротив нее, сложив руки на коленях, то уже улыбался.

– Мистер Миллиган, – сказала она, – я Дороти Тернер из Юго-Западного центра психического здоровья. Мне нужно задать вам несколько вопросов. Где вы живете в настоящее время?

Он огляделся вокруг.

– Здесь.

– Номер вашего социального обеспечения?

Юноша нахмурился и долго думал, рассматривая пол, стены, покрашенные желтой краской, жестяную банку вместо пепельницы на столе. Потом погрыз ноготь и стал рассматривать заусенцы.

– Мистер Миллиган, – сказала Дороти Тернер, – я пришла помочь вам, но вы тоже должны мне помогать. Вы должны отвечать на мои вопросы, чтобы я могла понять, в чем дело. Итак, каков номер вашего социального обеспечения?

Он пожал плечами:

– Не знаю.

Она заглянула в свои записи и прочитала номер. Юноша покачал головой:

– Это не мой номер. Наверное, это номер Билли.

Дороти пристально посмотрела на него.

– А разве вы не Билли?

– Нет, – сказал он, – это не я.

Она нахмурилась.

– Минутку. Если вы не Билли, то кто же вы?

– Я Дэвид.

– А где же Билли?

– Билли спит.

– Где спит?

Он ткнул себя в грудь.

– Здесь. Он спит.

Дороти Тернер вздохнула, собрав все свои силы, и терпеливо кивнула.

– Мне нужно поговорить с Билли.

– Нет, Артур вам не разрешит. Билли спит. Артур не будет его будить, потому что, если он разбудит, Билли убьет себя.

Психолог какое-то время внимательно смотрела на молодого человека, не зная, как продолжить разговор. Его голос, обороты его речи были похожи на детские.

– Подожди-ка минутку. Я хочу, чтобы ты объяснил мне это.

– Не могу. Я сделал ошибку. Мне вообще не следовало говорить.

– Почему?

В юном голосе зазвучала паника:

– У меня будут неприятности с другими.

– Значит, тебя зовут Дэвид?

Он кивнул.

– А кто эти другие?

– Я не могу вам сказать.

Дороти стала тихонько постукивать пальцами по столу.

– Но, Дэвид, ты должен рассказать мне об этом, чтобы я могла помочь тебе.

– Я не могу, – упорствовал он. – Они ужасно рассердятся и не позволят мне больше вставать на пятно.

– Но ты должен кому-нибудь рассказать. Ведь ты очень боишься, правда?

– Да, – признался он, и в его глазах блеснули слезы.

– Дэвид, очень важно, чтобы ты доверился мне. Позволь мне узнать, что происходит, чтобы я могла помочь.

Он долго и напряженно думал и наконец пожал плечами.

– Ладно, я расскажу вам, но при одном условии. Вы должны обещать мне, что никому на свете не расскажете этой тайны. Никому. Никогда. Никогда. Никогда.

– Хорошо, – сказала она. – Я обещаю.

– За всю свою жизнь?

Дороти кивнула.

– Скажите, что обещаете.

– Я обещаю.

– О'кей, – сказал он. – Я вам расскажу. Всего я не знаю. Знает только Артур. Как вы сказали, мне страшно, потому что очень часто я не знаю, что происходит.

– Сколько тебе лет, Дэвид?

– Восемь. Скоро будет девять.

– А почему именно ты пришел поговорить со мной?

– Я даже и не знал, что появлюсь. Кого-то ударили в тюрьме, и я вышел, чтобы взять боль.

– Объясни, пожалуйста.

– Артур говорит, что я хранитель боли. Когда кому-то больно, мне надо встать на пятно и почувствовать эту боль.

– Это должно быть ужасно.

Его глаза наполнились слезами.

– Да, это несправедливо.

– Скажи, Дэвид, что значит «встать на пятно»?

– Так говорит Артур. Он объясняет нам, как это происходит, когда кто-нибудь из нас должен выйти. Это большое яркое пятно света, как от прожектора. Все находятся вокруг него, бодрствуют или спят в своих постелях. И кто становится на пятно, тот выходит в мир. Артур говорит: «Тот, кто встает на пятно, овладевает сознанием».

– Кто же эти другие люди?

– Их много. Я всех не знаю. Теперь я знаю некоторых из них, но не всех. Ой! – Он внезапно замолчал.

– В чем дело?

– Я назвал имя Артура. Теперь уж точно мне попадет за то, что я выдал секрет.

– Все хорошо, Дэвид. Я же обещала, что никому не скажу.

Он съезжился на стуле:

– Я не могу больше говорить. Мне страшно.

– Ладно, Дэвид. На сегодня достаточно. Но завтра я снова приду, и мы еще поговорим с тобой.

Выйдя из окружной тюрьмы, Дороти Тернер остановилась и плотнее запахнула пальто, спасаясь от холодного ветра. Она была готова к встрече с молодым уголовником, который прикидывается безумным, чтобы избежать наказания, но не ожидала ничего подобного.

На следующий день, войдя в комнату для бесед, Дороти Тернер заметила что-то новое в выражении лица Миллигана. Он избегал ее взгляда и сидел на стуле с поднятыми коленями, играя со своими ботинками. Дороти спросила его о самочувствии.

Миллиган ответил не сразу, он оглядывался по сторонам и время от времени бросал взгляд на Дороти, как будто не узнавая ее. Потом потряс головой и заговорил как подросток – уроженец Лондона, говорящий на кокни.

- Шумно очень, – сказал он. – Вы все шумите. Чего у вас тут делается?
- Твоя речь звучит смешно, Дэвид. Что это за акцент?

Его взгляд стал шаловливым.

- А я не Дэвид. Я Кристофер.

- Тогда где же Дэвид?

- Дэвид плохо себя ведет.

- О чем ты говоришь?

- Ну, другие ужас как разозлились, потому что он рассказал.

- Объясни мне, пожалуйста.

- Не буду! А то влетит, как Дэвиду.

- За что его наказали? – спросила она, нахмурясь.

- Он рассказал, говорю же.

- Что рассказал?

- Сами знаете что. Секрет.

– Ну хорошо. Расскажи мне немножко о себе, Кристофер. Сколько тебе лет?

- Тринадцать.

- И чем ты любишь заниматься?

- На барабане немного играю, но лучше всего на губной гармонике.

- Откуда ты?

- Из Англии.

- У тебя есть братья или сестры?

- Только Кристин. Ей три года.

Дороти внимательно следила за лицом Кристофера, когда тот говорил на кокни. Он был открытым, искренним, счастливым и очень отличался от человека, с которым она беседовала накануне. Должно быть, Миллиган невероятно хороший актер.

3

4 февраля, в свой третий визит, Дороти Тернер заметила, что молодой человек, вошедший в комнату, держится совсем по-другому. Он небрежно сел, откинулся на спинку стула и высокомерно взглянул на нее.

- Как ты сегодня себя чувствуешь? – спросила она, почти боясь

услышать ответ.

Он пожал плечами:

– Нормально.

– Скажи, пожалуйста, как дела у Дэвида и Кристофера?

Он нахмурился и в упор посмотрел на нее.

– Слушайте, леди, я не знаю, кто вы такая.

– Я здесь, чтобы помочь тебе. Мы должны поговорить о том, что происходит.

– Черт, да я понятия не имею, что происходит!

– Разве ты не помнишь, как позавчера разговаривал со мной?

– Разговаривал? Да я никогда в жизни вас не видел!

– Ты можешь сказать, как тебя зовут?

– Томми.

– А фамилия?

– Просто Томми.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Расскажи мне немножко о себе.

– Леди, я не разговариваю с чужими. Не лезьте ко мне.

В течение следующих пятнадцати минут Дороти Тернер пыталась разговорить его, но Томми оставался замкнутым. Выйдя из здания тюрьмы, она немного постояла на Фронт-стрит, думая о Кристофере и о своем обещании Дэвиду никогда не выдавать секрета. Она разрывалась между своим обещанием и пониманием того, что адвокаты Миллигана должны знать об этом. Позже доктор Тернер позвонила в адвокатуру и попросила к телефону Джуди Стивенсон.

– Послушайте, – сказала она, когда Стивенсон взяла трубку, – в данный момент я не могу говорить с вами об этом, но если вы не читали книгу «Сивилла», достаньте и прочитайте ее.

Удивившись звонку Тернер, Джуди в тот же вечер купила книгу и принялась читать. Поняв, о чем идет речь, она долго лежала в постели, глядя в потолок и думая: «Ну и ну! Множественная личность? Неужели Тернер намекала мне на это?» Она представила себе Миллигана, дрожавшего при опознании; вспоминала другие случаи, когда он был разговорчив, жестикулировал, шутил. Она всегда объясняла его изменчивое поведение депрессией. А теперь вдруг вспомнила, что сержант Уиллис рассказал ей, как Миллиган выскользнул из смиренной рубашки, а доктор Расс Хилл говорил о нечеловеческой силе, которую временами

демонстрировал заключенный. В ее голове вдруг зазвучал голос Миллигана: «Я не помню того, что, по их словам, сделал. Я ничего не знаю».

Джуди хотела разбудить мужа и поговорить с ним об этом, но знала, что скажет Эл. Она знала, что сказал бы любой человек, если бы она попыталась рассказать ему, о чем она сейчас думает. За три года работы адвокатом она ни разу не сталкивалась с клиентом, подобным Миллигану. Джуди решила пока ничего не говорить и Гэри. Она должна сначала проверить все сама.

На следующее утро она позвонила Дороти Тернер.

– Послушайте, – сказала Джуди, – тот Миллиган, с которым я встречалась и разговаривала в последние несколько недель, иногда вел себя странно. Настроение его резко менялось. Он импульсивный. Но я не заметила настолько значительных различий, которые привели бы меня к выводу, что это похоже на случай, описанный в «Сивилле».

– Это как раз то, что мучает меня уже несколько дней, – сказала Тернер. – Я обещала никому ничего не говорить и держу свое обещание. Я только посоветовала вам прочитать книгу. Но возможно, мне удастся убедить его и он позволит открыть вам его секрет.

Напомнив себе, что она разговаривает с психологом из Юго-Западного центра – фактически со стороной обвинения, – Джуди сказала:

– Что ж, вам решать. Скажите мне потом, как, по-вашему, мне следует поступить.

Когда Дороти Тернер пришла на четвертую встречу с Миллиганом, она увидела испуганного маленького мальчика, который назвался Дэвидом, как в первый раз.

– Я помню, что обещала никогда не выдавать секрета, – сказала она, – но я должна рассказать Джуди Стивенсон.

– Нет! – закричал Дэвид, вскочив со стула. – Вы обещали! Мисс Джуди не будет больше меня любить, если вы ей расскажете!

– Она будет тебя любить. Она твой адвокат и должна знать, чтобы помочь тебе.

– Вы обещали. Если вы нарушите обещание, это будет все равно что ложь. Вы не можете рассказать. Я попал в беду. Артур и Рейджен сильно рассердились на меня за то, что я проболтался, и...

– Кто такой Рейджен?

– Вы дали обещание. А обещание – самое важное на свете.

– Ты разве не понял, Дэвид? Если я не расскажу Джуди, она не сможет

спасти тебя. Тебя могут надолго посадить в тюрьму.

– Мне все равно. Вы обещали.

– Но...

Его глаза сделались стеклянными, губы задвигались, словно он разговаривал сам с собой. Потом он выпрямился на стуле, сложил кончики пальцев вместе и сердито посмотрел на нее.

– Мадам, вы не имеете права нарушать обещание, данное этому юноше, – сказал он с аристократическим британским прононсом, почти не шевеля губами.

– Мне кажется, мы не встречались, – сказала Дороти, судорожно схватившись за подлокотники кресла и отчаянно пытаясь скрыть свое удивление.

– Он говорил вам обо мне.

– Ты – Артур?

Он высокомерно кивнул.

Дороти глубоко вздохнула.

– Итак, Артур, очень важно, чтобы я рассказала адвокатам о том, что происходит.

– Не вижу в этом смысла, – сказал он. – Адвокаты вам не поверят.

– А может, стоит попробовать? Я приглашу Джуди Стивенсон, чтобы она познакомилась с тобой, и...

– Нет.

– Это могло бы спасти тебя от тюрьмы. Я должна...

Молодой человек наклонился вперед и бросил на нее презрительный взгляд.

– Послушайте, мисс Тернер! Если вы кого-нибудь приведете сюда, другие будут просто молчать. Все это будет выглядеть глупо, не правда ли?

После пятнадцатиминутного спора с Артуром Дороти заметила, что взгляд собеседника стал каким-то тусклым. Он откинулся в кресле, а когда снова выпрямился, голос его изменился и выражение лица стало дружелюбным.

– Вы не можете рассказать, – сказал он. – Вы дали обещание, а это священо.

– С кем я сейчас разговариваю? – прошептала Дороти.

– С Алленом. Это я обычно разговариваю с Джуди и Гэри.

– Но адвокаты знакомы только с Билли Миллиганом.

– Мы все отзываемся на имя Билли, чтобы секрет не раскрылся. Но Билли сейчас спит. Он уже давно спит. Послушайте, мисс Тернер, можно мне вас называть Дороти? Мать Билли зовут Дороти.

– Ты говоришь, что это ты большей частью разговариваешь с Джуди и Гэри. С кем еще они разговаривали?

– Ну, они об этом не знают, потому что голос Томми очень похож на мой. Вы уже знаете Томми. Это он выбрался из смиренной рубашки и из наручников. Мы очень похожи, но говорю в основном я. Томми раздражается и язвит. Он не умеет общаться с людьми.

– С кем еще знакомы адвокаты?

Он пожал плечами.

– Первым, кого увидел Гэри, когда нас привезли в тюрьму, был Денни. Он был сильно напуган и смущен. Денни мало знает о происходящем, ему только четырнадцать.

– А тебе?

– Восемнадцать.

Дороти вздохнула и покачала головой.

– Ну хорошо... Аллен. Ты кажешься умным человеком, а значит, должен понимать, что меня нужно освободить от обещания. Джуди и Гэри должны знать обо всем, чтобы правильно построить защиту.

– Артур и Рейджен против этого, – сказал он. – Они говорят, что люди подумают, будто мы сумасшедшие.

– Но разве это не стоит того, чтобы выйти из тюрьмы?

Он отрицательно мотнул головой:

– Не мне решать. Мы хранили этот секрет всю жизнь.

– А кто может решить?

– По правде говоря, кто угодно. Артур главный, но секрет принадлежит всем. Вам Дэвид уже сказал, но тайна не должна выйти за пределы комнаты.

Дороти попыталась объяснить ему, что это ее обязанность как психолога – рассказать обо всем его адвокатам. Но Аллен возразил: нет никакой гарантии, что это поможет, а если поднимется газетная шумиха, то их жизнь в тюрьме станет невыносимой.

Появился Дэвид, которого легко было узнать по его повадкам маленького мальчика, и стал умолять ее сдержать обещание. Доктор Тернер попросила разрешения вновь поговорить с Артуром – и тот вновь возник с хмурым видом.

– Должен сказать, мадам, вы на редкость упорны.

В его голосе слышалось недовольство. Дороти долго убеждала его, и наконец ей показалось, что Артур начинает сдаваться.

– Признаюсь, не люблю спорить с дамами, – сказал он и откинулся назад. – Если вы считаете, что это необходимо, и если другие согласятся, я

дам свое согласие. Но вам придется получить согласие у каждого.

Потребовались многие часы на то, чтобы каждому «вышедшему» объяснить ситуацию, не переставая при этом изумляться происходившим трансформациям. На пятый день это был Томми, не перестающий ковырять в носу.

– Итак, ты понял, что я должна рассказать мисс Джуди.

– Леди, мне плевать, что вы там делаете. Отвяжитесь от меня!

Аллен сказал:

– Вы должны обещать, что не скажете никому на свете, кроме Джуди.

А она даст слово, что не скажет никому больше.

– Я согласна, – сказала Дороти. – Поверь, ты не пожалеешь.

В тот же день она направилась из тюрьмы прямо в адвокатуру, расположенную на той же улице, и поговорила с Джуди Стивенсон, объяснив условия, которые выдвинул Миллиган.

– Вы хотите сказать, что даже Гэри Швейкарт не должен знать об этом?

– Мне пришлось дать слово. Хорошо уже, что удалось уговорить его согласиться на то, чтобы я рассказала вам.

– Не верится мне во все это.

– И я тоже не верила, – согласилась Дороти. – Но обещаю вам, что, когда мы встретимся с вашим клиентом, вас ожидает сюрприз.

4

Когда сержант Уиллис ввел Миллигана в комнату для бесед, Джуди Стивенсон заметила, что манерой поведения ее клиент напоминает застенчивого подростка. Казалось, он боялся сержанта, словно незнакомого человека. Миллиган быстро подбежал к столу и сел рядом с Дороти Тернер, все время потирая запястья. Он продолжал молчать, пока Уиллис не ушел.

– Объясни Джуди, кто ты такой, – попросила его Тернер.

Он забился в кресло и замотал головой, глядя на дверь, словно хотел убедиться, что сержант ушел.

– Джуди, – наконец промолвила Тернер, – это Денни. Мы с ним уже хорошо знакомы.

– Привет, Денни.

Стивенсон постаралась не выдать, насколько ее поразила перемена в голосе и выражении лица клиента. Денни посмотрел на Тернер и прошептал:

– Вот видите? Она смотрит на меня как на ненормального.

– Вовсе нет, – возразила Джуди. – Просто я смутилась. Согласись, это необычная ситуация. Сколько тебе лет, Денни?

Ничего не ответив, он потер запястья, словно ему только что развязали руки и он пытается восстановить кровообращение.

– Денни четырнадцать лет, – сказала Тернер. – Он хороший художник.

– Что ты рисуешь? – спросила Стивенсон.

– Больше натюрморты, – сказал наконец Денни.

– Это ты нарисовал те пейзажи, которые полиция нашла у тебя в квартире?

– Я не люблю рисовать пейзажи. Я не люблю землю.

– Почему?

– Я не могу сказать, иначе он меня убьет.

– Кто тебя убьет?

Джуди с удивлением обнаружила, что задает ему вопросы, осознавая при этом, что не верит ни единому слову. Она решила, что не поддастся на розыгрыш, и тем не менее была поражена блестящей мистификацией.

Миллиган закрыл глаза, и по его щекам побежали слезы.

Чувствуя себя все более и более сбитой с толку, Джуди внимательно следила за тем, как Миллиган уходит в себя. Его губы беззвучно шевелились, глаза сделались как стеклянные, потом вновь ожили. Он огляделся по сторонам, узнал обеих женщин и понял, где находится. Сев удобнее, он положил ногу на ногу и вынул сигарету из правого носка, не вынимая пачки.

– Есть у кого-нибудь спички?

Джуди дала прикурить. Он глубоко затянулся и выпустил дым вверх.

– Ну, что новенького? – спросил он.

– Объясни Джуди Стивенсон, кто ты.

Он кивнул и выпустил кольцо дыма.

– Я Аллен.

– Мы раньше встречались? – спросила Джуди, надеясь, что дрожь в ее голосе не слишком заметна.

– Несколько раз, когда вы или Гэри приходили поговорить о моем деле.

– Но мы всегда разговаривали с тобой как с Билли Миллиганом.

– Мы все отзываемся на имя Билли, – ответил он, пожав плечами. – Это избавляет от необходимости все время объяснять. Но я никогда не говорил, что я Билли. Просто вы так считали, а я не возражал.

– Можно мне поговорить с Билли? – спросила Джуди.

– Нет-нет. Они заставляют его спать. Если он выйдет, он убьет себя.

– Почему?

– Он все еще не понимает, почему с ним так обращаются. Он ничего о нас не знает, знает только, что теряет время.

– Что значит «теряет время»? – спросила Джуди.

– Это случается с каждым из нас. Ты где-то находишься, что-то делаешь. И вдруг – ты уже в другом месте. Вероятно, прошло какое-то время, но ты не знаешь, что за это время произошло.

Джуди покачала головой:

– Это, должно быть, ужасно.

– Да, никак не привыкнуть, – кивнул Аллен.

Когда вошел сержант Уиллис, чтобы отвести его в камеру, Аллен посмотрел на него и улыбнулся.

– Это сержант Уиллис, – сказал он женщинам. – Мне он нравится.

Джуди Стивенсон покинула окружную тюрьму вместе с Тернер.

– Теперь вы понимаете, почему я вас позвала, – сказала Дороти.

– Я пришла сюда в полной уверенности, что смогу разгадать, в чем трюк, – вздохнув, призналась Стивенсон. – Но я не вижу трюка. Я убеждена, что разговаривала с двумя разными людьми. Теперь понятно, почему он временами казался таким разным. Я объясняла это переменами настроения. Мы должны рассказать Гэри.

– Я с трудом получила разрешение на то, чтобы рассказать вам. Не думаю, что Миллиган позволит.

– Он должен разрешить, – сказала Джуди. – Слишком уж все... странно. Мне одной не вынести этот груз.

Покинув стены тюрьмы, Джуди Стивенсон почувствовала себя в смятении: был и страх, и смущение, и раздражение на себя. Невозможно. Просто невероятно. Но где-то в глубине души она постепенно начинала верить всему этому.

В тот же день, немного позже, ей домой позвонил Гэри и сообщил, что был звонок из конторы шерифа: Миллиган вновь пытался покончить с собой, разбив голову о стену камеры.

– Забавно, – сказал Гэри. – Просматривая его дело, я вспомнил, что сегодня четырнадцатое февраля, его двадцать третий день рождения. И знаешь что еще... сегодня Валентинов день.

На следующий день Дороти и Джуди сказали Аллену, что совершенно необходимо рассказать Гэри Швейкарту о секрете.

– Нет, нет и нет.

– Ты должен разрешить, – настаивала Джуди. – Чтобы спасти тебя от тюрьмы, об этом должны знать другие люди.

– Вы обещали. Таков был договор.

– Я знаю, – сказала Джуди. – Но это крайне важно.

– Артур говорит «нет».

– Дай мне поговорить с Артуром, – сказала Дороти.

Появился Артур и сердито посмотрел на обеих.

– Это становится утомительным. У меня множество дел, я должен о многом подумать, многое изучить. Не считите за обиду, но я устал от ваших домогательств.

– Ты должен разрешить нам рассказать все Гэри, – сказала Джуди.

– Я категорически против. Уже два человека знают – не слишком ли много?

– Это необходимо, чтобы помочь тебе, – сказала Тернер.

– Я не нуждаюсь в помощи, мадам. Денни и Дэвид могут нуждаться в помощи, но это меня совершенно не касается.

– Разве ты не заинтересован в том, чтобы Билли был жив? – воскликнула Джуди, взбешенная его высокомерием.

– Да, – спокойно ответил Артур, – но не такой ценой. Они же скажут, что мы сумасшедшие. Все выходит из-под контроля. Мы только тем и занимаемся, что сохраняем Билли жизнь с тех самых пор, как он сделал попытку прыгнуть с крыши школы.

– С какой крыши? – спросила Тернер. – Как вы сохраняете жизнь?

– Заставляем его спать.

– Разве ты не понимаешь, как это может повлиять на наше дело? – сказала Джуди. – Тюрьма или свобода – это что, все равно? Или ты хочешь вернуться в Ливанское заведение?

Артур положил ногу на ногу, поглядывая то на Дороти, то на Джуди.

– Условие прежнее – согласие всех остальных.

Через три дня Джуди Стивенсон все-таки получила разрешение рассказать секрет Гэри Швейкарту.

Холодным февральским утром прямо из тюрьмы она направилась в свою контору. Налила себе кофе, вошла в кабинет Гэри, стол которого был вечно завален бумагами, и села, собираясь с духом.

– Гэри, – начала она. – Брось свои чертовы бумаги. Есть новости о Билли.

Когда она закончила рассказ о своих встречах с Дороти Тернер и Миллиганом, Гэри посмотрел на нее так, словно Джуди сама сошла с ума.

– Я видела это своими собственными глазами, – настаивала она. – Я говорила с ними.

Гэри поднялся и стал прохаживаться взад и вперед. Его нечесанные волосы свисали на воротник, мешковатая рубашка наполовину вылезла из-под брючного ремня.

– Оставь это, – наконец проговорил он. – Ничего не выйдет. Я и сам вижу, что с Билли что-то не так, но это не сработает.

– Пойди и убедись сам. Ты не понимаешь... Я абсолютно уверена.

– Схожу, конечно, но я этому не верю. И прокурор не поверит. И судья. Я очень ценю тебя, Джуди. Ты хороший адвокат и разбираешься в людях. Но это жулик. Я думаю, он обманул тебя.

На следующий день в 3 часа дня Гэри пошел с ней в тюрьму, планируя пробыть там не более получаса. Он полностью отвергал эту идею. Но по мере того как он наблюдал одну личность за другой, его скептицизм сменялся любопытством. Гэри видел, как испуганный Дэвид превращается в застенчивого Денни, который помнил, как встретил Гэри в тот первый ужасный день, когда его привезли в тюрьму.

– Я не понимал, что происходит, когда они ворвались ко мне в квартиру и арестовали меня, – сказал Денни.

– Почему ты сказал, что там была бомба?

– Я не говорил, что там бомба.

– Ты сказал полицейскому: «Она взорвется».

– Да это Томми всегда твердит: «Не подходите к моим вещам, они могут взорваться».

– Почему он так говорит?

– Его и спросите. Он электронщик, вечно возится с какими-то проводами. Это была его коробка.

Швейкарт подергал свою бородку.

– Мастер по побегам и специалист по электронике... Можно нам поговорить с Томми?

– Не знаю. Томми разговаривает только с теми, с кем хочет.

– Ты можешь вызвать Томми? – спросила Джуди.

– Я не могу этого сделать. Это должно само произойти. Я думаю, что могу попросить его поговорить с вами.

– Попытайся, – сказал Швейкарт, сдерживая улыбку. – Сделай, что можешь.

Казалось, тело Миллигана спряталось в собственной оболочке. Лицо

его побледнело, глаза сделались стеклянными, словно обратились внутрь. Губы задвигались, как будто он разговаривал сам с собой. В маленькой комнате нарастало напряжение. Ухмылка сошла с лица Швейкарта, он затаил дыхание. Зрачки Миллигана забегали из стороны в сторону. Он огляделся вокруг, как пробудившийся от глубокого сна, и приложил руку к правой щеке, словно хотел ощутить ее цельность. Затем высокомерно откинулся в кресле и сердито уставился на двух адвокатов.

Гэри выдохнул. На него это произвело впечатление.

– Ты Томми? – спросил он.

– А кому надо это знать?

– Я – твой адвокат.

– Вы не мой адвокат.

– Я тот, кто собирается помочь Джуди Стивенсон вытащить из тюрьмы это тело, кому бы оно ни принадлежало.

– Обойдусь и без вас, мистер. Меня ни одна тюрьма не удержит, захочу уйти – уйду.

Гэри смерил его взглядом.

– Значит, это ты все время выскакиваешь из смиренной рубашки. Значит, ты – Томми.

Миллиган сидел со скучающим видом.

– Ну да, Томми.

– Денни говорил нам о ящике со всякой электроникой, который полиция нашла в квартире. Он сказал, что это твой ящик.

– У него всегда был длинный язык.

– Зачем ты сделал фальшивую бомбу?

– Какая к черту бомба? Если проклятые копы слишком тупы, чтобы узнать черный ящик, я-то тут при чем?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что слышал! Это был черный ящик. Я хотел переплюнуть систему телефонной компании, вот и возился с новым телефоном для машины. Я обмотал те цилиндры красной лентой, а безмозглые копы подумали, что это бомба.

– Ты сказал Денни, что она может взорваться.

– Да бросьте вы! Я всегда говорю это малышам, чтобы держали руки подальше от моих вещей.

– Где ты изучил электронику, Томми? – спросила Джуди.

Он пожал плечами:

– Сам и изучил. По книгам. С тех пор как себя помню, всегда хотел знать, как работают разные вещи.

– А где научился убегать, уходить от опасности? – спросила Джуди.
– Артур заставил. Кто-то должен уметь выскользнуть, если кого-нибудь из нас застукают. Я научился управлять мышцами и костями своих рук. Потом заинтересовался всевозможными замками и запорами.

Швейкарт задумался на секунду.

– Пистолеты тоже твои?

Томми отрицательно покачал головой.

– Рейджен – единственный, кому разрешили иметь дело с оружием.

– Разрешили? И кто же дает разрешение? – спросила Джуди.

– Ну, это зависит от того, где мы находимся. Послушайте, я устал выдавать вам информацию. Это работа Артура или Аллена. Спросите кого-нибудь из них, ладно? Я ухожу.

– Подожди...

Но Джуди опоздала. Его глаза стали пустыми, и он «ушел». Появился другой. Он сложил вместе кончики пальцев, сделав из ладоней пирамидку. Когда он поднял голову, выражение его лица было совсем другим, и Джуди узнала Артура. Она представила его Гэри.

– Вы должны простить Томми, – холодно сказал Артур. – Он довольно необщительный юноша. Если бы он не разбирался так хорошо в электронике и замках, думаю, я давно избавился бы от него. Но его таланты очень полезны.

– А какие у вас таланты? – спросил Гэри.

Артур махнул рукой.

– Я только любитель. Немного разбираюсь в биологии и медицине.

– Гэри спрашивал Томми о пистолетах, – сказала Джуди. – Вы же знаете, что это нарушение условий досрочного освобождения.

Артур кивнул.

– Единственный, кому разрешено обращаться с оружием, это Рейджен. Он отвечает за гнев. Это его специальность. Но ему разрешено пользоваться оружием только в целях защиты и для выживания. Свою силу он может использовать лишь с добрыми намерениями, не нанося вреда другим. Вы знаете, он способен контролировать свой адреналин.

– Он пользовался пистолетами, когда похищал и насиловал тех четырех женщин, – сказал Гэри.

– Рейджен никогда никого не насиловал, – с ледяным спокойствием ответил Артур. – Я говорил с ним об этом. Он стал грабить, потому что его беспокоили неоплаченные счета. Рейджен признает, что в октябре ограбил трех женщин, но абсолютно отрицает что-либо подобное с женщиной в августе, тем более факт изнасилования.

Гэри наклонился вперед, пристально глядя в лицо Артура, чувствуя, как его собственный скептицизм куда-то исчезает:

– Но улики...

– К черту улики! Если Рейджен говорит, что не делал этого, значит, не делал. Он не будет врать. Рейджен грабитель, а не насильник.

– Вот ты говорил с Рейдженем, – вступила в разговор Джуди. – Как это происходит? Вы разговариваете друг с другом вслух или мысленно? Это речь или мысль?

Артур сжал руки.

– По-разному. Иногда разговор происходит внутри, и, по всей вероятности, никто из окружающих не знает об этом. Но когда мы одни, мы разговариваем вслух. Я полагаю, что случайный свидетель такой беседы, оказавшись он рядом, наверняка принял бы нас за сумасшедших.

Гэри выпрямился, вынул платок и вытер пот со лба.

– Кто этому поверит?

Артур снисходительно улыбнулся:

– Я уже сказал, что Рейджен, как и все мы, никогда не лжет. Всю жизнь люди считали нас лжецами, поэтому для нас стало делом чести никогда не лгать. И неважно, верят нам или нет.

– Но вы не всегда хотите говорить правду, – заметила Джуди.

– А сокрытие правды – это ведь тоже ложь, – добавил Гэри.

– Перестаньте, – произнес Артур, даже не пытаясь скрыть презрение. – Как адвокат, вы прекрасно знаете, что свидетель не обязан сообщать информацию, о которой его не спрашивают. Вы первый сказали бы клиенту, что он должен отвечать лишь «да» или «нет» и ничего больше, если только это не противоречит его интересам. Если вы зададите кому-нибудь из нас прямой вопрос, то получите правдивый ответ или молчание. Конечно, порой правда добывается разными путями. Английский язык по своей природе двусмысленный.

Гэри кивнул с задумчивым видом:

– Я это запомню. Однако мы отклонились от темы. О пистолетах...

– Рейджен намного лучше остальных знает, что именно произошло в случаях тех трех преступлений. Почему бы вам не поговорить с ним?

– Не сейчас, – сказал Гэри. – Еще не время.

– Я чувствую, что вы боитесь встретиться с ним.

Гэри остро взглянул на него:

– А разве ты не этого хочешь? Не поэтому ли ты говоришь нам, какой он злой и опасный?

– Я не говорил, что он злой.

– Но впечатление создалось именно такое.

– Полагаю, вам необходимо познакомиться с Рейдженем, – сказал Артур. – Вы сняли замок с ящика Пандоры. Остается поднять крышку. Но он не выйдет, пока вы не захотите, чтобы он вышел.

– Он хочет поговорить с нами? – спросила Джуди.

– Вопрос в том, хотите ли вы поговорить с ним?

Гэри вдруг понял, что одна только мысль о том, что сейчас появится Рейджен, пугает его.

– Думаю, мы должны с ним поговорить, – сказала Джуди, глядя на Гэри.

– Он не причинит вам вреда, – уверил их Артур, натянуто улыбаясь. – Он знает, что вы оба здесь, чтобы помочь Билли. Мы говорили об этом, и теперь, когда это уже не секрет, мы понимаем, что должны сотрудничать с вами. Это последняя надежда, как ясно выразилась миссис Стивенсон, чтобы вытащить нас из тюрьмы.

Гэри вздохнул:

– Хорошо, Артур. Я не прочь встретиться с Рейдженем.

Артур отодвинул свое кресло в дальний угол комнаты, чтобы между ним и остальными было как можно большее расстояние. Взгляд его стал отсутствующим, словно он смотрел внутрь себя. Губы его двигались, рука вскинулась вверх и коснулась щеки. Челюсти сжались. Потом он шевельнулся, и его тело изменило положение, приняв агрессивную позу бойца, изготовившегося к прыжку.

– Зря все это... Не надо было открывать секрет.

Они с удивлением слушали этот низкий, грубый голос с сильным славянским акцентом, звучащий самоуверенно и враждебно. Голос гудел, заполняя всю крохотную комнатку.

– Я вам вот что скажу, – сказал Рейджен, в упор глядя на них. Его лицо исказилось от напряжения, глаза сверкали, брови сдвинулись. – Даже после того как Дэвид выболтал наш секрет, я был против.

Это не было имитацией славянского акцента. Его речь и вправду изобиловала шипящими звуками, как у человека, который вырос в Восточной Европе, выучил английский, но так и не избавился от акцента.

– Почему ты был против того, чтобы мы узнали правду? – спросила Джуди.

– Да кто поверит? – ответил он, сжав кулак. – Скажут, что у нас не все дома, и все. А пользы никакой.

– Но это может помочь вам избежать тюрьмы, – сказал Гэри.

– Какое там «помочь»? – резко спросил Рейджен. – Я не дурак, мистер

Швейкарт. У полиции есть доказательства, что я совершил ограбления. Я признаю три ограбления возле университета. Только три. Но остальное ложь, никакой я не насильник. И вот еще что: если мы попадем в тюрьму, я убью малышей, так и знайте. Там не место для маленьких. Это будет легкая смерть.

– Но если ты убьешь... маленьких... не будет ли это означать и твою смерть? – спросила Джуди.

– Не обязательно, – ответил Рейджен. – Мы же разные.

Гэри, нервничая, запустил пальцы в волосы.

– Послушай, когда на прошлой неделе Билли – или кто там еще – разбил себе голову о стену камеры, на твой череп это не повлияло?

Рейджен потрогал лоб:

– Было дело. Но боли я не чувствовал.

– Кто чувствовал боль? – спросила Джуди.

– Только Дэвид чувствует боль. Он все берет на себя. Дэвид ставит себя на место другого.

Гэри принялся мерить шагами комнату, но когда он увидел, как напрягся Рейджен, то предпочел снова сесть.

– Это Дэвид пытался разбить себе голову?

Рейджен отрицательно покачал головой:

– Это был Билли.

– А-а, – протянул Гэри. – А я думал, что Билли все время спит.

– Так оно и есть. Но это был его день рождения. Маленькая Кристин приготовила для него поздравительную открытку и хотела вручить. Артур разрешил Билли проснуться по случаю его дня рождения и встать на пятно. Я был против этого. Я – защитник. Это моя обязанность. Может быть, и правда, что Артур умнее меня, но он человек и тоже может ошибаться.

– И что случилось, когда Билли проснулся? – спросил Гэри.

– Он стал оглядываться. Увидел, что находится в тюрьме. Он подумал, что совершил что-то плохое, и поэтому разбил голову о стену.

Джуди содрогнулась.

– Видите ли, Билли ничего про нас не знает, – сказал Рейджен. – У него – как вы это называете? – амнезия. Наверное, так. Один раз, еще в школе, «потеряв» много времени, он залез на крышу. Хотел прыгнуть вниз. Я удержал его и снял с пятна. С тех пор он все время спит. Артур и я заставляем его спать, чтобы защитить его.

– Когда это было? – спросила Джуди.

– В день его рождения, когда ему исполнилось шестнадцать лет. У него было плохое настроение, потому что отец заставил его работать в этот день.

– Боже мой, – прошептал Гэри. – Спать целых семь лет?

– Он и сейчас спит, просыпался лишь на несколько минут. Не надо было разрешать ему вставать на пятно.

– Кто же все делает? – спросил Гэри. – Работает? Разговаривает с другими людьми? До сих пор никто из тех свидетелей, с которыми мы разговаривали, не упоминал о британском или русском акценте.

– Это не русский, мистер Швейкарт. Югославский.

– Извини.

– Ничего, это так, для ясности. В основном люди разговаривают с Алленом или Томми.

– Они выходят и исчезают, когда захотят? – спросила Джуди.

– Вообще-то пятно контролирую я или Артур, когда как. В тюрьме я контролирую выход – решаю, кто выходит, кто остается, потому что тюрьма – опасное место. Как защитник, я обладаю властью и командую. Когда опасности нет, а надо шевелить мозгами, командует Артур.

– А кто сейчас контролирует пятно? – спросил Гэри, понимая, что потерял профессиональную беспристрастность и полностью вовлечен в это невероятное явление.

Рейджен пожал плечами и огляделся вокруг:

– Это тюрьма.

Неожиданно дверь в комнату открылась. Рейджен вскочил, как кошка, почуявшая опасность, и приготовился к защите, приняв стойку карате. Увидев, что это один из адвокатов, который ищет незанятую комнату для беседы с клиентом, Рейджен вновь сел.

Хотя Гэри планировал провести с клиентом минут пятнадцать, максимум полчаса, уверенный, что разоблачит мошенника, пять часов спустя, покидая тюрьму, он был абсолютно убежден, что Билли Миллиган – множественная личность. Идя с Джуди по улице этим холодным вечером, Гэри вдруг понял, что у него в голове вертится абсурдная мысль: поехать в Англию или Югославию и поискать там какие-нибудь следы существования Артура или Рейджена. Не то чтобы он верил в такие явления, как, например, реинкарнация или одержимость дьяволом, но сейчас, в оцепенении бредя по улице, он вынужден был признать, что в той маленькой комнатке он разговаривал сегодня с разными людьми.

Гэри взглянул на Джуди, которая молча шла рядом, тоже ошеломленная.

– Сдаюсь, – сказал он. – Я верю. Полагаю, мне удастся убедить Джо Энн, когда она спросит, почему я опять пропустил ужин. Но как, черт подери, мы сможем убедить прокурора и судью?

21 февраля доктор Стелла Кэрлин, психиатр Юго-Западного центра психического здоровья и коллега доктора Тернер, информировала государственных защитников, что доктор Корнелия Уилбур (ставшая известной всему миру после того, как вылечила Сибиллу, женщину с шестнадцатью личностями) согласилась приехать из Кентукки 10 марта, чтобы познакомиться с Миллиганом.

Готовясь к визиту доктора Уилбур, Дороти Тернер и Джуди Стивенсон поставили себе задачей убедить Артура, Рейджена и других позволить открыть секрет еще одному человеку. И вновь целые часы были потрачены на уговоры каждой личности в отдельности. К этому времени они знали уже девять имен и разговаривали с Артуром, Алленом, Томми, Рейдженем, Дэвидом, Денни, Кристофером, но еще не познакомились ни с Кристин, трехлетней сестрой Кристофера, ни с «оригиналом», или «ядром», – Билли, которого остальные держали в спящем состоянии. Когда они наконец получили разрешение ознакомить с секретом других людей, была организована группа, включающая прокурора, который мог наблюдать встречу доктора Уилбур и Миллигана в тюрьме округа Франклин.

Джуди и Гэри побеседовали с матерью Миллигана Дороти, его младшей сестрой Кэти и старшим братом Джимом, но никто из них не говорил им о жестоком обращении с Билли. Мать рассказала, что Челмер Миллиган бил ее. Учителя, друзья и родственники описывали странное поведение Билли Миллигана, говорили о его попытках самоубийства и состояниях транса.

Джуди и Гэри были уверены, что они с полным основанием – подтвержденным всеми законными тестами в Огайо – могут заявить, что их подзащитный не в состоянии находиться под судом. Но они понимали, что есть еще одно препятствие: если судья Флауэрс примет к сведению отчет Юго-Западного центра, то Билли Миллигана пошлют в психиатрическую клинику для обследования и лечения. Они не хотели, чтобы его положили в государственную клинику для душевнобольных преступников в Лиме. Ее репутация была им хорошо известна по рассказам многих ее бывших пациентов, и они понимали, что их клиент там не выживет.

Доктор Уилбур должна была встретиться с Миллиганом в пятницу, но по личным причинам ее планы изменились. Джуди позвонила Гэри из дома, чтобы сообщить ему об этом.

- Ты сегодня будешь в конторе? – спросил он.
- Вообще-то не собиралась.
- Вот в чем дело: Юго-Западный центр настаивает, что альтернативы Лиме нет, но что-то мне подсказывает, что должна быть.
- Послушай, – сказала Джуди, – в конторе страшная холодина. Эла нет дома, и у меня топится камин. Давай приезжай. Я угощу тебя ирландским кофе, и мы все обсудим.
- Гэри засмеялся:
- Руки выкручиваешь! О'кей, я еду.
- Через полчаса они уже сидели перед камином. Гэри грел руки, охватив кружку с кофе.
- Честно признаюсь, я струхнул, когда вышел Рейджен, – сказал он. – Но вот что странно: он внушает симпатию.
- Я тоже так думаю, – ответила Джуди.
- Артур называет его «хранителем ненависти». Я ожидал увидеть черта с рогами, а появился обаятельный и интересный парень. Я полностью верю ему, когда он отрицает изнасилование женщины на Нейшенуайд-Плаза в августе, и теперь, когда Рейджен утверждает, что не насиловал и тех троих, я уже начинаю сомневаться.
- Относительно первого случая я согласна. Очевидно, его просто «повесили» на Рейджена. Совершенно другой образ действий. Но последние три женщины определенно были похищены, ограблены и изнасилованы. Все, что мы имеем, – продолжала Джуди, – это обрывки его воспоминаний о преступлениях. Слушай, вот что странно: Рейджен говорит, что он узнал свою вторую жертву. Что кто-то из них встречал ее прежде.
- И еще мы знаем, что Томми помнит, как он был в ресторане для автомобилистов «У Энди», они с третьей жертвой ели гамбургеры, и он считает, что на свидании с ней был кто-то из них.
- Полли Ньютон подтверждает, что была остановка у ресторана. По ее словам, у насильника был странный вид и секс закончился буквально через две минуты. Он сказал, что не может делать это, и обратился к себе: «Билл, что с тобой происходит? Соберись». А потом он сказал ей, что ему нужен холодный душ, чтобы остыть.
- И еще этот непонятный разговор о том, что он из общества метеорологов и что у него есть «мазерати».
- Один из них прихвастнул.
- О'кей, давай предположим, что о случившемся не знаем ни мы, ни одна из тех личностей, с которыми мы разговаривали.

– Однако Рейджен признается в ограблениях, – сказала Джуди.

– Да, но отрицает изнасилования. Почему? Все это странно. Ты можешь представить себе, что три раза в течение двух недель Рейджен пьет и принимает амфетамины и потом рано утром бежит трусцой одиннадцать миль через весь город к университету? А потом, после того как выберет жертву, вдруг отключается...

– Освобождает пятно, – поправила Джуди.

– Ну да. – Гэри поставил чашку на столик, чтобы наполнить ее снова. – Итак, в каждом случае он освобождает пятно, а потом обнаруживает себя в центре Коламбуса с деньгами в кармане и считает, что совершил ограбление, как и намеревался. Но он не помнит, как он это делал. Ни в одном из трех случаев. Как он говорит, кто-то между этими моментами «крал время».

– Но есть еще эпизоды, – сказала Джуди. – Кто-то бросал бутылки в пруд и стрелял по ним.

Гэри кивнул:

– Вот и доказательство, что это был не Рейджен. Согласно показаниям женщины, сначала он не мог выстрелить из пистолета. То есть он возился с ним некоторое время, пока не снял с предохранителя. А потом не попал в пару бутылок. Такой специалист, как Рейджен, не промахнулся бы.

– Но Артур говорит, что другим запрещено брать пистолеты Рейджена.

– Я представляю, как мы это объясняем судье Флауэрсу.

– А мы собираемся ему объяснять?

– Не знаю, – ответил Гэри. – Глупо строить защиту множественной личности, опираясь на доводы о ее безумии. Официально это классифицируется как невроз, а не психоз. Я имею в виду, сами психиатры говорят, что множественные личности не безумны.

– Хорошо, – согласилась Джуди. – Тогда почему прямо не объявить его невиновным, не называя это безумием? Мы подвергнем критике понятие о преднамеренности действий, как в деле множественной личности в Калифорнии.

– Там была ерунда, мелкое правонарушение, – сказал Гэри. – В нашем случае вопрос жизни и смерти.

Джуди вздохнула и уставилась на огонь в камине.

– Я тебе вот что скажу: даже если судья Флауэрс будет согласен с нами, он все равно пошлет его в Лиму. Когда Билли был в тюрьме, он слышал, что это за место. Ты помнишь, что сказал Рейджен об эвтаназии? О том, что убьет детей, если Билли пошлют туда? Похоже, он так и сделает.

– Тогда мы добьемся, чтобы его послали в другое место! – сказала

Джуди.

– Юго-Западный центр говорит, что Лима – единственное место, где лечат подсудимых.

– Только через мой труп! – воскликнула Джуди.

– Поправка, – сказал Гэри, подняв чашку с кофе. – Через наши трупы.

Они чокнулись чашками, и Джуди наполнила их снова.

– Я не могу смириться с тем, что у нас нет выбора.

– Давай поищем альтернативу, – предложил Гэри.

– Ты прав, – ответила Джуди. – И мы ее найдем.

– Такого никогда еще не было, – сказал Гэри, вытирая сливки с бороды.

– Ну и что? Билли Миллигана тоже раньше не было.

Джуди сняла с полки потрепанный экземпляр «Уголовного кодекса штата Огайо», и они стали прорабатывать его, по очереди читая вслух.

– Еще кофе? – спросила Джуди.

Он кивнул:

– Черный, и покрепче.

Два часа спустя он заставил ее прочитать еще раз отрывок из кодекса. Джуди пробежала пальцем до конца страницы и нашла раздел 2945.38:

«Если суд или жюри признают подсудимого безумным, решением суда он будет направлен в лечебницу для психически больных или умственно отсталых, подведомственную суду. Если суд посчитает целесообразным, он может поместить подсудимого в психиатрическую клинику г. Лимы до излечения, и после выздоровления обвиняемый, согласно закону, подвергается суду».

– Вот оно! – воскликнул Гэри, с пушечным треском захлопнув книгу. – Лечебницу, подведомственную суду.

– Здесь не сказано, что только Лима.

– Мы нашли!

– И все до сих пор повторяют, что нет альтернативы Лиме для предварительного заключения.

– Теперь нам надо найти другую психиатрическую клинику, подведомственную суду.

– Слушай, я знаю одну такую. Работал там помощником психиатра после армии. Клиника Хардинга. Уортингтон, штат Огайо.

– Она подведомственна суду?

– Конечно. Одна из наиболее консервативных и уважаемых

психиатрических клиник в стране. Принадлежит к церкви Адвентистов Седьмого Дня. Я слышал, как самые строгие прокуроры говорили: «Если доктор Хардинг-младший говорит, что клиент сумасшедший, значит, он и есть сумасшедший. Джордж не как другие врачи, которые обследуют пациента тридцать минут в интересах защиты, а потом заявляют, что он невменяем».

– Прокуроры так говорят?

Гэри поднял правую руку, как для присяги.

– Сам слышал. Я даже думаю, это был Терри Шерман. Слушай-ка, я вспомнил, как Дороти Тернер говорила, что она проводила тесты для Хардинга.

– Стало быть, в клинику Хардинга, – подытожила Джуди.

Гэри внезапно задумался, лицо его помрачнело.

– Есть одна проблема. Хардингская клиника – дорогое частное заведение, а у Билли нет денег.

– Это нас не остановит.

– Да, но как же мы поместим Билли туда?

– А мы устроим так, чтобы они сами захотели положить к себе Билли! – решительно сказала Джуди.

– И как мы это сделаем?

Полчаса спустя Гэри смахнул снег с ботинок и позвонил в дверь Хардинга. Усмехнувшись, он представил себя, бородатого чокнутого общественного защитника, перед консервативным авторитетным психиатром – внуком брата президента Уоррена Дж. Хардинга, ни больше ни меньше – в его шикарном доме. Лучше бы пошла Джуди, она произвела бы более благоприятное впечатление. Пока Гэри подтягивал галстук и оправлял мешковатый пиджак, дверь открылась.

Джордж Хардинг оказался сорокапятилетним безукоризненно одетым, подтянутым, гладко выбритым мужчиной с мягким взглядом и тихим голосом. Он показался Гэри образцом совершенства.

– Входите, мистер Швейкарт.

Раздевшись в прихожей, Гэри последовал за доктором Хардингом в гостиную.

– Ваше имя показалось мне знакомым, – начал доктор Хардинг. – После вашего звонка я просмотрел газеты. Вы защищаете Миллигана, молодого человека, похитившего четырех женщин на территории Университета штата Огайо.

– Трех, – поправил Гэри. – Изнасилование в августе на Нейшенуайд-

Плаза – это другой случай, и он наверняка будет отвергнут. Должен сказать, что наше дело приняло, скажем так, несколько необычный оборот. И я хотел бы услышать ваше мнение.

Хардинг предложил Гэри сесть на мягкую кушетку, а сам сел на стул с жесткой спинкой. Сложив вместе кончики пальцев, он внимательно выслушал рассказ Гэри – тот не утаил ничего, упомянув и о беседе в окружной тюрьме, намеченной на воскресенье. Хардинг задумчиво кивнул, потом заговорил, тщательно подбирая слова.

– Я уважаю Стеллу Кэролин и Дороти Тернер. – Он некоторое время думал о чем-то, глядя в потолок. – Тернер оформлена у нас на неполную ставку – она тестирует наших больных. Дороти говорила со мной об этом деле. Поскольку доктор Уилбур будет там... – Он посмотрел на пол через пирамидку своих ладоней. – Я не вижу причин, почему и я не могу там быть. Вы говорите, в воскресенье?

Гэри кивнул, не решаясь говорить.

– Но я должен сказать вам одну вещь, мистер Швейкерт. Я довольно скептически отношусь к синдрому, известному как множественная личность. Хотя доктор Корнелия Уилбур летом тысяча девятьсот семьдесят пятого года прочла в нашей клинике лекцию о Сивилле, я не могу сказать, что так уж верю этому. В вашем случае вполне возможно предположить, что пациент просто симулирует амнезию. И все же, если Тернер и Кэролин будут там... и если уж доктор Уилбур решила на поездку ради этого... – Он поднялся. – Никаких обязательств – ни от моего лица, ни от лица клиники. Но я буду рад присутствовать на этой встрече.

Как только Гэри приехал домой, он позвонил Джуди.

– Эй, советник, – весело сказал он, – Хардинг заинтересовался!

В субботу, 11 марта, Джуди пошла в тюрьму, чтобы сказать Миллигану, что планы изменились и доктор Корнелия Уилбур прибудет только в воскресенье.

– Мне следовало предупредить тебя вчера, – сказала она. – Извини.

Миллигана затрясло. По выражению лица она поняла, что говорит с Денни.

– Дороти Тернер больше не придет, да?

– Конечно придет, Денни. Почему ты так подумал?

– Люди обещают, а потом забывают. Не оставляйте меня одного!

– Не оставлю. Но ты должен держать себя в руках. Завтра придет доктор Уилбур, придут Стелла Кэролин и Дороти Тернер, приду я... и еще другие.

Его глаза широко раскрылись:

– Другие? Какие другие?

– Будут еще доктор Джордж Хардинг из Хардингской клиники и прокурор Берни Явич.

– Мужчины? – ахнул Денни и затрясся так сильно, что зубы его застучали.

– Это важно, Денни, важно для твоей защиты, – сказала Джуди. – Но мы будем с тобой, Гэри и я. Послушай, тебе нужно принять что-нибудь успокоительное.

Денни кивнул. Джуди позвала охрану и попросила отвести ее клиента в камеру, пока она сходит за медиком. Когда Джуди вернулась несколько минут спустя, Миллиган стоял, съежившись, в дальнем углу комнаты. Лицо его было в крови, из носа текла кровь. Он опять разбил голову о стену.

Молодой человек безучастно взглянул на нее, и она поняла, что это уже не Денни. И это действительно оказался «хранитель боли».

– Дэвид? – спросила она.

Тот кивнул.

– Мне больно, мисс Джуди. Очень больно. Я не хочу больше жить.

Она обняла его.

– Ты не должен этого говорить, Дэвид. У тебя еще вся жизнь впереди. У тебя есть ради чего жить. Очень много людей верят в тебя и помогут тебе.

– Я боюсь идти в тюрьму.

– Тебя не пошлют в тюрьму. Мы будем бороться, Дэвид.

– Я не сделал ничего плохого.

– Я знаю, Дэвид. Я верю тебе.

– Когда Дороти Тернер опять придет ко мне?

– Я говорила... – И вдруг она поняла, что говорила об этом тому, кого звали Денни. – Завтра, Дэвид. Еще с одним психиатром по имени Уилбур.

– Ведь вы не расскажете ей наш секрет?

Она отрицательно покачала головой.

– Нет, Дэвид. Что касается доктора Уилбур, то я уверена, что нам и не придется ей рассказывать.

Воскресное утро 12 марта выдалось холодным, но солнечным. Берни Явич вышел из машины и направился в тюрьму округа Франклин,

испытывая какое-то странное чувство. Впервые он, прокурор, будет присутствовать при тестировании подзащитного психиатрами. Берни перечитывал отчет из Юго-Западного центра и отчет полицейских, но совершенно не представлял, чего следует ожидать.

Он не мог поверить, что все именитые доктора серьезно относятся к такому явлению, как множественная личность. На Берни не произвел впечатления приезд Корнелии Уилбур. Она верит в такие вещи и, значит, будет искать их в Миллигане. Но присутствие Хардинга меняло дело – в штате Огайо не было более уважаемого психиатра. Никто не способен обмануть доктора Хардинга. Для многих ведущих прокуроров, которые не уважают психиатров, проводящих судебно-психиатрическое тестирование, Джордж Хардинг-младший был безусловным исключением.

Постепенно подошли все остальные, и их разместили в большой комнате со складными стульями, доской и письменным столом, где в перерывах обычно собирались полицейские.

Явич поздоровался со Стеллой Кэролин и Шейлой Портер, работником социальной службы из Юго-Западного центра, и был представлен докторам Уилбур и Хардингу. Затем дверь открылась, и он впервые увидел Билли Миллигана. Рядом с ним, держа его за руку, шла Джуди Стивенсон. Дороти Тернер шла впереди них, Гэри – позади. Все четверо вошли в комнату. Увидев так много народа, Миллиган остановился в нерешительности.

Дороти Тернер по очереди представила всех Миллигану, потом подвела его к стулу рядом с Корнелией Уилбур.

– Доктор Уилбур, – тихо произнесла Дороти, – это Денни.

– Здравствуй, Денни, – сказала Уилбур. – Рада познакомиться с тобой. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – сказал он, не отпуская руки Дороти.

– Я понимаю, что ты нервничаешь, тут действительно много народу. Но все мы здесь только для того, чтобы помочь тебе, – сказала Уилбур.

Все сели. Швейкарт наклонился и прошептал Явичу:

– Если ты не поверишь в то, что увидишь, то я сдам свою адвокатскую лицензию.

Когда Уилбур начала задавать вопросы Миллигану, Явич расслабился. Это была привлекательная, энергичная женщина с ярко-рыжими волосами и красной помадой на губах. Она разговаривала с Миллиганом спокойно, по-матерински. Денни отвечал на вопросы и рассказал ей об Артуре, Рейджене и Аллене. Корнелия повернулась к Явичу:

– Видите? Это типично для множественных личностей: он хочет говорить о том, что случилось с другими, но не говорит, что случилось с

ним.

После того как были заданы еще вопросы и получены ответы, доктор Уилбур обратилась к доктору Хардингу:

– Это яркий пример диссоциативного состояния истерического невроза.

Денни посмотрел на Джуди и сказал:

– Она сошла с пятна.

Джуди улыбнулась и прошептала:

– Нет, Денни. В ее случае этого не происходит.

– Наверное, внутри ее очень много людей, – продолжал настаивать Денни. – Со мной она говорит так, а потом меняется и начинает говорить те важные слова, какими пользуется Артур.

– Я бы хотела, чтобы судья Флауэрс присутствовал здесь, – сказала Уилбур. – Я знаю, что происходит внутри этого молодого человека. Я знаю, что ему действительно требуется.

Денни резко повернулся и укоризненно посмотрел на Дороти Тернер:

– Вы сказали ей! Вы обещали, что не скажете, а сами сказали.

– Нет, Денни, – ответила Тернер. – Я не говорила. Доктор Уилбур знает, в чем дело, потому что знает других таких же людей, как ты.

Решительным, но тихим голосом Корнелия Уилбур велела Денни успокоиться. Левую руку она положила себе на лоб, и блеск ее бриллиантового кольца отразился в его глазах.

– Ты полностью расслабился и теперь чувствуешь себя хорошо, Денни. Ничто тебя не беспокоит. Расслабься. Что бы ты ни хотел сделать или сказать, все будет хорошо. Говори все, что ты хочешь.

– Я хочу уйти, – сказал Денни. – Я хочу освободить пятно.

– Что бы ты ни захотел сделать, мы согласны, Денни. Вот что я тебе скажу: когда ты уйдешь, я хочу поговорить с Билли. Тем Билли, которого так называли, когда он родился.

Денни пожал плечами:

– Я не могу заставить Билли прийти. Он спит. Только Артур и Рейджен могут его разбудить.

– Хорошо, тогда скажи Артуру и Рейджену, что мне нужно поговорить с Билли. Это очень важно.

С возрастающим удивлением Явич наблюдал, как взгляд Денни стал отсутствующим, губы зашевелились, тело вдруг выпрямилось и он в изумлении огляделся. Сначала он молчал, затем попросил сигарету.

Доктор Уилбур дала ему сигарету, и пока он усаживался, Джуди Стивенсон шепнула Явичу, что единственный, кто курит, это Аллен.

Уилбур еще раз представилась сама и представила тех из присутствующих, кто еще не был знаком с Алленом. Явич был поражен, насколько изменился Миллиган, каким он стал непринужденным и общительным. Он улыбался, говорил убедительно и гладко, очень отличаясь от застенчивого подростка Денни. Аллен ответил на вопросы доктора Уилбур о его интересах: он играет на пианино и на барабанах, рисует – в основном портреты. Ему восемнадцать, и он любит бейсбол, хотя Томми ненавидит эту игру.

– Хорошо, Аллен, – сказала Уилбур. – Теперь я бы хотела поговорить с Артуром.

– Ладно, – сказал Аллен. – Подождите, я...

Явич во все глаза смотрел, как Аллен быстро сделал пару глубоких затяжек, прежде чем уйти. Эта маленькая деталь казалась такой естественной – курнуть напоследок, прежде чем появится Артур, который не курит. И опять взгляд потускнел, веки заморгали. Молодой человек открыл глаза, откинулся на стуле, огляделся с надменным видом и сложил вместе кончики пальцев, образуя пирамидку. Когда он заговорил, в его речи звучал аристократический британский акцент.

Явич нахмурился, прислушиваясь. Он действительно видел и слышал нового человека, разговаривающего с доктором Уилбур. Взгляд Артура, его движения разительно отличались от Аллена. Друг Явича, бухгалтер из Кливленда, был британцем, и Явич был поражен сходством их речевой манеры.

– Мне кажется, я не встречался с этими людьми, – сказал Артур.

Его представили всем, и Явич почувствовал себя глупо, здороваясь с Артуром, словно тот только что вошел в комнату. Когда Уилбур спросила Артура об остальных, он описал роль каждого и объяснил, кому можно, а кому нельзя выходить. Наконец доктор Уилбур сказала:

– Мы должны поговорить с Билли.

– Будить его очень опасно, – сказал Артур. – Вы знаете, у него мания самоубийства.

– Очень важно, чтобы с ним поговорил доктор Хардинг. От этого может зависеть результат суда. Свобода и лечение – или тюрьма.

Артур подумал, поджал губы и сказал:

– Видите ли, в данном случае решаю не я. Поскольку мы сейчас в тюрьме – во враждебном окружении, – ведущее место занимает Рейджен, и только он принимает окончательное решение, кому вставать на пятно.

– Какую роль в вашей жизни играет Рейджен? – спросила она.

– Рейджен – защитник и хранитель ненависти.

– Хорошо, – резко сказала Уилбур. – Я должна поговорить с Рейдженем.

– Мадам, я бы посоветовал...

– Артур, у нас мало времени! Много занятых людей отказались от отдыха в выходной день, чтобы прийти сюда и помочь вам. Рейджен должен согласиться, чтобы Билли поговорил с нами.

Снова застывшее лицо, взгляд в одну точку, состояние транса. Губы задвигались, словно шел неслышимый внутренний разговор. Затем челюсти стиснулись, а брови нахмурились.

– Невозможно, – прогремел низкий голос славянина.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Уилбур.

– Нельзя говорить с Билли.

– Кто ты?

– Я Рейджен Вадасковинич. Кто эти люди?

Доктор Уилбур вновь представила всех, и Явич снова удивился перемене, этому поразительному славянскому акценту. Берни пожалел, что не знает хотя бы нескольких фраз на сербскохорватском, чтобы выяснить, только ли акцент это или Рейджен действительно понимает язык. Он хотел бы, чтобы доктор Уилбур выяснила это, и пытался сказать об этом, но всех попросили пока помолчать.

– Как ты узнал, что я хочу поговорить с Билли? – спросила Рейджена доктор Уилбур.

– Артур интересовался моим мнением. Я против. Я защитник, и я решаю, кто встанет на пятно. Билли не выйдет.

– Но почему?

– Вы же доктор, да? Я вам так скажу: если Билли проснется, он убьет себя.

– Почему ты так уверен в этом?

Рейджен пожал плечами.

– Каждый раз, когда Билли встает на пятно, он думает, что сделал что-то плохое, и пытается убить себя. Я отвечаю за это. И говорю «нет».

– Какие у тебя обязанности?

– Защищать всех, особенно маленьких.

– Понимаю. И ты всегда выполняешь свои обязанности? Маленьких никогда не обижали, им не было больно, потому что ты всегда охранял их от этого?

– Не совсем так. Дэвид чувствует боль.

– И ты позволяешь Дэвиду брать боль на себя?

– Это его задача.

– Такой большой, сильный мужчина, как ты, позволяет ребенку брать на себя боль и страдания всех?

– Доктор Уилбур, я не...

– Тебе должно быть стыдно, Рейджен! Вряд ли ты можешь считать себя непререкаемым авторитетом. Я врач и имела раньше дело с такими случаями. Я считаю, что решать, может ли Билли выйти, имею право именно я, а уж конечно не тот, кто позволяет беззащитному ребенку брать на себя боль, вместо того чтобы взять хотя бы часть боли на свои плечи.

Рейджен заерзал на стуле со смущенным и виноватым видом. Он пробормотал, что доктор Уилбур совершенно не понимает ситуацию, однако она продолжала говорить, тихо, но убедительно.

– Ладно! – сказал он. – Вы отвечаете за это. Но сначала все мужчины должны выйти из комнаты. Билли боится мужчин из-за того, что сделал с ним его отец.

Гэри, Берни и доктор Хардинг поднялись, чтобы выйти из комнаты, но тут заговорила Джуди:

– Рейджен, очень важно, чтобы доктор Хардинг остался и увидел Билли. Доверься мне. Доктора Хардинга интересует медицинская сторона, и ты должен позволить ему остаться.

– А мы выйдем, – сказал Гэри, показывая на себя и на Явича.

Рейджен оглядел комнату, оценивая ситуацию.

– Я разрешаю, – сказал он, показывая на стул в дальнем углу большой комнаты. – Но он должен сесть туда и сидеть.

Джордж Хардинг, чувствуя себя неловко, слабо улыбнулся, кивнул и сел в углу.

– И не двигаться! – сказал Рейджен.

– Не буду.

Гэри и Берни Явич вышли в коридор, и Гэри сказал:

– Я никогда не видел Билли, личность-ядро. Я не знаю, выйдет ли он. А что ты думаешь обо всем, что увидел и услышал?

Явич вздохнул:

– Поначалу я не верил, а сейчас не знаю, что и сказать. Очень уж не похоже на игру.

Оставшиеся в комнате внимательно наблюдали, как бледнело лицо Миллигана. Казалось, взгляд его обратился внутрь. Губы дергались, словно он говорил во сне.

Вдруг глаза его распахнулись.

– О боже! – воскликнул он. – Я думал, что умер!

Он рывком повернулся, оглядываясь. Увидев смотрящих на него

людей, вскочил со стула, упал на четвереньки и пополз, как краб, к противоположной стене, как можно дальше от них. Протиснулся между двумя стульями с откидными досками для письма, съежился и зарыдал:

– Что я сделал на этот раз?

Ласково, но твердо Корнелия Уилбур сказала:

– Вы не сделали ничего плохого, молодой человек, не надо так расстраиваться.

Миллиган дрожал мелкой дрожью, вдавливая себя в стену, словно стараясь пройти сквозь нее. Волосы упали ему на глаза, и он выглядывал из-под них, не делая попыток откинуть их с лица.

– Ты этого не знаешь, Билли, но все в этой комнате хотят помочь тебе. А теперь, пожалуйста, поднимись с пола и сядь в то кресло, чтобы мы могли поговорить с тобой.

Всем присутствующим стало ясно, что Уилбур владеет ситуацией и точно знает, что делать, чтобы заставить пациента прореагировать должным образом. Тем временем Миллиган поднялся и сел в кресло. Колени его тряслись, все тело дрожало.

– Так я не умер?

– Ты очень даже живой, Билли. Но у тебя проблемы, и тебе нужна помощь. Ведь тебе нужна помощь, да?

Он кивнул, глядя широко открытыми глазами.

– Расскажи мне, Билли, почему ты на днях разбил голову о стену?

– Я думал, что я умер, – сказал он, – но потом проснулся и оказался в тюрьме.

– О чем ты думал перед этим?

– О том, как я поднялся на крышу школы. Я больше не хотел видеть докторов. Доктор Браун в Центре психического здоровья в Ланкастере не мог меня вылечить. Я думал, что я спрыгнул с крыши. Почему я не мертв? Кто вы все? Почему вы так смотрите на меня?

– Мы врачи и адвокаты, Билли. Мы здесь, чтобы помочь тебе.

– Врачи? Папа Чел убьет меня, если я буду говорить с вами.

– Почему, Билли?

– Он не хочет, чтобы я рассказывал, что он сделал со мной.

Уилбур вопросительно посмотрела на Джуди Стивенсон.

– Его приемный отец, – объяснила Джуди. – Его мать развелась с Челмером Миллиганом шесть лет назад.

Билли был ошеломлен.

– Развелась? Шесть лет назад? – Он дотронулся до лица, словно хотел убедиться, что все происходит наяву. – Как это возможно?

– Нам нужно о многом поговорить, Билли, – сказала Уилбур. – Чтобы найти отсутствующие кусочки и составить целую картину.

Миллиган, как безумный, огляделся вокруг:

– Как я попал сюда? Что вообще происходит?

Он разрыдался, раскачиваясь в кресле.

– Я знаю, что ты устал, Билли, – сказала Уилбур. – Ты можешь уйти и отдохнуть.

Рыдания вдруг прекратились, выражение лица мгновенно стало настороженным и в то же время смущенным. Он дотронулся до слез, бегущих по щекам, и нахмурился.

– Что происходит? Кто это был? Я слышал, что кто-то плачет, но не мог понять, откуда идет плач. Боже, кто бы он ни был, он как раз собирался бежать и удариться головой о стену. Кто это был?

– Это был Билли, – сказала Уилбур. – Подлинный Билли, иногда известный как «хозяин» или «ядро». А ты кто?

– Я не знал, что Билли разрешили выйти. Никто мне не сказал. Я Томми.

Гэри и Берни Явичу было разрешено войти в комнату. Томми был представлен всем присутствующим, ему задали несколько вопросов и отправили в камеру. Когда Явич услышал, что произошло в их отсутствие, он покачал головой. Все это казалось нереальным – словно мертвые тела, захваченные духами или демонами. Берни сказал Гэри и Джуди:

– Я не знаю, что это значит, но я на вашей стороне. Это не мистификация.

И только доктор Джордж Хардинг не сказал ничего определенного. Он заявил, что хотел бы пока воздержаться от суждений: ему необходимо подумать о том, что он слышал и видел. Завтра он изложит свое мнение на бумаге и передаст судье Флауэрсу.

8

Расс Хилл, медик, который привел Томми обратно в камеру, понятия не имел, что происходите Миллиганом. Все, что он знал, – это то, что много врачей и адвокатов приходят, чтобы посмотреть его пациента, весьма переменчивого молодого человека, который способен рисовать хорошие картины. Несколько дней спустя после большого воскресного собрания Хилл проходил мимо камеры и увидел, что Миллиган рисует. Медик заглянул сквозь решетку и увидел детский рисунок с несколькими словами,

написанными печатными буквами.

Подошел охранник и засмеялся:

– Готов поспорить, моя двухлетка рисует лучше, чем этот чертов насильник.

– Оставь его, – сказал Хилл.

У охранника в руке был стакан с водой. Он плеснул водой через решетку и намочил рисунок.

– Зачем ты это сделал? – воскликнул Хилл. – Черт побери, что с тобой происходит?

Но тут охранник поспешно отошел от решетки, увидев выражение лица Миллигана. Это была неприкрытая ярость. Заключенный огляделся в поисках того, чем бы бросить в охранника. Внезапно он схватил унитаз, оторвал его от стены и швырнул в решетку. Фаянс разлетелся на мелкие кусочки. Охранник отпрянул и побежал бить тревогу.

– Господи, Миллиган! – только и сумел выговорить Хилл.

– Он облил рисунок Кристин. Нельзя портить работу детей.

Шестеро охранников вбежали в коридор, но к тому времени Миллиган уже сидел на полу с изумленным выражением на лице.

– Ты заплатишь за это, сукин сын! – закричал охранник. – Это имущество графства.

Томми прислонился к стене и заложил руки за голову.

– Да пошло оно, твое имущество... – процедил он сквозь зубы.

В письме, датированном 13 марта 1978 года, доктор Джордж Хардинг-младший написал судье Флауэрсу следующее:

«На основании проведенной экспертизы считаю своим долгом заявить, что Уильям С. Миллиган не может находиться под судом по причине неспособности сотрудничать со своим адвокатом в вопросах собственной защиты. Миллиган не обладает достаточной эмоциональной целостностью, необходимой для дачи показаний в свою защиту, для встречи со свидетелями, а также для реального психологического присутствия в суде, помимо простого физического присутствия».

Теперь доктор Хардинг должен был принять еще одно решение. Швейкарт и Явич просили его не ограничиваться компетентной оценкой состояния и положить Миллигана в его клинику для окончательного диагноза и лечения.

Джордж Хардинг колебался. На него произвел впечатление тот факт,

что прокурор Явич присутствовал при беседе – весьма необычно для прокурора, подумал Хардинг. Швейкарт и Явич заверили его, что он не будет поставлен в положение, заведомо способствующее «интересам защиты» либо «интересам обвинения». Обе стороны заранее согласны, что его отчет будет занесен в протокол как «особое мнение». Можно ли отказать, когда обе стороны просят об этом?

Как директор медицинской части клиники, он ознакомил с просьбой администрацию и финансовый отдел.

– Мы никогда не избегали трудных проблем, – сказал он им. – Клиника Хардинга не имеет дела с простыми случаями.

Приняв во внимание аргументы Джорджа Хардинга-младшего, а именно, что клинике предоставляется возможность изучить данную форму расстройства и сделать важный вклад в психиатрию, попечительский совет согласился принять Уильяма Миллигана на три месяца по поручению суда.

14 марта Хилл с охранником пришли за Миллиганом.

– Тебя ждут внизу, – сказал охранник, – но шериф сказал, что нужно надеть на тебя смирительную рубашку.

Миллиган без возражений дал надеть на себя рубашку и не сопротивлялся, когда его вели из камеры к лифту. Внизу в коридоре ждали Гэри и Джуди, которым не терпелось сообщить своему подзащитному хорошую новость. Когда дверь лифта открылась, они увидели Расса Хилла и охранника, которые, разинув рты, глядели, как Миллиган перешагнул через смирительную рубашку, буквально соскользнувшую с него.

– Глазам своим не верю, – сказал охранник.

– Я же говорил вам, что она меня не удержит. Ни тюрьма, ни клиника тоже меня не удержат.

– Томми? – спросила Джуди.

– Собственной персоной! – усмехнулся тот.

– Зайдем сюда, – сказал Гэри, вводя его в комнату для бесед. – Нам надо поговорить.

Томми высвободил руку:

– В чем дело?

– Хорошие новости, – сказала Джуди. – Доктор Хардинг предложил положить тебя в клинику имени Хардинга для наблюдения и лечения.

– Что это значит?

– Может произойти одно из двух, – объяснила Джуди. – Через некоторое время тебя объявят вменяемым и будет назначена дата суда, либо же тебя объявят невменяемым, не подлежащим суду, и обвинения будут

сняты. Обвинительная сторона согласилась на это. Судья Флауэрс приказал, чтобы на следующей неделе тебя положили в клинику. При одном условии.

– Вечно какие-то условия, – сказал Томми.

Гэри наклонился и постучал пальцем по столу.

– Доктор Уилбур сказала судье, что множественные личности держат слово. Она знает, как важно для вас всех держать обещания.

– Ну и что?

– Судья Флауэрс говорит, что если ты пообещаешь не пытаться бежать, то тебя можно будет сейчас же освободить и положить в клинику.

Томми скрестил руки на груди:

– Черт! Я этого не обещаю.

– Ты должен! – настаивал Гэри. – Пойми только, мы ноги стерли, стараясь, чтобы тебя не послали в Лиму, а ты вдруг объявляешь такое!

– А чего вы ждали? – сказал Томми. – Убегать – это единственное, что я делаю лучше всего. Если бы мне позволили, не пришлось бы здесь торчать.

Джуди положила руку на плечо Томми:

– Томми, ты должен пообещать. Если не ради себя, то ради детей. Ради малышей. Ты же знаешь, что это неподходящее место для них. А в клинике о них будут заботиться.

Томми опустил руки и уставился на стол. Джуди знала, что затронула нужную струну. Она уже понимала, что другие личности очень любят маленьких и считают себя ответственными за них.

– Хорошо, – нехотя согласился он. – Я обещаю.

Но Томми не сказал ей, что, когда он первый раз услышал, что его могут перевести в Лиму, он купил у надежного человека бритвенное лезвие. Сейчас оно было прикреплено к подошве левой ноги. Не было никакого резона говорить, потому что никто его об этом не спрашивал. Томми давно понял, что, когда тебя переводят из одного учреждения в другое, всегда нужно иметь при себе оружие. Он не будет нарушать слова и не убежит, но хотя бы сумеет защитить себя, если кто-нибудь попытается его изнасиловать. Или он может дать бритву Билли и позволить ему перерезать себе горло.

За четыре дня до намеченной даты перевода в клинику Хардинга сержант Уиллис спустился в камеру. Он хотел, чтобы Томми показал ему, как выбирается из смиренной рубашки. Томми посмотрел на худощавого лысеющего полицейского с седыми волосами, обрамляющими его темное лицо, и нахмурился:

- Чего ради я должен тебе показывать?
- Все равно ты отсюда уходишь, – сказал Уиллис. – Думаю, я не так уж стар, чтобы поучиться еще чему-нибудь.
- Ты хорошо ко мне относился, сержант, – сказал Томми, – но я так просто не выдаю свои секреты.
- Посмотрим на это дело по-другому: ты мог бы помочь кому-то спасти свою жизнь.

Томми отвернулся, потом глянул на сержанта с любопытством:

- Как это?
- Ты-то не болен, я знаю. Но тут есть и другие, которые больны. Мы держим их в смиренных рубашках для их же пользы: если они освободятся, то могут убить себя. Покажи, как ты это делаешь, и мы не допустим, чтобы они освободились.

Томми пожал плечами, показывая, что это его не касается. Но на следующий день он все-таки продемонстрировал сержанту Уиллису свой трюк. Потом он научил его, как надевать на человека смиренную рубашку, чтобы тот никогда не смог выйти из нее.

Поздним вечером Дороти Тернер позвонила Джуди:

- Еще одна.
- Ты о чем?
- Еще одна личность, о которой мы не знали. Девятнадцатилетняя девушка по имени Адалана.
- О господи! – прошептала Джуди. – Значит, их десять.

Дороти рассказала о своем визите в тюрьму поздним вечером. Она увидела Миллигана сидящим на полу. Тихим голосом он говорил, что нуждается в любви и ласке. Дороти села рядом с ним, успокаивала его, утирала ему слезы. Потом Адалана сообщила, что тайком от всех пишет стихи. Она объяснила сквозь слезы, что только она имеет способность желать, чтобы другие освободили пятно. До сих пор только Артур и Кристин знали о ее существовании.

Джуди попыталась представить сцену: Дороти сидит на полу и прижимает к груди Миллигана.

- Почему она решила появиться сейчас? – спросила Джуди.
- Адалана винит себя в случившемся с мальчиками, – сказала Дороти. – Это она «украдала время» у Рейджена во время изнасилования.
- Что ты говоришь?
- Адалана сказала, что это она сделала, потому что отчаянно хотела, чтобы ее ласкали и любили.

– Адалана изнасиловала этих... – не поняла Джуди.

– Видишь ли, она лесбиянка.

Положив трубку, Джуди долго смотрела на телефон. Муж спросил, о чем был звонок. Она открыла было рот, чтобы сказать ему, но вместо этого лишь покачала головой и погасила свет.

Глава третья

1

Билли Миллигана перевели из окружной тюрьмы в клинику имени Хардинга за два дня до назначенной даты, утром 16 марта. Доктор Джордж Хардинг еще раньше собрал команду медиков для лечения Миллигана и проинформировал их о его состоянии, но когда Билли неожиданно появился, доктор Хардинг находился в Чикаго, на совещании психиатров.

Джуди Стивенсон и Дороти Тернер, сопровождающие полицейскую машину до клиники, знали, каким ужасным ударом будет для Денни снова вернуться в тюрьму. К счастью, доктор Шумейкер, штатный врач, согласился до возвращения доктора Хардинга взять пациента под личную ответственность, и заместитель шерифа передал ему заключенного под расписку.

Джуди и Дороти проводили Денни до Уэйкфилд-коттеджа, закрытого флигеля, рассчитанного на лечение четырнадцати тяжелых пациентов, требующих постоянного наблюдения и личного внимания. Была подготовлена постель, и Денни поместили в одну из двух «специальных» комнат, в толстых дубовых дверях которых были проделаны глазки для круглосуточного наблюдения. Медсестра психиатрического отделения принесла ему поднос с ланчем, и обе женщины остались с ним, пока он ел.

После ланча к ним присоединились доктор Шумейкер и три медсестры. Тернер, чувствуя, что для сотрудников клиники было важно самим наблюдать синдром множественной личности, попросила Денни, чтобы вышел Артур и познакомился с несколькими людьми, которые будут с ним работать.

Медсестру Эдриенн Мак-Кенн, координатора флигеля, тоже проинформировали как члена команды, но для двух других медсестер это был полный сюрприз.

Донне Эгар, матери пяти дочерей, было трудно разобраться в своих чувствах при встрече с Университетским насильником. Медсестра внимательно смотрела, как сначала говорил маленький мальчик, потом взгляд его остановился в трансе, губы беззвучно зашевелились, словно происходил внутренний разговор. Когда он поднял голову, выражение его лица было строгим и надменным и говорил он с британским акцентом.

Ей пришлось сдерживаться, чтобы не рассмеяться. Ее не убедили ни

Денни, ни Артур – это могло быть игрой блестящего актера с целью избежать тюрьмы. Но ей было интересно увидеть, что из себя представляет Билли Миллиган. Она хотела знать, что же это за человек, который мог сделать такие вещи.

Дороти и Джуди заверили Артура, что он находится в безопасном месте. Дороти предупредила его, что через каждые несколько дней будет приходить к нему для психологического тестирования. Джуди сказала, что Гэри и она время от времени будут навещать его, чтобы работать с ним по делу.

Техник-психиатр Тим Шеппард наблюдал нового пациента каждые пятнадцать минут через смотровое отверстие и в первый день сделал такие записи:

- «5.00 – спокойно сидит на кровати, скрестив ноги.
- 5.15 – сидит на кровати, скрестив ноги, глядя в одну точку.
- 5.32 – стоит, глядя в окно.
- 5.45 – принесли обед.
- 6.02 – сидит на краю кровати, смотрит в одну точку.
- 6.07 – поднос унесли, поел хорошо».

В 7.15 Миллиган стал ходить взад-вперед по палате.

В 8 часов медсестра Хелен Йегер вошла в комнату и провела с ним пятнадцать минут. Ее первая запись была краткой:

«16/03/78. Мистер Миллиган остается под наблюдением в целях предосторожности. Говорил о своих многочисленных личностях. Большею частью говорил Артур – у него акцент англичанина. Утверждал, что один из них – именно Билли – суицидный маньяк и спит постоянно, с шестнадцати лет, чтобы защитить других от беды. Ест хорошо. Кишечник работает хорошо. Аллергии на продукты нет. Приятный и общительный».

После того как медсестра Йегер ушла, Артур молча сообщил другим, что клиника Хардинга – безопасное место, которое их защитит. Поскольку для помощи врачам при лечении понадобится проницательность и логика, он, Артур, отныне владеет пятном.

В 2.25 утра техник-психиатр Крис Кенн услышал громкий шум, доносящийся из комнаты. Когда он подошел проверить, то увидел, что пациент сидит на полу.

Томми расстроился, что упал с кровати. Через некоторое время он

услышал шаги и увидел глаз, смотрящий на него в смотровой глазок. Как только шаги стихли, Томми отклеил бритву от подошвы и тщательно спрятал ее, прилепив к нижней стороне перекладки кровати. В нужное время он будет знать, где ее найти.

2

Вернувшись из Чикаго 19 марта, доктор Джордж Хардинг-младший был недоволен тем, что его желанию тщательно подготовиться к приему помешал преждевременный перевод пациента. Он хотел встретить Миллигана лично. Доктор потратил много сил, чтобы организовать специальную команду, состоящую из терапевтов разных специальностей, психолога, работника соцобеспечения, докторов, санитарок, медсестер, а также координатора флигеля Уэйкфилд. Он обсудил с ними сложности работы с пациентом. Когда некоторые члены персонала откровенно сказали о своем неверии в диагноз множественной личности, он терпеливо выслушал их, рассказал о собственном скептицизме и попросил помочь выполнить поручение суда. Все должны быть объективными и работать сообща, чтобы разгадать тайну Уильяма Стэнли Миллигана.

На следующий день после приезда доктора Хардинга доктор Перри Эйрес, осмотрел Миллигана. Эйрес, написал в медицинской карте, что часто перед тем, как ответить на вопрос, Миллиган двигал губами, его зрачки сдвигались вправо. Когда Эйрес спросил пациента, почему он так делает, тот ответил, что говорит с другими, особенно с Артуром, чтобы получить ответы на вопросы.

– Но вы называйте нас Билли, – сказал Миллиган, – чтобы никто не подумал, что мы сумасшедшие. Я Денни. Ту анкету заполнял Аллен. Я не буду говорить о других.

Доктор Эйрес записал это в своем отчете и добавил:

«Ранее мы пришли к соглашению, что попытаемся говорить только о Билли, имея в виду, что Денни даст нам информацию о состоянии здоровья всех остальных.

Но из-за его неспособности соблюдать это соглашение мы узнали и другие имена. Единственное недомогание, которое он помнит, – операция грыжи, когда Билли было 9 лет (“Дэвиду всегда 9 лет”), и это Дэвиду делали операцию. У Аллена резко суженное поле зрения, но у остальных зрение нормальное...

Примечание. Прежде чем идти в комнату для обследования, я поговорил с ним о сути предстоящего обследования, рассказав о нем в деталях. Обратил внимание на то, что необходимо будет проверить результаты операции грыжи и состояние простаты путем обследования прямой кишки ввиду ненормального мочеиспускания. Он очень разволновался, зрачки и губы быстро задвигались, очевидно, он так разговаривал с другими. Он нервно, но вежливо сказал мне: “Это может привести в смятение Билли и Дэвида, потому что Челмер именно так четыре раза изнасиловал каждого, когда мы жили на ферме. Челмер был нашим отчимом”. Он еще добавил при этом, что мать, о которой написано в истории семьи, – это мать Билли, “но не моя мать – я не знаю своей матери”».

Розали Дрейк и Ник Чикко, терапевты, работавшие по программе «мини-группы» во флигеле Уэйкфилд-коттедж, посещали Миллигана ежедневно. Каждый день в десять часов утра и в три часа пополудни семь или восемь пациентов флигеля собирались группой, чтобы заниматься какой-либо деятельностью по программе трудотерапии.

21 марта Ник привел Миллигана из палаты, которая теперь запиралась только на ночь, в комнату трудотерапии. Стройный двадцатисемилетний техник-психиатр, с бородой и двумя серьгами – в виде тонкой золотой петли и с янтарем – в левом ухе, слышал о том, что Миллиган враждебно относится к мужчинам из-за сексуального насилия, перенесенного в детстве. Его интересовало явление множественной личности, хотя сама эта идея внушала ему недоверие.

Трудотерапевт Розали, голубоглазая тридцатилетняя блондинка, раньше не сталкивалась с множественной личностью. Но после предварительного инструктажа доктора Хардинга она поняла, что персонал разделен на два лагеря: тех, кто верит, что у Миллигана множественная личность, и тех, кто считает его уголовником, симулирующим экзотическую болезнь, чтобы привлечь к себе внимание и избежать срока за изнасилование. Розали очень старалась быть объективной.

Когда Миллиган сел в конце стола, подальше от других, Розали Дрейк сказала ему, что вчера пациенты минигруппы решили сделать коллажи, с помощью которых они могли сказать что-то о себе тому, кого любят.

– У меня нет никого, кого бы я любил и для кого хотел бы сделать коллаж, – заявил Билли.

– Тогда сделай его для нас, – сказала Розали. – Все делают коллажи. – Она показала лист поделочной бумаги, с которой работала. – Ник и я тоже

их делаем.

Розали издали следила, как Миллиган взял лист бумаги и стал вырезать фотографии из журналов. Она слышала об умении Миллигана рисовать и теперь, глядя на застенчивого, спокойного пациента, с интересом ждала, что он будет делать. Он работал молча, спокойно. Когда он закончил, Розали подошла и посмотрела.

Коллаж поразил ее. В центре листа был изображен испуганный, плачущий ребенок, а под ним подпись: «Моррисон». Над ним нависал злобный мужчина и красным было написано слово «опасность». В нижнем правом углу был череп. Розали тронула простота выражения и глубина чувств. Она не просила делать ничего подобного и вовсе не такое ожидала увидеть. Чувствовалось, что этот коллаж рассказывал мучительную историю, он буквально вызывал дрожь. В этот момент ее сомнения исчезли. Что бы ни думали другие относительно Миллигана, этот человек не был социопатом, находящимся в разладе с обществом. У Ника Чикко сложилось такое же мнение.

Когда доктор Джордж (так его называли сотрудники и пациенты, чтобы отличить от его отца, доктора Джорджа Хардинга-старшего) стал читать журналы по психиатрии, он обнаружил, что болезнь, известная как множественная личность, со временем прогрессирует. Доктор позвонил разным психиатрам, и все они сказали почти одно и то же: «Мы ознакомим вас с тем немногим, что нам известно, но эта область почти не изучена. Вам придется идти на ощупь».

Все это должно было потребовать гораздо больше времени и усилий, чем доктор Джордж предполагал вначале. Он уже не знал, правильно ли поступил, приняв этого пациента в самый разгар выборной кампании и программы расширения клиники. Но Билли Миллиган должен стать целостной личностью; к тому же столь редкий случай позволит психиатрии раздвинуть пределы знаний о человеческом разуме.

Прежде чем представить в суд заключение о состоянии пациента, доктор должен будет изучить историю Билли Миллигана. Принимая во внимание столь сильную амнезию, это представлялось серьезной проблемой.

В четверг, 23 марта, Гэри Швейкарт и Джуди Стивенсон провели со своим клиентом целый час, воспроизводя смутно припоминаемые им события, сравнивая его рассказ с рассказами трех пострадавших, вырабатывая альтернативные судебные стратегии, в зависимости от того, какой отчет представит суду доктор Хардинг.

Оба адвоката нашли Миллигана более спокойным, хотя он жаловался, что его запирают в специальную комнату и заставляют носить специальную одежду в целях предосторожности.

– Доктор Джордж говорит, что ко мне могут относиться так же, как к другим клиентам, но здесь мне никто не доверяет. Других пациентов вывозят в фургоне на экскурсии, а меня нет. Я должен оставаться здесь. И я очень сержусь, когда меня называют Билли.

Адвокаты постарались успокоить его, объяснили, что доктор Джордж рискует, взяв на себя ответственность за него, и что он должен хорошо себя вести, чтобы не вывести доктора из терпения. Джуди чувствовала, что разговаривает с Алленом, но не спрашивала имени, так как всегда боялась оскорбить собеседника тем, что она его не узнала.

– Я думаю, – сказал Гэри, – что ты должен постараться наладить отношения со здешним персоналом. Это твой единственный шанс не попасть в тюрьму.

Покидая клинику, оба почувствовали облегчение оттого, что пациент был в безопасности и что хоть на некоторое время с их плеч свалился груз ответственности и беспокойства.

В тот же день доктор Хардинг провел с Миллиганом первый сеанс терапии, длившийся пятьдесят минут и прошедший весьма напряженно. Миллиган сидел на стуле, повернувшись к окну, и поначалу не глядел на доктора. Казалось, он мало что помнил из своего прошлого, хотя свободно говорил о жестоком обращении со стороны приемного отца.

Доктор Хардинг понимал, что чересчур осторожничает в своем подходе к пациенту. Доктор Уилбур просила его как можно скорее обнаружить, сколько личностей скрывается в Миллигане, и идентифицировать их. Необходимо было стимулировать личности, чтобы они рассказали, почему они существуют. Надо было дать им возможность пережить те ситуации, которые способствовали их созданию. Затем надо было сделать так, чтобы все личности познакомились друг с другом, общались и помогали друг другу решать трудные проблемы каждого, чтобы они делились всем друг с другом, вместо того чтобы быть разделенными.

По мнению доктора Уилбур, стратегия заключалась в том, чтобы свести всех вместе и в конце концов сделать так, чтобы Билли – то есть первоисточник – узнал о тех инцидентах. И тогда можно будет попытаться слить воедино все личности. Было сильное искушение использовать такой подход, но доктор Хардинг не раз и не два обжигался на подобных попытках. Что было хорошо для других терапевтов, далеко не всегда подходило ему. Доктор считал себя очень консервативным человеком,

поэтому хотел сам, своим способом и в подходящее для себя время узнать, с кем и с чем он имеет дело.

Проходили дни, и медсестра Донна Эгар обнаружила, что проводит с Миллиганом довольно много времени. Он мало спал – значительно меньше, чем другие пациенты, и рано просыпался, поэтому ей приходилось много беседовать с ним. Он рассказывал о других людях, которые жили внутри его.

Однажды Миллиган дал ей исписанный лист бумаги с подписью «Артур». При этом он с испуганным видом сказал:

– Я не знаю никого по имени Артур и не понимаю, что здесь написано.

А вскоре персонал стал жаловаться доктору Джорджу, что им все труднее иметь дело с пациентом, который постоянно твердит: «Я этого не делал, это сделал кто-то другой», хотя они видели собственными глазами, что это сделал именно он. Говорили, что Миллиган мешает лечению других пациентов, манипулирует персоналом. Если кто-то ему что-либо запрещает, он идет к другому сотруднику и все равно получает то, что хочет. Миллиган постоянно намекает, что вот выйдет Рейджен и наведет порядок, и персонал считает это скрытой угрозой.

Доктор Джордж предложил, что сам будет общаться с другими личностями Миллигана, и только на сеансах терапии. Персоналу не следует упоминать и тем более обсуждать другие имена, особенно в присутствии других пациентов.

Хелен Йегер, медсестра, разговаривавшая с Артуром в первый день, записала этот план лечения, поставив дату 28 марта:

«В течение одного месяца мистер Миллиган возьмет на себя ответственность за действия, которые он отрицает, поскольку эти действия будут засвидетельствованы очевидцами.

План действий:

1. Когда он отрицает, что умеет играть на пианино, надо говорить, что видели или слышали, как он играет, – ставить его перед фактом.

2. Когда он пишет что-то, а потом отрицает это, нужно говорить ему, что видели, как он писал.

3. Когда пациент относится к себе как к другой личности, нужно напоминать ему, что его зовут Билли».

Доктор Джордж объяснил этот метод Аллену во время сеанса терапии,

указав, что других пациентов смущает, когда они слышат разные имена его личностей.

– Некоторые люди называют себя Наполеоном или Иисусом, – возразил Аллен.

– Но совсем другое дело, когда я и другие сотрудники вынуждены сегодня называть тебя Денни, а завтра – Артуром, Рейдженем, Томми или Алленом. Я предлагаю, чтобы для персонала и других пациентов все твои личности отзывались на имя Билли, а во время...

– Они не «личности», доктор Джордж. Они люди.

– Почему ты на этом настаиваешь?

– Когда вы называете их личностями, получается, что вы не считаете их живыми людьми.

3

8 апреля, несколько дней спустя после того, как Дороти Тернер приступила к выполнению программы психологического тестирования, Донна Эгар увидела, как Миллиган сердито шагает по палате взад-вперед. Когда она спросила его, в чем дело, он ответил со своим британским акцентом:

– Никто не понимает.

Затем она увидела, как лицо его снова изменилось, изменились поза, походка и речь, и она узнала Денни. В этот момент, видя, как он последователен и какими реальными выглядят все эти личности, она перестала считать, что Миллиган симулирует. Она вынуждена была признать, что верит ему – единственная из всех медсестер.

Несколько дней спустя пациент подошел к ней очень расстроенный. Она сразу узнала Денни. Он пристально посмотрел на нее и жалобно спросил:

– Почему я здесь?

– Где именно? Здесь – в этой комнате или в этом здании?

Миллиган затряс головой:

– Другие пациенты спрашивают меня, почему я в этой клинике.

– Может быть, Дороти Тернер сумеет объяснить, когда придет к тебе для тестирования.

В тот же вечер, когда сеанс тестирования с Дороти Тернер был закончен, Миллиган больше ни с кем не говорил. Он убежал в свою палату и пошел в ванную комнату, чтобы умыться лицо. Несколько секунд спустя

Денни услышал, как дверь его палаты открылась и закрылась. Он выглянул из ванной и увидел молодую женщину, пациентку по имени Дорин. Хотя он часто с сочувствием выслушивал ее проблемы и говорил с ней о своих собственных, другого интереса к Дорин у него не было.

– Что тебе здесь надо? – спросил Миллиган.

– Я хотела поговорить. Почему ты сегодня так расстроился?

– Тебе нельзя сюда входить. Это против правил.

– Но ты выглядишь таким подавленным.

– Я узнал, что сделал один человек. Это ужасно. Я не могу жить.

Послышались шаги, затем стук в дверь. Дорин влетела к нему в ванную и закрыла за собой дверь.

– Зачем ты это сделала? – сурово прошептал он. – Я попаду в еще большую беду. Неприятностей не оберешься.

Она захихикала.

– Ну хорошо, Билли и Дорин! – сказала медсестра Йегер. – Вы двое можете выйти, когда будете готовы.

9 апреля сестра Йегер сделала следующую запись:

«Мистер Миллиган находился в ванной комнате со сверстницей при выключенном свете. Когда его спросили об этом, ответил, что ему надо было поговорить с ней наедине о том, что он сделал, по словам других. Оказалось, что во время психологического теста с миссис Тернер он узнал, что изнасиловал трех женщин. Разрыдался, сказав, что хотел бы, чтобы “Рейджен и Адалана умерли”. Позвали доктора Джорджа, и тот все объяснил. Миллиган помещен в палату интенсивной терапии со специальными мерами предосторожности. Несколько минут спустя пациент сидел на кровати с кушаком от банного халата в руках. Все еще плача, сказал, что хочет убить их. После разговора с ним отдал кушак, до этого кушак был у него на шее».

Во время тестирования Дороти Тернер обнаружила значительные вариации коэффициента интеллектуального развития (IQ) у разных личностей:

	Речь	Поведение	Общий уровень
Аллен	105	130	120
Рейджен	114	120	119
Дэвид	68	72	69
Денни	69	75	71
Томми	81	96	87
Кристофер	98	108	102

Кристин была слишком мала для тестирования, Адалана не захотела выйти, а Артур отказался тестироваться, сказав, что это ниже его достоинства.

Тернер обнаружила, что реакции на тест Роршаха у Денни показали плохо скрываемую враждебность и необходимость внешней поддержки, компенсирующей чувство неполноценности и неадекватности. Томми показал большую зрелость, чем Денни, и лучшую способность действовать. Он же продемонстрировал максимальные шизоидные характеристики и минимальное беспокойство о других. Рейджен обладает наибольшим потенциалом вспыльчивости, жестокости.

Артур интеллектуально очень развит и пользуется этим, чтобы поддерживать доминирующее положение среди других. Поддерживает в себе чувство превосходства по отношению ко всему миру, но испытывает чувство неловкости и страха в ситуациях сильного эмоционального напряжения. В эмоциональном отношении наиболее невозмутимая личность – Аллен.

Она выявила несколько общих черт: признаки женской личности и чрезвычайно развитого супер-эго, которые могут исчезать при сильном гневе. Доказательств психотического процесса или шизофренического мышления она не обнаружила.

Когда Розали Дрейк и Ник Чикко объявили, что 19 апреля мини-группа будет выполнять упражнения на доверие, Артур позволил Денни встать на пятно. Персонал подготовил комнату: столы, стулья, кушетки и полки расставили так, чтобы комната превратилась в «полосу препятствий».

Зная, что Миллиган боится мужчин, Ник посоветовал, чтобы Розали завязала ему глаза и провела его через препятствия.

– Ты должен взаимодействовать со мной, Билли, – сказала она. – Это единственный способ научиться доверять другим людям, чтобы жить в реальном мире.

Наконец Миллиган позволил завязать ему глаза.

– А теперь возьми меня за руку, – сказала Розали, вводя его в комнату. – Я проведу тебя мимо препятствий так, чтобы ты ни обо что не ударился.

Ведя его, она видела и чувствовала, как Миллиганом овладевает ужас оттого, что он не знает, куда идет и на что может наткнуться. Сначала они шли медленно, потом быстрее, обходили кресла, проползли под столом, поднимались и спускались по лестницам. Видя его панику, Розали и Ник радовались тому, что пациент преодолевает ее.

– Ведь я не позволила тебе удариться, правда, Билли?

Денни отрицательно покачал головой.

– Теперь ты знаешь, что есть люди, которым ты можешь доверять. Не всем, конечно, но некоторым.

Розали заметила, что в ее присутствии он все более и более входил в роль маленького мальчика, которого она знала как Денни. Угнетало то, что многие из его рисунков изображали смерть.

В следующий вторник Аллену впервые позволили пойти в здание дополнительной терапии для занятий изобразительным искусством.

Дона Джоунса, культуротерапевта с мягкими манерами, поразил природный талант Миллигана, но он видел, что Миллиган возбужден и обеспокоен тем, что находится в незнакомой группе. Джоунс понял, что странные рисунки служат Билли способом привлечь внимание и получить одобрение.

Джоунс указал на выполненный Алленом эскиз надгробия с надписью «Не забывай».

– Ты можешь рассказать, Билли, что ты чувствовал, когда рисовал это?

– Здесь настоящий отец Билли, – сказал Аллен. – Он был комиком и конференсье в Майами, до того как покончил с собой.

– Почему ты не расскажешь нам, что ты чувствовал? Нам важно узнать твои чувства, а не детали, Билли.

Аллен швырнул карандаш, раздраженный тем, что за рисунок хвалят не его, а Билли. Потом он посмотрел на часы.

– Мне надо вернуться в отделение убрать постель.

На следующий день Аллен рассказал сестре Йегер об этом занятии, жалуясь, что все было неправильно. Когда она сказала ему, что он мешал персоналу и другим пациентам, Аллен расстроился:

– Я не отвечаю за поступки, которые совершают другие мои люди.

– Мы не можем общаться с другими твоими людьми, – сказала

Йегер, – только с Билли.

– Доктор Хардинг лечит меня не так, как сказала доктор Уилбур, – закричал он. – Это плохое лечение.

Миллиган потребовал свою историю болезни, а когда Йегер отказала, он заявил, что знает, как заставить клинику дать ему прочитать эти записи. Он был уверен, что персонал не записывает изменений в его поведении и что он не будет способен отвечать за потерянное время.

В тот же вечер, после визита доктора Джорджа, Томми объявил персоналу, что увольняет своего доктора. Позднее Аллен вышел из палаты и сказал, что восстанавливает его на работе.

После того как Дороти Мур, матери Миллигана, разрешили его посещать, она приходила почти каждую неделю, часто с дочерью Кэти. Реакции сына были непредсказуемы. Иногда после ее визита он был счастлив и общителен, иногда – подавлен.

Джоан Уинслоу, работник социального обеспечения при психиатрической клинике, сообщила на собрании группы о том, что беседовала с Дороти после каждого ее посещения. Это женщина со щедрым сердцем, но из-за своей нерешительности и зависимости она не сумела противодействовать отчиму Билли, который плохо обращался с мальчиком. По признанию Дороти, она всегда чувствовала, что было два Билли: один – добрый и любящий, а другой – равнодушный и черствый.

Ник Чикко записал после посещения миссис Мур 18 апреля, что Миллиган был очень расстроен, уединился в своей палате и лежал с подушкой на голове.

К концу апреля, когда шесть из двенадцати недель лечения прошли, доктор Джордж решил, что процесс продвигается слишком медленно. Требовалось найти какой-то способ связи между «первоисточником» – истинным Билли – и другими личностями. Главной задачей стало добаться до Билли, которого доктор не видел с того воскресенья, когда доктор Уилбур убедила Рейджена разрешить Билли выйти на пятно.

Было бы полезно дать Билли посмотреть видеозаписи речи и поведения других его персонажей. Доктор рассказал Аллену о своей идее и о том, как важно для других общаться друг с другом и с Билли. Аллен согласился.

Позднее Аллен сказал Розали о своем желании записываться на видео. Он, конечно, нервничал, но доктор Джордж настаивал на том, что запись даст возможность многое узнать о себе.

1 мая доктор Джордж провел первый сеанс видеозаписи. Присутствовала Дороти Тернер, поскольку при ней Билли чувствовал себя спокойнее. Доктор намеревался вызвать Адалану. Поначалу он был против того, чтобы появлялись новые люди, но вызов Адаланы позволил бы понять значение женского аспекта личности Миллигана.

Доктор несколько раз повторил, что, если Адалана выйдет и поговорит с ними, это очень поможет. Наконец после нескольких «переключений» лицо Миллигана приняло мягкое, печальное, почти женское выражение. Голос был гнусавый и сдавленный, зрачки подвижные.

– Больно говорить, – сказала Адалана.

Доктор Джордж постарался не показать своего волнения. Он хотел, чтобы она вышла, ожидал этого. Но когда выход состоялся, это оказалось сюрпризом.

– Почему больно?

– Из-за мальчиков. Я втянула их в эти неприятности.

– Что ты сделала? – спросил доктор.

Дороти Тернер уже разговаривала с Адаланой в тюрьме, накануне перевода в клинику. Теперь она лишь сидела и наблюдала.

– Они не понимают, что такое любовь, – сказала Адалана, – что это такое, когда тебя обнимают и ласкают. Я украла у них время. Я чувствовала алкоголь и таблетки Рейджена. Господи, как тяжело говорить об этом...

– Да, но нам нужно поговорить об этом, – сказал доктор Джордж, – чтобы мы поняли.

– Это сделала я. Теперь уже слишком поздно извиняться, правда? Я разрушила жизнь мальчиков... но они просто не поняли...

– Не поняли что? – спросила Тернер.

– Что такое любовь. Что значит желать любви. Чтобы кто-то держал тебя в объятиях. Чувствовать страсть, ласки. Не знаю, что заставило меня так поступить.

– В то время ты чувствовала эту страсть и ласки? – спросила Тернер.

Помолчав, Адалана прошептала:

– Только несколько секунд... Я украла это время. Артур не давал мне вставать на пятно. Я хотела, чтобы Рейджен освободил пятно...

Она печально огляделась по сторонам.

– Я не хочу через это проходить. Я не могу идти на суд и ничего не хочу говорить Рейджену... Я хочу уйти из жизни мальчиков, чтобы больше не портить им жизнь... Я чувствую себя такой виноватой... Ну почему я это сделала?

– Когда ты впервые встала на пятно? – спросил доктор Джордж.

– Прошлым летом я стала красть время. А когда мальчики были в Ливанской тюрьме, я украла немного времени, чтобы написать стихи. Я люблю писать стихи... – Она заплакала. – Что они собираются сделать с мальчиками?

– Мы не знаем. Мы стараемся понять как можно лучше, – мягко ответил доктор Джордж.

– Не надо их очень сильно наказывать, – попросила Адалана.

– Когда в октябре случились эти инциденты, ты знала о том, что планируется? – спросил он.

– Да. Я знаю все, даже о таких вещах, о которых не знает Артур... Но я не могла это остановить. На меня подействовали таблетки и алкоголь. Не знаю, почему я это сделала. Мне было так одиноко.

Она засопела и попросила салфетку.

Задавая свои вопросы, доктор Джордж внимательно смотрел в лицо Адаланы, боясь испугнуть ее:

– Были ли у тебя друзья, которые доставляли тебе радость? Чтобы как-то справиться с одиночеством?

– Я никогда ни с кем не говорю. Даже с мальчиками... Я говорю с Кристин.

– Ты сказала, что несколько раз выходила этим летом и еще – в Ливанской тюрьме. Выходила ли ты на пятно до этого?

– Не выходила. Но я была. Я уже давно там.

– Когда Челмер...

– Да! – резко оборвала она. – Не говорите о нем!

– Ты можешь общаться с матерью Билли?

– Нет! Она не может даже с мальчиками общаться.

– А с сестрой Билли, Кэти?

– Да, я разговаривала с Кэти. Но думаю, она не знала об этом. Мы вместе ходили в магазин за покупками.

– А с братом Билли, Джеймсом?

– Нет... мне он не нравится.

Адалана вытерла слезы и откинулась назад, с удивлением глядя на видеокамеру. Потом долго молчала, и доктор Джордж понял, что она ушла. Он смотрел на застывшее лицо и ждал, кто же сейчас встанет на пятно.

– Нам бы очень помогло, – сказал он мягко, убедительно, – если бы мы могли поговорить с Билли.

Лицо пациента стало испуганным, и Билли быстро огляделся вокруг, чтобы понять, где он оказался. Доктор Джордж узнал выражение лица, которое видел в окружной тюрьме в тот день, когда доктор Уилбур вызвала

Билли, личность-ядро. Доктор Джордж мягко заговорил, боясь, что Билли ускользнет, прежде чем с ним удастся наладить контакт. Колени Миллигана нервно подрагивали, взгляд был загнанный.

– Ты знаешь, где находишься? – спросил доктор Джордж.

– Нет, – пожав плечами, ответил Билли, словно отвечая на школьный тест, когда нужно сказать «да» или «нет», а он не уверен в правильности ответа.

– Это клиника, а я твой доктор.

– Господи, он меня убьет, если я буду говорить с доктором.

– Кто убьет?

Билли посмотрел вокруг и увидел направленную на него видеокамеру.

– Что это?

– Наш сегодняшний сеанс записывается. Это видеокамера. Мы подумали, что будет полезно записать этот сеанс, чтобы ты мог увидеть, что происходило.

Но Билли уже ушел.

– Эта штука испугала его, – с отвращением сказал Томми.

– Я объяснил ему, что это видеокамера и...

Томми хихикнул:

– Похоже, он не понял, о чем вы говорите.

Когда сеанс закончился и Томми ушел в Уэйкфилд-коттедж, доктор Джордж долго думал обо всем этом, сидя в своем кабинете. Он должен будет рассказать суду, что хотя Уильям С. Миллиган и не болен психически в обычном смысле этого слова (поскольку диссоциация считается неврозом), но как медик он твердо убежден: поскольку Миллиган настолько далек от реальности, что не мог подчинять свои действия требованиям закона, то, следовательно, он не несет ответственности за совершенные преступления.

Оставалось только продолжать лечение этого пациента и каким-то образом сделать его способным предстать перед судом. Но можно ли за шесть недель, оставшихся от трех месяцев, отпущенных судом, вылечить болезнь, на которую такому психоаналитику, как Корнелия Уилбур, в ее работе с Сивиллой потребовалось более десяти лет?

На следующее утро Артур решил, что необходимо поделиться с Рейдженем тем, что он узнал об Адалане во время сеанса видеозаписи с доктором Джорджем. Он шагал взад-вперед по палате интенсивной терапии и громко говорил Рейджену:

– Незнание с изнасилованиями разрешено. Теперь я знаю, кто это

сделал.

Голос его быстро сменился на голос Рейджена:

– Как ты узнал?

– Мне стали известны некоторые новые факты, и я связал воедино доступную информацию.

– Кто это был?

– Поскольку тебя обвиняют в преступлениях, которые ты не совершал, полагаю, ты имеешь право знать.

Разговор продолжался с мгновенным переключением голосов, иногда громко, временами мысленно, как беззвучная речь.

– Рейджен, ты помнишь, как раньше временами были слышны женские голоса?

– Да, я слышал Кристин. И... голоса других женщин.

– Ну так вот, когда ты пошел на дело в прошлом октябре, вмешалась одна из наших женщин.

– Что ты хочешь сказать?

– Имеется молодая женщина, которую ты никогда не видел. Ее зовут Адалана.

– Никогда о такой не слышал.

– Она очень нежный и ласковый человек. Это она всегда за нас готовила и убирала в доме. Это она составляла букеты, когда Аллен работал в цветочном магазине. Мне просто не приходило в голову, что...

– И какое она имеет отношение ко всему этому? Она что, взяла деньги?

– Нет, Рейджен. Это она изнасиловала твои жертвы.

– Она изнасиловала девушек?! Артур, как может женщина изнасиловать женщину?

– Рейджен, ты слышал когда-нибудь о лесбиянках?

– Пусть так, – сказал Рейджен, – но как лесбиянка насилует другую женщину?

– Вот поэтому они и обвиняют тебя. Когда один из мужчин занимает место, некоторые из них имеют физическую возможность заниматься сексом, хотя мы оба знаем, что я положил за правило обязательно соблюдать целомудрие. Она использовала твоё тело.

– Ты хочешь сказать, что меня все время обвиняют в изнасилованиях, которые совершила эта сука?

– Да, но я хочу, чтобы ты поговорил с ней и дал ей возможность объяснить.

– Значит, вот в чем дело... Я убью ее.

– Рейджен, будь благоразумным!

– Благоразумным!

– Адалана, я хочу, чтобы ты познакомилась с Рейдженем. Поскольку Рейджен – наш защитник, он имеет право знать, что случилось. Ты должна объясниться и оправдаться перед ним.

Тихий, нежный голос возник в его голове словно откуда-то извне, из темноты. Это было похоже на галлюцинацию или на голос во сне.

– Рейджен, прости меня за эту неприятность...

– Простить! – прорычал Рейджен, шагая по комнате. – Ты, грязная потаскуха! Чего ради тебе понадобилось насиловать женщин? Ты хоть понимаешь, во что нас втянула?

Он резко повернулся – и исчез. Комната внезапно наполнилась женскими рыданиями.

Сестра Хелен Йегер заглянула в глазок:

– Могу я тебе помочь, Билли?

– Проклятье, мадам! – воскликнул Артур. – Оставьте нас одних!

Йегер ушла, расстроившись, что Артур так накричал на нее. Когда она отошла, Адалана попыталась объяснить:

– Ты должен понять, Рейджен, что мои потребности отличаются от ваших.

– Какого черта тебе понадобился секс с женщинами?! Ты сама женщина!

– Вы, мужчины, не понимаете. По крайней мере, дети знают, что такое любовь, сочувствие, что такое обнять кого-то и сказать: «Я люблю тебя, беспокоюсь за тебя, я сочувствую тебе».

– Позволь тебя перебить, – сказал Артур, – но я всегда считал, что физическая любовь нелогична и анахронична, имея в виду последние достижения в науке...

– Ты с ума сошел! – воскликнула Адалана. – Вы оба! – Затем ее голос вновь стал мягким. – Если бы вы хоть раз ощутили, что это такое, когда тебя обнимают и ласкают, вы бы поняли.

– Слушай, ты, сучка! – заорал Рейджен. – Мне наплевать, кто ты и что ты. Если ты еще раз заговоришь с кем-нибудь в этом отделении или с кем угодно, тебе не жить, это я обещаю.

– Одну минуту, – сказал Артур. – В клинике не ты принимаешь решения. Здесь командую я. Ты должен слушаться меня.

– Ты хочешь оставить все как есть? Простить эту тварь?!

– Ни в коем случае. Вопрос будет решен. Но не ты должен говорить ей, что она больше не сможет вставать на пятно. Ты не имеешь на это права.

Как последний идиот, ты позволил украсть у себя время. Твоя дурацкая водка, марихуана и амфетамины сделали тебя настолько уязвимым, что ты подверг опасности жизнь Билли и всех нас. Да, Адалана сделала это. Но ответственность лежит на тебе, потому что ты – защитник. А когда ты становишься уязвимым, ты подвергаешь опасности не только себя, но и каждого из нас.

Рейджен хотел что-то сказать, но отступил. Увидев цветы на подоконнике, он сбросил их на пол.

– После всего сказанного, – продолжал Артур, – с этого момента Адалана классифицируется как «нежелательная» личность. Адалана, ты больше никогда не встанешь на пятно. Ты больше никогда не займешь времени.

Она отошла в угол, встала лицом к стене и плакала до тех пор, пока не ушла. Стало тихо. Потом вышел Дэвид и вытер слезы на глазах. Увидев разбитый цветочный горшок на полу, он смотрел на него, понимая, что цветок погиб. Больно было видеть, как он лежит с оголенными корнями. Дэвид чувствовал, как умирает цветок.

Сестра Йегер подошла к двери, держа в руках поднос с едой.

– Ты уверен, что моя помощь не нужна?

Дэвид съежился от страха:

– Вы посадите меня в тюрьму за то, что я убил цветок?

Она поставила поднос на стол и успокаивающе положила руку ему на плечо.

– Нет, Билли, нет. Никто тебя не посадит. Мы позаботимся, чтобы тебе стало лучше.

Доктор Джордж выкроил время, чтобы посетить собрание Американской ассоциации психиатров (ААП), которое состоялось в Атланте в понедельник, 8 мая. В пятницу он видел Миллигана и решил, что, пока его не будет, доктор Марлен Кокен, заведующая отделением психологии, начнет с пациентом курс интенсивной терапии.

Марлен Кокен, родом из Нью-Йорка, была одной из тех сотрудников клиники, кто с самого начала сомневался в диагнозе множественной личности, хотя ни разу не высказала это открыто. Но однажды, когда она разговаривала с Алленом в своем кабинете, сестра Донна Эгар поздоровалась с ней:

– Привет, Марлен. Как дела?

Аллен мгновенно повернулся и выпалил:

– Марлен – так зовут подружку Томми.

В этот момент, видя спонтанность его реплики, произнесенной без малейшего обдумывания, доктор Кокен решила, что он не симулирует.

– Меня тоже так зовут, – сказала Кокен. – Ты говоришь, что она подруга Томми?

– Ну, она не знает, что это Томми. Она всех нас зовет Билли. Но это Томми подарил ей обручальное кольцо. Она никогда не знала нашего секрета.

– Для нее будет шоком, когда она узнает, – задумчиво сказала доктор Кокен.

На совещании ААП доктор Хардинг встретился с Корнелией Уилбур и сообщил ей, как идут дела у Миллигана. Он несколько не сомневался в том, что Миллиган – множественная личность. Проблема состояла в том, что Миллиган отказывался публично признавать другие имена.

– Он использует разные имена на групповых занятиях с доктором Паглисом, и это сбивает с толку других пациентов. Когда его просят поделиться его проблемами, он говорит: «Мой доктор не разрешил мне говорить об этом». Можете себе вообразить эффект таких его речей и попыток изображать из себя младшего терапевта. Его убрали из группы.

– Вы должны понять, – сказала Уилбур, – что значит для других персонажей быть неузнанными. Конечно, они привыкли отзываться на подлинное имя, но поскольку секрет уже раскрыт, это заставляет их чувствовать, что их не хотят признавать.

Тогда доктор поинтересовался мнением Уилбур о его попытках вылечить Миллигана за оставшееся время.

– Полагаю, следует попросить суд дать вам еще три месяца, – сказала она. – А за это время постараться объединить все личности в одну, чтобы Миллиган мог сотрудничать со своими адвокатами и предстать перед судом.

– Через две недели, двадцать восьмого мая, штат Огайо пришлет судебного психиатра для его обследования. Не могли бы вы приехать в клинику для консультации? Это послужило бы хорошей поддержкой.

Уилбур согласилась приехать.

Хотя совещание ААП предполагалось завершить лишь в пятницу, доктор Джордж уже в среду покинул Атланту. На следующий день, на совещании группы в Уэйкфилде, он информировал персонал об антитерапевтическом эффекте, который создает непризнание других личностей Миллигана, – таков был его вывод после беседы с доктором Уилбур:

– Мы полагали, что, игнорируя все другие личности, будем способствовать их объединению в одного человека. Но в действительности это заставило их «уйти в подполье». Необходимо продолжать требовать от пациента ответственности и «подотчетности», но мы не должны подавлять другие личности.

Доктор подчеркнул, что при наличии малейшей надежды достичь слияния, дающего возможность Миллигану пойти в суд, все личности должны быть признаны и общаться с ними необходимо как с отдельными индивидуумами.

Розали Дрейк почувствовала облегчение. Втайне она всегда отличала каждого из них, особенно Денни. Теперь можно признать это открыто и не игнорировать другие личности лишь потому, что некоторые из сотрудников клиники все еще в них не верят.

Донна Эгар улыбалась, записывая 12 мая 1978 года новый план:

«Мистеру Миллигану будет позволено называться разными именами, чтобы он мог описать ощущения, которые иначе ему трудно выразить. В результате у него появится возможность откровенно разговаривать с персоналом.

План:

1. Не отрицать, что Миллиган испытывает эти диссоциации.
2. Когда Миллиган считает, что он – другая личность, выяснять его ощущения в такой ситуации».

4

В середине мая мини-группа начала работать в саду, и Розали Дрейк и Ник Чикко обнаружили, что Денни ужасно боится культиватора. Они стали вырабатывать у него привыкание, предлагая Денни подходить к машине все ближе и ближе. Когда Ник сказал, что однажды Денни перестанет пугаться машины и даже сможет управлять ею, тот чуть не лишился сознания.

Несколько дней спустя один из пациентов-мужчин сказал Розали, что отказывается работать в саду. Аллен еще раньше замечал, что иногда этому человеку нравилось дразнить Розали.

– Это глупо, – кричал пациент. – Ведь видно же, что ты ни черта не смыслишь в садоводстве!

– Ну что ж, мы можем хоть попытаться, – сказала Розали.

– Ты просто чертова дура, – продолжал пациент. – Ты в садоводстве понимаешь столько же, сколько в групповой терапии.

Аллен видел, что она вот-вот заплачет, но ничего не сказал. Он на некоторое время уступил пятно Денни, чтобы тот поработал с Ником. Но потом, в палате, когда Аллен хотел было встать на пятно, он почувствовал, как его сильно оттолкнули, так что он ударился о стену. Это мог сделать только Рейджен и только перед самым своим выходом.

– Господи, за что? – прошептал Аллен.

– В саду ты позволил тому крикуну оскорбить леди.

– Это не моя обязанность.

– Правила есть правила. Ты не можешь стоять и смотреть, как бьют или оскорбляют женщину или ребенка.

– А почему ты сам ничего не сделал?

– Я не занимал пятна. В тот момент ответственность лежала на тебе. Запомни это, или в следующий раз, когда ты будешь занимать пятно, я тебе голову разобью.

На следующий день, когда агрессивный пациент опять оскорбил Розали, Аллен схватил его за ворот и свирепо посмотрел в глаза:

– Закрой свою грязную пасть!

Он надеялся, что человек ничего не предпримет в ответ. Аллен решил, что, если тот будет выступать, он уступит пятно Рейджену. Непременно.

Розали поняла, что она должна защищать Миллигана как от тех, кто считал его обычным жуликом, стремящимся избежать тюрьмы, так и от тех, кто был оскорблен требованиями особых привилегий, исходящими от Аллена, натравливаниями одного работника персонала на другого, надменностью Артура и антисоциальным поведением Томми. Она пришла в ярость, услышав, как одна из сестер жалуется, что протеже доктора Джорджа уделяется слишком много времени и создаются слишком благоприятные условия. Розали съезжилась, вновь и вновь слыша насмешливые реплики: «Они беспокоятся больше о насильнике, чем о его жертвах». Когда пытаешься помочь душевнобольному, надо отбросить желание отомстить и работать просто с человеком.

Однажды утром Розали наблюдала, как Билли Миллиган сидел на ступеньках Уэйкфилд-коттеджа, двигая губами и разговаривая сам с собой. Вдруг что-то изменилось: Миллиган изумленно вскинулся, потряс головой и дотронулся до щеки.

Потом он увидел бабочку, протянул руку и поймал ее. Заглянув в сложенные ладони, он с криком вскочил на ноги, раскрыл ладони и вскинул руки вверх, помогая бабочке взлететь, но та упала на землю и осталась там лежать. Билли смотрел на нее с состраданием.

Когда Розали подошла к нему, он повернулся, очевидно испугавшись, с

глазами, полными слез. Розали, сама не зная почему, почувствовала, что перед ней стоит кто-то, кого она еще не знает.

Он поднял бабочку:

– Она больше не сможет летать.

Розали тепло улыбнулась, не рискуя назвать его настоящим именем. Наконец она решилась и тихо сказала, почти прошептала:

– Здравствуй, Билли. Я давно уже хочу познакомиться с тобой.

Она села рядом с ним на ступеньку, а он обхватил свои колени и в ужасе смотрел на траву, на деревья, на небо.

Несколько дней спустя, во время занятий в минигруппе, Артур разрешил Билли опять встать на пятно и поработать с глиной. Ник попросил слепить голову, и Билли работал почти час, скатывая глину в шар, добавляя к нему кусочки, чтобы сделать глаза, нос, не забыл даже про зрачки.

– Я сделал голову, – гордо сказал он.

– Очень хорошо, – похвалил Ник. – И кто же это?

– А разве обязательно должен быть кто-то?

– Нет, я просто подумал, что ты имел в виду кого-то определенного.

Едва Билли отвел взгляд, как появился Аллен и с отвращением посмотрел на глиняную голову – серый шар с двумя маленькими шариками, вдавленными в него. Он взял инструмент, чтобы все переделать. Он сделает из этого шара бюст Авраама Линкольна или, может быть, доктора Джорджа и покажет Нику, что такое настоящая скульптура. Когда Аллен работал над лицом, инструмент соскользнул и вонзился ему в руку, так что потекла кровь.

Аллен открыл рот от удивления. Он знал, что осторожно обращался с инструментом. Вдруг его что-то отбросило к стене. Проклятье! Опять Рейджен.

– Что я сделал на этот раз? – прошептал он.

Ответ эхом прозвучал в его голове:

– Никогда не трогай работу Билли.

– Черт, я только собирался...

– Ты собирался похвастаться. Показать, что ты талантливый художник. Но сейчас для Билли очень важна эта терапия.

В тот же вечер, сидя в одиночестве в палате, Аллен жаловался Артуру, как ему надоело, что Рейджен все время его одергивает.

– На него не угодишь. Если он такой требовательный, так пусть сам всем и занимается.

– Ты очень любишь спорить, – сказал Артур, – тем самым создавая проблемы. Именно из-за этого доктор Паглис, исключил нас из групповой терапии. А твои постоянные манипуляции заставляют сотрудников Уэйкфилда враждебно к нам относиться.

– Тогда пусть кто-нибудь другой всем заправляет. Поставь кого-нибудь, кто мало говорит. Билли и детям нужно лечение. Пусть они и общаются с этим народом.

– Я намереваюсь чаще отдавать пятно Билли, – сказал Артур. – После того как он познакомится с доктором Джорджем, придет время познакомиться и со всеми нами.

5

Когда в среду, 24 мая, Миллиган вошел в комнату для бесед, доктор Джордж заметил в его глазах страх, почти отчаяние, как будто он в любой момент был готов убежать или упасть в обморок. Миллиган уставился в пол, и доктор почувствовал, что лишь тоненькая ниточка удерживает его в этом времени и месте. Некоторое время оба сидели молча. Колени Билли нервно дрожали. Наконец доктор Джордж мягко произнес:

– Может быть, ты немного расскажешь мне о том, что ты чувствуешь, придя сюда и разговаривая со мной?

– Я ничего об этом не знаю, – сказал Билли гнусавым, плачущим голосом.

– Ты не знал, что появишься и встретишься со мной? Когда ты встал на пятно?

– Пятно? – растерянно переспросил Билли.

– Когда ты понял, что мы с тобой будем беседовать?

– Когда пришел тот парень и велел мне пойти с ним.

– И что, по-твоему, должно было произойти?

– Он сказал, что я должен идти к доктору. Я не знал зачем.

Его колени самопроизвольно подрагивали.

Беседа шла медленно, с мучительными перерывами, во время которых доктор Джордж думал, как построить разговор с тем, кто, по его убеждению, являлся подлинным Билли. Как рыбак, манипулирующий удочкой, но соблюдающий осторожность, чтобы не порвать леску, доктор прошептал:

– Как ты себя чувствуешь?

– Вроде бы хорошо.

– У тебя какие-то проблемы?

– Ну... я что-то делаю, а потом не помню что. Я иду спать, а люди говорят мне, что я что-то сделал.

– И что же, по их словам, ты сделал?

– Плохие вещи... преступления.

– Вещи, которые ты намеревался сделать? Многие из нас в разное время намереваются сделать великое множество самых разных вещей.

– Просто каждый раз, когда я просыпаюсь, мне говорят, что я совершил что-то плохое.

– И что ты думаешь, когда тебе говорят, что ты сделал что-то плохое?

– Я тогда хочу умереть... потому что я никого не хочу обижать.

Он так сильно задрожал, что доктор Джордж быстро сменил тему разговора.

– Ты мне говорил, что спал. Сколько времени ты спишь?

– О-о-о, кажется, недолго, а на самом деле так долго. Я что-то слышу... кто-то пытается говорить со мной.

– И что тебе пытаются сказать?

– Я не могу понять.

– Потому что говорят шепотом? Или голоса искажены? Или они звучат так неотчетливо, что невозможно разобрать слов?

– Голоса действительно тихие... и звучат как будто издали.

– Как из другой комнаты или из другой страны?

– Ага, – сказал Билли. – Как из другой страны.

– Какой-то конкретной страны?

После долгого припоминания он сказал:

– Звучит так, как говорят люди в фильмах про Джеймса Бонда. А в другой раз – как русские. Это те люди, которые, как сказала та женщина, находятся внутри меня?

– Возможно, – еле слышно прошептал доктор Джордж и вдруг увидел тревогу на лице Билли.

– Что они делают во мне? – закричал Билли.

– Что они тебе говорят? Это может помочь нам понять. Они дают тебе наставления, руководят тобой или советуют?

– Они все время твердят: «Слушай, что он говорит. Слушай, что он говорит».

– Кого они имеют в виду? Меня?

– Думаю, да.

– Когда меня нет с тобой, когда ты один, ты тоже слышишь их?

Билли вздохнул.

– Вроде как они говорят обо мне. С другими людьми.

– Они поступают так, словно им нужно защитить тебя? Говорят о тебе с другими людьми, но так, будто они должны прикрыть тебя?

– Мне кажется, они заставляют меня спать.

– Когда они заставляют тебя спать?

– Когда я очень расстраиваюсь.

– Ты понимаешь, что это случается тогда, когда тебе трудно успокоиться? Обычно это одна из причин, почему люди ложатся спать, – чтобы уйти оттого, что их расстроило. Чувствуешь ли ты, что стал достаточно сильным для того, чтобы им больше не нужно было так защищать тебя?

– Кому «им»? – вскрикнул он, вновь охваченный тревогой. – Кто эти люди? Почему они заставляют меня все время спать?

Доктор Джордж понял, что разговор надо продолжать в другом ключе.

– С чем тебе труднее всего справиться?

– Когда кто-то хочет причинить мне вред.

– Это тебя пугает?

– Это заставляет меня спать.

– Но тебе все равно может продолжать грозить опасность, – настаивал доктор Джордж. – Даже если ты не знаешь об этом.

Билли положил руки на подрагивающие колени.

– Если я засну, мне никто не причинит вреда.

– И что происходит потом?

– Я не... Каждый раз, когда я просыпаюсь, мне не больно. – После долгого молчания он поднял глаза на доктора. – Никто не объяснил, почему эти люди внутри.

– Те, которые говорят с тобой?

– Ну да.

– Может быть, это происходит из-за того, о чем ты только что сказал: когда ты сам не можешь уберечь себя от опасности, другая твоя половина знает, каким образом тебя защитить.

– Другая моя половина?

Доктор Джордж улыбнулся и кивнул, ожидая реакции.

– Как получилось, что я не знаю своей второй половины? – дрожащим голосом спросил Билли.

– Очевидно, внутри тебя живет какой-то большой страх, – сказал доктор Джордж, – который мешает тебе совершать действия, необходимые для твоей защиты. Почему-то тебе очень страшно делать это. И тогда ты идешь спать, чтобы в это время другая половина приняла правильные

меры.

Билли выслушал ответ и устремил взгляд вверх, словно стараясь понять.

– Почему я такой?

– Наверно, когда ты был еще очень маленьким, что-то тебя сильно напугало.

После долгого молчания Билли заплакал:

– Я не хочу думать о тех вещах. Мне становится больно.

– Но ведь ты сам спрашивал меня, почему тебе приходится идти спать, когда ситуация становится опасной.

Билли огляделся вокруг и сдавленным голосом спросил:

– Как я попал в эту больницу?

– Миссис Тернер, доктор Кэролин и доктор Уилбур решили, что, если тебя положить в клинику, тебе не нужно будет все время спать. Ты узнаешь, как бороться со своими проблемами и страхами, и сумеешь справиться с ними.

– Вы хотите сказать, что можете научить меня? – прорыдал Билли.

– Разумеется, мы были бы рады помочь тебе. Ты хочешь, чтобы мы попытались?

Голос Билли вновь поднялся до крика:

– Вы хотите сказать, что выгоните этих людей из меня?

Доктор Джордж откинулся назад в кресле. Необходимо быть осторожным и не обещать слишком многого.

– Мы хотели бы помочь тебе, чтобы тебе не пришлось все время спать. Чтобы обе твои половины соединились и сделали тебя сильным и здоровым человеком.

– И я больше не буду их слышать? И они не смогут отправлять меня спать?

Доктор Джордж ответил, тщательно подбирая слова:

– Если ты станешь сильным, тебя не надо будет заставлять спать.

– Я не думал, что кто-то сможет помочь. Я... я не знал... Всякий раз, когда я поворачивался, я просыпался... Я был заперт в комнате... в том ящике...

Он задыхался, глаза его забегали от ужаса.

– Это, наверное, очень страшно, – произнес доктор Джордж, пытаясь успокоить его. – Ужасно страшно.

– Меня всегда сажали в ящик, – сказал Билли, повысив голос. – Он знает, что я здесь?

– Кто?

– Мой папа.

– Я с ним не разговаривал. Думаю, ему неизвестно, что ты здесь.

– Мне... мне нельзя ничего говорить. Если он узнает, что вы разговаривали со мной, он... ох, он убьет меня... и закопает в амбаре...

Лицо Билли исказилось болью, он съежился и опустил голову вниз. Нить порвалась. Доктор Джордж понял, что потерял его.

Послышался тихий голос Аллена:

– Билли спит. Это не Артур его отправил. Просто он сам пошел спать, потому что снова стал вспоминать.

– Слишком тяжело говорить о тех вещах, верно?

– А о чем вы говорили?

– О Челмере.

– О-о, конечно, это... – Аллен взглянул на видеокамеру. – Почему она включена?

– Я сказал Билли, что мне бы хотелось записать нашу беседу. Я все объяснил ему, и Билли согласился. Что побудило тебя появиться?

– Артур велел мне встать на пятно. Мне кажется, вы напугали Билли теми воспоминаниями. Он почувствовал себя в ловушке.

Доктор Джордж начал пересказывать содержание беседы, и вдруг ему пришла в голову идея:

– Скажи, можно ли мне сейчас поговорить с тобой и Артуром вместе? Обсудить втроем то, что произошло сейчас?

– Что ж, я могу спросить Артура.

– Меня интересует ваше мнение – твое и Артура – вот по какому вопросу: может быть, Билли стал сильнее, его уже не преследует мысль о самоубийстве и он сможет преодолеть...

– Он не самоубийца.

Это было сказано тихим, но отчетливым голосом с британским акцентом, и доктор Джордж понял, что Артур решил выйти и поговорить с ним. Доктор не видел Артура со времени посещения тюрьмы в то воскресенье, когда доктор Уилбур и другие проводили экспертизу. Стараясь оставаться спокойным и не выказывать удивления, Хардинг продолжил разговор:

– Нужно ли и сейчас обращаться с Билли с такой осторожностью? Он все еще уязвим?

– Да, – сказал Артур, соединив кончики пальцев. – Он легко пугается. Настоящий параноик.

Доктор Джордж объяснил, что в его намерения не входило сегодня говорить о Челмере, но ему показалось, что Билли сам хотел поговорить об

этом.

– Вы затронули воспоминания прошлого, – сказал Артур, тщательно подбирая слова, – и это первое, о чем он вспомнил. В результате возобладал страх, и этого оказалось достаточно, чтобы он уснул. Я не могу это контролировать. Я разбудил его перед выходом...

– Вы слышите все, что он говорит, когда не спит?

– Не все и не всегда. Я не всегда могу точно сказать, о чем он думает. Но когда он думает, я ощущаю его страх. Почему-то Билли не может отчетливо слышать, что я ему говорю. Но впечатление такое, словно он знает, когда мы заставляем его спать, а когда он сам может уснуть.

Доктор Джордж и Артур обсудили происхождение некоторых других личностей, но как только Артур стал вспоминать, он вдруг остановился, поднял голову, прислушиваясь, и закончил разговор.

– Кто-то у двери, – сказал он и исчез.

Это оказался техник-психиатр Джефф Джаната, который обещал вернуться за Миллиганом без четверти двенадцать.

Артур уступил место Томми, и тот вернулся с Джеффом в Уэйкфилд-коттедж.

На следующий день, за два дня до приезда доктора Уилбур, доктор Джордж узнал по дрожащим коленям, что перед ним подлинный Билли, вновь появившийся для лечения. Билли услышал имена Артура и Рейджена и теперь хотел знать, кто они такие.

Как ему сказать? Хардинг этого не знал. Перед его глазами вставала жуткая картина: Билли, узнав правду, убивает себя. Пациент его коллеги в Балтиморе повесился в тюрьме после того, как узнал, что у него множественная личность. Доктор Джордж глубоко вдохнул и сказал:

– Голос, который звучит, как голос киношного Джеймса Бонда, – это Артур. Артур – одно из твоих имен.

Колени перестали дрожать. Глаза Билли широко раскрылись.

– Артур – часть тебя. Хочешь познакомиться с ним?

Билли задрожал, и колени его стали так подпрыгивать, что он заметил это и положил на них руки, чтобы успокоить дрожь.

– Нет. Я тогда захочу спать.

– Билли, я думаю, что если ты очень постараться, то не заснешь, когда Артур появится и заговорит. Ты услышишь все, что будет сказано, и поймешь, в чем твоя проблема.

– Страшно.

– Скажи, ты мне доверяешь?

Билли кивнул.

– Тогда все хорошо. Ты будешь сидеть, а Артур встанет на пятно и будет говорить со мной. Ты не заснешь, услышишь все, что он скажет, и запомнишь. Так же, как это делают другие. Ты освободишь пятно, но сознание твое не выключится.

– Что такое «пятно»? То же самое вы сказали в прошлый раз, но мне непонятно, что это значит.

– Так Артур объяснял, что происходит, когда один из твоих внутренних людей выходит и действует как реальная личность. Это нечто вроде большого пятна света от прожектора, и когда кто-то становится на него, он овладевает сознанием. Закрой глаза, и ты увидишь его.

Хардинг затаил дыхание. Билли закрыл глаза.

– Я вижу его! Как будто я на темной сцене и свет прожектора направлен на меня.

– Хорошо, Билли. Если ты отодвинешься немного, выйдешь из света, то Артур обязательно выйдет и поговорит с нами.

– Я ушел от света, – сказал Билли, и колени его перестали дрожать.

– Артур, Билли хочет поговорить с тобой, – произнес Хардинг. – Извини, что побеспокоил тебя и вызвал, но для лечения ему важно узнать о тебе и о других.

Хардинг почувствовал, как вспотели ладони. Глаза пациента открылись, хмурое выражение сменилось надменным взглядом из-под тяжелых век Артура. Послышался голос, который он слышал накануне, – отрывистая речь с аристократическим британским акцентом, зубы сжаты, губы едва шевелятся.

– Уильям, это Артур. Я хочу, чтобы ты знал, что это безопасное место и что люди здесь хотят помочь тебе.

Мгновенно выражение лица изменилось на характерное для Билли, глаза широко открылись. Он в изумлении огляделся и спросил:

– Почему я раньше не знал о тебе?

Опять включился Артур:

– Я полагал, что ты не был готов. Ты все время хотел покончить с собой. Мы должны были ждать подходящего времени, чтобы рассказать.

Доктор Джордж со страхом, но и с удовольствием наблюдал и слушал, как Артур в течение десяти минут разговаривал с Билли, рассказывая о Рейджене и о других восьми личностях и объясняя, что работа доктора Джорджа направлена на то, чтобы объединить все сознания в одно и снова сделать Билли цельным человеком.

– Вы можете сделать это? – спросил Билли, поворачиваясь к доктору

Джорджу.

– Мы называем это синтезом, Билли. Мы будем добиваться этого медленно. Сначала объединим Аллена и Томми, поскольку у них много общего. Затем Денни и Дэвида – оба они очень нуждаются в лечении. Потом будут исчезать остальные, один за другим, пока ты не станешь опять только Билли.

– Но почему вы должны объединить их со мной? Почему вы не можете от них отделаться?

Доктор Джордж соединил кончики пальцев:

– Другие врачи пытались это сделать. Но это не работает. Самый лучший путь – объединить все части тебя, сначала совместными беседами, потом запоминанием того, что делает каждый из них. Мы называем это общим сознанием. В конце концов разные части тебя станут одной личностью. Это и есть синтез.

– Когда вы будете это делать?

– Послезавтра приезжает доктор Уилбур, будет проведен консилиум. Просмотрим видеозаписи вместе с персоналом, чтобы им легче было помогать тебе.

Билли кивнул. Затем глаза его раскрылись, внимание обратилось внутрь. Он несколько раз кивнул головой и потом удивленно посмотрел на доктора Джорджа.

– В чем дело, Билли?

– Артур просит передать, что он сам хочет решить, кто сможет присутствовать на консилиуме.

6

Клиника Хардинга буквально гудела. Доктор Корнелия Уилбур уже читала у них лекцию, но это было летом 1955 года, и нынешний случай оказался совершенно иным. Сейчас здесь лежал знаменитый пациент, первая множественная личность, за которой установлено круглосуточное наблюдение в психиатрической клинике. Персонал все еще был разделен на верящих в диагноз и скептиков, тем не менее все хотели послушать, что скажет доктор Уилбур о Билли Миллигане.

Хотя персоналу Уэйкфилда сообщили, что будут допущены лишь десять – пятнадцать человек, комната на первом этаже административного здания была набита битком. Доктора и администраторы привели своих жен; служащие из других филиалов клиники, не имеющие отношения к лечению

Миллигана, собрались в дальнем конце комнаты: сидели на полу, стояли вдоль стен, выглядывали из соседних помещений.

Доктор Джордж показал аудитории видеозаписи себя и Дороти Тернер, беседующих с разными личностями. Артур и Рейджен привлекли интерес, поскольку никто из персонала вне Уэйкфилда не сталкивался с ними. Адалана, которую, кроме Дороти Тернер, никто не видел, вызвала у кого страх, у кого – насмешки. Но когда на мониторе появился подлинный Билли, наступила мертвая тишина. А когда он воскликнул: «Кто эти люди? Почему они заставляют меня все время спать?», Розали Дрейк, как и многие другие, еле сдержала слезы.

После просмотра доктор Уилбур привела Билли и немного с ним побеседовала. Она говорила с Артуром, Рейдженем, Денни и Дэвидом. Они отвечали на вопросы, но Розали видела, как они встревожены. Когда заседание закончилось, Розали поняла по незатихающему гулу, что персонал недоволен. Сестра Эдриенн Мак-Кенн и сестра Лаура Фишер жаловались, что Миллиган опять будет чувствовать себя особым и опять окажется в центре внимания. Розали, Ник Чикко и Донна Эгар сердились из-за того, что Билли выставили напоказ.

После визита доктора Уилбур стратегия лечения вновь была изменена, и доктор Джордж сосредоточил внимание на синтезе личностей.

Доктор Марлен Кокен начала регулярные сеансы, на которых личности вспоминали все прошлые оскорбления и пытки, разбирались в них и вновь переживали те страдания, которые привели к диссоциации в возрасте восьми лет.

Однако доктор Кокен не соглашалась с планом синтеза. Она сказала, что метод, который доктор Уилбур применила в случае с Сивиллой, мог быть правильным при других обстоятельствах. Но они должны предвидеть, что может произойти, если Рейджена соединят со всеми другими и затем Миллигана поместят в тюрьму. Во враждебной обстановке он не сможет защитить себя, и без этой единственной защиты его могут убить.

– До сих пор он выживал в тюрьме, – заметил кто-то.

– Да, но рядом был Рейджен, готовый его защитить. Если его снова изнасилуют, – а вы знаете, что такое часто случается в тюрьме, – он может покончить с собой.

– Наша цель – синтез, – сказал Хардинг. – Такое поручение дал нам суд.

Подлинный Билли должен был слушать другие личности и отвечать им, признать их существование и изучить их. Методом постоянного

внушения добились того, что Билли смог удерживать сознание все дольше и дольше. Синтез должен был происходить поэтапно. В первую очередь следовало «сливать» людей с похожими качествами, а затем объединять полученные результаты методом интенсивного внушения, пока все не исчезнет в подлинном Билли.

Поскольку Аллен и Томми больше всех походили друг на друга, они оказались первыми на очереди. Аллен сообщил, что после многих часов спора с доктором Джорджем были еще часы бесед с Артуром и Рейдженем. Аллен и Томми усиленно работали с доктором Джорджем, но синтез проходил очень трудно, потому что у Томми были страхи, которых не было у Аллена. Например, Аллен любил бейсбол, а Томми боялся играть в эту игру, потому что, когда он был моложе и играл в бейсбол, его однажды пбили из-за допущенных ошибок. Доктор Джордж предложил, чтобы Ник Чикко, Аллен и другие личности помогли Томми, поговорив о его страхе и убедив поиграть в бейсбол. Культуротерапия будет продолжена, включая живопись маслом.

По словам Аллена, маленькие не могли понять, что такое синтез, пока Артур не объяснил им это с помощью аналогии. Артур сравнил синтез с порошком «Кул-Эйд», с которым дети были знакомы, и объяснил, что этот порошок состоит из отдельных кристалликов. Если добавить воды, они растворяются. Через некоторое время вода испаряется и остается твердая масса. Ничто не добавляется, ничто не теряется. Просто получается другое вещество.

– Теперь все это понимают, – сказал Аллен. – Синтез – это приготовление «Кул-Эйд».

Сестра Нэн Грейвс записала 5 июня: «Мистер Миллиган сказал, что ему удалось на один час соединить в себе Томми и Аллена и он почувствовал себя странно». Донна Эгар сообщила, что Миллиган выражал беспокойство по поводу синтеза, так как ему не хотелось, чтобы умер кто-то из его личностей или чтобы их способности и сила ослабли. «Но мы работаем над этим», – уверил ее Аллен.

На следующий день пришли Гэри Швейкерт и Джуди Стивенсон и принесли хорошие новости. Суд согласился продлить пребывание Билли в клинике, дав еще три месяца на завершение синтеза.

Вечером в среду, 14 июня, в здании, где проходили занятия музыкой, Розали Дрейк слушала, как Томми играет на барабанах. Она знала, что до сих пор только Аллен владел этим искусством. В совмещенном состоянии он, конечно, играл не так хорошо, как это делал отдельно взятый Аллен.

- Я чувствую, что краду талант у Аллена, – сказал он ей.
  - Ты все еще Томми?
  - Я – комбинация, и фактически у меня уже нет имени. Это меня беспокоит.
  - Но все-таки ты отзываешься, когда люди зовут тебя Билли.
  - Я всегда это делал, – сказал он, выбивая медленный ритм на барабане.
  - Есть какая-то причина, почему ты больше не можешь этого делать?
- Он пожал плечами:
- Думаю, так для всех будет проще. – Он ударил по барабану. – О'кей. Билли так Билли.

Слияние произошло не сразу. В разное время и через различные промежутки времени слились воедино семь личностей – кроме Артура, Рейджена и Билли. Чтобы не было путаницы, Артур дал этому сплаву новое имя – Кенни. Но имя не прижилось, и все продолжали называть его Билли.

Вечером другая пациентка принесла сестре Йегер записку, которую она нашла в мусорной корзине у Миллигана. Записка напоминала предсмертное письмо самоубийцы. Были немедленно приняты меры предосторожности. В оставшиеся дни недели сестра Йегер сообщала, что, хотя пациент то «сливался», то диссоциировался, он казался цельным на протяжении все более длительного периода времени. К 14 июля он в основном оставался Билли и был спокоен.

Проходили дни, частичный синтез наблюдался большую часть времени, но в отдельные короткие периоды Миллиган отключался, вообще не способный контролировать свое состояние.

Адвокаты Джуди и Гэри вновь посетили своего клиента 28 августа и напомнили доктору Джорджу, что через три недели он должен будет представить отчет судье. Если доктор Джордж решит, что пациент выздоровел и стал правомочным, судья Флауэрс назначит день суда.

- Полагаю, мы должны обсудить судебную стратегию, – сказал Артур. – Мы хотим изменить наши показания. Рейджен готов признать себя виновным и принять наказание за три ограбления, но он не признается в изнасилованиях.

- Однако четыре обвинения из десяти пунктов, содержащихся в обвинительном акте, относятся к изнасилованиям.

- Согласно рассказу Адаланы, ни одна из трех женщин не

сопротивлялась, – сказал Артур. – Ни одна из них не была травмирована. Каждая могла убежать. И еще Адалана говорит, что она каждой отдала обратно часть денег, чтобы они могли прожить, пока с ними не расплатятся страховые компании.

– Женщины утверждают иное, – сказала Джуди.

– Кому вы верите? – фыркнул Артур. – Им или мне?

– Если бы рассказу Адаланы противоречили показания лишь одной женщины, мог бы возникнуть повод для сомнений. Но противоречат все три, и ты понимаешь, что эти женщины не знали друг друга и не контактировали между собой.

– И все-таки каждая могла не желать признавать правду.

– А откуда ты знаешь, что произошло в действительности? – спросила Джуди. – Тебя там не было.

– Но Адалана была, – сказал Артур.

Джуди и Гэри не приняли идею относительно того, что жертвы не сопротивлялись, однако они понимали, что Артур говорит о восприятии случившегося с позиции Адаланы.

– Можно нам поговорить с ней? – спросил Гэри.

Артур отрицательно покачал головой.

– Ей навсегда запрещено выходить после того, что она сделала. Никаких исключений.

– Тогда, боюсь, мы пришли к первоначальной посылке, – сказал Гэри. – Невиновен по причине безумия.

Артур холодно посмотрел на него и процедил сквозь зубы:

– Полагаю, в моем случае вы не можете говорить о безумии.

– Это наша единственная надежда избежать тюрьмы, – сказала Джуди.

– Я не безумен, – настойчиво повторил Артур, – и на этом дискуссия окончена.

На следующий день Джуди и Гэри получили еще одну записку на желтой линованной казенной бумаге, где было написано, что Уильям С. Миллиган больше не желает, чтобы они представляли его в суде, и что он намеревается защищать себя сам.

– Он опять нас уволил, – сказал Гэри. – Что ты об этом думаешь?

– Я думаю, что никогда не видела этой записки, – ответила Джуди, кладя ее в папку. – Бумаги теряются, попадают не по адресу. Мне кажется, при нашей бюрократии может понадобиться шесть или семь месяцев, чтобы ее откопать.

В последующие дни еще четыре таких письма были подшиты неизвестно куда, и поскольку адвокаты отказались отвечать на письма

Артура, он наконец оставил попытки уволить их.

– Мы можем выиграть дело, ссылаясь на безумие? – спросила Джуди.

Гэри зажег свою трубку, пыхнул ароматным дымком.

– Если Кэролин, Тернер, Кокен, Хардинг и Уилбур заявят под присягой, что Билли был безумен в моменты совершения преступлений, по законам штата Огайо, думаю, попадем в цель.

– Но ты говорил, что ни одна множественная личность никогда не была признана невиновной в тяжком преступлении по причине безумия.

– Ну, тогда Уильям Стэнли Миллиган будет первым, – сказал Гэри, ухмыляясь в бороду.

7

Доктор Джордж Хардинг-младший боролся со своей совестью. Он не сомневался, что сейчас Билли синтезирован или почти синтезирован и, вероятно, может быть синтезирован настолько, чтобы предстать перед судом. Не это было проблемой. Когда в конце августа доктор Джордж лежал ночью без сна, обдумывая материал для отчета судье Флауэрсу, он не знал, имеет ли он моральное право использовать диагноз множественной личности как защиту против этих тяжких преступлений.

Его волновал вопрос об уголовной ответственности. Беспокоило и то, что его слова могут быть неправильно использованы и это приведет к дискредитации диагноза множественной личности. Могут пострадать другие пациенты с подобным синдромом. Профессия психиатра и показания психиатров на суде также будут дискредитированы. Если судья Флауэрс примет его суждение, что эта диссоциативная путаница, до сих пор классифицировавшаяся как невроз, является основанием для признания пациента невиновным по причине безумия, это создаст юридический прецедент в Огайо и, вероятно, во всей стране.

Доктор Джордж верил, что Билли Миллиган не контролировал свои действия в те три роковых дня октября. Такова работа психиатра – узнавать больше и вторгаться в новые области человеческого разума. Он чувствовал себя обязанным разобраться и в этом случае, понять Билли так, чтобы это стало понятно и полезно обществу, когда придется иметь дело с подобными проблемами. Доктор Джордж опять позвонил другим профессионалам, чтобы те посоветовали ему, что делать, вновь собрал консилиум и лишь после этого, 12 сентября 1978 года, подготовил девятистраничный отчет судье Флауэрсу, в котором представил медицинскую, социальную и

психиатрическую картину Билли Миллигана.

«Пациент сообщает, – писал доктор, – что мать и дети подвергались физическому насилию и что он лично подвергался садистскому и сексуальному насилию, включая анальный половой акт, совершенный мистером Миллиганом. По словам пациента, это произошло, когда ему было восемь или девять лет, и продолжалось в течение года, обычно на ферме, где он находился один с отчимом. По его словам, он боялся, что отчим его убьет, так как тот грозился закопать мальчика в амбаре и сказать матери, что он убежал».

В анализе психодинамики данного случая Хардинг указал, что самоубийство биологического отца лишило Миллигана отцовской заботы и внимания и оставило его с «чувством огромной вины, ведущей к беспокойству, конфликтам и все возрастающим фантазиям». Таким образом, «сделавшись уязвимым, он позволил отчиму Челмеру Миллигану эксплуатировать себя; и тот, воспользовавшись потребностью ребенка в ласке, удовлетворял свои собственные фрустрации посредством сексуальной и садистской эксплуатации».

Поскольку юный Миллиган идентифицировал себя со своей матерью, когда ее бил муж, это заставляло мальчика «переживать ее ужас и боль», а также привело к «стремлению отделиться, в результате чего он оказался в нестабильном, выдуманном мире с непредсказуемыми и непонятными характеристиками, – мире, подобном сну. Это, наряду с унижениями со стороны отчима, его садистскими издевательствами и сексуальным насилием, и привело к периодическим диссоциациям».

В заключение доктор Джордж Хардинг написал: «Мое мнение таково, что пациент правомочен предстать перед судом, достигнув слияния своих множественных личностей... Я также считаю, что пациент душевно болен и по причине болезни не отвечал за свое преступное поведение, имевшее место во второй половине октября 1977 года».

9 сентября Джуди Стивенсон направила ходатайство, в котором указала, что защита считает своего клиента «невиновным по причине безумия».

8

До этого времени в деле Миллигана диагноз «множественная личность» публично не обсуждался, будучи известен лишь лечащим

врачам, а также прокурорам и судье. Государственные защитники продолжали настаивать на том, что диагноз должен держаться в секрете, поскольку будет трудно продолжать лечение, а потом разбирать дело в суде, если эта бомба разорвется в прессе.

Берни Явич согласился. Неразглашение того, о чем еще не было дано показаний, соответствовало и этике, и прямым обязанностям работника прокуратуры.

Но утром 27 сентября «Коламбус ситизен джорнал» разгласил эту историю под крупным заголовком:

ЛИЧНОСТИ «СЛИЛИСЬ В ОДНУ»
ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ В СУДЕ
10 ЧЕЛОВЕК «ЖИВУТ»
В ПОДОЗРЕВАЕМОМ НАСИЛЬНИКЕ

«Адалана».

Портрет маслом работы Аллена

Когда в клинике Хардинга услышали об утренней газете, персонал попросил Билли рассказать все остальным пациентам, прежде чем они узнают об этом из других источников. Билли рассказал в мини-группе, что его обвиняют в этих преступлениях, но сам он не уверен в содеянном, поскольку в то время был не один.

Вечером новость была передана по телевидению, и Билли ушел в свою палату весь в слезах. Несколько дней спустя он нарисовал портрет красивой молодой женщины с мукой во взгляде – портрет Адаланы, как утверждала и сестра Нэн Грейвс.

Гэри Швейкарт посетил Миллигана 3 октября, приехав на микроавтобусе, чтобы забрать с собой некоторые из рисунков Билли. Он объяснил, что Джуди Стивенсон в отпуске, она уехала с мужем в Италию и не будет присутствовать на слушании по вопросу правомочности, но к началу суда вернется. Во время прогулки Гэри старался подготовить Билли к переезду в тюрьму округа Франклин для ожидания слушания, а также к возможности, что они проиграют дело.

Доктор Джордж был уверен, что Билли стал цельным человеком. Он мог утверждать это по отсутствию видимых эпизодов диссоциации и по тому, как Билли вобрал в себя характеристики отдельных личностей. Сначала доктор видел то часть одной личности, то часть другой, но постепенно получилось полное смешение – гомогенизация. Это стало ясно и персоналу. Все аспекты разных личностей были видны в одном – Билли Миллигане. Доктор Джордж сказал, что пациент готов.

4 октября, за два дня до того, как Билли возвратился в тюрьму, Гарри Франкен из «Ситизен джорнал» опубликовал второй очерк о Билли Миллигане. Из неизвестного источника он получил экземпляр отчета Хардинга и пришел к Гэри и Джуди за комментариями, сказав им, что собирается пустить это в печать. Гэри и Джуди рассказали обо всем судье Флауэрсу, который решил, что эту историю нужно опубликовать еще и в «Коламбус диспэч». Государственные защитники согласились прокомментировать отчет, поскольку он уже не был тайной. Они позволили сфотографировать рисунки, которые Гэри привез из клиники: Моисея, разбивающего таблицы с десятью заповедями, музыканта-еврея, играющего на рожке, пейзаж и портрет Адаланы.

Газетные публикации расстроили Билли, и во время последнего сеанса с доктором Кокен он был подавлен: он страшился того, что могли сделать с

ним заключенные, узнав, что одна из его личностей – лесбиянка. Билли сказал ей:

– Если меня признают виновным и отошлют обратно в Ливанскую тюрьму, я должен буду умереть.

– Тогда победит Челмер.

– Что делать? Вся эта ненависть сидит во мне. Я не могу с ней справиться.

Хотя доктор Кокен редко давала советы или инструкции, предпочитая косвенными методами добиваться того, чтобы пациент принимал решение сам, она понимала, что уже не осталось времени на подобного рода терапию.

– Твоей ненависти можно найти полезное применение, – предложила она. – Ребенком ты страдал от истязательств. Ты мог бы победить эти ужасные воспоминания и человека, который стал их причиной, посвятив свою жизнь борьбе против насилия над детьми. Живым ты можешь бороться и победить. Если умрешь, победит человек, оскорбивший тебя.

Позднее в тот же день, разговаривая в своей палате с Донной Эгар, Билли сунул руку под кровать и достал бритву, которую Томми прикрепил к перекладине почти семь месяцев назад.

– Вот, – сказал он, передавая ей бритву. – Этого больше не нужно. Я хочу жить.

Донна заплакала и прижала его к груди.

Розали он сказал:

– Я не хочу идти в мини-группу. Я должен подготовиться к тому, чтобы быть одному. Я должен стать твердым. Никаких прощаний.

Но члены мини-группы сделали для него прощальные открытки, и когда Розали принесла их ему, Билли расплакался.

– Впервые в жизни, – сказал он, – у меня нормальная человеческая реакция. По-моему, это то, что называют «смешанными чувствами». Я никогда раньше этого не испытывал.

В пятницу, 6 октября, в день, когда его должны были увезти, у Розали был выходной, но она приехала в клинику, чтобы проводить его. Она знала, что увидит поднятые брови и услышит язвительные замечания некоторых сотрудников персонала Уэйкфилда, но это было не важно. Она вошла в комнату отдыха и увидела Билли, одетого в синюю тройку. Он шагал взад-вперед по комнате в ожидании, внешне спокойный, полностью владея собой.

Розали и Донна Эгар прошли с ним в административное здание, где его уже ждал помощник шерифа, сидевший за письменным столом.

Когда помощник шерифа вынул наручники, Розали встала, загородив Билли, и спросила, неужели необходимо надевать на него наручники, как на зверя.

– Да, мэм, – ответил помощник шерифа. – Так положено.

– Бросьте, офицер, – сказала Донна. – Когда его привезли сюда, его сопровождали только две женщины. Не тронет он вас и никуда не денется.

– Не я это придумал, мэм. Мне жаль.

Билли протянул руки, и, когда наручники защелкнулись, Розали увидела, как он поморщился. Тюремный фургон двинулся, и женщины шли рядом с ним, пока машина медленно ехала по извилистой дороге к каменному мосту. Они помахали Билли, вернулись в отделение и долго плакали.

Глава четвертая

1

Прочитав отчет доктора Джорджа Хардинга, Берни Явич и Терри Шерман согласились, что это одна из самых тщательных психиатрических экспертиз, с которыми им приходилось иметь дело. Все, что они как обвинители привыкли критиковать в показаниях психиатров, все положения, которые обычно могли быть опротестованы, в данном отчете представлялись неопровержимыми. В отличие от обычного трех-четырёхчасового обследования пациент был тщательно изучен в клинике на протяжении семи месяцев, с привлечением ведущих психологов и психиатров.

6 октября 1978 года судья Флауэрс, проведя краткое слушание по факту правомочности подсудимого, на основании отчета Хардинга постановил, что Миллиган имеет возможность находиться под судом, и назначил дату первого слушания – 4 декабря.

Швейкарт выразил удовлетворение, с одной лишь оговоркой: суд состоится в соответствии с законом, существовавшим на момент совершения преступлений. (1 ноября закон штата Огайо был изменен: теперь обвиняемый должен был доказывать свое безумие; ранее же обвинение должно было доказывать, что на момент совершения преступления подсудимый находился в здравом уме.)

Явич не согласился.

– Ставлю данное ходатайство на обсуждение, – сказал судья Флауэрс. – Мне известны подобные ходатайства, в результате которых были внесены поправки, в частности в новый уголовный кодекс. В большинстве случаев признавалось, что обвиняемый имеет право выбора в свою пользу. Но я не знаю ни одного решения или подобного случая в судебной практике.

По пути из зала суда Швейкарт сказал Явичу и Шерману, что он намерен от имени своего клиента отказаться от суда присяжных и просить судью Флауэрса провести слушание. Когда Швейкарт отошел, Явич сказал:

– Ну, пошло дело.

– Не такое оно простое, как казалось, – сказал Шерман.

Позднее судья Флауэрс признался, что обвинители, соглашаясь принять отчет доктора Хардинга, но не соглашаясь с тем, что Миллиган был безумен, страшно его рассердили.

Посетив тюрьму, Гэри и Джуди заметили, что Билли снова находится в депрессии. Большую часть времени он проводил, рисуя или размышляя. Возрастающая известность начинала беспокоить его. Дни проходили, а он все больше и больше спал, чтобы только не видеть этих холодных, пустых стен.

– Почему я не могу оставаться до суда в клинике? – спросил он Джуди.

– Это невозможно, – ответила она. – Нам повезло, что суд позволил тебе быть там семь месяцев. Держись, Билли, осталось меньше двух месяцев.

– Ты должен собраться, – сказал Гэри. – Я почти уверен, что тебя оправдают. Но если ты сломаешься и не сможешь быть на суде, тебя пошлют в Лиму.

Однажды один из охранников увидел, что Миллиган лежит на койке, рисуя карандашом. Он заглянул через решетку и увидел рисунок: тряпичная кукла Неряха Энн с петлей на шее, висящая перед разбитым зеркалом.

– Эй, Миллиган, почему ты нарисовал это?

– Потому что я рассердился, – раздался низкий голос со славянским акцентом. – Кому-то пора умереть.

Охранник, услышав акцент, быстро нажал на кнопку тревоги. Рейджен внимательно смотрел на него, забавляясь.

– Слушай, кто бы ты ни был, медленно отойди назад, – сказал охранник. – Оставь рисунок на койке и отойди к стене.

Рейджен подчинился. Он увидел, что возле решетки столпились другие охранники – они открыли дверь, быстро вошли, схватили рисунок и захлопнули за собой дверь.

«Неряха Энн, кукла Кристин». Рисунок Рейджена, сделанный в тюрьме

– Господи, – сказал один из охранников, – это рисунок больного.

– Позвоните его адвокату, – сказал кто-то. – Он снова раздваивается.

Когда Гэри и Джуди приехали, их встретил Артур, который объяснил им, что Билли никогда и не был полностью синтезирован.

– Однако он достаточно целен, чтобы идти в суд, – уверил он. – Теперь Билли понимает, в чем его обвиняют, и сможет способствовать своей защите. Однако Рейджен и я стоим особняком. Вы видите, это место враждебное и потому доминирует Рейджен. Если Билли не переведут

отсюда обратно в клинику, я не гарантирую, что от достигнутого синтеза останется хотя бы что-то.

Окружной шериф Гарри Беркемер рассказал репортеру газеты «Коламбус диспэч», что его помощники были свидетелями необычной силы и выносливости, проявленной Миллиганом, когда он пребывал в образе Рейджена. Рейджена привели в зону отдыха, и он выбрал спортивную грушу.

– Он колотил по ней девятнадцать с половиной минут без перерыва, – сказал Беркемер. – Средний человек может колотить по груше не больше трех минут, потом выдыхается. Парень бил по ней так яростно, что мы думали, он сломал себе руку, и повели его к врачу для проверки. И представьте, никаких травм.

24 октября судья Флауэрс вновь приказал Юго-Западному центру психического здоровья обследовать Миллигана на предмет его правомочности предстать перед судом. Доктор Джордж Хардинг-младший мог по своему усмотрению посещать обвиняемого. Кроме того, судья распорядился, чтобы Миллигана немедленно перевели из тюрьмы в Центральную психиатрическую клинику штата Огайо.

15 ноября Марион Дж. Колоски, директор Программы содействия суду Юго-Западного центра судебной психиатрии, сообщила, что, когда доктор Стелла Кэролин и Дороти Тернер последний раз видели Миллигана, они нашли его правомочным быть под судом и способным содействовать адвокату в своей защите. При этом она добавила:

– Его душевное состояние очень хрупко, и вполне возможно, что в любое время может произойти дезинтеграция сегодняшней синтезированной личности на диссоциированные личности, наблюдаемые раньше.

29 ноября газеты «Дейтон дейли ньюс» и «Коламбус диспэч» опубликовали интервью с Челмером Миллиганом, в котором он отрицал, что проявлял сексуальное насилие в отношении пасынка. В «Коламбус диспэч» появилась следующая статья:

«ОТЧИМ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО НЕ НАСИЛОВАЛ МОЛОДОГО МИЛЛИГАНА

Челмер Миллиган говорит, что был «очень расстроен» опубликованными сообщениями о якобы совершенном им физическом и сексуальном насилии в отношении его пасынка,

Уильяма С. Миллигана, в котором, по мнению медиков, уживаются десять человек. “Никто не говорил со мной”, – жалуется Миллиган, утверждая, что обвинения его в изнасиловании пасынка “абсолютно ложные...”.

Согласно отчету, подписанному доктором Джорджем Т. Хардингом, психиатры также пришли к выводу, что Миллиган вел себя как множественная личность и что эти личности ничего не знали о действиях друг друга.

Причину его нынешнего состояния они отчасти видят в страданиях, испытанных в детском возрасте...

Челмер Миллиган заявил, что в результате опубликования указанных материалов испытывает значительные трудности. “Вы все неправильно истолковываете. И это очень раздражает”, – сказал он.

Челмер особенно недоволен публикациями, которые не дают возможности предъявить иск Миллигану или психиатрам по факту оскорбления. “ Все исходит от этого парня, – сказал Миллиган. – Все эти публикации только и делают, что повторяют то, о чем сказали те (психиатры и молодой Миллиган)”. При этом Челмер не сообщил, собирается ли он предпринять какие-либо юридические действия относительно обвинений в насилии».

Чувствуя нарастающую уверенность в том, что Билли оправдают по причине безумия, Джуди и Гэри понимали, что существует еще одно препятствие. До сих пор в результате таких приговоров подсудимых отправляли в Лиму. Но через три дня, 1 декабря, вступит в силу новый закон штата Огайо относительно душевнобольных пациентов. Закон гласит, что лицо, объявленное невиновным по причине безумия, следует считать душевнобольным пациентом, а не преступником. По новому закону он будет помещен в наименее ограничительные условия, совместимые с безопасностью для себя и для других, и его перевод в учреждение для душевнобольных подпадает под юрисдикцию суда по наследственным делам.

Поскольку суд был назначен на 4 декабря и Билли придется судить по новому закону, был шанс, что после слушания дела суд по наследственным делам согласится поместить его в другое место, не в Лиму, если защита сможет предоставить альтернативное учреждение, где подсудимый получит необходимое лечение.

Клиника Хардинга была неприемлема из-за дороговизны. Необходимо

было найти государственную клинику, в которой имелся бы врач, знакомый с подобным диагнозом и могущий лечить множественную личность.

Доктор Корнелия Уилбур сообщила, что в клинике, расположенной в семидесяти пяти милях от Коламбуса, есть врач, который лечил несколько множественных личностей и был признан квалифицированным специалистом в данной области. Она рекомендовала доктора Дэвида Кола, директора медицинской части Афинского центра психического здоровья, штат Огайо.

Прокуратура пожелала провести предварительную встречу с судьей Ричардом Б. Меткалфом, чтобы выяснить процедуры, соответствующие новому закону. Судья Джей Флауэрс согласился и организовал встречу. Но Джуди и Гэри знали, что тема встречи будет намного шире, к ней присоединится судья Флауэрс и в итоге будет принято решение, какое свидетельство следует принять в понедельник по соглашению сторон и куда именно Билли Миллиган будет помещен для лечения в случае, если он будет признан невиновным по причине безумия.

Гэри и Джуди решили, что необходимо знать, примет ли доктор Кол такого пациента, как Билли, в Афинский центр психического здоровья. Хотя Джуди слышала раньше имя Кола и писала ему в июле, попросив дать ей информацию о множественной личности, она не упоминала о Билли. Теперь Джуди вновь позвонила ему, спрашивая, примет ли он Билли в качестве пациента и сможет ли приехать в Коламбус на встречу в пятницу. Кол ответил, что должен согласовать этот вопрос с суперинтендантом клиники Сью Фостер, которая в свою очередь обсудит это со своим начальством в Департаменте штата по делам психического здоровья. Кол сказал, что подумает над тем, чтобы принять Миллигана в клинику, и согласился приехать в Коламбус для участия в совещании.

1 декабря Джуди с нетерпением ожидала приезда доктора Кола. Приемная судьи Меткалфа была полна народа, имеющего отношение к делу, включая доктора Джорджа Хардинга, доктора Стеллу Кэролин, Дороти Тернер и Берни Явича. Вскоре после десяти часов секретарь указала Джуди на невысокого полного мужчину средних лет. Его круглое, оливкового цвета лицо обрамляли седые волосы, а пронзительный взгляд напоминал орлиный.

Джуди представила доктора Кола Гэри и другим и провела его в кабинет судьи Меткалфа.

Доктор Кол сел во втором ряду и слушал, как адвокаты обсуждали, каким образом новый закон может повлиять на дело Миллигана. Через

некоторое время в кабинет вошел судья Флауэрс, и тогда юристы вместе с судьей Меткалфом подвели итоги по делу и судебным процедурам. Берни Явич изложил информацию, которой располагала прокуратура, и согласился, что будет трудно опровергнуть свидетельства относительно состояния Миллигана на момент совершения преступлений. Обвинение не намерено подвергать критике отчеты Юго-Западного центра и клиники Хардинга. Гэри подчеркнул, что защита также не собирается опротестовывать свидетельства обвинения о том, что Миллиган действительно совершил преступления.

Дэвид Кол догадался, что разговор идет о сценарии суда, назначенного на понедельник. Гэри и Джуди согласились, что имена жертв не будут даны в протоколах. Оставалось лишь определить, что случится с Билли, если судья Флауэрс объявит его невиновным по причине безумия.

Гэри поднялся с места и сказал:

– Здесь присутствует доктор Кол из Афинского центра психического здоровья. У него есть опыт лечения пациентов с диагнозом «множественная личность». Его рекомендуют доктор Ральф Эллисон из Калифорнии и доктор Корнелия Уилбур из Кентукки, которые сами являются признанными специалистами в данной области психиатрии.

Кол увидел, что взоры всех устремлены на него. Судья Флауэрс спросил:

– Доктор Кол, примете ли вы подсудимого на лечение?

Внезапно сработало его природное чутье опасности. Он понял, что все эти люди стремятся сбросить с себя ответственность и лучше бы ему прояснить свою позицию.

– Да, я возьму его, – сказал Кол. – Но если он приедет в Афины, то я хочу, чтобы мне позволили лечить его так, как я лечил других с подобным диагнозом, – в открытой обстановке, наиболее эффективной терапевтически. – Кол оглядел всех, кто наблюдал за ним, потом посмотрел на Флауэрса и Меткалфа и решительно добавил: – Но если мне не позволят, лучше не привозите.

Оглядевшись, доктор увидел, что все кивают.

По дороге в Афины доктор Кол обдумывал все, что видел и слышал на совещании, и вдруг понял, что почти все находившиеся там, даже прокурор Явич, согласились с тем фактом, что Миллиган – множественная личность. Если на суде все пойдет так, как предполагалось на совещании, то Миллиган станет первой множественной личностью, обвиняемой в тяжких преступлениях и оправданной по причине безумия. Доктор Кол понял, что совещание, на котором он только что присутствовал, в понедельник в зале

суда создаст прецедент в истории юриспруденции и психиатрии.

Когда Билли Миллиган проснулся утром 4 декабря, в день, намеченный для его доставки из психиатрической клиники Коламбуса в суд округа Франклин, и посмотрел в зеркало, он с удивлением увидел, что у него нет усов. Но он не помнил, чтобы сбрасывал их, и недоумевал, кто бы мог это сделать. Между первым и вторым изнасилованиями усы были сбриты, но он снова их отрастил. Сейчас он опять потерял время. У него было то же странное ощущение, что и в последние дни пребывания в клинике Хардинга и в окружной тюрьме каким-то образом Рейджен и Артур стояли особняком и не могли, а может, и не хотели сливаться с ним до тех пор, пока не будут уверены, что его не пошлют в тюрьму. Ну что ж, хоть и не полностью, но он стал цельной личностью, достаточной, чтобы предстать перед судом.

Он будет продолжать отзываться на имя Билли, хотя и знал, что не был ни Билли-ядром, ни полностью синтезированным Билли. Он был чем-то средним. Направляясь к полицейскому фургону, Миллиган обдумывал, каким будет его ощущение, когда абсолютно все его личности сольются в одного Билли.

Сев в полицейский фургон, стоящий у входа в клинику, Миллиган увидел помощников шерифа, странно смотревших на него. По пути в здание суда фургон сделал крюк в пять миль, чтобы избежать журналистов или телерепортеров, которые могли следить за ними. Машина свернула на Фронт-стрит и подъехала к въездным воротам в окружную тюрьму. Но прежде чем ворота закрылись за ними, на территорию успели проникнуть молодая женщина и мужчина с телекамерой.

– Приехали, Миллиган, – сказал шофер, открывая дверь.

– Я не выйду, – сказал Билли, – пока не уберут телекамеру и репортера. Если вы не защитите меня здесь, в тюрьме, я скажу об этом моим адвокатам, как только войду в здание.

Шофер обернулся и увидел их:

– Кто вы такие?

– Новости, Четвертый канал. У нас есть разрешение.

Шофер посмотрел на Билли, который отрицательно покачал головой:

– Мои адвокаты сказали мне, чтобы близко не было никаких репортеров. Я не выйду.

– Он не выйдет, пока вы тут торчите, – сказал полицейский.

– Мы имеем право... – начала женщина.

– Это нарушение моих прав! – отозвался из фургона Билли.

– Что тут происходит? – крикнул другой офицер из охраны.

– Миллиган отказывается выходить, пока эти люди находятся здесь, – сказал шофер.

– Послушайте, ребята, – сказал сержант Уиллис, – боюсь, вы должны будете уйти, чтобы мы смогли ввести его в здание.

Когда телеоператор и репортер отступили и стальная дверь с лязгом опустилась вниз, Билли позволил Уиллису провести его через ворота. Во дворе собрались помощники шерифа в черных рубашках, чтобы посмотреть, как будут вести Миллигана, и Уиллису пришлось проделать проход для Билли. Сержант Уиллис провел его на четвертый этаж.

– Помнишь меня, сынок?

Билли кивнул, выходя из лифта:

– Вы прилично ко мне относились.

– Ты не доставлял неприятностей, если не считать тех унитазов. – Уиллис протянул ему сигарету. – Ты стал очень знаменитым.

– Я не чувствую себя знаменитым, – сказал Билли. – Я чувствую, что меня ненавидят.

– Я видел там людей с Четвертого канала и Десятого канала, с Эй-би-си, Эн-би-си и Си-би-эс. Да их там больше, чем на слушаниях громких дел об убийствах.

Они остановились перед загороженным выходом из небольшой приемной, за которой открылся проход, ведущий в здание окружного суда. Охранник кивнул ему:

– Надо же, без усов-то и не узнать.

Затем нажал кнопку вызова помещения главного контроля и сказал им, чтобы открыли для Миллигана ворота, ведущие к зданию суда. Дверь открылась, сопровождающие поставили его лицом к стене и тщательно обыскали.

– Порядок, – сказал охранник, – иди впереди меня по проходу.

Когда они поднялись на восьмой этаж здания суда, к ним присоединились Джуди и Гэри. Они заметили, что Билли без усов.

– А тебе лучше без усов, – сказала Джуди. – Ты помолодел.

Билли поднес палец к верхней губе, и Гэри вдруг почувствовал: что-то здесь не так. Он хотел сказать об этом, но вошел офицер с рацией и в наушниках, взял Билли за руку и сказал, что шериф распорядился привести Миллигана на третий этаж.

– Одну минуту, – сказал Гэри. – Слушание будет на этом этаже.

– Я не знаю, в чем дело, сэр, – сказал помощник, – но шериф хочет, чтобы его немедленно привели туда.

– Подожди здесь, – сказал Гэри Джуди. – Я спущусь с ним вниз и

посмотрю, что происходит.

Гэри вошел в лифт вместе с Билли и помощником. Когда двери лифта открылись на третьем этаже и он стал выходить из лифта, то понял, в чем дело. Блеснула вспышка. Это были фотограф и репортер из «Коламбус диспэч».

– Что, черт возьми, происходит? – крикнул Гэри. – Вы что, меня за дурака принимаете? Я этого не потерплю!

Репортер объяснил, что они хотели сделать несколько фотографий, но таких, где не будут видны наручники. Шериф им разрешил.

– Катитесь к черту! – резко оборвал его Гэри. – Вы не имеете права проделывать такое с моим клиентом.

Он повернул Билли спиной и повел его обратно к лифту. Помощник шерифа сопровождал их наверх и отвел в комнату ожидания рядом с помещением суда общегражданских исков.

Дороти Тернер и Стелла Кэролин вошли в комнату ожидания, обняли Билли и успокоили его. Но когда они ушли в зал суда и Билли остался один с охранником, он вдруг задрожал и схватился за сиденье стула.

– Ладно, Миллиган, – сказал охранник. – Можешь теперь идти в зал.

Гэри заметил, что, когда ввели Билли, все судебные художники уставились на него. Затем, один за другим, они схватили ластики и стали что-то стирать. Он улыбнулся. Они стирали усы.

– Ваша честь, – сказал Гэри Швейкерт, подойдя к судейскому месту, – и обвинение, и защита согласились с тем, что нет необходимости вызывать свидетелей, а также заставлять мистера Миллигана давать показания. Факты дела будут занесены в протокол по соглашению сторон.

Судья Флауэрс посмотрел в свои записи.

– Вы не оспариваете и не отрицаете, что ваш клиент совершил преступления, в которых он обвиняется, за исключением первого пункта обвинения в сексуальном насилии.

– Совершенно верно, ваша честь, но мы считаем его невиновным по причине безумия.

– Мистер Явич, вы намерены оспаривать результаты экспертиз, проведенных Юго-Западным центром психического здоровья и клиникой Хардинга?

Явич встал.

– Нет, ваша честь. Обвинение согласно со свидетельствами, представленными доктором Хардингом, доктором Тернер, доктором Кэролин и доктором Уилбур, в которых подтверждается душевное

состояние подсудимого на момент совершения преступлений.

Джуди Стивенсон зачитала свидетельские показания, данные под присягой, для занесения в протокол. Зачитывая показания в полной тишине, она время от времени поглядывала на Билли и видела, каким бледным стало его лицо. Оставалось надеяться, что боль от всего услышанного не приведет его вновь к диссоциации.

«Миссис Маргарет Чангетт может показать под присягой, что она несколько раз видела мать Билли после того, как ее бил мистер Миллиган. Однажды Билл позвал ее и сказал, что его маму сильно побили. Миссис Чангетт пошла в дом Миллигана и увидела миссис Мур лежащей на кровати. По словам миссис Чангетт, миссис Мур дрожала и была вся избита. Миссис Чангетт сказала, что она позвала врача и священника; она осталась с миссис Мур на весь день.

Дороти Мур, мать подсудимого, может показать под присягой, что ее бывший муж Челмер Миллиган в пьяном состоянии оскорблял ее и часто бил. Обычно он запирает детей в спальне и тогда начинал бить ее. Она засвидетельствует под присягой, что Челмер часто сексуально возбуждался после того, как побьет ее. Миссис Мур сказала, что мистер Миллиган ревновал ее к Билли и очень часто бил его, чтобы наказать. Однажды он привязал Билли к плугу, потом привязал его к двери амбара. Миссис Мур готова показать под присягой, что она не осознавала всю серьезность этих побоев и не знала об изнасилованиях до тех пор, пока это преступление не раскрылось...»

Гэри увидел, что Билли, слушая показания, закрыл глаза руками.

– Можно салфетку? – попросил Билли.

Гэри обернулся и увидел, что несколько людей из сидящих вокруг достали салфетки и протягивают их Билли.

«Миссис Мур свидетельствует, что однажды, когда Билли готовил для нее завтрак, открылся его женский аспект. Она сказала, что походка у Билли стала женской и даже говорить он стал как женщина. Миссис Мур свидетельствует, что однажды при тушении пожара в центре Ланкастера она увидела Билли в состоянии, похожем на транс. Он без разрешения ушел из школы,

и директриса вызвала ее, чтобы сообщить, что Билл бросил школу. Миссис Мур сказала, что несколько раз видела Билли в трансе. Она свидетельствует, что, когда Билл выходил из этого состояния, он ничего не помнил о том, что происходило.

Миссис Мур также свидетельствует, что она ничего не предпринимала для разрыва отношений с мистером Миллиганом, потому что хотела сохранить семью. Позднее дети предъявили ей ультиматум, и она развелась с мистером Миллиганом».

В протокол был занесен отчет Кэролин и Тернер из Юго-Западного центра. Затем были зачитаны показания брата Билли, Джима:

«Джеймс Миллиган готов заявить под присягой, что много раз Челмер Миллиган брал Джеймса и Билла на ферму, где был амбар. Его, Джеймса, он посылал в поле ловить кроликов, а Биллу всегда приказывал оставаться с ним, отчимом Челмером. Во всех случаях, когда он, Джеймс, возвращался к амбару, Билл плакал. Много раз Билл говорил Джеймсу, что отчим делает ему больно. Всякий раз, когда Челмер видел, что Билл рассказывает про такие случаи Джеймсу, он, Челмер Миллиган, говорил Биллу: “Ведь в амбаре ничего не происходило, да?” Билл, который очень боялся отчима, говорил: “Да”. Потом Челмер говорил: “Ведь мы не хотим расстраивать вашу маму?” И перед тем как ехать домой, он брал с собой Джеймса и Билла и покупал им мороженое.

Джеймс Миллиган также подтверждает факты жестокого обращения с Билли в домашней обстановке».

В 12.30 судья Флауэрс спросил, желает ли каждая сторона взять заключительное слово. Обе стороны отказались.

Судья не стал рассматривать изнасилование под первым пунктом, указав на отсутствие подтверждающих показаний и отсутствие подтверждения *modus operandi*^[1].

– Итак, со стороны защиты, исходящей из факта безумия, – сказал судья Флауэрс, – все свидетельства являются согласованными медицинскими свидетельствами, в которых все врачи показывают под присягой, что на момент совершения преступлений подсудимый был невменяемым. По причине своей невменяемости он был не в состоянии отличить правильное действие от неправильного, и более того, он был не способен воздержаться от совершения этих действий.

Гэри затаил дыхание.

– При отсутствии опровергающих свидетельств, – продолжал Флауэрс, – данный суд не имеет иной альтернативы, как определить на основании имеющихся свидетельств, что по пунктам обвинения со второго по десятый включительно подсудимый невиновен по причине безумия.

Судья Флауэрс определил Билли Миллигана под ответственность суда по наследственным делам округа Франклин, три раза стукнул молотком и объявил заседание закрытым.

Джуди готова была заплакать, но сдержалась. Она схватила Билли и потащила его в комнату ожидания, чтобы избежать толпы. Дороти Тернер пришла поздравить его, а за ней Стелла Кэролин и другие. Джуди видела, что все они плакали.

Только Гэри стоял в стороне, прислонясь к стене, скрестив руки и о чем-то думая. Битва была трудной и долгой, с бессонными ночами, поставившими его брак под угрозу. Но теперь она почти закончена.

– Все хорошо, Билли, – сказал он. – Сейчас мы поднимемся к судье Меткалфу. Однако нам придется выйти в приемную и пройти сквозь шайку этих репортеров и телекамер.

– А нельзя ли через черный ход?

Гэри покачал головой:

– Мы победили. Я не хочу, чтобы у тебя были плохие отношения с прессой. Они ждали там несколько часов. Ты должен будешь предстать перед телекамерами и ответить на несколько вопросов. Мы не хотим, чтобы они потом говорили, что мы ускользнули через черный ход.

Когда Гэри ввел Билли в приемную, репортеры и телеоператоры окружили их, следуя за Билли и снимая его.

– Как вы чувствуете себя, мистер Миллиган?

– Хорошо.

– Вы настроены оптимистично теперь, когда суд закончен?

– Нет.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ну, – сказал Билли, – предстоит еще многое.

– Какие цели стоят сейчас перед вами?

– Я хочу вновь стать гражданином. Хотел бы лучше узнать жизнь.

Гэри слегка ткнул его в спину, и Билли пошел вперед. Они поднялись на девятый этаж, где размещался суд по делам наследства и кабинет судьи Меткалфа, но тот ушел на обед. Им пришлось его подождать.

Берни Явич позвонил каждой жертве и, как и обещал, рассказал им, что было на суде.

– На основании медицинского свидетельства и закона, – сказал он, – у меня нет сомнений, что судья Флауэрс вынес правильное решение.

Терри Шерман с ним согласился.

После ланча судья Меткалф просмотрел рекомендации психиатров и передал Миллигана в Афинский центр психического здоровья, на попечение доктора Дэвида Кола.

Билли снова привели в комнату для бесед, где Йен Райан с Шестого канала канадского телевидения, который работал над документальным фильмом о жизни Билли для Благотворительного фонда против жестокого обращения с детьми, задал ему вопросы и снял несколько метров пленки для спецвыпуска на телевидении. Джуди и Гэри были отозваны куда-то, а когда они собирались вернуться к Билли, вошел полицейский и сказал, что Билли уже отправили в Афины.

Билли расстроился, что ему пришлось уехать, не попрощавшись с Джуди и Гэри, но офицер защелкнул на нем наручники, сильно сдавив при этом запястья, поспешно свел его вниз и втолкнул в полицейский фургон. Второй офицер сунул в руку кружку с горячим кофе и захлопнул дверь.

Когда фургон завернул за угол, немного кофе выплеснулось на новый костюм. Билли швырнул кружку за сиденье. Чувствовал он себя отвратительно, и это ощущение становилось все сильнее.

Билли не знал, что такое Афинский центр психического здоровья. Возможно, это очередная тюрьма. Нельзя забывать, что мучения далеко не закончились и множество людей все еще желают надолго его засадить. Комиссия по досрочному освобождению уведомила Гэри о том, что, храня дома пистолеты, Билли нарушил условия досрочного освобождения и, как только он вылечится, его вернут в тюрьму. Не в Ливанскую. Из-за его преступных деяний его, наверно, пошлют в ад под названием Лукасвилль. Где Артур? Где Рейджен? Соединятся ли они когда-нибудь с ним?

Они ехали по занесенной снегом дороге номер 33, проехали через Ланкастер, в котором Билли вырос, пошел в школу и пытался убить себя. Это было невыносимо. Он очень устал и хотел от всего уйти, поэтому закрыл глаза, чтобы ничего не видеть...

Несколько секунд спустя Денни огляделся вокруг в недоумении, не понимая, где находится. Ему было холодно, одиноко и очень страшно.

Глава пятая

1

Уже почти стемнело, когда фургон добрался до Афин и свернул с шоссе. Психиатрическая клиника представляла собой комплекс зданий викторианской эпохи на покрытой снегом возвышенности, с которой открывался вид на Университет штата Огайо. Когда машина пересекла широкий проспект и свернула на узкую извилистую дорогу, Денни задрожал. Двое охранников вывели его из фургона и повели по ступенькам в старое здание из красного кирпича с тонкими белыми колоннами. В окнах горел свет.

Они прошли прямо через старый коридор к лифту и поднялись на четвертый этаж. Когда двери лифта открылись, полицейский сказал:

– Повезло вам, мистер.

Денни не хотел идти, но офицер втолкнул его в помещение с тяжелой металлической дверью и табличкой «Прием и интенсивная терапия».

В отличие от тюрьмы или клиники отделение напоминало длинный коридор небольшой гостиницы с постоянными жильцами, ковровыми дорожками, канделябрами, драпировками и кожаными креслами. С обеих сторон в коридор выходило несколько дверей, пост медсестры выглядел как конторка портье.

– Господи Иисусе! – воскликнул охранник. – Настоящий курорт.

Крупная пожилая женщина стояла у входа кабинета справа. Ее широкое, доброе лицо обрамляли черные кудряшки, словно она только что покрасила волосы и сделала перманент. Она улыбнулась им, когда они вошли в крохотный приемный покой, и мягко сказала полицейскому:

– Могу я узнать ваше имя?

– Леди, это не меня принимают.

– Да, но я принимаю от вас пациента, и мне нужно знать ваше имя, чтобы записать, кто доставил его.

Полицейский нехотя назвался. Денни стоял в стороне, чувствуя себя неловко. Он шевелил пальцами, затекшими от тесных наручников. Доктор Дэвид Кол, который видел, как полицейский втолкнул Миллигана в кабинет, резко сказал ему:

– Снимите с него эти чертовы наручники!

Полицейский пошарил в кармане, вытащил ключ и снял наручники.

Денни стал растирать кисти, посмотрел на глубокие рубцы на коже.

– Что теперь со мной будет? – сказал он жалобным голосом.

– Как вас зовут, молодой человек? – спросил доктор Кол.

– Денни.

Полицейский рассмеялся:

– Господи помилуй!

Доктор Кол вскочил и с силой захлопнул дверь перед его лицом. Он не удивился, что произошла диссоциация. Доктор Хардинг предупреждал его, что полученный синтез в лучшем случае временный и довольно неустойчивый. Его собственный опыт с такими пациентами показал, что стрессовая ситуация, подобная суду, вполне может вызвать обратный процесс. Главное, что сейчас требовалось, – завоевать доверие Денни.

– Рад познакомиться с тобой, Денни. Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

– Где ты родился?

Он пожал плечами:

– Не помню. Наверно, в Ланкастере.

Кол подумал немного и, видя, насколько измотан пациент, положил ручку на стол.

– Что ж, мы выясним это в другое время. А сегодня отдохни. Это миссис Кэтрин Гиллотт, одна из медсестер психиатрического отделения. Она покажет тебе твою комнату. Ты можешь оставить там чемодан и повесить пиджак.

Когда доктор Кол ушел, миссис Гиллотт провела его в первую комнату слева по коридору. Дверь была открыта.

– Это моя комната? Этого не может быть!

– Входи, парень, – сказала миссис Гиллотт, открывая окно. – У тебя чудесный вид на Афины и на университет. Сейчас уже темно, но утром ты все это увидишь. Давай устраивайся.

Но когда она оставила его одного, он остался сидеть в кресле возле своей комнаты, боясь пошевелиться, пока одна из сестер не выключила свет в коридоре. Он прошелся по комнате, сел на кровать. Его била дрожь, глаза были полны слез. Он знал, что, когда люди добры к тебе, в конце концов придется платить за это. Всегда следует ждать подвоха.

Билли лег на кровать, не зная, что же с ним будет. За окном виднелись голые деревья. Сон не шел, но день был длинным, и наконец Билли уснул.

Утром 5 декабря 1978 года Денни открыл глаза, разбуженный светом, льющимся в окно. Он выглянул в окно и увидел речку и здания университета на другом берегу. Пока он там стоял, в дверь постучали и

вошла симпатичная женщина в годах, с короткой стрижкой и широко поставленными глазами.

– Привет, я Норма Дишонг, твой руководитель. Я буду приходить к тебе по утрам. Если ты пойдешь со мной, я покажу тебе все помещение и место, где завтракают.

Они осмотрели комнату с телевизором, бильярдную, комнату, в которой можно перекусить. Двойные двери вели в небольшой кафетерий с длинным столом в центре, четыремя маленькими вдоль стен и буфетной стойкой в дальнем конце.

– Возьми поднос и приборы и выбери себе, что хочешь.

Денни взял поднос и потянулся за вилкой, но случайно вынул из корзинки нож и тут же отбросил его от себя. Нож ударился о стену и со стуком упал на пол. Все подняли головы.

– В чем дело? – спросила Дишонг.

– Я... я боюсь ножей. Я их не люблю.

Норма подняла нож и спрятала его, затем достала вилку и положила ее на поднос.

– Не задерживайся, – сказала она, – возьми что-нибудь поесть.

После завтрака Норма встретила его, когда он шел мимо сестринского поста.

– Если хочешь пройтись по зданию, распишись на этом листе, и мы будем знать, что тебя нет в отделении.

Он уставился на нее, совершенно ошарашенный.

– Вы хотите сказать, что я могу выходить отсюда?

– Это открытое отделение. Пока ты находишься в клинике, ты можешь приходить и уходить из отделения, когда пожелаешь. Когда доктор Кол посчитает, что ты готов, ты сможешь расписаться и выйти из здания, чтобы погулять в саду.

Миллиган с изумлением посмотрел на нее:

– В саду? Но там нет ни стен, ни забора?

Норма улыбнулась:

– Так и есть. Это же клиника, а не тюрьма.

В тот же день доктор Кол зашел в отделение, чтобы повидать Билли.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Я не думал, что можно уходить и приходить и никто не будет за мной следить, как в клинике у доктора Хардинга.

– Это было до суда, – сказал Кол. – Я хочу, чтобы ты помнил одно: тебя судили и признали невиновным. Для нас ты не преступник. Независимо от того, что ты или кто-то другой внутри тебя совершил в прошлом, с этим

покончено. Началась новая жизнь. Что ты будешь делать, каковы будут твои успехи, как ты будешь воспринимать вещи – как ты будешь сотрудничать с Билли, чтобы окончательно войти в одну личность и остаться там, – вот что поможет тебе выздороветь. Ты должен захотеть выздороветь. Никто здесь не будет унижать тебя.

В этот же день «Коламбус диспэч», сообщая о переводе Миллигана в Афины, рассказала о решении суда и опубликовала прозвучавшие в зале суда показания о жестоком обращении Челмера Миллигана со своей женой и детьми. Газета также опубликовала данные под присягой показания, представленные в газету Челмером Миллиганом и его адвокатом:

«Я, Челмер Дж. Миллиган, женился на матери Уильяма Стэнли Миллигана в октябре 1963 года. Вскоре после этого я усыновил Уильяма, а также его брата и сестру.

Уильям обвинил меня в угрозах ему, оскорблениях и изнасилованиях, в частности, в течение того года, когда ему было восемь или девять лет. Обвинение ложное. Более того, ни один из психиатров или психологов, которые обследовали Уильяма для отчета, представленного судье Флауэрсу, не беседовал со мной до того, как данный документ был составлен и опубликован.

Я нисколько не сомневаюсь, что Уильям все время лгал тем, кто его обследовал. За десять лет брака с его матерью я убедился, что Уильям – отъявленный лжец. Я чувствую, что Уильям продолжает так же лгать, как он это делал много лет назад.

Обвинения, выдвигаемые Уильямом, и их последующая публикация в многочисленных газетах и журналах поставили меня в затруднительное положение, причинили душевную боль и страдания. Я делаю это заявление, чтобы внести ясность и восстановить свое доброе имя».

Однажды утром, через неделю после прибытия Миллигана, доктор Кол опять заглянул к нему:

– Сегодня мы начнем твое лечение. Пошли в мой кабинет.

Денни испугался, но последовал за ним. Кол указал на удобное кресло и сел напротив, сложив руки на своем внушительном животе.

– Я хочу, чтобы ты понял, что я многое о тебе знаю из судебного дела. Оно довольно объемное. А теперь мы сделаем кое-что по совету доктора Уилбур. Я говорил с ней и знаю, что она сумела заставить тебя

расслабиться и смогла поговорить с Артуром, Рейдженем и другими. Вот это мы и сделаем.

– Как? Я не могу заставить их выйти.

– Просто сядь поудобнее и слушай мой голос. Я уверен, Артур поймет, что доктор Уилбур и я – друзья. Это она посоветовала поместить тебя для лечения в нашу клинику, потому что доверяет мне, и я надеюсь, что ты мне тоже доверяешь.

Денни поерзал в кресле, потом откинулся назад и расслабился. Его зрачки задвигались туда-сюда. Он настороженно поднял голову.

– Приветствую вас, доктор Кол, – сказал он, сложив кончики пальцев вместе. – Я ценю тот факт, что доктор Уилбур рекомендовала вас. Со своей стороны обещаю полное сотрудничество.

Кол ожидал появления англичанина, поэтому не поразился перемене. Он видел достаточно много подобных случаев, чтобы такое застигло его врасплох.

– Гм... а-а... да. Не скажете ли, как ваше имя? Для записи в медкарту.

– Я Артур. Вы хотели побеседовать со мной.

– Да, Артур. Конечно, я узнал, что это ты, по твоему британскому акценту, но я уверен, ты понимаешь, что для меня важно не делать предположений о...

– У меня нет акцента, доктор Кол. Акцент есть у вас.

Кол озадаченно уставился на него.

– А-а, верно, – сказал он наконец. – Извини. Надеюсь, ты не откажешься ответить на несколько вопросов.

– Конечно. Я здесь именно для того, чтобы помочь вам, насколько это в моих силах.

– Я бы хотел обсудить с тобой некоторые жизненно важные факты, касающиеся разных личностей.

– Людей, доктор Кол. Не «личностей». Аллен уже объяснял доктору Хардингу, что, называя нас личностями, вы отвергаете тот факт, что мы реальны. Полагаю, это не будет способствовать лечению.

Кол пристально всмотрелся в лицо Артура и решил не обращать внимания на его высокомерие и снобизм.

– Признаю свою ошибку, – сказал он. – Мне хотелось бы узнать об этих людях.

– Я предоставлю вам столько информации, сколько смогу.

Кол задавал вопросы, а Артур рассказывал о возрасте, внешности, привычках, способностях и причинах появления девяти человек, записанных доктором Хардингом в отчете.

– А почему появился этот ребенок, Кристин? Какова была ее роль?
– Составить компанию одинокому ребенку.
– Какой у нее темперамент?
– Она застенчива. Рейджен обожает ее. Когда мы опасаемся, что Рейджен выкинет что-нибудь низкое или жестокое, она способна отвлечь его, сердясь и топая ногами.

– Почему она так и осталась трехлетней?

Артур улыбнулся:

– Возникла необходимость иметь кого-то, кто знал мало или ничего не знал о том, что происходит. Неведение было средством защиты. Если Уильяму хотелось утаить что-либо, Кристин занимала пятно и рисовала, или играла в «классы», или прижимала к себе тряпичную куклу, Неряху Энн, которую ей сделала Адалана. Она прелестный ребенок. Я очень ее люблю. Вы знаете, она англичанка.

– Я не знал этого.

– О да. Она сестра Кристофера.

Какое-то мгновение Кол смотрел на него.

– Артур, ты знаешь всех других?

– Да.

– Ты всегда их знал?

– Нет.

– Как ты узнал об их существовании?

– Методом дедукции. Когда я понял, что теряю время, я стал следить за другими. Я обнаружил, что они разные, и стал размышлять об этом. Потом, задавая некоторые вопросы – и вслух, и про себя, – я узнал правду. Постепенно, за несколько лет, я установил контакт с остальными.

– Ну хорошо. Я рад, что мы познакомились. Если я должен помочь Билли – всем вам, – мне нужна твоя помощь.

– Всегда в вашем распоряжении.

– Еще один важный вопрос, который я хотел бы задать, прежде чем ты уйдешь.

– Да?

– Гэри Швейкарт упомянул кое-что, появившееся потом в газетах. Он сказал, что противоречия между показаниями всех ваших людей и утверждениями жертв – ну, например, сквернословие, заявления о криминальных действиях, упоминание имени «Фил» – могут, по его мнению, объясняться тем, что существуют и другие личности помимо десяти уже обнаруженных. Ты знаешь что-нибудь об этом?

Вместо ожидаемого ответа глаза Артура остановились, губы

зашевелились. Медленно, почти незаметно он исчез. Через несколько секунд молодой человек моргнул и огляделся.

– О боже! Только не это опять!

– Здравствуй, – сказал Кол. – Я доктор Кол. Не скажешь ли ты мне, как тебя зовут – для записи?

– Билли.

– Понимаю. Ну, здравствуй, Билли. Я твой доктор. Тебя сюда поместили под мое попечение.

Билли дотронулся до головы, все еще немного удивленный.

– Я вышел из зала суда. Сел в фургон...

Он быстро перевел взгляд на свои запястья, потом на одежду.

– Что ты помнишь, Билли?

– Полицейский надел на меня тесные наручники. Потом он сунул мне в руки кружку с горячим кофе и захлопнул дверцу фургона. Когда мы тронулись, я пролил кофе на свой новый костюм. Это последнее... Где мой костюм?

– В твоём шкафу, Билли. Мы пошлем его в чистку. Пятна исчезнут.

– Я очень странно себя чувствую.

– Попытайся описать свое состояние.

– В голове чего-то не хватает.

– Памяти?

– Нет. Понимаете, перед судом я был более тесно связан со всеми остальными. А теперь вот здесь, – постучал он по голове, – как будто не хватает многих кусочков.

– Потерпи, Билли, возможно, через несколько дней или недель нам удастся найти эти кусочки и снова сложить их.

– Где я?

– Это Центр психического здоровья в Афинах, Огайо.

Билли успокоился:

– Судья Меткалф так и говорил. Я помню, он сказал, что меня сюда посылают.

Чувствуя, что сейчас он имеет дело с частично синтезированным Билли-ядром, личностью-хозяином, Кол говорил мягко, стараясь задавать нейтральные вопросы. Его поразила перемена в чертах лица пациента. У Артура был твердый подбородок, сжатые губы, взгляд из-под тяжелых век, придававший ему надменный вид. И вдруг – распахнутые глаза, неуверенное выражение лица. Билли казался слабым и уязвимым. Вместо страха и опасений, характерных для Денни, Билли демонстрировал замешательство. Хотя он с готовностью отвечал на вопросы, стараясь

угодить доктору, было ясно, что он не знал или не помнил многое из того, о чем его спрашивают.

– Извините, доктор Кол. Иногда вы задаете вопрос, и мне кажется, что я знаю ответ, но когда я пытаюсь ответить – ответа нет. Мой Артур или мой Рейджен знали бы, как ответить. Они умнее меня, и у них хорошая память. Но я не знаю, куда они ушли.

– Все в порядке, Билли. Твоя память улучшится, и ты обнаружишь, что знаешь больше, чем думаешь.

– Доктор Хардинг тоже это говорил. Он говорил, что так будет, когда все соединятся, и это случилось. Но после суда я опять разделился. Почему так?

– У меня нет ответа, Билли. Ты сам-то как думаешь?

Билли покачал головой.

– Единственное, что я знаю, – Артур и Рейджен сейчас не со мной. Когда они не со мной, я не очень хорошо помню. Большую часть своей жизни я пропустил, потому что почти все время меня заставляли спать. Артур сказал это.

– Артур много с тобой разговаривает?

Билли кивнул:

– С тех пор как доктор Джордж представил меня Артуру в клинике. Теперь Артур говорит мне, что делать.

– Думаю, ты должен слушать Артура. Люди с множественными личностями обычно имеют внутри себя кого-нибудь, кто знает всех других и старается всем помочь. Мы называем этого кого-то «внутренний помощник».

– Артур – внутренний помощник?

– Я так думаю, Билли. Он подходит для этой роли: умный, знает о существовании других, высоконравственный...

– Артур очень высоконравственный. Это он составил правила.

– Какие правила?

– Как поступать, что делать, чего не делать.

– Да, я думаю, Артур очень поможет в твоём лечении, если будет с нами сотрудничать.

– Он будет, – сказал Билли. – Артур всегда говорит, как важно соединиться и поправиться, чтобы я смог стать полезным гражданином. Но я не знаю, куда он ушел.

Пока они говорили, Кол чувствовал, что Билли все больше и больше ему доверяет. Кол привел его обратно на отделение, показал ему его комнату и снова представил его руководителю, а также другим сотрудникам

отделения.

– Норма, это Билли, – сказал Кол. – Он у нас новенький. Нужно, чтобы кто-нибудь показал ему наш ПИТ.

– Конечно, доктор Кол.

Но, приведя его обратно в комнату, Норма внимательно посмотрела на него:

– Билли, ты уже знаком с нашим помещением и не заблудишься, поэтому нам не нужно опять ходить по отделению.

– Что такое ПИТ?

Она подвела его к входной двери отделения и показала на табличку:

– Прием и интенсивная терапия. Коротко – ПИТ.

С этими словами она повернулась и ушла. Билли подумал, что он такого сделал, что она была с ним так резка, но, как ни старался, не мог понять.

Когда Билли узнал, что этим вечером к нему придут сестра и мать, его охватило беспокойство. На суде он видел Кэти, свою четырнадцатилетнюю сестру, превратившуюся в привлекательную молодую женщину. Как только он оправился от шока, ему стало очень уютно рядом с ней. Но матери на суде не было – он сам настоял на этом. Хотя Кэти уверяла, что мать часто посещала его в клинике Хардинга, а до этого в Ливанской тюрьме, Билли ничего не помнил.

Последний раз он видел маму, когда ему было шестнадцать, после этого его все время заставляли спать. Перед глазами стоял образ из более раннего времени: красивое окровавленное лицо и большой клок вырванных волос... Вот такую мать он запомнил с четырнадцатилетнего возраста.

Когда женщины пришли на свидание, Билли поразили перемены в облике матери: ее лицо покрыли морщины, волосы, завитые тугими темными кольцами, выглядели как парик. Лишь голубые глаза и полные губы не потеряли привлекательности.

Мать и Кэти вспоминали прошлое, причем каждая старалась превзойти другую в припоминании таких моментов из детства Билли, которые тогда были непонятны им, но теперь легко объяснялись появлением какой-то иной личности Билли.

– Я всегда знала, что вас было двое, – сказала его мать. – И всегда говорила, что был мой Билли и тот, другой. Я пыталась сказать, что тебе нужна помощь, но меня никто не слушал. Я говорила докторам и говорила тому адвокату, который устроил так, что за признание меньшей вины тебя отправили в Ливанскую тюрьму. Никто меня не слушал.

Кэти посмотрела на мать:

– Но кто-нибудь прислушался бы к тебе, если бы ты рассказала им о Челмере.

– Я не знала, – сказала Дороти Мур. – Бог свидетель, если бы я знала, что он делал с Билли, я бы вырвала у него сердце. Я не отняла бы у тебя тот нож, Билли.

Билли нахмурился:

– Какой нож?

– Помню, как будто это было вчера, – сказала его мать, разглаживая юбку на своих длинных загорелых ногах. – Тебе было около четырнадцати. Я нашла кухонный нож под твоей подушкой и спросила, почему он там лежит. Знаешь, что ты мне ответил? Наверно, это ответил тот, другой: «Мадам, я думаю, ваш муж будет мертв к утру». Это были твои слова, Бог свидетель.

– Как поживает Челла? – спросил Билли, чтобы сменить тему.

Мать опустила глаза.

– Что-то не так? – сказал Билли.

– С ней все хорошо, – ответила мать.

– Я чувствую, что что-то случилось.

– Челла беременна, – сказала Кэти. – Она ушла от мужа и возвращается в Огайо. Поживет с мамой, пока не родится ребенок.

Билли провел рукой по глазам, словно отгоняя дым или туман.

– Я знал – что-то не так. Почувствовал.

Мать кивнула:

– Ты всегда чувствовал. Как это называется?

– Экстрасенсорное восприятие, – сказала Кэти.

– И ты тоже, – сказала мать. – Между вами двумя всегда была какая-то связь. Каждый из вас знал, о чем думает другой. Признаюсь, у меня мурашки бегали по коже.

Они пробыли целый час, и когда ушли, Билли лег на кровать и долго смотрел в окно на городские огни Афин, мерцавшие в зимней темноте, за черными ветвями деревьев.

3

В следующие дни Билли гулял вокруг клиники, читал, смотрел телевизор и принимал сеансы терапии. Газеты Коламбуса не переставая печатали о нем материалы. Журнал «Пипл» опубликовал большую статью о

жизни Билли, его фотография появилась на обложке «Коламбус мансли». Телефонные звонки не прекращались, в том числе звонки от людей, читавших о нем или видевших его картины и желающих купить рисунки.

Пейзаж маслом работы Томми

С разрешения доктора Кола Билли получил необходимые принадлежности, поставил в комнате мольберт и нарисовал десятки портретов, натюрмортов и пейзажей.

Билли рассказал доктору Колу, что многие говорили с Джуди и Гэри о правах на написание истории его жизни, были и такие, кто хотел, чтобы он появился на телевидении в программах «Шоу Филадельфия» и «60 минут».

– Билли, ты хочешь, чтобы кто-нибудь написал о тебе? – спросил Кол.

– Думаю, что мог бы использовать полученные деньги. Когда я поправлюсь и войду в общество, мне нужно будет на что-то жить. Кто мне даст работу?

– Если забыть о деньгах – как ты будешь себя чувствовать, когда весь мир прочтет про твою жизнь?

Билли нахмурился:

– Я думаю, люди должны знать. Это поможет им понять, к чему может привести насилие над ребенком.

– Ну, если ты действительно хочешь, чтобы кто-то написал твою историю, можно встретиться с писателем, которого я знаю и которому доверяю. Он преподает здесь, в Афинах, в Университете Огайо. По одной из его книг был снят фильм. Я сказал об этом, чтобы ты мог взвесить все возможности.

– Вы думаете, что настоящий писатель захочет написать обо мне книгу?

– Ничего плохого не случится, если ты встретишься с ним и узнаешь, что он думает.

– О'кей, это хорошая мысль. Я согласен.

Вечером Билли попытался вообразить, о чем они будут разговаривать с писателем. Он представил, как выглядит этот человек. Наверно, одет в твидовый пиджак и курит трубку, как Артур. Писатель должен обязательно жить в Нью-Йорке или в Беверли-Хиллз. Почему доктор Кол рекомендовал именно его? Надо быть осторожным. Гэри говорил, книга может принести много денег. И еще кино – интересно, кто будет исполнять главную роль?

Всю ночь Билли ворочался в постели, взволнованный и напуганный мыслью о предстоящем разговоре с настоящим писателем, по чьей книге даже снят фильм. Когда он наконец уснул на рассвете, Артур решил, что Билли не способен выдержать беседу с писателем. Пятно должен занять Аллен.

– Почему я? – спросил Аллен.

– Ты прирожденный манипулятор. Кто еще сможет быть настороже и не позволит надуть Билли?

– Чуть что, меня зовут, – проворчал Аллен.

На следующий день, когда Аллен встретился с писателем, он был поражен и разочарован. Вместо высокого, обаятельного писателя он увидел маленького худощавого человечка с бородой и в очках, в вельветовой спортивной куртке рыжеватого-коричневого цвета.

Доктор Кол представил их друг другу и предложил свой кабинет для предстоящего разговора. Аллен сел на кожаное канапе и закурил сигарету. Писатель сел напротив и закурил трубку – прямо как Артур. Они немного побеседовали о том о сем, затем Аллен перешел к сути беседы:

– Доктор Кол сказал, что вы заинтересованы получить права на написание моей истории. Как думаете, сколько это будет стоить?

Писатель улыбнулся и выпустил дым.

– Это зависит от многого. Я должен буду узнать о вас побольше, чтобы быть уверенным, что написанная книга заинтересует издателя. Узнать больше того, что было уже написано о вас в «Тайм» и «Ньюсуик».

Кол усмехнулся и сплел пальцы на животе:

– Это уж точно.

Аллен нагнулся вперед, положив локти на колени.

– Ясно. Значительно больше. Но я не собираюсь откровенничать задаром. Мои адвокаты в Коламбусе говорили мне, что очень многие хотят получить права. Даже из Голливуда приходил парень, они хотят снять кино и прокрутить по телевизору. На этой неделе прилетает один писатель с предложением и контрактом.

– Это звучит многообещающе, – ответил писатель. – При той известности, которую вы получили, я думаю, очень многие хотели бы прочитать историю вашей жизни.

Аллен улыбнулся и кивнул. Он решил еще немного прощупать этого человека.

– Я бы хотел почитать что-нибудь из того, что вы написали, чтобы иметь представление о вашей работе. Доктор Кол говорит, что по одной из ваших книг был снят фильм.

– Я пришлю вам экземпляр, – сказал писатель. – Прочтите его, и в случае вашей заинтересованности мы сможем продолжить разговор.

Когда писатель ушел, доктор Кол дал совет: прежде чем продолжать переговоры о книге, Билли должен найти себе местного адвоката, который позаботится о соблюдении его интересов. Государственные защитники из Коламбуса не смогут больше представлять его.

Примерно неделю Аллен, Артур и Билли по очереди читали роман, присланный писателем. Когда они закончили читать, Билли сказал Артуру:

– Я думаю, он и должен писать книгу.

– Вполне согласен, – сказал Артур. – Должен заметить, он с большим мастерством описывает внутренний мир главного героя. Хотелось бы, чтобы и наша история была рассказана не хуже. Если люди хотят понять проблему Билли, о ней нужно рассказать «изнутри». Писатель должен встать на место Билли.

Тут появился Рейджен:

– Я возражаю. По-моему, не нужно никаких книг.

– Почему? – спросил Аллен.

– А ты не понял? Билли будет болтать с этим человеком, да и вы все будете болтать. Вы можете рассказать ему что-нибудь такое, за что меня опять обвинят, – что-нибудь о других преступлениях.

Артур задумался.

– Мы не должны рассказывать об этом.

– Кроме того, – сказал Аллен, – у нас есть выход, и в любое время мы сможем его использовать. Если во время бесед выплывет что-то, что может повредить нам, Билли всегда сможет дискредитировать книгу.

– Как это?

– Все отрицать, – объяснил Аллен. – Я могу сказать, что притворился множественной личностью. Если я скажу, что все это выдумка, никто не купит книгу.

– Брось, кто этому поверит? – сказал Рейджен.

Аллен пожал плечами:

– Какая разница? Какой издатель возьмется за книгу, если человек, о котором она написана, говорит, что все это ложь?

– В этом есть некоторый смысл, – сказал Артур.

– Так же можно поступить и с любым контрактом, который Билли может подписать, – добавил Аллен.

– Ты хочешь сказать, сделать вид, что он неправомошен подписывать его? – спросил Рейджен.

Аллен улыбнулся:

– «Невиновен по причине безумия», верно? Я говорил об этом с Гэри Швейкартом по телефону. Он сказал, я всегда могу сказать, что был совсем сумасшедшим, подписывая этот контракт, что я это сделал под давлением доктора Кола. И контракт окажется недействительным.

Артур кивнул:

– Полагаю, можно предложить писателю подыскивать издателя для книги.

– А я все-таки думаю, что это глупо, – сказал Рейджен.

– Мне кажется, очень важно, чтобы наша история была рассказана миру, – возразил Артур. – Есть другие книги о множественных личностях, но не было еще истории, похожей на историю Билли. Если люди смогут понять, как возникают такие явления, тем самым мы внесем вклад в психиатрию.

– А еще, – сказал Аллен, – мы загребем кучу денег.

– Первая человеческая мысль за сегодняшний день, – проворчал Рейджен.

– Одно из самых интересных противоречий в Рейджене, – сказал Артур, – это то, что убежденный коммунист так любит деньги.

– Я всегда отдаю бедным то, что остается от уплаты счетов.

– Надо же, – засмеялся Аллен, – может, нам скостят налоги за благотворительность?

19 декабря редактор местной газеты «Афинз мессенджер» позвонил в клинику с просьбой организовать интервью с Билли Миллиганом. Билли и доктор Кол согласились.

Кол привел Билли в комнату для совещаний, где представил его редактору Хербу Амею, репортеру Бобу Эки и фотографу Гелу Фишеру. Кол показал им рисунки Билли, а Билли ответил на их вопросы о своем прошлом, о надругательствах, о попытке самоубийства, о том, что другие личности доминируют над ним.

– А как насчет насилия? – спросил Амей. – Могут ли жители Афин быть уверены – если вам позволят свободно выходить, как это делают большинство пациентов этого отделения, – что вы не будете представлять угрозу ни им, ни их детям?

– Я думаю, – сказал Кол, – на вопрос о насилии должен отвечать не Билли, а одна из его личностей.

Он вывел Билли из комнаты и повел в свой кабинет. Усадив его, он сказал:

– Вот что, Билли. По-моему, ты должен установить хорошие отношения с прессой в Афинах. Людям надо показать, что ты не представляешь опасности. В один прекрасный день ты захочешь, чтобы тебе разрешили выйти в город без сопровождающего – купить принадлежности для рисования, сходить в кино или съесть гамбургер. Эти газетчики явно симпатизируют тебе. Я думаю, что надо дать им возможность поговорить с Рейдженом.

Билли сидел молча, губы его шевелились. Потом он наклонился вперед и пристально посмотрел на доктора:

– Вы сошли с ума, доктор Кол?

Кол затаил дыхание, услышав суровый голос.

– Почему ты так говоришь, Рейджен?

– Не надо этого делать. Мы так старались, чтобы Билли перестал спать.

– Я бы не вызвал тебя, если бы не считал это важным.

– Это не важно. Нас эксплуатируют газеты. Я против. Меня это злит.

– Ты в чем-то прав, Рейджен, – сказал Кол, осторожно следя за ним, – но публику следует уверить, что ты таков, каким тебя определил суд.

– Плевать мне на вашу публику! Я не хочу, чтобы газетчики делали на мне деньги и сбивали с толку всякими заголовками.

– Я же сказал, в чем-то ты прав. Но, как ни крути, с прессой работать придется. То, что думают люди в этом городе, повлияет на лечение и на твой режим.

Рейджен подумал над этим. Он чувствовал, что Кол использует его, чтобы придать вес своим заявлениям прессе. Вместе с тем аргументы Кола были вполне логичны.

– Думаете, это правильно? – спросил он.

– Я бы не посоветовал, если бы так не думал.

– Ладно, – сказал Рейджен, – поговорим, если так.

Кол привел его обратно в комнату. Репортеры смотрели на него с опаской и любопытством.

– Спрашивайте, – нелюбезно произнес Рейджен.

Услышав акцент, Эки вздрогнул и растерялся.

– Я... я хочу сказать, что мы... мы спрашивали... Мы хотели заверить жителей, что вы... что Билли не буйный.

– Я буду буйным, если кто-нибудь попытается обидеть Билли или причинить вред женщине или ребенку в его присутствии, – сказал Рейджен. – Только в таком случае я вмешаюсь. Я вам так скажу: вы сами-то позволите обидеть своего малыша? Нет, вы будете защищать свою жену, ребенка или любую другую женщину. Если кто-то попробует обидеть Билли, я встану на защиту. Но нападать без причины – это варварство. Я не варвар.

Задав еще несколько вопросов, репортеры попросили разрешения поговорить с Артуром. Кол передал их просьбу, и они увидели, как враждебное выражение лица Рейджена меняется, словно тает. Через миг лицо стало жестким, хмурым, надменным, тонкие губы поджалась. Артур озабоченно огляделся, достал из кармана трубку, раскурил ее и выпустил длинную струйку дыма.

– Безумие, – сказал он.

– Что именно? – спросил доктор Кол.

– Заставить Билли уснуть, чтобы выставить нас на обозрение. Я приложил все усилия, чтобы держать его в бодрствующем состоянии. Ведь для него важно сохранять самоконтроль. Однако, – теперь он обращался к репортерам, – отвечая на ваш вопрос о буйстве, я могу уверить родителей этого города, что им не потребуются запирающие двери. Уильям выздоравливает. От меня он учится мыслить логически, от Рейджена – выражать недовольство. Мы учим его, и он понемногу поглощает нас. Когда Уильям научится всему, чему мы должны научить его, мы исчезнем.

Репортеры быстро строчили в своих блокнотах. Кол опять вызвал

Билли. Появившись, тот закашлялся от дыма.

– Господи, ну и гадость! – сказал он и бросил трубку на стол. – Не понимаю, как можно курить.

Отвечая на вопросы, Билли сказал, что не помнит ничего из происшедшего после того, как доктор Кол увел его в другую комнату. Он нерешительно говорил о своих планах, о том, что надеется продать некоторые свои рисунки и часть денег отдать в Центр защиты детей от насилия.

Когда журналисты из «Мессенджера» ушли, Кол заметил, что все трое выглядели потрясенными.

– Мне кажется, – сказал он, возвращаясь с Билли в отделение, – наших сторонников прибавилось.

Джуди Стивенсон была занята очередным делом, так что Гэри Швейкерт пригласил главу адвокатской конторы поехать с ним в Афины, чтобы навестить Билли. Гэри хотел больше узнать о писателе, который собирался писать книгу, и об Л. Алане Голдсберри, афинском адвокате, которого Билли нанял, чтобы вести его гражданские дела. Они встретились в одиннадцать часов в комнате для совещаний. На встрече присутствовали доктор Кол, сестра Билли и ее жених Роб. Билли настаивал, что это его собственное решение и что он хочет, чтобы именно этот писатель писал книгу. Швейкерт передал Голдсберри список издателей, потенциальных писателей и продюсера, который интересовался правами на книгу.

После встречи Гэри остался с Билли, чтобы немного поболтать с ним.

– Ты знаешь, у меня сейчас дело, о котором тоже пишут в газетах, – сказал он. – Убийца. Калибр двадцать два.

Билли посмотрел на него очень серьезно и сказал:

– Вы должны пообещать мне одну вещь.

– Какую?

– Если он сделал это, – сказал Билли, – не защищайте его.

Гэри улыбнулся:

– Услышать такое от тебя, Билли, дорогого стоит. Но мы защищаем всех.

Уезжая из Афинского центра психического здоровья, Гэри испытывал смешанные чувства, зная, что теперь Билли в других руках. Позади были невероятные четырнадцать месяцев, отнимавшие все время, поглощавшие все силы.

По этой причине распался его брак с Джо Энн. Время, отнятое этим делом у семьи, дурная слава – ночные звонки людей, обвиняющих его в

том, что он успешно защитил насильника, – все это оказалось для нее непосильным грузом. Сына Гэри травили в школе за то, что его отец защищает Миллигана.

Работая над этим делом, Гэри постоянно думал о том, сколько же других его и Джуди клиентов из-за Билли не получали должного внимания, ведь дело Миллигана было таким сложным и им занимались в первую очередь.

– Страх, что ты можешь пренебречь кем-то, заставляет тебя работать в десять раз усерднее, – говорила Джуди, – а расплачиваются за это семьи.

Садясь в машину, Гэри посмотрел на огромное, неуклюжее викторианское здание и вздохнул. Так или иначе, забота о Билли Миллигане легла теперь на другие плечи.

5

23 декабря Билли проснулся, нервничая при мысли о предстоящем разговоре с писателем. Фактически он так мало помнил о своих ранних годах, лишь какие-то обрывочные сведения, которые слышал от других. Как же он сможет рассказать писателю историю своей жизни?

Съев завтрак, он пошел к стойке, налил себе еще чашку кофе и сел в кресло, ожидая писателя. В последнюю неделю его новый адвокат, Алан Голдсберри, представлял его по вопросам написания книги, они подписали контракты с писателем и издателем. Это было непросто, но страх постепенно покидал Миллигана.

– Билли, к тебе пришли.

Голос Нормы Дишонг напугал его, он резко вскочил с кресла, пролив кофе на джинсы. Он увидел писателя, спускающегося по лестнице в коридор. Боже милостивый, во что он ввязался?

– Здравствуйте, – улыбаясь, сказал писатель. – Вы готовы?

Билли привел его в свою комнату и наблюдал, как худощавый, бородатый писатель вынул диктофон, блокнот с ручкой, трубку с табаком и наконец поудобнее устроился в кресле.

– Давайте договоримся, что каждую нашу беседу мы будем начинать с вашего имени. Для порядка. С кем я сейчас говорю?

– С Билли.

– Хорошо. Когда мы встретились в кабинете доктора Кола, он упомянул о «пятне». Вы ответили, что слишком мало знаете меня, чтобы рассказывать о таких вещах. А сейчас?

Билли смущенно опустил глаза.

– В первый день вы встречались не со мной. Я стеснялся говорить с вами.

– О-о? Так кто же это был?

– Аллен.

Писатель нахмурился и задумчиво пыхнул трубкой.

– Ладно, – сказал он, делая пометку в блокноте. – Расскажите мне о пятне?

– Я узнал о нем и о других вещах из моей жизни в клинике Хардинга, когда я уже был частично синтезирован. Артур объяснял младшим, как выходят в реальный мир.

– На что похоже это пятно? Что вы в действительности видите?

– Это большое белое пятно света на полу. Все стоят вокруг или лежат на своих кроватях в темноте: кто смотрит, кто спит или занимается своими делами. Но тот, кто становится на это пятно, овладевает сознанием.

– Все ли ваши личности откликаются на имя Билли, когда к ним обращаются?

– Когда я спал и кто-то из посторонних звал Билли, мои люди отзывались на это имя. Доктор Уилбур объяснила мне, что другие стараются скрыть тот факт, что их много. Правда обо мне открылась только по ошибке, когда Дэвид испугался и все рассказал Дороти Тернер.

– Вы знаете, когда впервые появились ваши люди?

Билли кивнул и откинулся в кресле, чтобы подумать.

– Кристин появилась, когда я был совсем маленьким. Я не помню когда. Большинство других появились, когда мне было от восьми до девяти лет. Когда Челмер... когда папа Чел...

Речь его становилась какой-то дерганой.

– Если вам трудно говорить об этом, не говорите.

– Все в порядке, – сказал Билли. – Доктора говорят, что для меня важно избавиться от этого. – Он закрыл глаза. – Я помню, это произошло через неделю после 1 апреля, Дня дурака. Я был в четвертом классе. Он взял меня на ферму, чтобы я помог ему подготовить огород для посадки. Он привел меня в амбар и привязал к ручному плугу. Потом... потом...

У него на глазах выступили слезы, голос стал хриплым, запинаящимся, детским.

– Может быть, не надо? – осторожно спросил писатель.

– Он бил меня, – сказал Билли, потирая запястья. – Он запустил мотор, и я испугался, что меня втянет и разорвет на куски лопастями. Он сказал, что, если я пожалуюсь матери, он закопает меня в амбаре и скажет ей,

будто я убежал, потому что ненавидел ее.

По щекам Билли текли слезы, а он продолжал говорить:

– В следующий раз, когда это случилось, я просто закрыл глаза и ушел. Я знаю теперь – доктор Джордж Хардинг помог мне вспомнить многое, – что это Денни был привязан к мотору, а потом появился Дэвид и взял боль на себя.

Писатель почувствовал, что дрожит от охватившего его гнева.

– Удивительно, что вы вообще выжили.

– Теперь я понимаю, – прошептал Билли, – что, когда полиция пришла за мной в «Ченнингуэй», меня не арестовали, а спасли. Мне жаль, что до того, как это случилось, людям был причинен вред, но я чувствую, что Господь наконец улыбнулся мне, впервые за двадцать два года.

Глава шестая

1

На следующий день после Рождества писатель проделал длинный путь до Центра для второй беседы с Билли Миллиганом. У него было такое ощущение, что Билли будет подавлен, проведя праздник в клинике.

Писатель узнал, что за неделю до Тождества Билли очень просил доктора Кола разрешить ему провести праздник со своей семьей в доме его сестры, в Логане, штат Огайо. Кол ответил, что еще слишком рано – прошло всего две недели после прибытия в клинику. Но Билли настаивал. Другим пациентам разрешили поехать домой в короткий отпуск. Если доктор сказал правду о том, что его будут лечить так же, как других пациентов, тогда он должен попытаться получить разрешение сделать то же самое.

Зная, что пациент испытывает его, и понимая, как важно добиться доверия Билли, Кол согласился сделать запрос. Он был уверен, что просьбу завернут обратно.

Запрос вызвал фурор в Комиссии по досрочному освобождению, в Управлении по проблемам психического здоровья и в прокуратуре Коламбуса. Когда Явич позвонил Гэри Швейкарту и спросил, что, черт возьми, происходит в Афинах, Гэри ответил, что попытается узнать.

– Но я больше не его адвокат, – добавил он.

– На вашем месте я позвонил бы его доктору в Афинах, – сказал Явич, – и сказал, чтобы они немножко остыли. Если что-то и способно вызвать шумный протест против нового закона о контроле над душевнобольными преступниками, так это вид Миллигана, разгуливающего по улицам.

Как и ожидал доктор Кол, просьбу отклонили.

Когда писатель открыл тяжелую металлическую дверь и направился к комнате Билли, он заметил, что отделение почти пусто. Он постучал в дверь Билли.

– Одну минуту, – послышался сонный голос.

Дверь открылась, и писатель увидел Билли, выглядевшего так, словно он только что встал с постели. Билли растерянно взглянул на электронные часы на своей руке.

– Я их не помню, – сказал он.

Затем подошел к столу, посмотрел на лежащую там бумагу и показал ее писателю. Это была квитанция с хозяйственного склада клиники на двадцать шесть долларов.

– Я не помню, чтобы покупал их, – сказал Миллиган. – Кто-то тратит мои деньги – деньги, которые я выручил от продажи моих рисунков. Я считаю, что это неправильно.

– Может быть, склад примет их обратно, – предположил писатель.

Билли внимательно рассмотрел часы.

– Думаю, я оставлю их. Теперь мне нужны часы. Они не очень хорошие, но... ладно.

– Если не вы покупали их, кто это сделал?

Миллиган огляделся по сторонам, его серо-голубые глаза внимательно осматривали комнату, словно проверяя, нет ли тут кого-нибудь еще.

– Я слышал незнакомые имена.

– Какие, например?

– Кевин. И Филип.

Писатель постарался не показать своего удивления, лишь удостоверился, что диктофон включен. Он читал о десяти личностях, но никто никогда не упоминал имен, которые Билли только что назвал.

– Вы говорили об этом доктору Колу?

– Нет еще, – ответил Билли. – Я скажу. Но мне непонятно, что это значит. Кто они? Почему я думаю о них?

Пока Билли говорил, писатель вспомнил последний абзац статьи в «Ньюсуик» от 18 декабря: «Тем не менее остаются без ответа следующие вопросы... Почему в разговорах со своими жертвами он объявлял себя “партизаном” и “наемным убийцей”? Врачи думают, что в Миллигане уживаются и другие, еще не выявленные личности и что некоторые из них могли совершить преступления, пока не раскрытые».

– Билли, прежде чем вы произнесете что-то еще, мы должны сформулировать некоторые правила. Я хочу быть уверен, что ничто из того, что вы скажете мне, никогда не будет использовано против вас. Если вы когда-нибудь скажете мне что-то, что могло бы быть использовано против вас, просто скажите: «Это не для записи», и я выключу диктофон. В моих записях не будет ничего, что имело бы для вас какие-то последствия. Если вы об этом забудете, я вас остановлю и сам выключу диктофон. Вам понятно?

Билли кивнул.

– И еще одно. Если вы захотите преступить закон, не говорите мне об

этом. Если вы мне скажете, я должен буду сразу пойти в полицию. Иначе мне предъявят обвинение в соучастии.

Билли был в шоке:

– Но я не хочу совершать преступлений!

– Я рад это слышать. А теперь поговорим о тех двух именах, Кевин и Филип. Что они значат для вас?

Билли посмотрел в зеркало.

– Ничего. Не помню... Но в голове все время вертится одно слово – «нежелательные». Это имеет какое-то отношение к Артуру, но не знаю какое.

Писатель наклонился вперед:

– Расскажите мне об Артуре. Кто он, что за человек?

– Спокойный, даже холодный. Знаете, напоминает мистера Спока из «Звездного пути». Может выразить недовольство в ресторане и поставить кого надо на место. Не утруждает себя объяснениями, но раздражается, когда его не понимают. Может, у него просто нет времени быть терпимым, он постоянно занят – что-то приводит в порядок, планирует, устраивает.

– Он расслабляется когда-нибудь?

– Иногда он играет в шахматы – обычно с Рейдженем, причем Аллен двигает фигуры, – но он не любит попусту тратить время.

– Звучит так, словно вы не любите его.

Билли пожал плечами:

– Артур не тот человек, кого можно любить или не любить. Такого человека уважают. И я его уважаю.

– Артур выглядит так же, как вы?

– Он почти моего роста и весит почти столько же – шесть футов и сто девяносто фунтов. Но он носит очки в тонкой металлической оправе.

Эта вторая беседа длилась три часа. Они поговорили о некоторых личностях Билли, упоминавшихся в газетах, о семье Билли, о его детских годах. Писатель пытался нащупать метод обработки поступающего материала.

Пожалуй, главной проблемой будет амнезия Билли. При таких пробелах в памяти невозможно многое узнать о его детстве или о критических семи годах, в течение которых Билли спал, а другие личности жили его жизнью. Писатель решил, что хотя он и может драматизировать некоторые эпизоды, но в основном будет придерживаться фактов. За исключением нераскрытых преступлений все будет описано так, как это преподнесет Билли. Главной проблемой оставалось то, что в этой истории могло оказаться множество досадных пробелов. И в этом случае книги не

получится.

2

Доктор Кол поднял голову: его внимание привлекли громкие голоса за дверью кабинета. Секретарь говорила кому-то:

– Доктор Кол занят. Он сейчас не может вас принять.

Ей ответил человек, говоривший с сильным бруклинским акцентом:

– Плевать я хотел, занят он там или нет. Мне нужно ему кое-что передать.

Кол поднялся с кресла, но в этот момент дверь открылась – на пороге стоял Билли Миллиган.

– Вы психиатр Билли?

– Я доктор Кол.

– Ага, ну а я – Филип. Кое-кто из нас считает, что вы должны это иметь.

Вошедший шлепнул на стол лист казенной желтой бумаги, повернулся и вышел. Кол посмотрел на бумагу и сразу понял, что это длинный список имен: десять известных личностей Билли и еще несколько. Последним стояло не имя, а слово «Учитель».

Доктор хотел было последовать за пациентом, но передумал. Он поднял трубку и попросил позвать техника из кабинета микроволновой терапии.

– Джордж, – сказал он, – на сегодня у меня назначены сеансы с Билли Миллиганом и Дэйвом Малавистой. Я хочу, чтобы ты снял это на пленку.

Затем он положил трубку и стал изучать список. Так много незнакомых имен – всего двадцать четыре. Кол не осмеливался даже подумать о том, что пришло ему в голову. Как можно справляться со всем этим? И – о господи! – что еще за Учитель?!

После ланча доктор Кол поднялся в отделение и постучал в комнату Билли. Через несколько секунд Билли открыл дверь, заспанный и взъерошенный:

– Да?

– Билли, сегодня сеанс. Давай просыпайся.

– А, ну конечно. Сейчас, доктор Кол.

Билли последовал за этим энергичным невысоким человеком вверх по лестнице и вышел из отделения интенсивной терапии. Они прошли по

коридору в современное здание гериатрического отделения, в кабинет микроволновой терапии.

Джордж, устанавливающий телекамеру в комнате для совещаний, кивнул вошедшим – Билли и доктору Кола. Справа стулья были расставлены словно для воображаемой аудитории; слева, за гофрированной дверью, помещались телекамера и монитор. Билли сел в указанное кресло, и Джордж помог ему прикрепить микрофон. В этот момент в комнату вошел темноволосый молодой человек – Дэвид Малависта, старший психолог. Джордж дал сигнал о готовности камеры, и Кол начал сеанс.

– Скажи нам для протокола, как тебя зовут?

– Билли.

– Хорошо, Билли. Мне нужна твоя помощь, чтобы получить некоторую информацию. Нам известно, что всплыло несколько новых имен «твоих людей», как ты их называешь. Знаешь ли ты кого-нибудь еще?

Билли удивленно посмотрел на Кола, потом на Малависту.

– Э-э-э... вот в Коламбусе один психолог спрашивал меня о ком-то по имени Филип.

Кол заметил, что колени Билли начали нервно трястись.

– Тебе говорят о чем-нибудь имена Шон, Марк или Тоберт?

Билли подумал немного, взглядываясь куда-то вдаль и шевеля губами. Затем он пробормотал:

– Я сейчас слышал у себя в голове разговор. Артур с кем-то спорил. Прозвучали имена. Я не знаю, кому они принадлежат. – Он помолчал. – Артур сказал, что Шон отсталый. Не умственно. Он родился глухим, и у него замедленное развитие. Для своего возраста он ненормален... До того как я уснул и с тех пор как доктор Уилбур меня разбудила, внутри меня не перестает идти война.

Его губы опять задвигались, и доктор Кол взглядом попросил Джорджа дать крупный план, чтобы было хорошо видно выражение лица Билли.

– Вы хотите, чтобы кто-то объяснил? – нервно спросил Билли.

– Как ты думаешь, с кем мне следует поговорить?

– Я не уверен. За последние дни все так запуталось. Не знаю, кто бы мог дать вам информацию.

– Билли, ты можешь сам сойти с пятна?

Билли удивился и немного обиделся, словно почувствовал, что доктор Кол отсылает его прочь.

– Нет, Билли, я не имел в виду...

Взгляд Билли остановился. Несколько секунд он сидел неподвижно.

Затем огляделся, словно вдруг проснувшись, подозрительный и настороженный. Он хрустнул пальцами и пристально посмотрел на доктора:

– Вы нажили себе врагов, доктор Кол.

– Объясни, пожалуйста.

– Ну, в данный момент речь не обо мне, а об Артуре.

– Почему?

– Потому что прорвались «нежелательные».

– Кто эти «нежелательные»?

– Те, кого Артур заставлял молчать, потому что их функции больше не нужны.

– Если они больше не нужны, то почему же они все еще существуют?

Рейджен сердито посмотрел на него:

– Вы хотите, чтобы мы их убили?

– Понимаю, – сказал Кол. – Продолжай.

– Я недоволен действиями Артура. Он тоже должен защищать, как и я.

Мне одному со всем не справиться.

– Ты можешь рассказать еще что-нибудь об этих «нежелательных»?

Почему они «нежелательные»? Они что, преступники? Агрессивные, вспыльчивые?

– Только я один вспыльчивый. И то лишь тогда, когда для этого есть причина.

Внезапно Рейджен увидел на своей руке часы и удивился.

– Это твои часы? – спросил Кол.

– Понятия не имею, откуда они взялись. Разве что Билли купил, когда меня рядом не было. Как я уже говорил, другие не воры. – Он улыбнулся. – Артур относится к «нежелательным» с отвращением и приказал другим людям даже не упоминать о них. Они должны быть засекречены.

– Почему раньше никто не признавался, что есть и другие?

– Нас не спрашивали.

– Ни разу?

Рейджен пожал плечами:

– Может, Билли или Дэвида и спрашивали, а им-то откуда знать? О «нежелательных» нельзя говорить, пока не будет полного доверия.

– Тогда почему мне рассказали о них?

– Артур теряет власть. «Нежелательные» сейчас восстают и решили вам открыться. Это Кевин написал список. Но когда нет доверия, нельзя слишком раскрываться. Мы теряем механизм защиты. Мне пришлось поклясться, что я никому не скажу, но врать я не буду.

- Рейджен, что произойдет?
- Мы сплотимся, будем все вместе. Контроль будет полный, больше никакой амнезии. И только один будет главным.
- Кто это будет?
- Учитель.
- Кто этот Учитель?
- Очень хороший человек. Точнее, в нем есть и плохое и хорошее, как и во всех людях. Вы знаете сегодняшнего Билли. Его эмоции меняются в зависимости от обстоятельств. Учитель держит свое имя в тайне, но я знаю, кто это. Если вы узнаете, кто Учитель, уж точно посчитаете нас сумасшедшими.
- Объясни, пожалуйста.
- Так я и объясняю. Вы уже встречались с отдельными частями Учителя, доктор Кол. Главный вопрос – как все мы узнали о вещах, которые знаем? От Учителя. Он научил Томми электронике и технике побегов. Он научил Артура биологии, физике и химии. Меня он обучил, как обращаться с оружием и как управлять адреналином, чтобы достигнуть максимальной силы. Он всех нас научил рисовать и писать картины. Учитель знает все.
- Рейджен, кто Учитель?
- Учитель – Билли, все в одном. Но Билли об этом не знает.
- Почему ты стоишь сейчас на пятне и говоришь мне все это?
- Потому что Артур сердится. Он совершил ошибку, ослабив контроль и позволив Кевину и Филипу сообщить о «нежелательных». Артур умный, но он всего лишь человек. А теперь у нас мятеж.
- Кол сделал знак Малависте придвинуться поближе.
- Ты не возражаешь, если Дэйв Малависта присоединится к нам?
- Билли нервничал перед вами обоими, но я-то не боюсь. – Рейджен посмотрел на мотки кабелей, на электронное оборудование и покачал головой: – Похоже на игровую комнату Томми.
- Расскажи еще что-нибудь об Учителе, – предложил Малависта.
- Объясняю, – повторил Рейджен. – Билли был необыкновенно одаренным ребенком. Он был «все мы в одном». Сейчас он об этом не знает.
- Тогда почему ему потребовались вы? – спросил Малависта.
- Я создан для физической защиты.
- Но ты же знаешь, что ты просто плод воображения Билли.
- Рейджен откинулся назад и улыбнулся:
- Да, мне говорили, и я согласился с тем, что я – плод воображения

Билли. Но сам Билли этого не принял. Билли многое не удалось, поэтому и появились «нежелательные».

– Ты думаешь, Билли должен знать, что он – Учитель? – спросил Малависта.

– Это расстроит его. Но когда вы будете говорить с Учителем, вы будете говорить с Билли как «со всеми в одном». – Рейджен опять стал рассматривать часы. – Нехорошо тратить деньги за спиной Билли. Но теперь хоть будет знать, сколько времени потерял.

– Рейджен, как ты думаешь, не пора ли вам всем встретиться с реальностью и поработать над вашими проблемами? – спросил Кол.

– У меня нет проблем. Я сам – часть проблемы.

– Как, по-твоему, отреагирует Билли, если узнает, что он – Учитель?

– Это его ломает.

На следующем сеансе терапии Рейджен поведал доктору Колу, что они с Артуром после долгого и жаркого спора пришли к соглашению и решили сказать Билли, что он – Учитель. Артур поначалу считал, что для Билли это будет слишком сильным шоком и он окончательно сойдет с ума. Но потом они оба сошлись на том, что если Билли должен поправиться, то ему необходимо знать правду.

Колу это понравилось. Сообщение Рейджена о конфликте между ним и Артуром и о мятеже «нежелательных» свидетельствовало о том, что назревает кризис. Он чувствовал: наступило время для Билли познакомиться со всеми и узнать, что это он накопил в себе все знания, приобрел навыки и передал их другим. Знание того факта, что он был Учителем, сделает его сильнее.

Кол захотел поговорить с Билли. Увидев дрожащие колени, он понял, кто находится перед ним, и рассказал пациенту о решении, принятом Артуром и Рейдженом. На лице Билли отразились любопытство и страх. Он кивнул и сказал, что готов к разговору. Доктор вставил пленку в магнитофон, отрегулировал звук и сел напротив, чтобы следить за реакциями пациента.

Смущенно улыбаясь, Билли наблюдал себя на мониторе. Когда он увидел изображение своих дрожащих коленей и обратил внимание, что его реальные колени тоже дрожат, он положил на них руки, чтобы унять дрожь. А когда на мониторе появилось изображение беззвучно движущихся губ, Билли закрыл рот рукой, изумленно глядя на экран. Затем возникло лицо Рейджена, абсолютно идентичное его собственному, и голос Рейджена впервые зазвучал не в его голове, а с экрана. И эти слова: «Вы приобрели

врагов, доктор Кол».

До этого момента Билли принимал на веру все, что говорили ему другие о его множественной личности, даже если внутренние ощущения не подсказывали ему, что это правда. До сих пор ему было ясно только то, что иногда он слышит голоса и теряет время. Он верил тому, что говорили доктора, но никогда не чувствовал этого. И вот он впервые видел это собственными глазами и впервые понял.

С благоговейным страхом Билли наблюдал, как Рейджен говорит о списке из двадцати четырех имен и о «нежелательных». Он с открытым ртом слушал об Учителе, научившем их всему. Но кто этот Учитель?

– Учитель – Билли, все в одном. Билли не знает, что он – Учитель, – произнес Рейджен с экрана.

Кол увидел, как Билли вдруг обмяк, ослабел, покрылся потом. Затем он вышел из комнаты микроволновой терапии и поднялся на четвертый этаж. Люди проходили мимо него, здоровались, но он не реагировал. Он прошел по опустевшему коридору своего отделения и вдруг, совершенно лишившись сил, дрожа всем телом, буквально рухнул в кресло.

Он – Учитель!

Он обладает умом, талантом художника, силой, владеет искусством убеждать!

Билли силился понять это. Сначала был только Билли-ядро, тот, который родился и имел свидетельство о рождении. Затем он распался на множество частей, но все это время за отдельными частями стоял некто безымянный – кто-то, кого Рейджен назвал Учителем. В некотором смысле невидимая, фрагментарная, похожая на дух сущность, называемая Учителем, создала всех других – и детей, и монстров, – и поэтому он один нес ответственность за их преступления.

Если эти двадцать четыре человека сольются в одного, получится Учитель. Получится цельный Билли. Как это почувствовать? Будет ли он знать об этом? Доктор Кол должен познакомиться с Учителем. Это важно для лечения. И писателю тоже нужен Учитель, чтобы узнать все, что случилось...

Билли закрыл глаза и почувствовал странное тепло, поднимающееся от ног вверх, в туловище, в руки, в плечи, в голову. Он ощутил вибрацию и пульсацию. Он посмотрел вниз и увидел пятно, яркое пятно света, слепящее глаза. Глядя вниз, он понимал, что они должны встать на пятно, все вместе, сразу. Потом они оказались на пятне, в пятне... прошли сквозь пятно... падают... мчатся сквозь внутреннее пространство... все люди плывут вместе... скользят вместе... соединяются...

А потом он оказался на другой стороне.

Миллиган сжал руки и протянул их вперед, глядя на них. Теперь он знал, почему ему не удавалось стать цельным: другие не были выявлены. Все личности, которых он создал, все их действия, мысли, воспоминания с раннего детства Билли до этого момента теперь вернулись к нему. Он знал и свои положительные творения, и свои неудачи – тех самых «нежелательных», которых Артур пытался контролировать и прятать. Теперь Билли знал всю свою историю: их глупости, их трагедии, их еще нераскрытые преступления. И еще он знал, что, когда подумает о чем-то или вспомнит и расскажет об этом писателю, остальные двадцать три тоже услышат это и узнают историю своих собственных жизней. Раз они будут знать, амнезия исчезнет – и они уже никогда не смогут быть такими же. Это печалило его, словно он потерял что-то. Надолго ли?

Билли почувствовал, что кто-то идет по коридору, и обернулся, чтобы увидеть, кто к нему идет. Он понимал, что все его части знают маленького доктора.

Доктор Кол шел по коридору к сестринскому посту и увидел (как ему сначала подумалось) Билли, который сидел в кресле возле комнаты с телевизором. Но в тот момент, когда его пациент встал и обернулся, Кол понял, что это не Билли или кто-то из его личностей, которых он видел раньше. Свободная поза, обезоруживающе открытый взгляд... Кол догадался, что что-то произошло, и понял, что для пациента очень важно, чтобы его доктор почувствовал это, не спрашивая ни о чем и не ожидая объяснений. Нужно было рискнуть. Кол скрестил руки на груди и посмотрел прямо ему в глаза:

– Ты – Учитель, не так ли? Я ждал тебя.

Учитель посмотрел на него с высоты своего роста и кивнул, слегка улыбнувшись:

– Вы смели мою защиту, доктор Кол.

– Я не делал этого, ты же знаешь. Просто пришло время.

– Ничего не будет по-прежнему.

– А ты хочешь, чтобы все оставалось по-прежнему?

– Думаю, что нет.

– Теперь ты сможешь рассказать писателю всю историю. Сколько ты помнишь?

Учитель не отрываясь смотрел на него.

– Все. Я помню, как Билли принесли в больницу во Флориде, когда ему был всего месяц и он чуть не умер, потому что у него была опухоль в

горле. Я помню его настоящего отца, еврея Джонни Моррисона, комедианта и конферансье, который покончил жизнь самоубийством. Я помню первого друга детства Билли, которого он себе вообразил.

Кол с улыбкой кивнул и похлопал его по руке.

– Хорошо, что ты с нами, Учитель. Еще многое нужно узнать.

Книга вторая
Становление учителя

Глава седьмая

1

Дороти Сэндз вспоминает март 1955 года. В тот день она дала лекарство своему однемесячному ребенку и взяла его на руки. Вдруг она увидела, что личико ребенка покраснело, а вокруг рта появилось белое кольцо.

– Джонни! – закричала она. – Билли надо в больницу, срочно!

Джонни Моррисон прибежал на кухню.

– Он не может сглотнуть! – кричала Дороти. – У него все выливается! Посмотри, что с ним сделалось от этого лекарства!

Джонни позвал Мими, домработницу, чтобы присмотрела за Джимом, а сам побежал заводить машину. Дороти вынесла Билли, и они поехали в больницу «Маунт-Синай», в Майами-Бич.

В приемном покое молодой врач-интерн посмотрел на ребенка и сказал:

– Боюсь, леди, что вы опоздали.

– Он жив! – крикнула она. – Ты, сукин сын, делай что-нибудь!

Словно очнувшись от крика матери, интерн взял ребенка на руки и сказал, заикаясь:

– Мы... мы сделаем все, что можем.

Медсестра у конторки стала заполнять анкету поступившего больного:

– Имя и адрес ребенка?

– Уильям Стэнли Моррисон, – сказал Джонни. – 1311 Норт-Ист, Сто пятьдесят четвертая улица, Северный Майами-Бич.

– Вероисповедание?

Джонни посмотрел на Дороти. Она знала, что он хотел сказать «иудей», однако, увидев выражение ее лица, промолчал.

– Католик, – сказала она.

Джонни Моррисон повернулся и пошел в комнату ожидания. Дороти последовала за ним, тяжело опустилась в пластиковое кресло и стала смотреть, как он закуривает одну сигарету от другой. Она знала, что ее муж до сих пор не был уверен в том, что Билли действительно его сын: уж очень он отличался от темноволосого смуглого Джима, родившегося на полтора года раньше. Джонни был так счастлив, что нашел себе жену, что у него родился сын Джимбо. Он купил дом – оштукатуренный и покрашенный

розовой краской, с пальмой во дворе. Для людей шоу-бизнеса важно иметь свой дом, свой очаг, повторял Джонни. Жизнь Дороти стала лучше, чем жизнь с ее бывшим мужем Диком Джонасом в Секлвилле, штат Огайо.

Дороти понимала, что для Джонни наступили плохие времена. Его шутки уже не были так остроумны, антрепренеры охотнее заключали контракты с молодыми комиками, а Джонни все больше отходил на задний план. Когда-то он был классным конферансье и музыкантом, а теперь, вместо того чтобы работать на сцене, пристрастился к картам и виски. В последнее время он стал выпивать перед первым выходом, а к последнему шоу уже и лыка не вязал. Продолжая представлять себя публике как «наполовину музыкант, наполовину остряк», теперь он с полным правом мог добавить «и на два пальца виски».

Нет, это был не тот Джонни Моррисон, который устраивал ее вокальные выступления и следил, чтобы в доме все было хорошо, защищая от жизни свою двадцатидвухлетнюю «румяную фермерскую девчонку из Огайо». Это был не тот Джонни, рядом с которым она чувствовала себя в безопасности и могла с гордостью заявлять потенциальным ухажерам: «Уберите руки, ребята, я девушка Джонни Моррисона!»

Теперь, думала она, ослепший на один глаз, коренастый как борец, в свои тридцать шесть Джонни был ей скорее отец, чем муж.

– Ты не должен так много курить, – сказала она.

Джонни загасил сигарету в пепельнице и сунул руки в карманы.

– Сегодня мне не хочется выступить.

– Ты слишком много пропустил в этом месяце, Джонни.

Дороти замолчала под его колючим взглядом. Джонни открыл рот, чтобы сказать что-то, и она уже приготовилась услышать резкость, но в этот момент в приемный покой вошел доктор.

– Мистер и миссис Моррисон, я думаю, с вашим ребенком будет все нормально. У него опухоль в пищеводе, но мы с ней справимся. Сейчас состояние стабильное. Можете идти домой. Если будут какие-то изменения, мы позвоним.

Тогда Билли выжил. Но в первый год своей жизни он почти не покидал больницу в Майами. Когда у Дороти и Джонни были совместные гастрольные контракты, Билли и Джимбо оставались с Мими или в детском саду.

Через год после рождения Билли Дороти забеременела в третий раз. Джонни предложил ей сделать аборт на Кубе. Она отказалась, потому что, как она объяснила своим детям годы спустя, это был бы смертный грех.

Кэти родилась 31 декабря 1956 года. Стоимость медицинских услуг ошеломила Джонни. Он еще больше залез в долги, еще больше стал играть и пить. В конце концов Дороти узнала, что долг достиг шести тысяч долларов. Она поругалась с ним, и Джонни побил ее.

Осенью 1957 года Джонни был госпитализирован с диагнозом «тяжелая форма алкоголизма и депрессия». 19 октября его отпустили домой по случаю пятилетия Джимбо, которое собирались отмечать на следующий день. В тот же вечер, возвратившись поздно с работы, Дороти нашла его спящим за столом, с наполовину опорожненной бутылкой виски, а на полу валялся пустой пузырек из-под снотворного.

2

Учитель помнил, что первый внутренний друг Билли был безымянным. Как-то раз, за четыре месяца до своего четвертого дня рождения, когда Джимбо не захотел играть с ним, Кэти была еще слишком мала, а отец не мог оторваться от книги, Билли сидел в своей комнате, чувствуя одиночество и скуку. Затем он увидел черноволосого темноглазого мальчика, который сел напротив и стал на него смотреть. Билли подтолкнул к нему оловянного солдатика. Мальчик взял его, положил в грузовичок и стал катать машинку взад-вперед, взад-вперед. Они не разговаривали, но даже молчать было лучше, чем быть одному.

В тот вечер Билли и маленький безымянный мальчик видели, как его отец пошел и взял пузырек с таблетками. В зеркале отражалось папино лицо, когда он высыпал на ладонь таблетки и все их проглотил. Потом папа сел за стол, Билли лег в свою кроватку, а маленький безымянный мальчик исчез. В середине ночи Билли проснулся от маминого крика. Мама бросилась к телефону и позвонила в полицию. Джимбо и Билли стояли у окна и смотрели, как папу положили на носилки и увезли в машине с «мигалкой».

В последующие дни папа не приходил, чтобы поиграть с ним. Мама была очень расстроена и занята, Джимбо не было рядом, а Кэти была слишком мала. Билли хотел поиграть с Кэти, поговорить с ней, но мама сказала, что она еще маленькая и он должен обращаться с ней очень осторожно. Поэтому, когда ему опять стало одиноко и скучно, он закрыл глаза и заснул.

Кристин открыла глаза и подошла к кроватке Кэти. Когда Кэти

заплакала, по выражению ее лица Кристин поняла, чего она хочет, и пошла к красивой тете, чтобы сказать, что Кэти голодна.

– Спасибо, Билли, – сказала Дороти. – Ты хороший мальчик. Посмотри за малышкой, а я приготовлю ей еду. Потом приду и почитаю тебе сказку, прежде чем идти на работу.

Кристин не знала, кто такой Билли и почему ее так назвали, но она обрадовалась, что может играть с Кэти. Она взяла красный мелок и подошла к стене возле кровати, чтобы нарисовать Кэти куклу.

Тут Кристин услышала, что кто-то входит. Она подняла глаза и увидела красивую тетю, которая сердито смотрела на стену и на красный мелок в ее руке.

– Это плохо! Плохо! Плохо! – закричала Дороти.

Кристин закрыла глаза и ушла.

Билли открыл глаза и увидел, что мама очень сердится. Когда она схватила и стала трясти его, он испугался и заплакал. Он не знал, почему его наказывают. Потом он увидел рисунок на стене и удивился, кто мог сделать это.

– Я не плохой! – сквозь слезы проговорил он.

– Ты нарисовал это на стене! – крикнула мама.

Он отрицательно покачал головой:

– Это не Билли. Это Кэти сделала, – сказал он, показав на кровать.

– Ты не должен обманывать, – сказала Дороти, больно тыкая пальцем в его маленькую грудь. – Обманывать нехорошо. Ты попадешь в ад, если будешь врать. А теперь марш в свою комнату!

Джимбо не захотел говорить с ним. Билли подумал, что, может быть, это Джимбо изрисовал стену. Он немного поплакал, а потом закрыл глаза и уснул...

Когда Кристин открыла глаза, она увидела большого мальчика, спавшего у противоположной стены. Она поискала глазами какую-нибудь куклу, чтобы поиграть с ней, но увидела только солдатиков и машинки. Такие игрушки ей были не нужны. Она хотела куклу с бутылочкой и соской, и еще ей понравилась кукла Неряха Энн, которая принадлежала Кэти.

«Кристин».

Рисунок карандашом, выполненный Алленом

Кристин выскользнула в коридор. Она заглянула в три комнаты, прежде чем нашла кроватку Кэти. Малышка спала, поэтому Кристин взяла Неряху Энн и вернулась в свою кровать.

Утром Билли попало за то, что он взял куклу Кэти. Дороти нашла куклу в его кровати и стала так трясти его, что он испугался, как бы у него не отвалилась голова.

– Не смей этого делать! – крикнула мать. – Это кукла Кэти.

Кристин поняла, что должна быть осторожной, играя с Кэти, когда мама Билли находится рядом. Сначала она думала, что мальчик, спящий в другой кровати, и есть Билли, но все звали его Джимбо, и она поняла, что это старший брат. Ее имя было Кристин, но, поскольку все звали ее Билли, она стала отзываться на это имя. Она очень полюбила Кэти. Много месяцев подряд она играла с ней, учила ее словам, наблюдала, как малышка учится

ходить. Она знала, когда Кэти хочет есть и какую еду она любит. Она знала, когда у Кэти что-нибудь болело, и говорила Дороти, если что-то было не так.

Они вместе играли. Кристин и Кэти нравилось наряжаться, когда мамы не было дома. Они надевали на себя платья, туфли, шляпы Дороти и представляли, что они поют в ночном клубе. Больше всего Кристин любила рисовать для Кэти, но на стенах она больше не рисовала. Дороти купила ей много бумаги и цветных мелков, и все говорили, что Билли очень хорошо рисует.

После выхода Джонни из больницы Дороти стало одолевать беспокойство. Когда он играл с детьми или пытался сочинять новые песни и интермедии для шоу, казалось, что он совсем вылез. Но когда Дороти не видела, он тут же бежал к телефону звонить букмекерам. Она пыталась остановить его, но Джонни кричал на нее и даже бил. Потом он переехал жить в мотель, не провел Рождество с детьми и не пришел домой в день рождения Кэти, в канун Нового года.

18 января Дороти разбудил звонок из полиции. Тело Джонни было найдено в его фургоне, припаркованном у мотеля. Шланг от выхлопной трубы был просунут в заднее окно. Джонни оставил предсмертное письмо на восьми страницах, в котором плохо отзывался о Дороти и наказывал заплатить несколько его личных долгов из страховки.

Когда Дороти рассказала детям, что Джонни ушел на небеса, Джимбо и Билли подошли к окну и посмотрели вверх на небо.

На следующей неделе кредиторы сказали, что лучше ей заплатить те шесть тысяч долларов, которые задолжал Джонни, иначе что-нибудь случится с ней или с ребяташками. Дороти срочно уехала с детьми сначала к своей сестре Джо Энн Басси в Ки-Ларго, а потом вернулась в Секвилль. Там она встретила со своим бывшим мужем Диком Джонасом. После нескольких свиданий и обещаний, что он исправится, она вновь вышла за него замуж.

3

Билли было почти пять лет, когда однажды утром он пришел на кухню и встал на цыпочки, чтобы достать со стола кухонное полотенце. Внезапно горшок для теста, который стоял на столе, упал и разбился. Билли попытался сложить кусочки вместе, но они не складывались. Услышав, что кто-то идет, он задрожал. Он не хотел, чтобы его наказывали и делали ему

больно.

Он понимал, что сделал что-то плохое, но не хотел знать, что сейчас произойдет, не хотел слышать, как мама будет кричать на него. Он закрыл глаза и уснул...

Шон открыл глаза и огляделся. Он увидел на полу разбитый горшок и в недоумении посмотрел на него. Что это? Почему горшок разбит? Почему Шон оказался здесь?

Вошла симпатичная женщина, посмотрела на него и задвигала губами, но Шон ничего не слышал. Она все трясла и трясла его и больно тыкала пальцем ему в грудь. Лицо ее покраснело, губы продолжали двигаться. Мальчик не понимал, почему она сердится на него. Женщина потащила его в комнату, втолкнула внутрь и закрыла дверь. Шон сидел в мертвой тишине, не зная, что произойдет дальше. Потом он уснул.

Билли открыл глаза и съежился, ожидая побоев за разбитый горшок, но ударов не последовало. Как он попал обратно в свою комнату? Что ж, он уже начал привыкать к тому, что где-то находится, потом закрывает глаза, открывает их – и он уже в совершенно другом месте и в другое время. Билли думал, что так происходит со всеми. Ему уже случалось бывать в ситуациях, когда его называли вруном, наказывали за то, чего он не делал. Но сейчас впервые он что-то сделал, потом проснулся – и его не ругали. Интересно, когда мама накажет его за разбитый горшок? Билли нервничал и провел остаток дня в своей комнате. Хотелось, чтобы Джимбо пришел домой из школы или чтобы показался тот маленький черноволосый мальчик, который раньше играл с его солдатиками и машинками. Билли зажмурился, надеясь, что мальчик появится. Но ничего не произошло.

Странно, но с тех пор Билли никогда не чувствовал себя одиноким. Всякий раз, когда ему становилось одиноко, скучно или грустно, он просто закрывал глаза. Открыв глаза, он обнаруживал себя в другом месте, и все было по-другому. Бывало, глаза закрывались, когда на улице ярко светило солнце, а когда открывались – вокруг была ночь. Или наоборот. Бывало и так, что он играл с Кэти или с Джимбо, мигнул – и вот уже сидит на полу в одиночестве. После таких случаев Билли порой обнаруживал на руках красные пятна, а иногда болело пониже спины, словно его отшлепали. Но самого его не шлепали и не трясли. И он был рад, что избежал наказания.

Дороти прожила с Диком Джонасом год. Потом ситуация стала невыносимой, и она ушла от него во второй раз. Чтобы содержать себя и детей, она работала официанткой в клубе и пела в коктейльных залах, таких, как «Континенталь» или «Цилиндр». Дети стали ходить в школу Святого Иосифа в Секлвилле.

В первом классе Билли учился хорошо. Монахини хвалили его рисунки. Он мог быстро делать наброски, и его умение пользоваться светотенью поражало. Но во втором классе сестра Джейн Стефенс поставила себе целью, чтобы он писал и рисовал правой рукой:

– Уильям, в твоей левой руке сидит дьявол. Мы должны его выгнать.

Он увидел, как она взяла линейку, и закрыл глаза...

Шон огляделся и увидел направляющуюся к нему женщину в черном платье и ослепительно белом нагруднике, с линейкой в руке. Он знал, что находится здесь для того, чтобы его наказали. Но за что? Губы ее задвигались, но он ничего не слышал. Он только стоял, съежившись и глядя в ее красное, сердитое лицо. Она схватила его левую руку, подняла линейку и стала молча бить его по ладони.

Слезы побежали по щекам Шона, и он опять не мог понять, почему он здесь и почему его наказывают за то, чего он не делал. Это было несправедливо.

Когда Шон ушел, Билли открыл глаза и увидел уходящую от него сестру Стефенс. Он посмотрел на свою левую руку и увидел красные рубцы, почувствовал, как они горят. Еще он почувствовал что-то на лице и потрогал щеку правой рукой. Слезы?

Джимбо никогда не забывал, что, хотя он и был на год и четыре месяца старше своего брата, это семилетний Билли подговорил его убежать из дома тем летом. Билли сказал ему, что они возьмут с собой еду, нож, что-нибудь из одежды и пойдут на поиски приключений, чтобы стать богатыми и знаменитыми. Планы и решимость младшего брата так подействовали на Джимбо, что он согласился.

Братья тайком вышли из дома и пешком двинулись из Секлвилля мимо новостроек к большому полю, заросшему клевером. Билли показал на пять или шесть яблонь, стоявших в центре поля, и сказал, что там они устроят привал, чтобы поесть. Джимбо последовал за братом под яблони.

Пока мальчики сидели, привалившись к стволам, ели яблоки и говорили об ожидающих их приключениях, Джимбо почувствовал, что ветер нарастает. С яблонь посыпались яблоки.

– Эй, – сказал Джимбо, – вроде гроза собирается.

Билли огляделся:

– Посмотри на пчел!

Джимбо увидел, что над полем роятся и жужжат пчелы.

– Они покрыли все поле. Они нас закусуют до смерти. Мы попались. Помогите! Помогите! – закричал он. – Кто-нибудь, помогите нам!

Билли стал быстро собирать вещи.

– Когда мы подходили к полю, пчелы нас не жалили. Значит, мы должны уйти с поля тем же путем, но только бегом. За мной!

Джимбо перестал кричать и побежал за ним. Братья промчались через поле и выбежали на дорогу без единого укуса.

– Молодец, быстро сообразил! – похвалил его Джимбо.

Билли глянул на темнеющее небо:

– Это плохо. Нам помешали, так что сегодня не получится. Пошли назад, но не говори никому ни слова. Тогда мы сможем сделать это в другой раз.

Возвращаясь домой, Джимбо недоумевал, почему он позволил младшему брату руководить собой.

Тем же летом братья исследовали леса, растущие вокруг Секлвилля. Дойдя до ручья Харгис-Крик, они увидели веревку, свисающую с ветки над водой.

– На ней можно перепрыгнуть через ручей, – сказал Билли.

– Я проверю веревку, – сказал Джимбо. – Я старший и пойду первым. Если веревка выдержит, можешь прыгнуть и ты.

Джимбо потянул за веревку, отошел назад для разбега и прыгнул. Не долетев до другого берега, он упал прямо в грязь, которая стала его затягивать.

– Пльвун! – закричал Джимбо.

Билли заметался по берегу, нашел большую палку и перебросил ее брату. Быстро вскарабкавшись на дерево, он пробрался к ветке, с которой свисала веревка, спустился вниз по веревке и вытащил брата. Когда оба выбрались на берег, Джимбо лег на землю и посмотрел на Билли. Тот молчал. Джимбо обнял братишку за плечи:

– Ты спас мне жизнь, Билл. Я твой должник.

В отличие от Билли и Джимбо Кэти нравилась католическая школа, нравились сестры-монахини. Она твердо решила, что будет монахиней, когда вырастет. Кэти свято хранила память об отце и старалась отыскать все сведения о Джонни Моррисоне. Мать рассказала детям, что их отец был

болен, его положили в больницу и там он умер. Теперь, когда Кэти исполнилось пять и ее приняли в школу, что бы она ни делала, она задавала себе вопрос: «Понравилось бы это папе Джонни?» Она продолжала так делать, даже когда стала взрослой.

Благодаря своим выступлениям Дороти скопила немного денег и купила часть акций бара «Цилиндр». Она познакомилась с симпатичным, разговорчивым молодым человеком, который предложил ей открыть вместе с ним вечерний клуб во Флориде. Он объяснил, что переезжать надо быстрее. Она должна поехать с детьми во Флориду и приглядеть там пару подходящих мест; он же пока останется здесь, в Секлвилле, продаст ее акции и затем присоединится к ней. Все, что она должна сделать, – это переписать на него свою долю.

Она так и сделала: поехала с детьми к сестре во Флориду, нашла несколько клубов, которые продавались, и стала ждать. Ждала месяц, но партнер так и не появился. Поняв, что ее обманули, она снова вернулась в Секлвилль – полностью разорившейся.

В 1962 году, когда Дороти пела в баре кегельбана, она встретила Челмера Миллигана, вдовца. Он жил со своей дочерью Челлой, одного возраста с Билли. У него была еще одна, взрослая дочь, работающая медсестрой. Он стал ухаживать за Дороти, устроил ее на работу в компанию, где работал штамповщиком на прессе, делая детали для телефонов.

С самого начала Билли невлюбил его. Он сказал Джимбо:
– Я не доверяю ему.

Тыквенный фестиваль в Секлвилле, знаменитый на весь Мидуэст, был ежегодным событием. В добавление к парадам и карнавальным шествиям улицы превращались в тыквенную ярмарку, продавцы в ларьках продавали тыквенные пончики, тыквенные пирожные и даже тыквенные гамбургеры. Город становился сказочной тыквенной страной из огней, серпантина и аттракционов. В октябре 1963 года этот фестиваль был счастливым событием.

Дороти чувствовала, что ее жизнь наконец наладилась. Она встретила человека с постоянной работой, способного позаботиться о ней. Он даже пообещал усыновить ее детей. Такой будет хорошим отцом, а она – хорошей матерью Челле. 27 октября 1963 года Дороти вышла замуж за Челмера Миллигана.

Через три недели после свадьбы, в середине ноября, он взял их с собой в воскресенье на небольшую ферму своего отца в Бремене, штат Огайо, – пятнадцать минут езды. Дети с удовольствием ходили по белому фермерскому дому, качались на качелях, ковырялись в земле в теплице за домом, наведались в старый красный амбар, расположенный чуть ниже по склону. Челмер сказал, что мальчики будут приезжать сюда на выходные, чтобы помогать по хозяйству. Впереди много работы, надо подготовить почву для посадки овощей.

Билли посмотрел на гниющие в поле тыквы, на амбар, на пейзаж. Он хотел все это запомнить, чтобы, приехав домой, нарисовать картину и подарить ее своему новому папе Челу.

В следующую пятницу мать-настоятельница и отец Мейсон пришли к третьеклассникам и что-то прошептали сестре Джейн Стефенс.

– Пожалуйста, дети, встаньте и наклоните головы, – вся в слезах, сказала сестра Стефенс.

Дети, удивившись торжественности, с какой говорил отец Мейсон, слушали его дрожащий голос:

– Дети, вы можете не понимать, что происходит в мире. Я и не жду этого от вас. Но я должен вам сказать, что нашего президента, Джона Ф. Кеннеди, убили сегодня утром. А сейчас мы помолимся.

После того как отец Мейсон прочитал «Отче наш», дети вышли из школы и стали ждать автобусы, которые должны были развезти их по домам. Чувствуя настроение взрослых, дети стояли молча и ждали.

В тот уик-энд, когда семья смотрела новости и похороны по телевизору, Билли увидел, что мама плачет. Ему стало больно от этого. Он не мог видеть ее плачущей и слышать ее рыдания, поэтому закрыл глаза...

Появился Шон и стал смотреть на немые картинки на экране телевизора. Все присутствующие тоже смотрели. Он подошел к телевизору, приблизил лицо к экрану и почувствовал вибрации. Челла оттолкнула его, чтобы не мешал смотреть. Шон ушел в свою комнату и сел на кровать. Он обнаружил, что если медленно выпускать воздух изо рта, при этом стиснув зубы, то получатся такие же смешные вибрации в голове – что-то вроде 333333... Он долго так делал, сидя один в своей комнате. 333333...

Челмер взял всех троих детей из школы Святого Иосифа и зачислил их в городскую школу Секвилля. Как ирландский протестант, он не мог допустить, чтобы в его семье кто-то ходил в католическую школу. Все дети должны были посещать церковь методистов.

Дети были возмущены, что им приходится менять «Богородицу» и «Отче наш» – настоящие, взрослые молитвы, которые они читали до сих пор, – на детские молитвы, которые читала Челла, особенно «Теперь я отхожу ко сну».

Билли решил, что, если ему придется менять религию, он будет иудеем, как его отец, Джонни Моррисон.

Глава восьмая

1

Вскоре после свадьбы, когда все они переехали в соседний город Ланкастер, Дороти обнаружила, что Челмер необычайно суров со всеми четырьмя детьми. Прекратились разговоры за обеденным столом. Не стало смеха. Соль надо было подавать друг другу только по часовой стрелке. Когда приходили гости, дети должны были сидеть смиренно, с прямыми спинами, ступни строго на полу, руки на коленях.

Кэти не разрешалось сидеть у матери на коленях.

– Ты уже слишком большая для этого, – сказал Челмер семилетней девочке.

Однажды Джимбо попросил Билли передать ему соль. Соль стояла далеко, Билли было не дотянуться до нее, и немного соли просыпалось на стол. Челмер закричал на него:

– Ты что, даже такую ерунду не можешь сделать правильно? Девять лет уже, а ведешь себя как ребенок.

Дети стали бояться папы Чела. А когда он пил пиво, было еще хуже. Боясь высказать свое возмущение, Билли замкнулся в себе. Он не понимал причин этой строгости, враждебности, наказаний. Однажды, когда Челмер стал кричать на Билли и мальчик посмотрел ему прямо в глаза, тон Челмера сменился на ледяное шипение:

– Опусть глаза, когда я с тобой разговариваю.

Этот голос заставил Билли сжаться и потупитья...

Часто, когда Шон открывал глаза и оглядывался вокруг, кто-нибудь смотрел на него с сердитым лицом, беззвучно двигая губами. Иногда это была симпатичная женщина. Иногда одна из девочек или мальчик, который был немного больше, чем он, толкали его или отбирали игрушку. Когда у них начинали двигаться губы, он тоже шевелил губами и жужжал сквозь зубы. Когда он так делал, они начинали смеяться. Но большой злой дядя не смеялся. Он сердито смотрел на него. Шон начинал плакать, и плач создавал в голове смешное ощущение. Шон закрывал глаза и уходил.

Кэти позднее вспомнила любимую детскую игру Билли.

– Пожужжи как пчела, Билли, – попросила Кэти. – Покажи Челле.

Билли удивленно посмотрел на них.

– Какая пчела?

– Ну, как ты делаешь. Ты сам знаешь. Зззззз!

Не понимая, в чем дело, Билли показал, как жужжит пчела.

– Смешной какой, – сказала Кэти.

– Почему ты ночью жужжишь? – спросил его как-то раз Джимбо, когда они были в их комнате. Они спали вдвоем на старой деревянной двуспальной кровати, и Джимбо несколько раз просыпался от этого жужжания.

Смущенный тем, что Джимбо тоже упомянул о жужжании, о котором Билли понятия не имел, он быстро сообразил:

– Это я такую игру придумал.

– Какую игру?

– Она называется «Пчелка». Я покажу тебе.

Он просунул руки под одеяло и стал делать ими круги.

– Зззззз... Ты видишь, там рой пчел.

У Джимбо возникло ощущение, что звук действительно исходит из-под одеяла. Билли вытащил руку из-под одеяла и сложил ладонь чашкой. Теперь казалось, что жужжание исходит из руки. Потом он пальцами изобразил, будто пчела ходит по подушке туда-сюда. Билли несколько раз проделал так с разными пчелами.

И вдруг Джимбо почувствовал, как кто-то ужалил его в руку.

– Ой! Зачем ты это сделал?

– Это тебя пчела ужалила. Теперь ты должен поймать ее. Шлепни ее или накрой ладонью.

Джимбо несколько раз шлепнул ужалившую его пчелу. После того как он поймал очередную пчелу, комната наполнилась жужжанием, становившимся все более громким и сердитым. Показалась другая рука и стала больно щипать его.

– Ой-ой! Слушай, мне же больно!

– Это не я, – сказал Билли. – Ты поймал пчелку. Ее папа и старший брат прилетели, чтобы наказать тебя.

Джимбо выпустил пчелку, и Билли представил, будто целый рой пчел кружится на подушке вокруг пчелки.

– Хорошая игра, – сказал Джимбо. – Давай завтра вечером опять поиграем.

Билли лежал в темноте и думал, что, должно быть, это и есть объяснение жужжания. Наверно, он придумал эту игру в своей голове и издавал жужжащие звуки, не понимая, что другие могут их услышать. Так,

наверное, происходит со многими людьми. Вот, скажем, «терять время». Он считал, что все теряют время. Частенько Билли слышал, как мама или соседка жаловались: «Просто не знаю, куда уходит время», или: «Целый день ушел, а на что, спрашивается?»

2

Учитель очень хорошо помнил одно воскресенье, спустя неделю после 1 апреля. Семь недель назад Билли исполнилось девять лет, и он стал замечать, что папа Чел постоянно следит за ним. Билли взял журнал и стал просматривать его, но когда он поднял голову, то увидел, что Челмер сидит с каменным лицом, опершись подбородком на руку, и пустыми зелено-голубыми глазами неотрывно следит за всем, что он делает. Билли встал, аккуратно положил журнал на кофейный столик и сел на кушетку так, как его учили: ступни на полу, руки на коленях. Но Челмер продолжал смотреть на него. Билли встал и вышел на заднее крыльцо. Чувствуя беспокойство и не зная, чем заняться, он решил поиграть с Блэкджеком. Все говорили, что Блэкджек злой пес, но Билли ладил с ним. Когда он поднял голову, то увидел, что Челмер наблюдает за ним из окна ванной комнаты.

Испугавшись взгляда Челмера, Билли обошел дом и сел в палисаднике, дрожа всем телом, хотя вечер был теплым. Разносчик кинул газету, Билли встал и хотел унести ее в дом, но там стоял Челмер и смотрел на него из окна.

Оставшийся день и вечер Билли чувствовал, как глаза Челмера буквально буравят его. Не зная, что Челмер собирается сделать, он задрожал. Челмер ничего не сказал и вообще не разговаривал, но, куда бы Билли ни направлялся, глаза его повсюду следовали за мальчиком.

Семья смотрела одну из программ Уолта Диснея «Чудесный мир цвета», и Билли растянулся на полу перед телевизором. Время от времени он оглядывался и видел холодный, пустой взгляд Челмера. Когда он пересел на кушетку поближе к матери, Челмер встал и с шумом вышел из комнаты.

В ту ночь Билли спал плохо.

На следующее утро, перед завтраком, Челмер пришел на кухню. Вид у него был такой, словно он тоже плохо спал. Он объявил, что он и Билли поедут на ферму. Там много работы.

Челмер вел машину, за всю дорогу не проронив ни слова. Он открыл

гараж и завел трактор в амбар. Потом Билли закрыл глаза. Он почувствовал боль...

В заявлении доктора Джорджа Хардинга суду говорится: «Пациент сообщает... что он лично подвергался садистскому и сексуальному насилию, включая анальный половой акт, совершаемый мистером Миллиганом. По словам пациента, это произошло, когда ему было восемь или девять лет, и продолжалось в течение года, обычно на ферме, где он находился один с отчимом. По его словам, он боялся, что отчим его убьет, так как тот грозился закопать мальчика в амбаре и сказать матери, что он убежал».

...И в этот момент его разум, чувства и душа разлетелись на двадцать четыре части.

3

Позднее Кэти, Джимбо и Челла подтвердили воспоминания Учителя о том, как отчим впервые избил их мать. По словам Дороти, Челмер пришел в ярость, увидев, как она разговаривает с негром, работавшим на соседнем станке. Просто она заметила, что человек задремал над сборочным конвейером, подошла к нему, разбудила, тронув за плечо, и сказала, что дремать опасно. Он улыбнулся и поблагодарил ее.

Вернувшись на свое рабочее место, она увидела, что Челмер сердито смотрит на нее. Всю дорогу домой он мрачно молчал. Уже дома она спросила его:

- В чем дело? Ты хочешь поговорить о чем-то?
- О тебе и о том ниггере, – сказал Челмер. – Что у тебя с ним?
- С ним? Ради бога, о чем ты говоришь?

Он ударил мать. Билли был в комнате и видел это. Он пришел в ужас, ему хотелось защитить ее, остановить Челмера, чтобы тот не бил маму. Но он чувствовал запах ликера и боялся, что Челмер убьет его и закопает, а потом скажет маме, что он сбежал.

Билли убежал в свою комнату, захлопнул дверь спиной и зажал уши руками. Но он не мог не слышать маминых криков. Плача, он медленно сполз по двери на пол, плотно закрыл глаза, и глухота Шона наконец принесла долгожданную тишину...

Это был первый из тех плохих периодов спутанного времени, которые вспомнил Учитель. Жизнь стала все более запутываться, когда Билли

блуждал где-то, теряя время, не зная ни дня, ни недели, ни месяца. В четвертом классе учителя заметили его странное поведение. Когда одна из его личностей, не зная, что происходит, вдруг говорила что-то странное или вставала и начинала ходить по комнате, Билли ставили в угол. Но это трехлетней Кристин все время приходилось стоять в углу, уткнувшись лицом в стену.

Она могла стоять там долго, не говоря ни слова, избавляя Билли от неприятностей. Марк, который ни на чем не мог подолгу удерживать внимание, кроме ручного труда, давно бы ушел. Томми восстал бы. Дэвид страдал бы. Джейсон, «нагнетательный клапан», стал бы кричать. Бобби ушел бы в свои фантазии. Сэмюэль, иудей, как и Джонни Моррисон, стал бы молиться. Любой из них или другие могли сделать что-то не то и тем самым еще больше навредить Билли. И только Кристин, которой всегда было три года, могла терпеливо стоять в углу и молчать.

Кристин была «ребенком для угла». И она же первой услышала одного из других. Как-то утром она шла в школу и остановилась, чтобы нарвать букет полевых цветов. Если она принесет букет своей учительнице, миссис Рот, может быть, та не будет так часто ставить ее в угол. Проходя мимо яблони, Кристин решила, что вместо букета она принесет фрукты. Она бросила цветы и попыталась дотянуться до яблок. Но к сожалению, они росли слишком высоко. И она заплакала от огорчения.

– Что случилось, малышка? Почему ты плачешь?

Кристин оглянулась, но никого рядом не было.

– Дерево не хочет давать мне яблок, – сказала она.

– Не плачь. Рейджен достанет яблоки.

Тот, кто был Рейдженом, взобрался на дерево и, собрав все свои силы, сломил толстую ветку и спустился с нею на землю.

– Держи, – сказал Рейджен, – вон сколько яблок!

Он набрал в руки как можно больше яблок и отвел Кристин в школу. Когда Рейджен ушел, Кристин уронила яблоки прямо посередине улицы. В этот момент к самому большому и красивому яблоку, которое она хотела отдать миссис Рот, стала стремительно приближаться машина. Кристин попыталась схватить это яблоко, но Рейджен с силой отшвырнул ее в сторону, чтобы машина ее не сбила. Она видела, как машина раздавила красивое яблоко, и заплакала, но Рейджен поднял другое яблоко, почти такое же красивое, вытер его и отдал ей, чтобы она снесла яблоко в школу. Когда она положила яблоко на стол миссис Рот, та сказала:

– Спасибо, Билли.

Кристин расстроилась, потому что это она принесла яблоко. Она

пошла в конец комнаты, не зная, куда сесть.

Наконец она села на свободное место с левой стороны, но через несколько минут большой мальчик сказал:

– Уходи с моего места!

Ей было очень плохо, но, почувствовав, что сейчас появится Рейджен и ударит мальчика, она быстро встала и села на другое место.

– Эй! Это мое место, – крикнула девочка, стоявшая у доски. – Билли сел на мое место!

– Разве ты не знаешь, где твое место? – спросила миссис Рот.

Кристин отрицательно покачала головой. Миссис Рот указала на свободное место с правой стороны.

– Вон твое место, Билли. Там и сиди.

Кристин не понимала, почему миссис Рот рассердилась. Она так старалась, чтобы учительница полюбила ее. Сквозь слезы она почувствовала, что сейчас появится Рейджен и сделает что-то плохое учительнице. Она крепко зажмурилась, затопала ногами и заставила Рейджена остановиться. А потом и сама ушла.

Билли открыл глаза и огляделся вокруг, удивленный тем, что находится в классе. Господи, как он сюда попал? Почему все так смотрят на него? Почему хихикают?

Выходя из класса, он услышал, как миссис Рот обращается к нему:

– Спасибо за яблоко, Билли. Ты добрый мальчик. Мне жаль, что пришлось поругать тебя.

Он смотрел, как она идет по коридору, и недоумевал, о каком яблоке она говорит.

4

Когда Кэти и Джимбо впервые услышали британский акцент, они подумали, что Билли строит из себя клоуна. В это время они с Джимбо разбирали свое грязное белье у себя в комнате. Кэти подошла к двери, чтобы посмотреть, готов ли Билли идти вместе с нею и Челлой в школу.

– В чем дело, Билли? – спросила она, увидев отсутствующее выражение на его лице.

Тот посмотрел на нее, на комнату и на другого мальчика, который тоже глядел на него во все глаза. Кто они такие и почему он здесь? И кто такой этот Билли? Он знал только, что его зовут Артур и родился он в Лондоне.

Артур посмотрел вниз и увидел, что на нем надеты разные носки: один

черный, другой фиолетовый.

– О, мне кажется, они определенно не парные.

Девочка захихикала, вслед за ней захихикал и мальчик.

– Ну ты и глупый, Билли! А здорово у тебя получается. Ты говоришь, как доктор Ватсон в тех фильмах про Шерлока Холмса, которые ты всегда смотришь. Правда, Джимбо?

Она ускакала, убежал и мальчик, которого звали Джимбо. Дети кричали ему:

– Поторопись, а то опоздаешь!

Артур был очень удивлен, почему они называют его Билли, если его имя – Артур. Он что, выдает себя за другого? Пришел в этот дом, к этим людям, как шпион? Или детектив? Что ж, потребуется некоторая доля дедукции, чтобы собрать вместе все части загадки. Почему на нем носки разного цвета? Кто надел их ему? Что вообще происходит?

– Ты идешь, Билли? Ведь ты знаешь, что сделает папа Чел, если ты опять опоздаешь.

Артур решил, что, если уж он собирается выдавать себя за другое лицо, пусть все так и продолжается. Он присоединился к Челле и Кэти по дороге в школу, но на всем пути не проронил ни слова. Когда они проходили мимо класса, Кэти сказала:

– Куда ты идешь, Билли? Тебе же сюда.

Артур нехотя прошелся по рядам, пока не нашел свободного места в последнем ряду – там, где он будет вне опасности. На место он прошел, не глядя ни направо, ни налево, высоко держа голову и не смея сказать ни слова. Он представил себе, как другие будут смеяться, потому что он говорит не так, как все.

Учительница раздала примеры, отпечатанные на ротапринте. Это была контрольная по математике.

– Когда решите, – сказала учительница, – можете положить листочки в учебники и идти на перемену. Как вернетесь, проверите ответы. Потом я соберу листочки и поставлю отметки.

Артур посмотрел на задачу, усмехнулся этой цепочке умножений и делений, взял карандаш и быстро пробежал до самого низа листка, выполняя действия в уме и записывая только ответы. Окончив работу, он положил листок в учебник, скрестил руки на груди и уставился в пространство. Это было элементарно.

Шумная возня ребят на школьном дворе раздражала его, и он закрыл глаза...

После перемены учительница сказала:

– А теперь выньте ваши листочки из учебников.

Билли испуганно поднял голову.

Что он делает в классе? Как он попал сюда? Он помнил, как встал утром, но не помнил, как одевался и шел в школу. Он не имел никакого представления о том, что случилось в период между пробуждением и настоящим моментом.

– Проверьте ответы, прежде чем сдавать контрольные работы.

Какие контрольные работы?!

Билли не понимал, что произошло, но решил: если учительница спросит о невыполненном задании, он скажет, что забыл или потерял листок. Нужно ведь что-то сказать. Билли открыл учебник – и застыл в изумлении. Там лежала контрольная работа с ответами на все пятьдесят примеров. Однако почерк был не его – похож, но будто бы скоропись. Билли часто находил у себя всякие листочки и думал, что они принадлежат ему. Однако было ясно, что никто во всем мире с такими знаниями по математике, как у него, не мог бы решить эти примеры. Билли взглянул на девочку за соседней партой, которая проверяла примеры. Билли пожал плечами, взял карандаш и написал сверху: «Билл Миллиган». Не было смысла проверять – как можно проверить ответы, если не знаешь, как вообще решать эти примеры?

– Ты уже закончил?

Билли вскинул голову и увидел стоящую рядом учительницу.

– Ну да.

– Ты хочешь сказать, что не проверял ответы?

– Нет.

– Ты так уверен, что правильно решил контрольную работу?

– Не знаю, – сказал Билли. – Лучше вы сами проверьте и поставьте оценку.

Учительница взяла контрольную работу и пошла к своему столу. Спустя несколько секунд Билли увидел на ее лице неодобрение. Она вернулась к нему:

– Дай-ка мне твой учебник.

Он подал учебник, и учительница перелистала его.

– Покажи руки.

Билли показал руки, манжеты, содержимое карманов и даже внутреннюю сторону парты.

– Ну что ж, – сказала наконец учительница, – я ничего не понимаю. Узнать заранее ответы ты не мог, потому что только сегодня утром я отпечатала примеры и ответы лежат в моей сумке.

– Я правильно решил?

Учительница нехотя вернула ему контрольную работу:

– Я поставила тебе «отлично».

Учителя называли Билли лентяем, смутьяном, лжецом. С четвертого по восьмой классы он почти не выходил из кабинетов разных консультантов, директора школы, школьного психолога. Приходилось жить в постоянной борьбе: сочинять истории, исказить правду, придумывать такие объяснения, чтобы никто не догадался, что в большинстве случаев он не знает, что с ним произошло дни, часы, даже минуты назад. Все заметили, что он периодически находится в состоянии транса, и сошлись на том, что он странный.

Когда Билли начал понимать, что отличается от других людей, что не все теряют время, что другие люди говорят о каких-то его словах или делах, о которых только он один ничего не может вспомнить, – тогда Билли решил, что сошел с ума. Он скрыл это.

Каким-то образом ему удавалось хранить свой секрет.

Учитель вспомнил, что это случилось весной 1969 года, когда Билли исполнилось четырнадцать лет и он уже был в восьмом классе. Челмер взял его на ферму, увел за кукурузное поле, дал ему лопату и приказал копать...

Позднее доктор Стелла Кэролин описала этот эпизод в своем заявлении, которое она зачитала на суде: «Отчим подверг его сексуальному насилию и грозился закопать живьем, если Билли пожалуется своей матери. Он действительно закопал ребенка, оставив у его лица трубку для воздуха... Прежде чем откопать ребенка, он помочился через трубку прямо в его лицо» («Ньюсуик», 18 декабря 1978 года).

...С того дня Денни стал бояться земли. Он больше никогда не ляжет на траву, не дотронется до земли, не нарисует пейзажа.

5

Несколько дней спустя Билли вошел в свою комнату и хотел включить лампу на прикроватной тумбочке. Но лампа не загорелась. Вновь и вновь нажимал он на выключатель – ничего. Билли взял на кухне новую лампочку и вернулся в комнату, чтобы вернуть ее, как это делала мама. От удара током мальчика отшвырнуло к стене...

Томми открыл глаза и огляделся вокруг, не зная, чего ожидать. Он

увидел электрическую лампочку на кровати, взял ее, заглянул под абажур и стал вкручивать. Когда он дотронулся до металлического кольца патрона, его ударило током. Черт! Что такое? Он снял абажур и посмотрел в отверстие. Потрогал – его опять ударило. Он сел, пытаясь разгадать, откуда эта гадость. По шнуру он дошел до розетки в стене. Вынул штепсель и опять потрогал кольцо. Ничего. Значит, все дело в стене. Он пристально посмотрел на две дырочки, вскочил и побежал вниз, следя за проводом, который шел от потолка к щиту с пробками. От щита кабель вывел его из дома. Томми остановился в изумлении, увидев провода, проведенные к телефонным столбам вдоль улицы. Вот, значит, для чего были эти проклятые штуки!

Томми пошел вдоль столбов, чтобы поглядеть, куда они ведут. Уже почти стемнело, когда он подошел к зданию, окруженному железным забором с надписью «Энергосистема штата Огайо». Ага, вот откуда берется свет и та сила, которая трясет так, что, кажется, кишки из тебя вон!

Дома Томми взял телефонную книгу, нашел слова «Энергосистема штата Огайо» и записал адрес. Уже стемнело, но завтра утром он пойдет туда, чтобы посмотреть, откуда берется энергия.

На следующий день Томми опять пошел к этому зданию. Войдя внутрь, он остановился, онемев. За столами сидела масса людей, отвечающих на телефонные звонки, печатающих на машинках. Да это просто контора! Надо же, опять неудача! Идя по Мейнстрити размышляя, откуда же берется электричество, Томми прошел мимо библиотечной вывески перед зданием городской администрации.

Отлично, он пойдет в библиотеку и пороется в книгах. Томми поднялся на третий этаж, поискал в каталоге слово «энергия», взял книги и стал читать. Оказывается, существуют плотины, гидроэлектростанции, а еще, когда сгорает уголь и другие горючие материалы, они дают энергию, на которой работают всякие машины и от которой загорается свет. Надо же!

Томми читал, пока не стемнело. Потом он медленно брел по улицам Ланкастера и смотрел на уличные фонари. Он был рад, что узнал, как получается электроэнергия, и собирался узнать все о тех машинах и обо всем, что имеет отношение к электричеству. Остановившись перед витриной, Томми посмотрел на выставленную там бытовую электротехнику. Тем временем вокруг выставленных телевизоров столпились зрители – на экране был человек в скафандре, спускающийся с лестницы.

– Невероятно! – воскликнул кто-то. – Видеть, что происходит на Луне!
«Человечество сделало гигантский шаг вперед», – слышался голос из

телевизионных динамиков.

Томми посмотрел на Луну, потом снова на экран телевизора. И об этом тоже надо узнать.

Вдруг он увидел в стекле отражение женщины.

– Билли, пойдём-ка домой, – сказала Дороти.

Он взглянул на красивую маму Билли и хотел сказать, что его зовут Томми, но она положила ему на плечо руку и повела его к машине.

– Билли, ты должен прекратить эти прогулки по городу. Ты должен быть дома до того, как вернется с работы Чел. Ты ведь знаешь, что будет.

Пока они ехали в машине, Дороти все время поглядывала на него краем глаза, словно пытаясь оценить его, но Томми сидел смирно. Дома она покормила его, а потом сказала:

– Билли, может, пойдешь порисуешь? Ты же знаешь, что это тебя успокаивает. Ты какой-то раздраженный, нервный.

Томми пожал плечами и пошел в комнату, где были принадлежности для рисования. Быстрыми штрихами он набросал ночную дорогу, вдоль которой стояли телефонные столбы. Когда рисунок был готов, он отступил и посмотрел на него. Пожалуй, неплохо для начинающего. На следующее утро Томми встал рано и нарисовал лунный пейзаж, хотя стоял день.

6

Билли любил цветы и поэзию, любил помогать матери по дому, но он знал, что Челмер называет его неженкой и чокнутым. Поэтому он перестал помогать матери и писать стихи. Появилась Адалана, чтобы все это делать за него, но втайне.

Однажды вечером Челмер сел перед телевизором, чтобы посмотреть фильм о Второй мировой войне. В этом фильме гестаповец бил свою жертву шлангом. Когда кино закончилось, Челмер вышел во двор и отрезал длинный кусок от садового шланга, сложил его вдвое и замотал черной лентой сложенные вместе концы, чтобы получилась ручка.

Войдя в дом, он увидел, что Билли моет посуду. Прежде чем Адалана сообразила, что случилось, она почувствовала сильный удар по пояснице, от которого упала на пол. Челмер повесил шланг за петлю на дверь спальни и лег спать. Адалана поняла, что мужчины жестокие и отвратительные и что им нельзя доверять. Она очень хотела, чтобы Дороти или одна из девочек – Кэти или Челла – обняла ее, поцеловала и заставила уйти все ее страхи и обиды. Однако ей было известно, что это вызовет неприятности,

поэтому Адалана легла и плакала, пока не уснула.

Челмер часто пользовался тем шлангом, и особенно доставалось Билли. Дороти вспоминала, что она вешала свой халат или ночную рубашку на дверь спальни, надеясь, что если Челмер не увидит этого шланга, то и не возьмет его в руки. Однажды, после того как он долго им не пользовался, Дороти его просто выкинула. Челмер так никогда и не узнал, куда девался шланг.

Не успокоившись на тайном освоении моторов и электрооборудования, Томми стал изучать способы побегов. Он прочитал о великих мастерах Гудини и Сильвестре и был разочарован, узнав, что некоторые из их великих побегов были просто трюками. Джимбо вспоминал, что, когда они стали постарше, брат попросил его крепко связать ему руки веревкой, а потом уйти. Когда Томми оставался один, он изучал всякие узлы и постигал простейшие способы избавляться от веревок. Он смог так вертеть своими запястьями, сделал их такими подвижными, что веревки соскальзывали. Он обвязывал одну руку веревкой, а другой рукой, держа ее за спиной, развязывал узел.

Прочитав про ловушки для африканских обезьян – те просовывали лапу в узкую щель, чтобы достать еду, а потом не могли вытащить обратно кулак с зажатым в нем фруктом, – Томми стал размышлять о строении человеческой руки. Он изучил строение скелета по энциклопедии и вдруг понял, что руку всегда можно освободить, если кисть сжать так, чтобы она стала меньше запястья. Томми измерил себе руки и запястья и стал упражняться, сжимая и приводя в нужное положение кости и суставы. Наконец он научился так сжимать свою ладонь, что та становилась тоньше запястья. Томми понял, что теперь никакие цепи или ремни не смогут его удержать. Осталось узнать, как выйти из комнаты, закрытой на замок. Когда мать уходила, Томми доставал отвертку, отвинчивал пластинку с двери и изучал механизм замка, чтобы узнать, как тот работает. Мальчик зарисовывал устройство замка и запоминал его модель. Всякий раз, как ему встречался новый тип замка, он разбирал его, изучал и снова собирал.

Однажды Томми пошел в город и зашел в лавку слесаря. Старый мастер позволил ему посмотреть на разные типы замков и запомнить, как они работают, даже дал книгу про магнитные и спиннерные тумблеры, про разные виды сейфовых замков. Томми усердно все изучал, постоянно проверяя себя. В магазине спортивных товаров он увидел наручники и решил при первой же возможности купить пару, чтобы узнать, как и от них избавляться.

Однажды вечером, когда Челмер был особенно невыносим за обедом, Томми стал искать способ, как бы причинить отчиму боль, но чтобы его не поймали при этом. И придумал: взял напильник из ящика с инструментами, снял колпачок с электробритвы Челмера и тщательно затупил все три лезвия. Поставил колпачок на место и вышел из ванной комнаты.

На следующее утро Томми встал у ванной и стал ждать, когда Челмер начнет бриться. Он услышал щелчок бритвы и сразу же крики боли, потому что тупые лезвия дергали за волоски, вместо того чтобы срезать их.

Челмер выскочил из ванной.

– Чего уставился, ублюдох? Не стой здесь, как идиот!

Томми сунул руки в карманы и отошел прочь, отвернувшись, чтобы Челмер не увидел его улыбки.

Аллен впервые встал на пятно, когда пытался уговорить соседских ребят-хулиганов не бросать его в котлован, вырытый для фундамента нового дома. Он спорил с ними, используя все свои способности мошенника, но это не помогло. Они все равно бросили его в яму и стали кидаться в него камнями. Ну что ж, раз так, то уклоняться бесполезно...

Денни услышал глухой звук от удара камня о землю прямо перед ним. Потом еще и еще. Он поднял голову и увидел ораву ребят наверху, бросающих в него камни. Один камень попал в ногу, другой – в бок. Денни побежал к дальней стороне котлована, стал бегать кругами, пытаясь найти выход. Наконец, поняв, что стены котлована слишком крутые, чтобы он мог вскарабкаться наверх, он сел прямо в грязь, скрестив ноги...

Томми посмотрел наверх, когда камень угодил ему в спину. Быстро оценив ситуацию, он понял, что надо смываться. Он практиковался в открывании замков и развязывании веревок, но здесь нужен был другой вариант побега. Здесь нужна была сила...

Рейджен встал на ноги, вынул из кармана складной нож и ринулся вверх по склону, навстречу мальчишкам, на ходу раскрывая нож и переводя взгляд с одного хулигана на другого, чтобы определить, кто нападет первым. Он без колебаний пырнул бы любого из них ножом. Они специально выбрали жертвой мальчишку, который был на целый фут ниже их ростом, и явно не ожидали, что он решится противостоять им. Хулиганы разбежались, и Рейджен пошел домой.

Позднее Джимбо вспоминал, что, когда родители мальчишек пожаловались, что Билли угрожал ножом их сыновьям, Челмер выслушал только их сторону, вывел Билли на задний двор и поколотил его.

Дороти заметила, что младший сын изменился и стал вести себя странно.

– Временами это был не Билли, – вспоминала она. – Он становился угрюмым, уходил в себя. Бывало, я что-нибудь скажу ему, а он не отвечает, как будто находится далеко отсюда и думает о чем-то, глядя в пространство. Он уходил бродить по городу, как делал это, когда ходил во сне, еще со школы. Иногда, если им удавалось поймать его до того, как он уйдет из школы, они его задерживали и звонили мне, чтобы я пришла и забрала его. Иногда ему удавалось уйти, и они звали меня. Я везде искала его, находила где-нибудь в центре города и приводила домой. Я говорила ему: «Все хорошо, Билли, иди ложись спать». Но этот ребенок даже не знал, в какой стороне находится его спальня. Я не знала, что и подумать. Когда он просыпался, я спрашивала его, как он себя чувствует. Он с изумлением смотрел на меня и говорил: «Сегодня я был дома?» И я ему отвечала: «Нет, Билли, сегодня тебя не было дома. Разве ты не помнишь, как я за тобой пришла? Ты был в школе, мистер Янг позвонил мне, и я пришла за тобой. Ты не помнишь, что вернулся домой вместе со мной?» Он сидел неподвижно, потом кивал головой. «Ты не помнишь?» – «Наверное, я плохо себя чувствовал». Они пытались убедить меня, что это вызвано наркотиками. Но я знала, что это не так. Он никогда не употреблял наркотиков, даже аспирин не принимал. Я с трудом заставляла его принимать лекарства. Иногда Билли сам приходил домой как бы в состоянии транса. Не разговаривал со мной, пока не поспит. Потом выходил из комнаты – и это был опять мой Билли. Я говорила им, я всем говорила: «Этому мальчику нужна помощь».

Артур иногда появлялся в школе, чтобы поправить учителя, когда они проходили мировую историю, особенно если предметом изучения была Англия и ее колонии. Большую часть времени он проводил в Публичной библиотеке Ланкастера. Из книг и из воспоминаний очевидцев можно узнать больше, чем от недалеких провинциальных учителей.

А то, как школьный учитель объяснял Бостонское чаепитие, повергло Артура в ярость. Он читал правду об этом историческом событии в канадской книге «Непроверенные факты», в которой разоблачалось

фальшивое псевдопатриотическое объяснение того, что на самом деле было выходкой группы пьяных матросов. Но когда Артур говорил, все смеялись, и он уходил из класса, оставляя их хихиканье позади. Он возвращался в библиотеку, где, он был уверен, приятная библиотекарша не станет смеяться над его акцентом.

Артур отлично понимал, что помимо него есть кто-то еще. Сверяясь с календарем, чтобы узнать, какой сегодня день, он видел – что-то не так. Согласно всему, что он читал и наблюдал, другие люди не спали так долго, как он.

Тогда он стал задавать людям вопросы.

– Что я делал вчера? – спрашивал он Кэти, или Джима, или Челлу, или Дороти.

Судя по их описаниям, он делал нечто такое, о чем сейчас совершенно не помнил. Необходимо было проверить это методом логической дедукции.

Однажды, уже засыпая, он почувствовал внутри себя чье-то присутствие и заставил себя бодрствовать.

– Кто ты? – спросил он. – Я требую ответа.

Он услышал, как чей-то голос ему ответил:

– А ты кто, черт возьми?

– Меня зовут Артур. А тебя?

– Томми.

– Что ты здесь делаешь, Томми?

– А что *ты* здесь делаешь?

Вопросы и ответы продолжали раздаваться в его голове.

– Как ты попал сюда? – спросил Артур.

– Не знаю. А ты?

– Тоже не знаю, но обязательно должен узнать.

– Как?

– Здесь нужна логика. У меня есть идея. Давай мы с тобой проследим за временем, когда мы не спим, и проверим, совпадает ли оно с продолжительностью дня.

– Неплохая идея!

– На внутренней стороне двери туалета, – сказал Артур, – делай заметку каждый час, когда ты не спишь. Я буду делать то же самое. Потом мы подсчитаем и сверим с календарем, чтобы посмотреть, за какое время сможем отчитаться.

Оказалось, что не за все. Значит, должны быть и другие.

Артур тратил каждый момент своего бодрствования на разгадку недостающего времени и на поиски других людей, которые, похоже, делили

с ним его мозг и тело. После знакомства с Томми он постепенно обнаружил их всех, а всего их было двадцать три, включая его самого и еще одного, которого окружающие звали Билли или Билл. Посредством дедукции Артур узнал, кто они, как себя ведут и что делают.

И только девочка по имени Кристин, по-видимому, еще раньше Артура узнала о существовании других. Кристин чувствовала, что происходило в их умах, когда они овладевали сознанием Билли. Артура интересовало, можно ли сознательно развить в себе такое умение.

Он поговорил об этом с субъектом по имени Аллен, жуликом, который всегда появлялся, когда надо было «отболтаться» от щекотливой ситуации:

– Аллен, в следующий раз, когда ты овладеешь сознанием, я прошу тебя хорошо подумать и рассказать мне обо всем, что происходит вокруг тебя.

Аллен согласился и в следующий свой «выход» рассказал Артуру обо всем, что видел. Артур постарался мысленно увидеть это. Дело оказалось трудным: картина никак не фокусировалась, пока огромным усилием воли Артур не заставил себя смотреть глазами Аллена. Однако это работало лишь тогда, когда он намеренно концентрировался на предмете и при этом не спал, хотя и не должен был владеть сознанием Билли. Несомненно, то была победа его ума над косной материей.

Артур понимал, что взял на себя ответственность за большую семью. Все они находились в одном теле, и надо было что-то делать, чтобы навести порядок в ситуации, которая становилась все более хаотичной. Поскольку он был единственным из всех, способным действовать бесстрастно, он непременно придумает что-нибудь. Это будет справедливым, осуществимым и – что важнее всего – логичным.

9

Дети в школе дразнили Билли, когда он в изумлении бродил по залам. Они видели, что он разговаривает сам с собой, а временами ведет себя как маленькая девочка, и приставали к нему. Как-то холодным днем во время перемены несколько мальчишек стали насмехаться над ним в школьном дворе.

Кто-то кинул в него камнем и попал ему в бок. Сначала он не понял, что случилось, но знал, что ему нельзя показывать свой гнев, иначе Челмер накажет его.

Рейджен повернулся и сердито посмотрел на смеющихся мальчишек.

Еще один из них поднял камень и бросил его, но Рейджен поймал камень и мгновенно швырнул его обратно, попав парню в голову.

Удивленные мальчишки попятились, увидев, что Рейджен приближается к ним, вынимая из кармана пружинный нож. Они убежали. Рейджен оглянулся вокруг, пытаясь понять, где он и как сюда попал. Ничего не понимая, он сложил нож, убрал его в карман и пошел прочь.

Однако Артур следил за ним, он был свидетелем его стремительности, его гнева и понял, почему Рейджен оказался здесь. Необходимо было как-то контролировать внезапные эмоциональные срывы Рейджена. Но прежде чем знакомиться, следовало изучить и понять его натуру. Больше всего удивлял явный славянский акцент Рейджена. Артур полагал, что славяне были первыми варварами. Имея дело с Рейдженом, он имел дело с варваром. Варвар опасен, но такой человек и нужен в опасности – это сила, которую надо сдерживать и использовать целенаправленно. А пока Артуру оставалось ждать и пытаться повлиять на него в нужный момент.

Несколько недель спустя Кевин присоединился к хулиганам в их стычке с ребятами из соседнего района. Полем боя служила насыпь из грязи позади большой ямы, где была новостройка. Кевин тоже чувствовал себя хулиганом, кидаясь комками грязи, смеясь при промахах и видя, как грязь разлетается, подобно взрыву бомбы.

Вдруг Кевин услышал странный голос, словно кто-то стоящий рядом с ним сказал:

– Ниже, бросай ниже!

Кевин остановился, огляделся вокруг, но рядом никого не было. Он опять услышал:

– Ниже... ниже... бросай комья ниже.

Этот голос был похож на голос солдата из Бруклина в кинофильме о войне, который он видел по телевизору:

– Надо бросать ниже эту чертову грязь!

Кевин был сбит с толку. Он перестал кидать комья, сел на кучу грязи и старался понять, кто же говорит с ним.

– Где ты? – спросил Кевин.

– А где ты? – эхом отозвался голос.

– Я тут, на грязи за ямой.

– Да? И я тоже.

– Как тебя зовут? – спросил Кевин.

– Филип. А тебя?

– Кевин.

– Смешное имя.
– Да? Если бы я мог тебя видеть, я б тебе по шее надавал.
– Где ты живешь? – спросил Филип.
– На Спринг-стрит. А ты откуда?
– А я из Бруклина, штат Нью-Йорк, но теперь я тоже живу на Спринг-стрит.
– Это девятьсот тридцать три по Спринг. Белый дом. Хозяин – какой-то парень по имени Челмер Миллиган, – сказал Кевин. – Он называет меня Билли.
– Эй, я тоже там живу! Я знаю этого парня. Он меня тоже зовет Билли. Я никогда тебя там не видел.
– И я тебя не видел, – сказал Кевин.
– Ну и дела, парень! – воскликнул Филип. – Пошли бить окна в школе!
– Классно! – ответил Кевин.
Они побежали к школе и расколотили дюжину окон.
Артур слушал, наблюдал и решил в итоге, что эти двое определенно с криминальными наклонностями и могут стать серьезной проблемой.

Рейджен знал кое-кого из тех, кто делил с ним тело Билли. Он знал Билли, знал его с того самого момента, как стал сознавать себя. Знал Дэвида, который брал на себя боль всех других; знал Денни, жившего в постоянном страхе; и трехлетнюю Кристин, которую Рейджен обожал. Он знал, что существуют и другие – те, которых еще не видел. Голоса и происходящие события нельзя было объяснить наличием лишь пяти человек.

Рейджен знал, что его фамилия – Вадасковинич, что его родина называется Югославией, а причина его существования – уметь выжить в любых условиях и использовать любые способы, чтобы защитить других. Он сознавал свою силу и способность чувствовать опасность, как паук чувствует раздражающее присутствие незваного гостя на своей паутине. Рейджен был способен вобрать в себя страх других и преобразовать его в действие. Он поклялся тренировать себя, совершенствовать свое тело, постигать боевые искусства. Но в столь враждебном мире этого было недостаточно.

«Рейджен держит на руках Кристин»

Рейджен поехал в город, в местный магазин спортивных товаров, и купил метательный нож. Потом пошел в лес и тренировался быстро вытаскивать нож из ботинка и бросать в дерево. Когда стемнело и нельзя было ничего увидеть, он отправился домой. Засовывая нож в ботинок, Рейджен решил, что больше никогда не останется безоружным.

По пути домой ему послышался странный голос с британским акцентом. Рейджен мгновенно обернулся, наклонился и выхватил нож, но рядом никого не было.

– Я в твоей голове, Рейджен Вадасковинич. Мы делим с тобой одно тело.

Пока они шли, Артур говорил с ним, объясняя, что он узнал о других людях в этом же теле.

– Ты действительно в моей голове? – спросил Рейджен.

– Да.

– И ты знаешь, что я делаю?

– Последнее время я наблюдаю за тобой. Думаю, ты отлично справляешься с ножом, но не следует ограничиваться одним видом оружия. В дополнение к боевым искусствам ты должен изучить виды оружия и бомбы.

– Я не разбираюсь во взрывных устройствах. Ничего не смыслю во всех этих проводах, соединениях...

– На этом может специализироваться Томми. Парень разбирается в электронике и механике.

– Кто такой Томми?

– Скоро я познакомлю тебя с ним. Если мы хотим выжить в этом мире, надо навести хоть какой-то порядок в этом хаосе.

– Почему ты говоришь – в хаосе?

– Когда Билли ходит среди людей, перед ними возникает то один, то другой из нас. Он начинает что-то делать, потом бросает, и в результате выпутываться должны другие, сворачивая себе мозги. Вот это я называю хаосом. Должен быть способ контролировать обстоятельства.

– Мне не нравится, когда меня слишком контролируют, – заметил Рейджен.

– Самое важное, – сказал Артур, – научиться контролировать события и людей, так чтобы мы могли выжить. Это главное.

– А на втором месте?

– Самосовершенствование.

– Согласен, – сказал Рейджен.

– Я расскажу тебе о книге, в которой объясняется, как контролировать поток адреналина, чтобы довести свою силу до максимума.

Рейджен слушал, как Артур излагает свои познания в биологии. Особенно Артура заинтересовала идея преобразования страха в энергию ярости с помощью адреналина и секреции щитовидной железы. Рейджена раздражало желание Артура верховодить, но он не мог отрицать, что англичанин знал много такого, о чем он сам до сих пор не слышал.

– Ты играешь в шахматы? – спросил Артур.

– Конечно, – ответил Рейджен.

– Хорошо, тогда – королевская пешка на е-четыре.

Рейджен немного подумал и сказал:

– Конь це-три.

Артур представил себе шахматную доску и сказал:

– А, индийская защита? Превосходно.

Артур выиграл эту игру и все другие партии, которые они разыгрывали впоследствии. Рейджену пришлось признать, что, когда дело касается концентрации ума, Артур его превосходит. Он утешал себя тем, что Артур не смог бы драться, даже если бы от этого зависела его жизнь.

– Ты нужен, чтобы защищать нас, – сказал Артур.

– Как ты можешь читать мои мысли?

– Это весьма несложная техника. Ты и сам этому научишься.

– Билли знает про нас?

– Нет. Время от времени он слышит голоса, иногда что-то видит, но не знает, что мы существуем.

– Разве ему не следует сказать?

– Не думаю. Мне кажется, его рассудок не вынесет этого.

Глава девятая

1

В марте 1970 года Гоберт Мартин, школьный психолог, сообщил:

«Во многих случаях Билл не мог вспомнить, где он был, где находились его вещи, не мог идти без посторонней помощи. В такие моменты его зрачки были размером с булавочную головку. В последнее время Билл часто ссорился с учителями и сверстниками и в результате был вынужден уйти из класса. Во время таких эпизодов он кажется подавленным, плачет и становится некоммуникабельным. Один раз Билл пытался встать перед движущейся машиной. Билла показали врачу, который поставил диагноз “психические транссы”».

Во время моего обследования Билл был подавлен, но контролировал свое поведение. Обследование выявило сильную антипатию по отношению к отчиму как к суровому тирану, не имеющему сострадания к другим. Это подтвердила его мать при беседе. Она сообщила, что биологический отец Билли покончил с собой, а отчим часто сравнивал Билли с его отцом. Он постоянно утверждает, что Билл и его мать ответственны за самоубийство его биологического отца (записано со слов матери Билла)».

Джон У. Янг, директор средней школы в Стэнбери, обнаружил, что Билли Миллиган часто уходит из класса и сидит на ступеньках около его кабинета или в последнем ряду зрительного зала. Янг всегда садился рядом с мальчиком и разговаривал с ним.

Иногда Билли рассказывал о своем покойном отце и говорил о том, что, когда вырастет, хочет быть комиком. Говорил о том, что дома у них очень плохо. Но часто директор Янг осознавал, что мальчик находится в транссе. Тогда он сажал Билли в свою машину и отвозил его домой. После того как подобные случаи участились, он направил Билли в Окружную клинику ориентации и психического здоровья в городе Фэрфилде.

Доктор Гарольд Т. Браун, психиатр, впервые увидел Билли Миллигана 6 марта 1970 года. Браун, худощавый мужчина с седыми бачками и скошенным подбородком, внимательно смотрел на мальчика сквозь очки в

черной оправе. Он увидел опрятного худенького пятнадцатилетнего подростка, физически явно здорового, спокойно сидящего, не напряженного и не возбужденного, но избегающего смотреть ему в глаза.

«Голос тихий, – написал доктор Браун в своих заметках, – с небольшой модуляцией, почти как в состоянии транса».

Билли пристально посмотрел на него.

– Что ты чувствуешь? – спросил его Браун.

– Как сон, который приходит и уходит. Мой папа ненавидит меня. Я слышу, как он кричит. В моей комнате горит красный свет. Я вижу сад и дорогу – цветы, вода, деревья и никого, кто мог бы кричать на меня. Я вижу много вещей, которых нет в действительности. Дверь с несколькими замками, кто-то громко стучит, пытаюсь выйти. Я вижу падающую женщину, и вдруг она превращается в грудку металла и я не могу подойти к ней. Надо же, я – единственный, кто может «улететь» без наркотика!

– Как ты относишься к своим родителям? – спросил Браун.

– Я боюсь, он убьет ее. Убьет из-за меня. Они ссорятся из-за меня, потому что он люто меня ненавидит. У меня ночные кошмары, которые я не могу описать. Иногда мое тело становится странным, словно я очень легкий и воздушный. Иногда я думаю, что способен летать.

В первом отчете Браун отметил: «Несмотря на сообщаемые о нем факты, он воспринимает реальность, четко выраженной психотической способности к формированию и восприятию идей не выявлено. Может сосредоточить и удерживать внимание. Нормально ориентируется. Память хорошая. Суждение находится под сильным влиянием упомянутого выше восприятия вещей и потребности быть драматичным. Инсайт недостаточен, чтобы корректировать поведение. *Предварительный диагноз:* ярко выраженный истерический невроз с конверсионными реакциями».

По словам Учителя, который позднее вспомнил этот сеанс, доктор Браун беседовал не с Билли. Это Аллен описывал мысли и видения Дэвида.

Пять дней спустя Миллиган приехал в клинику без предварительной договоренности, но доктор Браун, заметив, что тот находится в состоянии транса, согласился принять его. По наблюдениям психиатра, мальчик знал, где находится, и реагировал на указания.

– Надо позвонить твоей матери, – сказал Браун, – и сообщить ей, что ты в клинике.

– Хорошо, – ответил Дэвид, встал и вышел.

Аллен вернулся несколько минут спустя и стал ждать, когда его вызовут для беседы. Браун следил за тем, как пациент спокойно сел и

устремил взгляд в пространство.

– Что случилось сегодня? – спросил Браун.

– Я был в школе, – сказал Аллен. – Было около половины двенадцатого, и я начал засыпать. Когда я проснулся, то обнаружил, что стою на крыше высокого здания и смотрю вниз, словно хочу прыгнуть. Я спустился вниз и пошел в полицию, попросил их позвонить в школу, чтобы там не беспокоились обо мне. Потом пришел сюда.

Браун некоторое время изучал его, поглаживая свои седые бачки.

– Билли, ты принимаешь какие-нибудь наркотики?

Аллен отрицательно покачал головой.

– Вот сейчас у тебя пристальный взгляд. Что ты видишь?

– Я вижу лица людей, но только глаза и носы и какие-то причудливые цвета. Вижу, что с людьми происходят несчастья. Они попадают под машины, падают с утесов, тонут.

Доктор Браун наблюдал за Миллиганом. Тот сидел молча, словно смотрел на экран внутри себя.

– Расскажи, Билли, как у тебя дома. Расскажи о своей семье.

– Челмер любит Джима. Ненавидит меня. Все время кричит. Он превратил в ад жизнь двух человек. Я потерял работу в бакалейной лавке. Я сам хотел потерять эту работу, чтобы быть дома с мамой. Взял и украл бутылку вина – вот меня и уволили.

19 марта Браун заметил, что его пациент одет в рубашку с высоким воротом и голубой пиджак, что придавало ему женоподобный вид.

«У меня сложилось впечатление, – писал Браун после сеанса, – что данный пациент не подлежит амбулаторному наблюдению. Целесообразно положить его на лечение в общественную детскую больницу г. Коламбуса в подростковое отделение. Есть договоренность с доктором Раулджем о его госпитализации. *Окончательный диагноз: истерический невроз с множественными пассивно-агрессивными проявлениями*».

Через пять недель после своего пятнадцатого дня рождения Билли Миллиган был помещен Дороти и Челмером Миллиганями в детское отделение общественной больницы г. Коламбуса как «добровольный» пациент. Билли решил, что из-за постоянно поступающих на него жалоб и его плохого поведения мать сделала выбор: решила Челмера оставить себе, а его сбросить с рук.

Отчет общественной больницы г. Коламбуса (конфиденциально)

24 марта, 16.00. Травма в результате драки данного пациента с другим пациентом, Дэниэлом М. Травма – ссадина под правым глазом. Драка произошла в холле примерно в 16.00. Очевидно, Уильям и Дэниэл играли. Уильям рассердился и ударил Дэниэла, затем Дэниэл ударил Уильяма. Пациентов разняли.

25 марта. При пациенте был найден нож, в его палате обнаружен небольшой напильник, взятый из деревообделочной мастерской. Доктор Раулдж говорил с пациентом. Тот объяснил, что хотел убить себя. Пациент помещен в изолятор, приняты соответствующие меры.

26 марта. Пациент старается помочь врачам. Периодически жалуется на то, что видит странные вещи. В развлечениях не участвовал, большую часть времени сидел один.

1 апреля. Пациент кричал, что его давят стены и он не хочет умирать. Доктор Раулдж поместил его в изолятор и предупредил его относительно сигарет и спичек.

12 апреля. Последние несколько недель, когда наступает время ложиться спать, пациент становится активным. Он спрашивает нас, находится ли он в трансе. Сегодня пациент хотел получить дополнительное лечение. Я объяснил пациенту, что он должен постараться уснуть. Пациент стал враждебным и агрессивным.

4

Джейсон демонстрировал вспышки раздражения. Он служил как бы «выпускным клапаном», который мог снять излишнее напряжение громкими криками. Он оставался интровертным до тех пор, пока не наступало время «выпустить пары». Это Джейсона поместили в изолятор в общественной больнице г. Коламбуса.

Джейсон возник, когда Билли было восемь лет. Он готов был взорваться от душивших его эмоций, но ему никогда не разрешали «выходить». Если он все-таки выходил, то Билли наказывали. Здесь, в больнице, когда страх и давление достигали предела, Джейсон плакал, кричал, давая выход своим эмоциям.

Так он поступил, когда услышал по телевизору об убийстве четырех студентов в штате Кент. Санитары заперли его.

Узнав, что Джейсона запирали каждый раз, когда он «взрывался»,

Артур решил принять меры. Неважно, дом это или больница, показывать свой гнев и раздражение не разрешалось. Если кто-то нарушал запрет, их всех наказывали. Поэтому Артур определил Джейсона как «нежелательного» и лишил его права овладевать сознанием. Отныне он будет стоять в тени, за пределами пятна.

Why do I gots to say in a cage and cant
got out an play
Do you like I CT9AM
I Love you
Mr Antfer say you going to help us
A great big hug AN A Kiss For Miss Judey

From
Christina

Рисунок Кристин

Другие занимались художественной терапией. Когда Томми не был занят открыванием замков, он рисовал пейзажи. Денни рисовал натюрморты, Аллен – портреты. Даже Рейджен пытался что-то изобразить, но ограничился лишь черно-белыми эскизами. Именно тогда Артур обнаружил, что Рейджен – дальтоник. Он вспомнил про непарные носки и сделал вывод, что это Рейджен их надевал. Кристин рисовала цветы и бабочки для своего брата Кристофера.

Санитары отмечали, что Билли Миллиган стал спокойнее и общительнее. Ему дали послабления и, когда на улице стало тепло,

разрешили выходить из больницы для прогулок и рисования.

Некоторые из других личностей появлялись, осматривались, им не нравилось то, что они видели, и они уходили. Только Рейджен, пораженный тем, что у доктора Раулджа славянское имя и акцент, принимал торазин и выполнял все предписания. Денни и Дэвид, будучи послушными детьми, тоже принимали таблетки. Но вот Томми лишь держал их во рту и потом выплевывал. Так же поступали Артур и другие.

Денни подружился с маленьким чернокожим мальчиком, разговаривал и играл с ним. Они засиживались допоздна, часами мечтая о том, кем они станут, когда вырастут. Денни даже начал иногда смеяться.

Однажды доктор Раулдж перевел Денни в отделение, где все мальчики были больше его. Денни никого не знал, ему не с кем было поговорить, поэтому он ушел в свою комнату и плакал – так ему было одиноко. Потом Денни услышал голос:

– Почему ты плачешь?

– Уходи, не трогай меня, – сказал Денни.

– А куда мне уйти?

Денни быстро огляделся – в комнате никого больше не было.

– Кто это сказал?

– Я это сказал. Меня зовут Дэвид.

– Ты где?

– Не знаю. Думаю, там же, где и ты.

Денни заглянул под кровать, в туалет, но того, кто говорил, нигде не обнаружилось.

– Я слышу твой голос, – сказал он, – но где ты?

– Здесь.

– Я не вижу тебя. Где ты?

– Закрой глаза, – сказал Дэвид. – Теперь я тебя вижу.

Они проводили долгие часы, разговаривая о вещах, которые случились в прошлом, близко узнавая друг друга, но не сознавая, что Артур все время слушает.

5

Филип познакомился с четырнадцатилетней пациенткой, блондинкой. Все считали ее красивой. Она гуляла, разговаривала с ним, стараясь возбудить его, хотя он никогда не пытался приставать к ней. Она наблюдала

за ним, когда он сидел у пруда с альбомом для рисования. Обычно поблизости больше никого не было.

В один из теплых дней в начале июня она села рядом с Филипом и посмотрела, как он нарисовал цветок.

– Это очень красиво, Билли.

– А, ничего особенного.

– Ты настоящий художник.

– Да брось ты!

– Нет, правда. Ты отличаешься от других здешних парней. Мне нравятся ребята, которые не зациклились только на одном.

Она положила руку на его колено.

Филип отпрянул.

– Эй, ты чего?

– Тебе не нравятся девушки, Билли?

– Конечно нравятся. Я не голубой. Просто я... я не... я...

– Тебя что-то беспокоит, Билли. В чем дело?

Он опять сел рядом с ней.

– Я не очень увлекаюсь сексом.

– Как так?

– Ну, – сказал он. – Мы... я хочу сказать, когда я был маленьким, меня изнасиловал мужчина.

Девушка была потрясена:

– Я думала, что только девчонок насилуют.

Филип покачал головой:

– Теперь ты будешь думать по-другому. Меня избили, потом изнасиловали. И с тех пор у меня в голове что-то не так. Я много думаю об этом. Вернее, часть меня думает. Вся мою жизнь я думал, что секс – это что-то болезненное и грязное.

– То есть ты еще никогда не занимался сексом с девушкой?

– Ни с кем не занимался.

– Но это же не больно, Билли!

Он покраснел и отодвинулся от нее.

– Идем поплаваем, – пригласила она.

– Неплохая мысль, – сказал Филип, вскочил и с разбегу нырнул в пруд.

Когда он вынырнул, отфыркиваясь, то увидел, что девушка сняла платье и нагишом идет к пруду.

– Черт возьми! – воскликнул он и нырнул на самое дно.

Когда он снова вынырнул, она подплыла поближе и обняла его. Филип почувствовал в воде, как ее ноги обвиваются вокруг него, как ее груди

трутся о его грудь, как она все ниже опускает руку...

– Это не больно, Билли, – сказала она. – Я обещаю.

Загребая воду одной рукой, она вела его к большому плоскому камню, углом вдающемуся в воду. Филип взобрался следом за ней, и она потянула вниз его труссы. Он понимал, что ведет себя неуклюже, боялся, что, если закроет глаза, все это исчезнет. Она была такая красивая. Он не хотел внезапно очутиться в другом месте и ничего не помнить. Он хотел все запомнить. Ему было очень хорошо. Девушка оказалась хорошим учителем. Когда все было кончено, ему хотелось вскочить и закричать от радости. Он скатился с нее, потерял равновесие и шлепнулся в воду.

Девушка засмеялась, а Филип чувствовал себя дураком, но был счастлив. Он больше не был ни девственником, ни голубым – он стал мужчиной.

6

19 июня по просьбе матери доктор Раулдж выписал Билли Миллигана из больницы. Резюме работника патронажа при выписке гласило:

«До выписки Билли манипулировал персоналом и пациентами. Он выходил из неприятных ситуаций с помощью злонамеренной лжи, нанося вред репутации других людей и не чувствуя угрызений совести. Его отношение к сверстникам было поверхностным, а сверстники не доверяли ему из-за постоянной лжи.

Рекомендации персонала: Поведение пациента все более входило в противоречие с программой отделения, поэтому пациент выписывается для амбулаторного лечения. Родителям рекомендуются консультации.

Лечение: торазин, 25 мг, три раза в день».

По возвращении домой Денни, впавший в глубокую депрессию, нарисовал маленький натюрморт – увядающий желтый цветок в надтреснутом бокале на черно-синем фоне. Он принес рисунок наверх, чтобы показать его матери Билли, но застыл на месте. Там был Челмер. Челмер взял у него рисунок, посмотрел на него и бросил на пол.

– Врешь, – сказал он. – Это не ты нарисовал.

Денни поднял рисунок и пошел вниз, в рисовальную комнату, еле сдерживая слезы. Тогда он впервые подписал рисунок: «Денни, 1970». На

оборотной стороне холста он записал необходимые данные:

Художник *ДЕННИ*

Тема *СМЕРТЬ В ОДИНОЧЕСТВЕ*

Дата *1970*

С того времени, в отличие от Томми и Аллена, которые продолжали добиваться, чтобы их похвалили за рисунки, Денни никогда никому не показывал своих натюрмортов.

Осенью 1970 года Билли поступил в среднюю школу Ланкастера – комплекс беспорядочно разбросанных современных зданий из стекла и бетона на северной стороне Ланкастера. Билли не успевал в учебе. Он ненавидел учителей и ненавидел школу.

Артур много раз пропускал уроки, чтобы работать в библиотеке, изучая книги по медицине. Особенно его заинтересовала гематология.

Томми проводил свободное время, занимаясь своими приспособлениями, механизмами и практикуясь в умении убежать. К этому времени никакие пути уже не могли его удержать: его руки могли развязать любой узел или выскользнуть из связывающих веревок. Он купил себе пару наручников и практиковался с ними, используя разделенный пополам колпачок от шариковой ручки в качестве ключа. Для себя он отметил, что лучше иметь два ключа: один в нагрудном кармане, другой в заднем кармане брюк, чтобы можно было избавиться от наручников независимо оттого, в каком положении будут руки – спереди или сзади.

В январе 1971 года Билли поступил на неполный рабочий день рассыльным в бакалейном магазине. Он решил потратить часть денег из своей первой зарплаты и купить мяса для Челмера. Рождественские праздники прошли спокойно. И Билли подумал: а вдруг Челмер перестанет приставать к нему, если он выкажет отчиму свою заботу?

Билли подошел к заднему крыльцу и увидел, что дверь на кухню сорвана с петель. На кухне были бабушка и дедушка Миллиган, а еще Кэти, Челла и Джим. Мама прижимала к голове окровавленное полотенце. Лицо у нее было черное и синее.

– Челмер ударил ее о дверь, – сказал Джим.

– И вырвал клоч волос из головы, – добавила Кэти.

Билли ничего не сказал. Он просто посмотрел на мать, кинул мясо на стол, пошел в свою комнату и запер за собой дверь. Он долго сидел в темноте, закрыв глаза и пытаясь понять, почему в их семье так много боли и побоев. Если бы Челмер умер, это решило бы все их проблемы.

Ощущение пустоты...

Рейджен открыл глаза, чувствуя гнев, который не мог дольше сдерживать. За то, что Челмер сделал с Денни и Билли, а теперь с матерью Билли, этот человек должен умереть.

Рейджен медленно поднялся и пошел на кухню, слыша приглушенные голоса из гостиной. На кухне он открыл ящик, где хранились ножи, взял шестидюймовый нож для разделки мяса, сунул его под рубашку и вернулся в свою комнату. Положил нож под подушку, лег и стал ждать. После того как все уснут, Рейджен выйдет и заколет Челмера прямо в сердце. Или, может быть, перережет ему горло. Он лежал, прокручивая в уме свои действия и ожидая, когда дом затихнет. В двенадцать часов домашние все еще не спали, разговаривали. И Рейджен уснул.

Разбуженный утренним светом, Аллен вскочил с кровати, не зная, где он и что случилось. Он быстро прошел в ванную, и Рейджен рассказал ему о своих планах. Когда Аллен вышел, мать была в его комнате. Она начала убирать его постель и нашла нож.

– Билли, что это такое?

Он спокойно посмотрел на нее и сказал монотонно:

– Я собирался его убить.

Мать взглянула на него, удивленная этим низким, равнодушным голосом:

– Что ты хочешь сказать?

Аллен пристально посмотрел на нее:

– Твой муж должен был умереть сегодня утром.

Она побледнела и схватилась за горло.

– О боже, Билли, что ты говоришь? – Она схватила его за руки и стала трясти, говоря шепотом, чтобы никто не мог услышать: – Ты не должен этого говорить. Не должен так думать. Подумай о последствиях. Что с тобой будет?

Аллен посмотрел на нее и спокойно сказал:

– А с тобой?

Потом повернулся и вышел.

Сидя в классе, Билли старался не обращать внимания на смешки и подзуживание других мальчишек. Все уже знали, что он проходил амбулаторное лечение в психиатрической клинике. Мальчишки хихикали и вертели пальцем у виска. Девочки показывали ему язык.

На перемене несколько девочек окружили Миллигана в коридоре около женского туалета.

– Иди сюда, Билли! Мы хотим тебе кое-что показать.

Он знал, что девочки дразнят его, но стеснялся оказать сопротивление. Девочки втолкнули его в туалет и загородили выход, уверенные, что Билли не посмеет их тронуть.

– Билли, это правда, что ты девственник?

Он покраснел.

– И ты никогда не делал этого с девчонкой?

Не зная о том, что произошло у Филипа с девушкой в больнице, он отрицательно покачал головой.

– Он, наверное, занимался этим с животными на ферме.

– Билли, ты забавляешься с животными на ферме в Бремене?

Не успел он сообразить, что они делают, как девочки прижали его к стене и стали стаскивать с него брюки. Он поскользнулся и упал, пытаясь удержать на себе брюки, но они сняли их и убежали, оставив его лежать в женском туалете в трусах. Билли заплакал.

В туалет вошла учительница. Увидев его, она выбежала и вскоре вернулась с брюками.

– Этих девчонок следует выпороть, Билли, – сказала она.

– Наверное, их мальчишки подговорили.

– Ты такой большой, сильный мальчик, – сказала она. – Как ты позволяешь им так с тобой обращаться?

Он пожал плечами:

– Не мог же я ударить девочку.

И побрел прочь, зная, что никогда больше не сможет посмотреть в глаза девочкам из своего класса.

Он шел по коридору. Не имело смысла продолжать жить. Билли поднял голову и увидел, что рабочие оставили открытой дверь прохода, ведущего на крышу. Он знал, что сделает. Медленно прошел через пустой коридор, поднялся по лестнице, открыл дверь, вышел на крышу. Было холодно. Билли сел и написал на внутренней стороне обложки учебника: «Прощайте. Простите, но я больше не вынесу».

Положив учебник на край крыши, он отошел назад, чтобы как следует разбежаться. Глубоко вдохнул – и побежал...

Прежде чем он достиг края крыши, Рейджен сбил его с ног.

– Ну и ну! Чуть не опоздали, – прошептал Артур.

– Что будем с ним делать? – спросил Рейджен. – Опасно позволять ему бродить везде.

– Он представляет опасность для всех нас. В депрессивном состоянии он может покончить с собой.

– И какое примем решение?

– Заставим его все время спать.

– Как это?

– С этого момента он не должен владеть сознанием.

– А кто будет это контролировать?

– Ты или я. Мы поделим ответственность. Я предупрежу всех, чтобы никто и ни при каких обстоятельствах не разрешал ему овладевать сознанием. Когда дела идут нормально, в относительной безопасности, контроль остается за мной. В опасной обстановке он переходит к тебе. Только мы с тобой решаем, кто может вставать на пятно.

– Идет, – сказал Рейджен.

Он посмотрел на предсмертную записку, которую Билли написал в книге. Вырвал страницу, разорвал ее на кусочки и развеял их по ветру.

– Я буду защитником, – сказал он. – Билли не должен был подвергать опасности жизнь детей.

Тут Рейджен вспомнил еще кое о чем:

– А кто будет говорить? Люди смеются, когда слышат мой акцент. Да и твой тоже.

Артур кивнул:

– Я думал об этом. Аллен, как говорят ирландцы, «поцеловал камень красноречия». Он может говорить вместо нас. Пока мы контролируем ситуацию и храним секрет от остального мира, мы сумеем выжить.

Артур все объяснил Аллену, потом поговорил с детьми и постарался помочь им понять, что происходит.

– Представьте себе, – сказал он, – что мы все – много людей, включая и тех, кого вы никогда не видели, – находимся в темной комнате. В центре этой комнаты, на полу, яркое пятно света. Кто встает на это пятно, кого освещает этот свет, тот выходит в реальный мир и овладевает сознанием. Этого человека и видят другие люди, они слышат его и реагируют на него. Остальные из нас могут в это время заниматься своими делами, учиться или спать, играть или разговаривать. Но тот, кто выходит в мир, должен быть очень осторожен, не должен говорить о существовании других. Это семейный секрет.

Дети поняли.

– Хорошо, – сказал Артур. – Аллен, возвращайся в класс.

Аллен встал на пятно, поднял учебники и спустился вниз.

– А где Билли? – спросила Кристин.

Другие ждали, что ответит Артур. Тот печально покачал головой, приложил палец к губам и прошептал:

– Билли спит. Нельзя его будить.

Глава десятая

1

Аллен получил работу в цветочном магазине в Ланкастере, и все шло хорошо. Тимоти, который любил цветы, делал большую часть работы; время от времени выходила Адалана, чтобы составить букеты. Аллен убедил хозяина магазина, что было бы неплохо повесить в витрине некоторые из его рисунков, а если что-нибудь удастся продать, он получит комиссионные. Идея делать деньги на продаже своих картин пришла Томми, и после того как были проданы первые несколько работ, Томми принялся усердно рисовать, тратя некоторую часть дохода на покупку красок и кистей. Он сделал десятки пейзажей, которые покупали охотнее, чем портреты Аллена или натюрморты Денни.

Однажды в пятницу вечером, после закрытия магазина, хозяин, мужчина среднего возраста, позвал Тимоти в свой кабинет и стал к нему приставать. Испугавшись, Тимоти сошел с пятна и удалился в свой собственный мир. Денни поднял голову и увидел, что собирается сделать этот мужчина. Вспомнив, что было с ним на ферме, Денни закричал и убежал.

Когда в понедельник Томми пришел на работу, размышляя о том, будут ли сегодня проданы какие-нибудь из его картин, он обнаружил, что магазин пуст. Хозяин выехал, не оставив нового адреса и забрав все его картины с собой.

– Проклятый сукин сын, – кричал Томми у пустой витрины. – Я доберусь до тебя, негодяй!

Он поднял камень, бросил в витрину, и ему стало легче.

– Виновата прогнившая капиталистическая система! – сказал Рейджен.

– Не вижу логики, – возразил Артур. – Человек явно испугался, что все узнают о его гомосексуальных наклонностях. Что общего между экономической системой и непорядочностью испугавшегося человека?

– Стимул прибыли. Он отравляет умы молодых людей, таких, как Томми.

– Ну и ну! Я и не знал, что ты убежденный коммунист.

– Придет день, – сказал Рейджен, – и капитализм будет уничтожен. Ты, Артур, капиталист, я знаю. Но предупреждаю: вся власть перейдет к народу!

– Как бы то ни было, – сказал Артур скучным голосом, – но цветочного магазина больше нет, и кому-то придется искать другую работу.

Аллен нашел работу ночного санитаря в доме престарелых, расположенном в восточной части Ланкастера. Это было современное низкое кирпичное здание со стеклянным вестибюлем, который всегда был заполнен пожилыми постояльцами в обязательных слюнявчиках, разъезжающими в креслах-каталках. Большая часть работы была не очень приятной, но Марк выполнял ее не жалуясь; он подметал, мыл шваброй полы, менял белье и выносил судна.

Артура заинтересовали медицинские аспекты этой работы. Когда он обнаруживал, что некоторые медсестры или санитарки бездельничают на работе, играя в карты, читая или подремывая, он сам делал обходы, ухаживая за больными и умирающими. Он выслушивал их жалобы, протирали инфицированные пролежни и вообще занимался этим с таким рвением, как будто это было его призванием.

Однажды ночью, наблюдая, как Марк, стоя на коленях, скребет пол в комнате, из которой кого-то вывезли, Артур покачал головой:

– И на это ты тратишь свою жизнь – ручной труд, чертова рабская работа, которую мог бы выполнять зомби!

Марк посмотрел на тряпку, потом на Артура и пожал плечами:

– Чтобы управлять судьбой, нужен выдающийся ум. Чтобы осуществлять планы, нужен дурак.

Артур вскинул брови. Он даже не предполагал, что Марк может такое выдать. Но это было еще хуже – видеть, как хорошие мозги пропадают на бездумной работе.

Артур покачал головой и пошел проведать пациентов. Было известно, что мистер Торвальд умирает. Войдя в комнату старика, Артур сел возле его кровати, как делал это каждую ночь в последнюю неделю. Мистер Торвальд рассказывал о своей юности в старой Англии, о том, как приехал в Америку и осел на земле в Огайо. Помаргивая слезящимися глазами с тяжело нависшими веками, он произнес еле слышно:

– Старый я стал... болтаю много.

– Ничего подобного, сэр, – сказал Артур. – Я всегда считал, что надо слушать пожилых людей, они мудры и обладают большим жизненным опытом. Ваши знания, которые невозможно записать в книгах, должны быть переданы молодым.

Мистер Торвальд улыбнулся:

– Ты хороший мальчик.

– Вам очень больно?

– Что толку жаловаться? Я прожил хорошую жизнь. Теперь вот помираю.

Артур коснулся высохшей руки.

– Вы хорошо умираете, – сказал он. – С достоинством. Я гордился бы таким отцом.

Мистер Торвальд закашлялся и указал на пустой кувшин для воды. Артур вышел, чтобы налить воды, а когда вернулся, то увидел, что мистер Торвальд смотрит в потолок невидящими глазами. Артур постоял молча, глядя на безмятежное старое лицо. Потом смахнул волосы с лица старика и закрыл ему глаза.

– Аллен, – прошептал он, – позови медсестер. Скажи им, что мистер Торвальд скончался.

Аллен встал на пятно и нажал кнопку над кроватью.

– Так полагается, – прошептал Артур, отступая.

Аллен подумал, что голос Артура охрип от волнения.

Но он знал, что этого не может быть. Прежде чем Аллен успел о чем-то его спросить, Артур ушел.

Работа в доме престарелых продлилась три недели. Когда администрация узнала, что Миллигану только шестнадцать, было заявлено, что он слишком молод, чтобы работать в ночную смену, и Аллена уволили.

Несколько недель спустя начался осенний семестр. Челмер сказал, что Билли должен в воскресенье поехать на ферму помочь ему косить траву. Томми смотрел, как Челмер по двум доскам вкатил на свой грузовик новую желтую сенокосилку.

– Для чего я тебе нужен? – спросил Томми.

– Не задавай глупых вопросов. Ты едешь. Хочешь есть, значит, должен работать. Мне нужен кто-то, кто сгребет листья, прежде чем я начну косить. Ты только на это и способен.

Томми смотрел, как Челмер закрепляет косилку в грузовике, ставит ее на задний привод, фиксирует рычаг U-образной чекой.

– А теперь возьми эти чертовы доски и сложи их в машину.

«Черта с два, – подумал Томми, – сам их складывай». И освободил пятно.

Денни стоял, недоумевая, почему отчим так смотрит на него.

– Ну? Я сказал, сложи эти доски в машину, тупица.

Денни старался справиться с двумя огромными досками, хотя они были слишком большими и тяжелыми для четырнадцатилетнего

мальчишки.

– Неуклюжий ублюдок, – рявкнул Челмер. Оттолкнув Денни в сторону, он сам забросил доски в грузовик. – Садись в машину, пока я не надрал тебе задницу.

Денни вскарабкался на сиденье и сидел, глядя прямо перед собой. Но он слышал, как Челмер открывает банку с пивом, он чувствовал запах пива, и его охватил жуткий страх. Они приехали на ферму, и Денни вздохнул с облегчением, когда Челмер сразу же заставил его сгребать листья.

Челмер косил, и каждый раз, когда косилка слишком приближалась, Денни испытывал страх. Косилки и прежде пугали его. Он боялся новой желтой косилки. На пятно вставал то Дэвид, то Шон, то опять Дэвид, пока работа не была сделана и Челмер не крикнул:

– Вынимай доски из машины. Поехали домой.

Денни, спотыкаясь, пошел к грузовику, все еще до жути боясь косилки. Он собрал все свои силы и вытащил тяжелые доски. Положив их как нужно, Челмер задом подал трактор на грузовик. Потом втащил доски. Денни ждал, когда отчим опустошит вторую банку пива и можно будет отправляться домой.

Видя всю эту картину, Томми встал на пятно. Чертова косилка пугала Денни, значит, надо от нее избавиться. Как только Челмер отвернулся, Томми быстро забрался в грузовик, вынул U-образную чеку и поставил сцепление в нейтральное положение. Когда Челмер подошел к сиденью водителя, Томми прыгнул и бросил шпонку в кусты. Потом сел рядом с отчимом и стал ждать. Он знал, что, как только Челмер, по своему обыкновению, рывком тронется с места, его новая желтая косилка вывалится из машины.

Но Челмер двинулся вперед плавно, медленно и ехал без остановки до Бремена. Ничего не происходило. Томми подумал, что трактор вывалится, когда они остановятся перед заводом генерала Милса. Однако Челмер спокойно проехал и тут и ехал так до самого Ланкастера. «Ладно, – подумал Томми, – это случится, когда он остановится на красный свет».

Это произошло в Ланкастере. Как только загорелся зеленый свет, Челмер рванул с места, шины завизжали – и Томми понял, что косилки больше нет. Он постарался, чтобы лицо его оставалось неподвижным, но не смог и отвернулся к окну, чтобы Челмер не видел его усмешки. Мельком оглянувшись, Томми увидел, как маленькая желтая косилка кувыркается по улице, а Челмер смотрит в зеркало заднего обзора, широко открыв рот. Ударив по тормозам, отчим остановил грузовик, выпрыгнул и побежал назад, подбирая металлические части, разбросанные по дороге.

Томми расхохотался.

– Будь ты проклят, – сказал он, – не будешь больше пугать Денни и Дэвида.

Двойная месть одним ударом: избавился от косилки и достал-таки Челмера.

В школе Билли получал лишь посредственные отметки. Один раз ему поставили пятерку по биологии – в десятом классе, в первом полугодии. Артур, который интересовался этим предметом, стал посещать занятия и делал домашние задания.

Зная, что люди будут смеяться, если он заговорит, Артур давал возможность Аллену отвечать за него. Билли поразил учительницу внезапно произошедшей с ним переменой, блеском ума. Но хотя Артур никогда не терял интереса к биологии, обстановка в доме настолько испортилась, что пятно было постоянно занято то одним, то другим. К большому сожалению учительницы биологии, второе полугодие стало полной неудачей. Артур отстранился и начал заниматься самостоятельно, в результате Билли получил по биологии тройку.

Артур был очень занят: все чаще и чаще кто-то освобождал пятно, а кто-то вставал на него. Этот период внутренней нестабильности Артур определил как «спутанное время».

Когда всю школу пришлось эвакуировать из-за того, что в ней нашли бомбу, все подозревали Билли Миллигана, хотя и не смогли ничего доказать. Томми отрицал, что изготовил бомбу. Бомба была ненастоящая, хотя и могла бы сработать, если бы вместо воды в ней была настоящая взрывчатка.

Томми не лгал, когда говорил, что это не он сделал бомбу. Зачем ему врать? Просто он научил одного парня, как ее сделать, и даже нарисовал схему, но сам к ней не притрагивался. Он не такой дурак!

Томми наслаждался всеобщим смятением и досадой на лице директора. Директор Мур выглядел как человек, у которого масса проблем и он никак не может их решить.

Но одна из проблем все же была решена: Миллигана исключили из школы.

Спустя пять недель после того, как Билли Миллигану исполнилось семнадцать лет, – за неделю до того, как Джим был призван в армию, в военно-воздушные силы, – Томми и Аллена призвали во флот.

Глава одиннадцатая

1

23 марта 1972 года Аллен в сопровождении Дороти отправился на призывной участок, где вместе с Томми подписал необходимые документы. У Дороти было двойственное чувство: она, конечно, беспокоилась, но ясно осознавала и то, что Билли необходимо уйти из дому, подальше от Челмера. А исключение из школы еще более ухудшило ситуацию.

Офицер быстро заполнил все бумаги и задал несколько вопросов. Отвечала большей частью Дороти.

– Были ли вы когда-нибудь в клиниках для душевнобольных, ставили ли вам диагноз психического больного?

– Нет, – ответил Томми. – Мне – нет.

– Минутку, – сказала Дороти. – Ты же провел три месяца в клинике в Коламбусе. Доктор Браун сказал, что это был истерический невроз.

Офицер поднял голову, перестав писать.

– Это не обязательно записывать, – сказал он. – Все мы немного нервные.

Томми взглянул на Дороти с видом победителя.

Но дальше предстояло пройти тест на образование и общее интеллектуальное развитие. Томми и Аллен подумали, что Томми не имеет ничего общего ни с тем, ни с другим, и Аллен решил самостоятельно пройти тест.

Но затем «вышел» Денни и посмотрел на бумаги, не зная, что с ними делать. Офицер, видя его замешательство, прошептал:

– Впиши свои ответы на линиях между напечатанными словами.

Денни пожал плечами и, не читая ни одного вопроса, прошел колонки сверху вниз, вписывая ответы.

Тест был пройден.

Не прошло и недели, как Аллен был уже на пути в Центр морской подготовки в Грейт-Лейке, штат Иллинойс. Его зачислили в 109-ю роту 2 '1-го батальона. Начался курс подготовки молодого бойца.

Еще в средней школе Миллиган состоял в отряде бойскаутов от гражданской авиации. Узнав об этом, в учебном батальоне его назначили командиром отряда из ста шестидесяти новобранцев. Билли был строгим сержантом.

Когда Аллен узнал, что рота, наиболее успешно выполнившая шестнадцать пунктов устава, станет почетной ротой, он и Томми начали думать над тем, как можно сэкономить минуты в утреннем графике.

– Вычеркни душ, – посоветовал Томми.

– Не по правилам, – возразил Аллен. – Они должны принимать душ, даже если не будут пользоваться при этом мылом.

Томми почесал в затылке – и придумал конвейерный метод приема душа. На следующий вечер Аллен инструктировал подчиненных:

– Сворачиваете полотенце рулоном и берете его в левую руку. В правую руку берете кусок мыла. Душевые отсеки расположены буквой П: шестнадцать – двенадцать – шестнадцать. Во всех душах температура воды одинаковая, так что регулировать ее не надо. Ваша задача – идти вдоль линии и мыть левую половину тела.

Доходите до угла, перекладываете мыло в другую руку, идете в обратном направлении и моете другую половину тела и голову. Когда вы подойдете к последнему душу, вам останется только сполоснуться и вытереться.

Новобранцы удивленно смотрели, как их старшина в полном обмундировании продемонстрировал им всю процедуру, засекая время.

– Таким образом каждый может вымыться за сорок пять секунд. На сто шестьдесят человек потребуется десять минут. Я хочу, чтобы наша рота была первой на плацу на утренней поверке. Мы собираемся стать почетной ротой. Всем ясно?

На следующее утро рота Миллигана была первой на плацу. Аллен был доволен. Томми сказал ему, что работает над тем, как сэкономить еще несколько минут. Его наградили медалью «За службу» за хорошее руководство.

Через две недели дела пошли хуже: Аллен позвонил домой и узнал, что Челмер опять бьет Дороти. Рейджен рассердился. Артуру, разумеется, было все равно. Но Томми, Денни и Аллена это очень обеспокоило. Они были подавлены, и из-за этого вновь началось «спутанное время».

Шон стал надевать ботинки не на ту ногу и оставлять шнурки незавязанными. Дэвид стал неряшлив. Филип, узнав, где он находится, решил, что ему наплевать. Новобранцы из 109-й роты быстро поняли, что с их сержантом что-то неладно. То он был первоклассным лидером, а то мог весь день проболтать о пустяках, забросив работу с бумагами.

Пару раз они видели, как Миллиган ходит во сне. Кто-то сказал об этом, и Томми стал на ночь привязывать себя к кровати. Когда Томми разжаловали из сержантов, подавленность усилилась, и Денни при любой

возможности ложился в лазарет.

Артур заинтересовался проблемой гематологии.

Однажды руководство флота направило специалиста понаблюдать за Миллиганом. Филип в этот момент валялся на койке прямо в форме, забавляясь колодой карт, а в ногах у него лежал белый головной убор.

– Что здесь происходит? – строго спросил капитан Саймонс.

– Встать! – приказал его помощник.

– Да пошел ты... – ответил Филип.

– Я капитан. Как вы смеете...

– Да хоть Иисус Христос, мне плевать. Катись отсюда! Я из-за тебя проигрываю.

Когда вошел главный старшина Рэнкин, Филип сказал ему то же самое.

12 апреля 1972 года, через две недели и четыре дня после того, как Томми вступил в ряды военно-морского флота, Филип был отправлен в медчасть для оценки его состояния.

В докладной командира роты было сказано следующее: «Этот человек сначала был назначен сержантом, но он только и делал, что все время всеми распоряжался. После того как я освободил его от обязанностей сержанта, он стал постоянно жаловаться на недомогание. С каждым днем ситуация ухудшалась, Миллиган придумывал разные причины, чтобы не посещать занятия. Этот человек очень отстал от остальных в роте и скатывается все ниже и ниже. Он нуждается в наблюдении».

Психиатр побеседовал с Дэвидом, который вообще не понимал, что происходит. Ознакомившись с бумагами, пришедшими из Огайо, руководство флота обнаружило, что Миллиган находился в психиатрической клинике и обманул офицера на призывном участке. В отчете психиатра записано: «Отсутствуют зрелость и устойчивость состояния, необходимые для службы на флоте. Рекомендуются списать по причине негодности к военной службе».

1 мая, через месяц и один день после зачисления на службу, Уильям Стэнли Миллиган был уволен из рядов военно-морского флота США «на почетных условиях».

Ему выплатили выходное пособие и выдали авиабилет до Коламбуса. Но по пути из Грейт-Лейке в аэропорт О'Хара в Чикаго Филип узнал, что еще два новобранца, отправляющиеся в отпуск домой, едут в Нью-Йорк, и, вместо того чтобы использовать свой авиабилет, Филип составил им компанию в автобусе. Ему хотелось посмотреть Нью-Йорк – город, откуда

он был родом, но который никогда не видел.

2

На автовокзале Нью-Йорка Филип попрощался с попутчиками, перекинул вещевой мешок через плечо и двинулся вперед. Купил карты и журнал в киоске и отправился на Таймс-сквер. Он чувствовал себя дома – вид улиц и голоса, привычные для слуха, убедили Филипа в том, что это его настоящее место.

Филип потратил два дня на то, чтобы изучить город. Он съездил на переправу Стейтен-Айленд и посмотрел на статую Свободы. Затем, начав с Бэттери, он прошел по узким улочкам вокруг Уолл-стрит и дошел до Гринвич-Виллидж. Пообедал в греческом ресторанчике и переночевал в недорогом отеле. На следующий день он пошел на угол Пятой авеню и Пятьдесят четвертой улицы и полюбовался на Эмпайрстейт-билдинг. Заплатил за экскурсию и с крыши внимательно осмотрел город.

– В какой стороне Бруклин? – спросил он экскурсовода.

– Вон там, – показала она. – Видите три моста? Это мосты на Уильямсбург, Манхэттен и Бруклин.

– Туда и отправлюсь, – решил Филип.

Он спустился вниз на лифте, поймал такси и сказал:

– На Бруклинский мост.

– Бруклинский мост?

Филип забросил свой мешок в машину:

– Ты что, не въехал?

– Прыгнуть хотите или купить желаете? – спросил шофер, включая передачу.

– Рули давай, остряк-самоучка! Прибереги свои ослиные шуточки для приезжих.

Шофер высадил его у моста, и Филип пошел по нему. Дул холодный бриз. Ему было приятно. Дойдя до середины моста, он остановился и посмотрел вниз. Вода. Боже, как красиво! Внезапно настроение у него упало. Он не знал почему, но на середине моста вдруг почувствовал, что состояние его настолько ухудшилось, что он не может идти дальше. Филип забросил за спину свой мешок и повернул обратно, направляясь в Манхэттен.

Депрессия усиливалась. Вот он и в Нью-Йорке, но ему невесело. Было что-то такое, что он должен увидеть, какое-то место, которое обязательно

надо найти. Но что это за место и где оно находится? Филип сел на автобус, доехал до конечной остановки. Пересел на другой автобус, потом еще на один. Он смотрел на дома, на людей, не зная, где он едет и что ищет.

Выйдя у торгового центра, Филип побрел наугад. Неожиданно он увидел платный питьевой фонтанчик. Бросил пару монет и приготовился опустить третью, как вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Маленький негритенок смотрел на него большими умоляющими глазами.

– О черт, – сказал Филип, кидая ему монету.

Мальчик широко улыбнулся и убежал.

Филип поднял мешок. Подавленное состояние отозвалось невыносимой болью. Он постоял у фонтанчика еще немного, дрожь охватила все тело – и он сошел с пятна...

Дэвид зашатался под тяжестью вещевого мешка и сбросил его на землю. Мешок был слишком тяжел для восьмилетнего – почти девятилетнего – мальчика. Он потащил мешок за собой, глядя на витрины магазинов и спрашивая себя, где он находится и как сюда попал. Потом сел на скамейку, огляделся и стал смотреть на играющих детей. Ему хотелось поиграть с ними. Дэвид встал, снова потащил мешок за собой, но он был таким тяжелым, что Дэвид просто оставил его и пошел дальше.

Войдя в военный магазин, Дэвид увидел там сирены. Он взял большой пластиковый пузырь и нажал на выключатель – сирена завывала, внутри ее загорелась проблесковая красная лампочка. Испугавшись, Дэвид бросил пузырь и выбежал из магазина, повалив при этом велосипед продавца мороженого и поцарапав себе локоть. Он бежал все дальше и дальше.

Увидев, что никто за ним не гонится, Дэвид остановился и спокойно пошел дальше, не зная, как ему вернуться домой. Наверное, Дороти уже беспокоится о нем. Он проголодался, и особенно хотелось мороженого. Если бы встретить полицейского, можно было бы спросить, как добраться до дома. Артур всегда говорил, что если он заблудится, то должен попросить помощи у полицейского...

Аллен заморгал глазами.

Он купил мороженое на палочке и уже отходил от продавца, развертывая покупку, но тут увидел, что на него смотрит маленькая девочка с грязным личиком.

– Господи Иисусе! – воскликнул он, протягивая мороженое девочке. У него была слабость к детям, особенно к детям с большими голодными глазами.

Потом он вернулся к продавцу мороженого.

– Дайте мне еще одно.

- Мальчик, ты, наверное, голоден.
- Заткнитесь и дайте мне мороженое.

Поедая на ходу мороженое, он смотрел на большие здания города, думая, что находится в Чикаго. Потом сел на автобус и поехал из города. Он знал, что сегодня уже слишком поздно ехать в аэропорт О'Хара. Он должен будет провести эту ночь здесь, в Чикаго, а утром улететь в Коламбус.

Вдруг Аллен увидел на одном из зданий световое электронное табло: 5 мая, температура 68 °F. 5 мая?! Аллен вынул кошелек и проверил его содержимое. Около пятисот долларов – выходное пособие. Дата увольнения – 1 мая. Билет на самолет из Чикаго до Коламбуса тоже на 1 мая. Что за черт? Значит, он бродит по Чикаго уже четыре дня, даже не зная об этом. А где его вещевой мешок? И в желудке пусто. Он посмотрел на свою синюю форму. Форма была грязная, на локтях дыры, на левой руке царапины.

Ладно. Как бы то ни было, надо поесть, где-то переночевать и утром лететь обратно в Коламбус. Аллен с жадностью съел пару гамбургеров, нашел ночлежку и переночевал за девять долларов.

На следующее утро он взял такси и попросил шофера доставить его в аэропорт.

- Ла Гуардиа?

Аллен отрицательно покачал головой. Он не знал, что в Чикаго есть аэропорт Ла Гуардиа.

- Не-а, в другой, большой.

Весь путь до аэропорта он пытался понять, что случилось. Он закрыл глаза и постарался связаться с Артуром. Ничего. Рейджен? Нигде нет. Значит, опять началось.

В аэропорту он подошел к стойке «Юнайтед эрлайнс» и протянул свой билет.

- Когда я смогу вылететь отсюда? – спросил он.

Клерк посмотрела на билет, потом на него.

– Этот билет на рейс из Чикаго до Коламбуса. Вы не можете лететь отсюда в Огайо по этому билету.

- О чем это вы?

– О Чикаго, – объяснила она.

- Да? Ну и что?

Подошел старший клерк и проверил билет. Аллен не понимал, в чем проблема.

- Моряк, с вами все в порядке? – спросил клерк. – Вы не можете по

этому билету лететь из Нью-Йорка в Коламбус.

Аллен потер небритую щеку.

– Это Нью-Йорк?

– Именно, аэропорт Кеннеди.

– О господи!

Аллен глубоко вдохнул и быстро заговорил:

– Послушайте, здесь какая-то ошибка. Видите ли, я был уволен из армии. – Он вынул свои бумаги. – Сел не на тот самолет, понимаете? Я думал, что он летит в Коламбус. Наверное, кто-нибудь подмешал мне что-то в кофе, потому что я был без сознания, и когда очнулся, то оказался здесь, в Нью-Йорке. Я оставил в самолете все мои вещи. Вы должны что-то сделать. Это вина авиакомпании.

– Вам надо будет доплатить, чтобы поменять билет, – сказала женщина.

– Позвоните в штаб флота в Грейт-Лейке, – потребовал Аллен. – Это они должны были доставить меня в Коламбус. Заставьте их доплатить за билет. Я хочу сказать, что военнослужащий, отпущенный домой, имеет право на проезд, и не следует мешать ему. Возьмите трубку и позвоните!

Женщина за стойкой поглядела на него и сказала:

– Хорошо. Подождите здесь, а я посмотрю, что можно сделать для военнослужащего.

– Где мужской туалет? – спросил Аллен.

Женщина показала, и Аллен быстро прошел туда.

Увидев, что внутри никого нет, он схватил рулон туалетной бумаги и швырнул его через все помещение.

– Черт! Черт! Черт! – кричал он. – Пошли они все, я больше не могу этого выносить!

Успокоившись, Аллен вымыл лицо, зачесал назад волосы и надел свою белую пилотку под элегантным углом, чтобы предстать перед людьми у билетной стойки.

– Вам повезло, – сказала женщина. – Проблема решена. Я выпишу новый билет, полетите следующим рейсом. Вылет через два часа.

Во время полета в Коламбус Аллен досадовал, что пять дней пробыл в Нью-Йорке, ничего так и не увидев, кроме салона такси и международного аэропорта Кеннеди. Он понятия не имел, как очутился здесь, кто украл время и что случилось. Интересно, узнает ли он когда-нибудь? В автобусе до Ланкастера он устроился сзади, чтобы подремать, и пробормотал, надеясь, что Артур или Рейджен услышат: «Как пить дать, кто-то втиснулся».

В Коламбусе Аллен нашел работу – агентом по надомной продаже пылесосов и прессов для мусора. Говорливый Аллен работал прилежно около месяца. Он наблюдал, как его сослуживец Сэм Гаррисон назначает свидания официанткам, секретаршам, покупателям. Аллен восхищался его напористостью.

4 июля 1972 года они сидели, беседуя.

– Почему ты не назначишь свидание какой-нибудь из этих цыпочек?

– У меня нет времени, – сказал Аллен. Он смущенно поежился, как всегда чувствуя себя неудобно, когда разговор заходил о сексе. – Я этим не интересуюсь.

– А ты не голубой?

– Господи, конечно нет!

– Тебе семнадцать лет, и ты не интересуешься девушками?

– Послушай, – сказал Аллен, – моя голова занята другими проблемами.

– Ради бога, – сказал Гаррисон, – ты что, не был с женщиной?

– Я не хочу об этом говорить.

Не зная об опыте Филипа в психиатрической клинике, Аллен покраснел и отвернулся.

– Не хочешь ли ты сказать, что ты девственник?

Аллен промолчал.

– Ну, парень, – сказал Гаррисон, – пора принимать меры. О’кей, предоставь это дяде Сэму. Сегодня в семь часов я подхвачу тебя у твоего дома.

Вечером Аллен принял душ, принарядился и воспользовался одеколоном брата. Джим сейчас в ВВС, вряд ли он заметит.

Гаррисон подъехал вовремя и привез его в город. Они остановились перед «Хот спот» на Брод-стрит, и Гаррисон сказал:

– Подожди в машине. Я скоро вернусь. Прихвачу кое-кого.

Аллен был удивлен, когда через несколько минут Гаррисон возвратился в сопровождении двух молодых женщин, на лицах которых была написана скука.

– Привет, сладкий, – сказала блондинка, наклоняясь к окну машины. – Я – Трина, а это Долли. А ты красавчик.

Долли откинула назад свои длинные черные волосы и села на переднее сиденье рядом с Гаррисоном. Трина села сзади рядом с Алленом. Они поехали за город, болтая и хихикая всю дорогу. Трина все время держала

руку на колене Аллена и играла молнией на его брюках.

Доехав до пустынного места, Гаррисон съехал с дороги.

– Пошли, Билли, – сказал он. – У меня одеяла в багажнике, помоги их вынуть.

Направляясь к багажнику, Гаррисон протянул Аллену два тонких пакетика из фольги.

– Знаешь, что с ними делать, а?

– Да, но не буду же я надевать два одновременно!

Гаррисон слегка ущипнул его за руку:

– Ну, парень, с тобой не соскучишься. Один – для Трины, другой – для Долли. Я им сказал, что мы потом поменяемся. Так что каждый поймет обеих.

Аллен заглянул в багажник и увидел охотничье ружье. Он быстро поднял голову, но Сэм передал ему одеяло, другое взял себе и закрыл багажник. Потом он и Долли ушли за деревья.

– Пора начинать, – сказала Трина, расстегивая на нем ремень.

– Эй, не надо этого делать! – сказал Аллен.

– Ну, если тебе не интересно, дорогуша...

Некоторое время спустя Сэм позвал Трину, а Долли пришла к Аллену.

– Ну? – спросила Долли.

– Что «ну»?

– Ты сможешь еще раз?

– Послушай, – сказал Аллен, – как я уже сказал твоей подружке, тебе ничего не надо делать, но мы все равно будем друзьями.

– Что ж, сладкий, ты можешь делать что угодно, но я не хочу доводить Сэма до белого каления. Ты симпатичный, приятный мальчик. Он занимается с Триной и, я думаю, не заметит.

Покончив с обеими, Сэм пошел к багажнику, достал пару банок пива из холодильника и передал одну Аллену.

– Ну, – сказал он, – как тебе понравились девочки?

– Я ничего не делал, Сэм.

– Что ты хочешь сказать? Ты ничего не делал или они ничего не делали?

– Я сказал, что им не обязательно это делать. Когда я буду готов к этому, то женюсь.

– Вот черт!

– Не переживай, – сказал Аллен. – Все отлично.

– Отлично! Ничего подобного! – Он накинулся на девушек: – Говорил же вам, что парень девственник. Вы должны были его завести!

Долли подошла к Гаррисону, который стоял у багажника, и увидела ружье.

– У тебя будут неприятности, приятель.

– Ни черта не будет! Лезь в машину, – сказал Гаррисон, – отвезем вас обратно.

– Я не сяду в машину.

– Ну так проваливай!

Гаррисон с силой захлопнул багажник и прыгнул за руль.

– Садись, Билли. Пусть эти чертовы шлюхи идут пешком.

– Почему вы не садитесь в машину? – спросил их Аллен. – Не хотите же вы остаться здесь одни?

– Все нормально, мы доберемся, – сказала Трина. – Но вы, ребята, должны расплатиться.

Гаррисон включил двигатель, и Аллен сел в машину.

– Слушай, мы не можем оставить их здесь.

– Плюнь! Пара потаскух с большими буферами, было бы о чем думать!

– Они не виноваты. Это я не хотел.

– По крайней мере, это нам ничего не стоило.

Четыре дня спустя, 8 июля 1972 года, Сэм Гаррисон и Аллен пришли в полицейский участок в Секлвилле ответить на некоторые вопросы шерифа. Их сразу же арестовали за похищение, изнасилование и угрозу смертельным оружием.

Когда судья округа Пикэуэй выслушал факты на предварительном слушании, он снял обвинение в похищении и назначил залог в две тысячи долларов. Дороти собрала двести долларов, чтобы заплатить поручителю, и привезла сына домой.

Челмер требовал, чтобы Билли отправили обратно в тюрьму, но Дороти договорилась со своей сестрой, и его отправили к ней в Майами, штат Флорида. Он должен был пробыть там до слушания в Окружном суде по делам подростков, назначенного на октябрь. В отсутствие Билли и Джима девочки принялись обрабатывать Дороти. Кэти и Челла предъявили ей ультиматум: если она не начнет процедуру развода с Челмером, они обе уйдут из дома. Наконец Дороти согласилась, что Челмер должен уйти.

Во Флориде Аллен пошел в школу и учился хорошо. Он получил работу в магазине по продаже красок и произвел впечатление на владельца магазина своими организаторскими способностями. Сэмюэль (еще одна личность), набожный еврей, узнал, что отец Билли был евреем. Вместе с многочисленными евреями, живущими в Майами, он негодовал по поводу

убийства одиннадцати израильских спортсменов в Олимпийской деревне в Мюнхене. В пятницу Сэмюэль пошел в синагогу на вечернюю службу помолиться за их души и за душу отца Билли. Он просил Бога сделать так, чтобы суд оправдал Аллена.

Когда 20 октября Миллиган вернулся в округ Пикэуэй, его направили в Комиссию по делам молодежи штата Огайо для экспертизы. В тюрьме округа Пикэуэй он пробыл с ноября 1972 года до 16 февраля 1973 года – за два дня до этого ему исполнилось восемнадцать лет. Несмотря на то что в тюрьме он стал совершеннолетним, судья согласился с тем, что его надо судить как подростка. Адвокат его матери, Джордж Келлнер, заявил судье, что независимо от решения суда молодого человека нельзя отсылать домой, где обстановка явно нездоровая.

Судья признал подсудимого виновным и приказал отправить Уильяма Стэнли Миллигана на попечение Комиссии на неопределенный срок. 12 марта, в тот день, когда Аллена отправили в исправительный лагерь для трудных подростков в Зейнсвилле, штат Огайо, Дороти развелась с Челмером Миллиганом.

В тот же день Рейджен посмеялся над Сэмюэлем, заявив ему, что Бога нет.

Глава двенадцатая

1

Артур решил, что в Зейнсвилле на пятно должны вставать маленькие члены «семьи». В конце концов, это даст им возможность получить некоторый опыт, научиться тому, что должен знать каждый ребенок: туризм, плавание, езда верхом, разбивка лагеря, разные виды спорта.

Он одобрил старшину Хьюза, высокого чернокожего, ответственного за отдых и развлечения, с модной стрижкой «плоский верх» и бородкой клинышком. Он казался симпатичным молодым человеком, которому можно доверять. Во всяком случае, опасность здесь не грозила.

Рейджен согласился.

Но Томми был недоволен правилами. Он не хотел подстригать волосы, носить казенную одежду. Томми не нравилось быть здесь, в компании тридцати несовершеннолетних правонарушителей.

Чарли Джоунс, работник патронажа, объяснил новичкам структуру лагеря. Лагерь разделен на четыре зоны. Через каждый месяц они должны переходить в следующую зону. Зоны 1 и 2 – спальные, располагаются в левом крыле Т-образного здания. Зоны 3 и 4 располагаются в правом крыле.

Для начала Джоунс сообщил, что зона 1 – «преисподняя». Каждый норовит броситься на тебя, поэтому стричься надо очень коротко. В зоне 2 мальчики уже могут носить волосы длиннее. В зоне 3 разрешается носить свою одежду после выполнения дневной работы. В зоне 4 вместо общей спальни можно жить в отдельной небольшой комнатке. В зоне 4 мальчикам не требуется выполнять весь распорядок дня. Большинство из них своим хорошим поведением заслужили некоторые привилегии, и они даже не обязаны ходить на танцы в Скиото-Виллидж, в лагерь для девочек.

Последнее замечание рассмешило новичков.

Мистер Джоунс объяснил, что по принятой системе оценок они будут переходить из зоны 1 в зону 4. Для каждого этот месяц начнется с оценки 120, но чтобы перейти в следующую зону, надо набрать 130 очков. Мальчик может заработать очки, выполнив специальную работу, а также благодаря хорошему поведению, но он может и потерять их из-за неповиновения или асоциального поведения. Очки может снять персонал лагеря или один из членов зоны 4.

Если кто-то из этих людей скажет нарушителю «Эй!», это означает, что с него снимается очко. Если скажут «Эй, остынь-ка», это означает снятие двух очков. Слова «Эй, остынь-ка, постель» означают, что с нарушителя снимается два очка и он должен пролежать два часа в постели. Если он покинет постель и кто-то скажет ему: «Эй, остынь-ка, постель! Эй, остынь-ка», снимаются три очка. Но если сказано: «Эй, остынь-ка, постель! Эй, остынь-ка, округ», это значит, во-первых, потерю четырех очков, а во-вторых, что нарушителя отправят остыть в тюрьму округа.

Томми тошнило от этой чуши.

Чарли Джоунс предупредил, что вокруг много работы. Он ожидал от мальчиков, что они будут с пользой проводить свое время и хорошо себя вести.

– Каждый из вас думает, что он слишком хорош или слишком умен для этого места. Должен предупредить, что в штате Огайо есть еще одно место отдыха для таких, как вы, – Центральное воспитательное учреждение Огайо. Слыхали, наверное? Если сбежите отсюда, стопроцентно попадете туда. Вот тогда захотите вернуться, да уж поздно будет. Всем понятно? А теперь получите на складе постельные принадлежности и идите в столовую на обед.

В тот же вечер Томми сидел на своей койке, думая, кто же его впутал в это дело и почему он оказался здесь. Его абсолютно не интересовали очки, правила, зоны. Ему было на это наплевать. Как только появится шанс, он рванет отсюда. Томми не был на пятне, когда Билли попал сюда, поэтому не знал, как уйти, но заметил, что лагерь не огорожен ни проволокой, ни стеной. Вокруг только лес. Будет легко выйти отсюда.

Проходя мимо столовой, Томми почувствовал запах неплохой пищи. Черт, если уж прыгать из огня да в полымя, стоит узнать, что жарится на сковородке.

Одним из новичков в зоне 1 был мальчик в очках, которому не могло быть больше четырнадцати или пятнадцати лет. Томми заметил его на линейке и подумал, что такого может ветром перевернуть. Он с трудом нес тяжелый матрас и постельное белье, когда высокий парень с длинными волосами и мускулами тяжеловеса подставил ему подножку. Мальчик быстро вскочил на ноги и ударил парня головой прямо в живот, свалив его с ног.

Силач с удивлением посмотрел на мальчика, который стоял над ним, сжав маленькие кулачки.

– Хорошо же, малявка, – сказал силач. – Эй!

– Засунь это себе в задницу, – ответил мальчик.

– Эй, остынь-ка! – рявкнул силач, поднимаясь с пола и отряхиваясь.

Глаза паренька наполнились слезами:

– Давай дерись, ты, ублюдок...

– Эй, остынь-ка, постель!

Другой мальчик, худенький, но выше ростом и на два или три года старше, оттащил очкарика в сторону.

– Брось, Тони, – сказал он. – Ты уже потерял два очка, а теперь будешь два часа лежать в кровати.

Тони успокоился и поднял матрас.

– К черту, Горди, я все равно не хочу есть.

В столовой Томми ел молча. Еда была сносной, но вот порядки его беспокоили. Если они позволяют большим парням изводить тебя и еще снимают за это очки, надо быть настороже.

Вернувшись в спальню, Томми заметил, что койка худенького мальчика по имени Горди находится рядом с его койкой и что часть своего обеда тот принес Тони. Они сидели и разговаривали. Томми сел на койку и стал наблюдать за ними – он знал, что одно из правил запрещало есть в спальне. Уголкем глаза он увидел, что силач входит в дверь.

– Осторожно! – прошептал он. – Идет тот длинный ублюдок.

Тони быстро сунул тарелку под кровать и лег. Удостоверившись, что все в порядке и мальчик лежит, силач ушел.

– Спасибо, – сказал мальчик. – Я – Тони Вито. А как твое имя?

Томми посмотрел ему в глаза:

– Все зовут меня Билли Миллиган.

– А это – Горди Кейн, – сказал Тони, указывая на худенького мальчика. – Он здесь за то, что продавал наркотики. А тебя за что?

– За изнасилование, – сказал Томми, – но я этого не делал.

По их ухмылкам Томми понял, что они не поверили ему.

– Кто этот, здоровый? – спросил он.

– Джордан. Из четвертой зоны.

– Он свое получит, – пообещал Томми.

Большую часть времени на пятне стоял Томми, включая и свидания с матерью. Ему нравилась мать Билли, и он жалел ее. Поэтому, когда Дороти сказала ему, что развелась с Челмером, Томми обрадовался:

– Он мне тоже делал больно.

– Я знаю. У него всегда был зуб на тебя, Билли. Но что я могла сделать? Нам нужна была крыша над головой. Трое своих детей, да и Челла мне как родная дочь. Но теперь Челмер ушел. Будь хорошим мальчиком –

выполняй все, что велят, скорей вернешься домой.

Томми смотрел, как она уходила, и решил, что она самая красивая мать на свете. Он хотел, чтобы она была его матерью. Интересно, кто была его собственная мать и как она выглядела?

2

Старшина Хьюз заметил, что Миллиган почти все время ничего не делает. Он или читал, или смотрел прямо перед собой, как в трансе. Однажды Хьюз подошел к нему и сказал:

– Ты находишься в лагере и должен как можно с большей пользой провести время. Гляди веселей, найди себе дело. Чем бы ты хотел заняться?

– Я люблю рисовать, – сказал Аллен.

На следующей неделе Хьюз на свои деньги купил Миллигану краски, кисти и холсты.

– Вы хотите, чтобы я нарисовал вам картину? – спросил Аллен, растягивая холст на столе. – Что мне нарисовать?

– Нарисуй старый скотный двор, – сказал Хьюз. – Окна разбиты. Со старого дерева свисает покрывка. Старая сельская дорога. Пусть она выглядит как после дождя.

Аллен работал весь день и всю ночь и закончил картину. Утром он отдал ее Хьюзу.

– Парень, это же великолепно, – сказал Хьюз. – Ты можешь заработать кучу денег.

– Не помешало бы, – ответил Аллен. – А рисовать я люблю.

Хьюз понял, что он должен постараться вывести Миллигана из транса. Однажды субботним утром он взял юношу с собой в парк Блу-Рок. Хьюз наблюдал, как Миллиган рисует. Подходили и другие люди, смотрели. Хьюз продал им несколько рисунков. На следующий день Хьюз опять взял Миллигана с собой. И к вечеру воскресенья они продали рисунков на четыреста долларов.

В понедельник утром директор вызвал Хьюза в кабинет и сообщил ему, что поскольку Миллиган находится под опекой государства, он не имеет права продавать свои рисунки. Нужно найти этих людей, вернуть им деньги и забрать рисунки.

Хьюз ничего не знал о таких особых правилах, но согласился вернуть деньги. Выходя из кабинета, он спросил:

– А как вы узнали о продаже?

– Люди звонят сюда, – сказал директор. – Они хотят еще рисунков Миллигана.

Апрель прошел быстро. Когда на улице потеплело, Кристин стала играть в саду. Дэвид гонялся за бабочками. Рейджен занимался в спортзале. Денни, который боялся выходить на улицу с тех пор, как отчим закопал его живьем, оставался в здании и рисовал натюрморты. Тринадцатилетний Кристофер учился верховой езде. Артур проводил много времени в библиотеке, знакомясь с законодательными актами в новом издании уголовного кодекса штата Огайо, сказав, что он сядет на лошадь только в том случае, если будут играть в поло. Все они с радостью перешли в зону 2.

Миллиган и Горди Кейн должны были работать в прачечной, где Томми с удовольствием ремонтировал старую стиральную машину и газовую сушилку. Он очень хотел перейти в зону 3, где по вечерам ему будут разрешать носить свою одежду.

Однажды здоровенный Фрэнк Джордан вошел в прачечную с кучей белья.

– Я хочу, чтобы это выстирали немедленно. У меня завтра вечеринка.

– Звучит славно, – ответил Томми, продолжая заниматься своим делом.

– Я сказал, выстирай это сейчас же, – рявкнул Джордан.

Томми его проигнорировал.

– Ты, идиот, я из зоны четыре. Лишу тебя очков – не попадешь в зону три.

– Слушай, – сказал Томми, – мне наплевать, даже если ты будешь в сумеречной зоне. Я не стану стирать твои поганые трусы.

– Эй!

Томми посмотрел на него с ненавистью. Какое право имеет обычный вор лишать его очков?

– Заткнись, – сказал он.

– Эй, остынь-ка!

Томми стиснул кулаки, но Джордан уже отправился сообщать дежурному, что он снял с Миллигана два очка.

Вернувшись в спальню, Томми узнал, что Джордан снял с Кейна и Вито тоже по два очка. Просто потому, что эти трое были друзьями.

– Надо что-то делать, – сказал Кейн.

– Сделаем, – откликнулся Томми.

– А что? – спросил Вито.

– Что-нибудь, – сказал Томми. – Придумаю, будь спокоен.

Томми лег и стал думать. И чем больше он думал, тем более сердитым

становился. Наконец он встал, вышел из помещения, нашел подходящий камень и направился в зону 4.

Артур объяснил Аллену ситуацию и велел ему перехватить Томми, прежде чем тот вляпается в неприятность.

– Не делай этого, Томми, – сказал Аллен.

– Какого черта «не делай»! А всякие ублюдки будут очки снимать?!

– Ты еще не все продумал.

– Да пошел он! Думать еще про всяких уродов!

– Эй, Томми, остынь.

– Не говори мне этих поганых слов! – закричал Томми.

– Извини. Но ты не с той стороны заходишь. Лучше я этим займусь.

– Черт! – сказал Томми, бросая камень. – Да ты со своей задницей не справишься.

– Выразаться ты мастер, что и говорить, – сказал Аллен. – А ну, катись отсюда!

Томми сошел с пятна. Аллен вернулся в зону 2 и сел рядом с Кейном и Вито.

– Слушайте, вот как мы поступим...

– Я знаю, что мы сделаем, – сказал Кейн. – Подорвем всю эту проклятую контору!

– Нет, – сказал Аллен. – Мы соберем факты, цифры и утром пойдем к мистеру Джоунсу и скажем ему, как несправедливо, что такие же ребята, как мы, – обычные преступники, не лучше нас – имеют право нас наказывать.

Кейн и Вито смотрели на Аллена, раскрыв рты. Они никогда раньше не слышали, чтобы он так гладко говорил.

– Тащите бумагу и карандаш, – сказал Аллен, – и давайте обдумаем все как следует.

На следующее утро все трое, во главе с Алленом в качестве спикера, пошли к Чарли Джоунсу, работнику патронажа.

– Мистер Джоунс, – сказал Аллен, – вы говорили нам, что, придя сюда, мы можем свободно высказывать свое мнение, не попав при этом в беду.

– Да, ребята, так оно и есть.

– Тогда у нас жалоба относительно системы снятия очков. Посмотрите на таблицу, и вы увидите, насколько это несправедливо.

Аллен подсчитал и отметил, сколько раз Фрэнк Джордан снимал с них по два очка. В каждом случае была подписана причина снятия очков: из-за личного недовольства, из-за отказа выполнять его ежедневные обязанности или выполнять его поручения.

– Билли, мы давно пользуемся этой системой, – сказал Джоунс.

– Это не значит, что она правильная. Такое место, как это, предназначено для того, чтобы сделать нас полезными членами общества. Как же можно этого добиться, если система показывает нам, что общество несправедливо? Разве правильно отдавать таких ребят, как Вито, на милость этого громилы Фрэнка Джордана?

Джоунс дернул себя за ухо, обдумывая услышанное. Аллен все повторял о несправедливости системы, а Кейн и Вито молчали, пораженные красноречием своего спикера.

– Вот что, ребята, – прервал его Джоунс. – Дайте мне подумать над этим. Приходите в понедельник, и я скажу вам свое решение.

Вечером в воскресенье Кейн и Вито играли в карты на койке Кейна. Томми валялся на койке, пытаясь со слов Кейна и Вито представить себе, что произошло в кабинете мистера Джоунса.

Кейн поднял голову и сказал:

– Посмотри, кто к нам идет.

Фрэнк Джордан подошел к Вито и кинул свои грязные ботинки прямо на карты:

– Мне нужно, чтобы к вечеру они блестели.

– Ну так почисти их сам, – сказал Вито. – Я не собираюсь полировать твои чертовы ботинки.

Фрэнк ударил Вито в висок, тот упал с койки и заплакал. Фрэнк направился к выходу, а Томми бросился за ним. На полпути он постучал Фрэнка по плечу. Когда Фрэнк обернулся, Томми наотмашь ударил его кулаком в лицо, попав в нос. Фрэнк отлетел к стене.

– Я тебя в тюрьгу засажу, сволочь! – зарычал Фрэнк.

Подскочивший Кейн ударом ноги под коленку подсек Фрэнка, и тот брякнулся между койками. Томми и Кейн навалились на него, вкладывая в беспорядочные удары всю свою ненависть.

Рейджен наблюдал, как Томми дерется, и следил, чтобы он не был в опасности. В случае реальной угрозы Рейджен мгновенно прекратил бы драку, одним-двумя хладнокровными ударами вырубив и искалечив громилу. Но пока в этом не было необходимости.

На следующее утро Аллен решил, что лучше рассказать мистеру Джоунсу о происшедшем, прежде чем Фрэнк Джордан даст свою версию инцидента.

– Посмотрите, у Вито голова распухла в том месте, где его ударили ни за что ни про что, – начал он. – Система дает Фрэнку власть над малышами вроде Вито. Как мы уже говорили, неправильно и потенциально опасно

давать такую власть преступникам.

В среду мистер Джоунс объявил, что отныне снимать очки имеет право только персонал лагеря. Очки, которые Фрэнк Джордан несправедливо снимал с других, будут восстановлены за счет его собственных очков. Джордан был переведен в зону 1. А у Вито, Кейна и Миллигана накопилось достаточно очков, чтобы перейти в зону 3.

3

Одной из привилегий зоны 4 была возможность поехать домой в качестве испытания. Томми не мог дожидаться отпуска. Когда пришло время, он упаковал свой мешок и стал ждать, когда за ним приедет Дороти. Но чем больше он думал об отъезде, тем больше им овладевало смущение. Томми нравилось это место, но в то же время он хотел вновь оказаться на Спринг-стрит, зная, что Челмера больше никогда там не будет. Будут только он, Челла и Кэти. Хорошо побыть дома для разнообразия.

Приехала Дороти, и они без лишних разговоров отправились в Ланкастер. Томми удивился, когда буквально через несколько минут после их приезда к ним в гости пришел мужчина, которого он раньше никогда не видал, – крупный, с мясистым лицом и мощной грудью. Мужчина непрерывно курил. Дороти представила гостя:

– Билли, это Дел Мур. Он хозяин кегельбана и бара, где я раньше пела в Секлвилле. Дел останется на обед.

По взглядам, которыми обменивались мать и Дел, Томми определил, что между ними что-то есть. Черт! Не прошло и двух месяцев, как Челмер покинул дом, – и вот на тебе, уже другой увивается. В тот же вечер за обедом Томми объявил:

– Я не вернусь в Зейнсвилль.

– О чем ты говоришь? – спросила Дороти.

– Я больше не вынесу этого места.

– Послушай, Билли, так нельзя, – сказал Дел Мур. – Твоя мама сказала мне, что тебе остается там пробыть только месяц.

– Это мое дело.

– Билли! – воскликнула Дороти.

– Видишь ли, теперь я друг семьи, – сказал Дел. – Нельзя доставлять матери столько беспокойства. Ведь тебе осталось совсем мало пробыть в лагере. Выброси эту чушь из головы, иначе будешь иметь дело со мной.

Томми устался в тарелку и молча съел обед. Позднее он спросил

Кэти:

– Что это за парень?

– Мамин новый друг.

– Господи, он ведет себя так, словно имеет право мне диктовать, что я должен делать. Он что, все время здесь околачивается?

– Вообще-то у него комната в городе, – сказала Кэти, – думаю, никто не может сказать, что они живут вместе. Но у меня есть глаза.

Когда Томми вновь отпустили домой, он встретился с сыном Дела Мура, Стюартом. Тот сразу ему понравился. Почти одного возраста с Билли, Стюарт был футболистом и многоборцем. Но больше всего Томми нравилось, как Стюарт управлялся со своим мотоциклом. Он мог выполнять на нем такие трюки, которых Томми никогда раньше не видел. Аллену Стюарт тоже понравился, Рейджен заужал его за атлетические способности, сноровку и смелость. Это был веселый уик-энд, и они с нетерпением ждали новой встречи со своим новым другом, который принял их всех, не задавая никаких вопросов. Стюарт никого из них не называл ни рассеянным, ни лжецом. Томми подумал, что будет неплохо, если когда-нибудь он станет таким, как Стюарт.

Томми сказал Стюарту, что, выйдя из лагеря, он не сможет больше жить дома – ему не нравилось видеть там Дела. Стюарт ответил, что, когда придет время, он разделит с Томми свою квартиру.

– Правда? – спросил Томми.

– Я говорил Делу, – сказал Стюарт, – и он согласен. Он считает, что мы будем присматривать друг за другом.

Но за несколько недель до своего освобождения из Зейнсвилля Томми узнал, что Дороти не приедет к нему на очередное свидание. 5 августа 1973 года Стюарт Мур ехал на мотоцикле в Секлвилле. Свернув за угол, он на полной скорости врезался в лодку, прицепленную к трейлеру. При столкновении мотоцикл и лодка взорвались, Стюарт погиб мгновенно. Услышав об этом, Томми впал в шок. Стюарт, его храбрый, улыбчивый друг, собиравшийся покорить мир, сгорел в пламени. Томми не мог этого вынести. Он не хотел больше здесь оставаться. И тогда вышел Дэвид, чтобы почувствовать агонию Стюарта и поплакать слезами Томми...

Глава тринадцатая

1

Спустя месяц после смерти Стюарта Билли Миллиган был выпущен из Зейнсвилля. Прошло несколько дней после его возвращения. Аллен читал в своей комнате, когда вошел Дел Мур и спросил, не хочет ли Билли порыбачить. Аллен понимал, что Дел пытается «набрать очки»: Кэти сказала, что они с Дороти собираются пожениться.

– Конечно, – сказал Аллен. – Люблю рыбачить.

Дел все устроил, взял выходной на следующий день и приехал за Билли. Томми скорчил гримасу:

– Рыбалка? Черт, не хочу я на рыбалку.

Когда Томми вышел из комнаты и Дороти стала упрекать его в непоследовательности – сначала пообещал пойти с Делом на рыбалку, потом передумал, – Томми с изумлением посмотрел на них обоих:

– Господи! Да он никогда не просил меня пойти с ним на рыбалку!

Дел вылетел из дома, крича, что Билл самый наглый лжец на свете.

– Я больше не могу, – сказал Аллен Артуру, оставшись один в комнате. – Мы должны уйти отсюда. Я чувствую себя незванным гостем, когда Дел все время торчит здесь.

– Я тоже, – сказал Томми. – Дороти была мне как мать, но если она выйдет замуж за Дела, я здесь не останусь.

– Хорошо, – сказал Артур. – Давайте найдем работу и будем откладывать деньги на собственное жилье.

Все остальные с готовностью приняли его предложение.

11 сентября 1973 года Аллен нашел работу на заводе гальванопокрытий в Ланкастере. Зарплата была небольшая, работа грязная – не такую Артур имел в виду.

Это Томми выполнял нудные обязанности оператора, приводя в движение клетку, свисающую с движущейся над чаном конвейерной цепи, и опуская ее в кислоту для гальванопокрытия. Он переходил от одного чана к другому – чаны были выстроены в ряд, как дорожка кегельбана. Опустить, подождать, поднять, передвинуть, опустить, подождать...

Презрительно посмеиваясь над такой черной работой, Артур обратил свое внимание на другие вещи. Он должен подготовить своих людей к

самостоятельной жизни.

Во время пребывания в Зейнсвилле он изучал поведение тех, кому позволялось вставать на пятно, и понял, что ключом к выживанию в обществе является самоконтроль. Без правил будет хаос, опасный и для себя и других. Ему вдруг подумалось, что правила в лагере для подростков были полезны. Постоянная угроза оказаться снова в зоне 1 или 2 держала в узде всех этих неуправляемых парней. Вот что им понадобится, когда они станут жить самостоятельно.

Артур объяснил Рейджену разработанные им правила поведения.

– Похоже, кто-то из нас связался с дурными женщинами, – сказал Артур, – раз нас обвинили в изнасиловании тех двух, в округе Пикэуэй. Мы ничего не сделали, а нас посадили в тюрьму. Такого не должно повториться.

– И как ты помешаешь этому?

Артур мерил шагами комнату.

– Я могу запретить кому-нибудь вставать на пятно. Ты можешь немедленно убрать кого-нибудь с пятна в случае угрозы. Ты и я, мы вдвоем должны контролировать сознание. Это первое. Второе: определенным нежелательным личностям следует запретить вставать на пятно. Третье: все остальные будут строго выполнять правила поведения. Если кто хоть раз нарушит правила, он немедленно переходит в группу «нежелательных». Согласен?

Рейджен был согласен, и Артур познакомил с правилами всех остальных:

1. *Никогда не лгать.* На протяжении всей жизни их обвиняли в том, что они – патологические лжецы. Это было несправедливо, просто один не знал того, что делал другой. Сознательная ложь в такой ситуации становилась полной катастрофой.

2. *Хорошо себя вести по отношению к женщинам и детям.* Это означает: не ругаться, соблюдать надлежащий этикет – например, входя в помещение, пропускать вперед женщин и детей. Дети должны сидеть за столом прямо, не горбиться, на коленях должны лежать салфетки. Женщин и детей следует всегда защищать. Если кто-нибудь из них увидит, что мужчина обижает женщину или ребенка, он или она должны немедленно освободить пятно, чтобы Рейджен мог справиться с ситуацией. (Если кому-нибудь из «семьи» будет грозить опасность, освободить пятно не потребуется – Рейджен сам займет место).

3. *Соблюдать целибат.* Мужчины никогда не должны попадать в

положение, когда их можно будет обвинить в изнасиловании.

4. *Все свое время посвятить самосовершенствованию.* Никто не должен тратить время на чтение комиксов или на телевизор. Каждый должен учиться в той области, которая ему или ей интересна.

5. *Уважать личную собственность каждого члена семьи.* Это правило должно особенно строго соблюдаться в отношении продажи рисунков. Любой может продать рисунок неподписанный или с подписью «Билли» или «Миллиган». Но рисунки, выполненные и подписанные Томми, Денни или Алленом, считаются их личной собственностью, и никому не позволено продавать что-либо, не принадлежащее ему или ей.

Любой нарушивший эти правила навсегда лишается права занять пятно и будет отправлен в тень вместе с другими «нежелательными».

Рейджен подумал и спросил:

– Кто они, как ты их называешь, «нежелательные»?

– Филип и Кевин – оба определенно асоциальные, криминальные типы. Им нельзя вставать на пятно.

– А Томми? Он часто ведет себя как придурок.

– Да, – согласился Артур, – но нам необходима воинственность Томми. Некоторые из младших настолько послушны, что, если какой-нибудь незнакомец прикажет им, они сами себя покалечат. Пока Томми не нарушает правила и не использует в криминальных целях свои таланты убежать и открывать замки, он может занимать пятно. Но время от времени я буду встряхивать его, чтобы он не забывал о контроле.

– А как насчет меня? – спросил Рейджен. – Я тоже криминальный тип, жестокий и асоциальный.

– Нельзя нарушать закон, Рейджен, – возразил Артур. – Никаких преступлений, даже так называемых «преступлений без жертв».

– Пойми, Артур, – продолжал Рейджен, – я всегда могу попасть в ситуацию, когда нарушить закон необходимо для выживания. Необходимость не знает законов.

Артур сложил вместе кончики пальцев и задумался. Потом кивнул:

– Хорошо, ты будешь исключением из правил. Благодаря твоей большой силе ты один имеешь право нападать, но только в целях самообороны или защищая женщин и детей. Как защитник семьи, ты можешь совершать «преступления без жертв» или преступления, необходимые для выживания.

– Тогда я принимаю правила, – мягко сказал Рейджен. – Но система не всегда работает. В период «спутанного времени» люди крадут время друг у

друга. И мы даже не знаем – ни ты, ни я, ни Аллен, – что вообще происходит.

– Ты прав, – согласился Артур, – но мы должны наилучшим образом использовать то, что имеем. Одна из целей и состоит в том, чтобы обеспечить стабильность семьи и прекратить произвольное переключение.

– Трудное это дело. Ты должен сообщить об этом другим. Я до сих пор не знаю всю, как ты говоришь, семью. Они приходят, уходят, а я даже не уверен – чужой это или один из нас.

– Это естественно, Рейджен. Точно так же было в клинике и даже в лагере в Зейнсвилле. Знаешь имена людей, которые живут вокруг тебя, и знаешь о существовании других. Но часто люди не общаются друг с другом, хотя живут рядом. Я свяжусь с каждым из нас и сообщу им, что они должны знать.

Рейджен задумался:

– Я силен, но и ты сумел развить свои способности и стать сильным.

Артур согласно кивнул:

– Вот поэтому я и побеждаю тебя в шахматах.

О правилах Артур сообщил каждому по очереди. Помимо общего кодекса поведения каждый занимающий пятно имел свои особые обязанности. Кристин так и осталась трехлетней девочкой и постоянно ставила всех в затруднительное положение. Но Рейджен настоял, что, раз она появилась первой и осталась «ребенком» семьи, Кристин никогда не будет считаться «нежелательной». Иногда она может стать полезной, когда необходимо, чтобы на пятне стоял кто-то, кто не может общаться и не знает, что происходит. Но и Кристин должна работать над собой. С помощью Артура она должна научиться читать, писать и правильно говорить.

Томми продолжит изучать электронику и механику. Умение открывать замки и сейфы должно использоваться лишь с одной целью – убежать от опасности. Нельзя помогать в воровстве другим, нельзя и самому быть вором. В свободное время – практика в игре на саксофоне и занятия живописью. Свою воинственность Томми будет контролировать, используя ее по мере необходимости при общении с другими людьми.

Рейджен должен заниматься карате и дзюдо, бегать и поддерживать отличную физическую форму. Следуя советам Артура, Рейджен научится управлять потоком адреналина, чтобы концентрировать энергию в момент опасности. Часть следующей зарплаты пойдет на покупку пистолета, чтобы он учился стрелять.

Аллен должен совершенствовать свое красноречие и заниматься

портретной живописью, снимая излишнее напряжение игрой на барабанах. Он должен будет занимать пятно, когда возникнет необходимость повлиять на кого-то или, например, при знакомстве с людьми.

Адалана пусть пишет стихи и развивает кулинарные способности. Это пригодится, когда они будут жить в своей квартире.

Денни сосредоточится на писании натюрмортов и овладеет аэрографом. Поскольку он подросток, он будет заботиться о младших.

Артур будет заниматься наукой, особенно медициной. Он уже отправил заявление на заочные курсы по клинической гематологии. Свою четкую логику и способность к аргументации он использует в работе с законами.

*«Стерва (портрет Эйприл)».
Портрет работы Аллена*

Остальным было приказано использовать каждую минуту на то, чтобы расширять свои знания и самосовершенствоваться. Артур предупредил, что

никто не должен терять времени, ум каждого должен постоянно работать. Каждый член семьи обязан стремиться к своей цели и в то же время быть образованным и культурным человеком. Они должны думать об этом, пока не занимают пятна в данный момент, и интенсивно практиковаться, пока владеют сознанием.

Маленьким категорически запрещалось водить машину. Если кто-нибудь из них окажется на сиденье шофера, он немедленно должен пересесть на место пассажира и ждать, когда кто-то постарше придет и поведет машину.

Все согласились с тем, что Артур очень тщательно все продумал.

Сэмюэль читал Ветхий Завет, ел кошерную пищу, любил делать скульптуры из песчаника и заниматься резьбой по дереву. 27 сентября, в Рош Хашанах, еврейский Новый год, он встал на пятно и прочел молитву в память отца Билли, который был евреем.

Сэмюэль знал строгое правило Артура относительно продажи рисунков, но однажды, когда ему были нужны деньги, а около него не оказалось никого из семьи, кто бы дал ему совет или объяснил, что происходит, он продал портрет обнаженной женщины, подписанный Алленом. Голые фигуры оскорбляли его религиозные чувства, и он не хотел, чтобы картина попадалась ему на глаза. Он сказал покупателю:

– Я не художник, но я знаком с художником.

Потом он продал картину Томми «Амбар» – в ней чувствовался страх, окружающий строение.

Узнав, что сделал Сэмюэль, Артур пришел в ярость. Сэмюэль должен был понимать, что он продает работы, которые были дороги их авторам, работы очень личные, не предназначенные для посторонних глаз. Артур приказал Томми найти самую любимую вещь Сэмюэля – задрапированную фигуру Венеры в окружении купидонов, выполненную из гипса.

– Разбей ее, – сказал Артур.

Томми вынес фигуру из дома и разбил ее молотком.

– За ужасное преступление – продажу предметов искусства, принадлежащих другим людям, отныне Сэмюэль – «нежелательный». Ему запрещается вставать на пятно.

Сэмюэль был не согласен с решением Артура. Он обратил его внимание на тот факт, что его нельзя изгонять, поскольку он единственный из всех был религиозен.

– Бог придуман теми, кто боится неизвестного, – сказал Артур. – Люди поклоняются изображениям, например Иисусу Христу, потому что

страшатся смерти и не знают, что будет после нее.

– Вот именно, – заметил Сэмюэль. – Но послушай, совсем неплохо немного подстраховаться. Если после смерти мы обнаружим, что Бог все-таки есть, что дурного в том, что хотя бы один из нас верил в Него? Таким образом душа одного из нас попадет на небо.

– Если она есть, эта душа, – сказал Артур.

– Ну так к чему спешить? Ведь ничего не стоит дать мне еще один шанс.

– Я установил правило, – жестко ответил Артур, – и не буду его менять. Шестого октября твой праздник – Йом Кипур. Ты можешь встать на пятно, чтобы отметить День Искупления, но потом – никогда.

Позднее Артур признался Томми, что принял решение в гневе – и совершил ошибку. Поскольку он не знал точно, есть ли Бог, нельзя было действовать поспешно, лишая возможности занимать пятно единственного, кто верил в Него.

– Ты ведь можешь все переиграть, – сказал Томми. – Пусть Сэмюэль иногда встает на пятно.

– Этого не будет, пока я распоряжаюсь сознанием, – сказал Артур. – Да, я допустил ошибку, позволив эмоциям влиять на мое решение. Но это ничего не меняет.

Мысли о рае и аде смущали Томми. Эти мысли не выходили у него из головы. Ему было интересно, сможет ли он убежать, если их отправят в ад.

2

Несколько дней спустя Аллен встретился в центре города с бывшим соучеником. Он смутно помнил, что Барри Харт был другом кого-то, кого он знал. Теперь, с отросшими волосами, тот выглядел как хиппи. Барри Харт пригласил его к себе выпить пива и поболтать.

Это была большая, запущенная квартира. Пока Аллен сидел на кухне, болтая с Хартом, люди приходили и уходили, и у Аллена сложилось впечатление, что здесь торгуют наркотиками. Когда Аллен поднялся, чтобы уйти, Харт сказал, что в субботу вечером у него намечается вечеринка, придет много друзей, и он приглашает Аллена.

Аллен принял приглашение. Что может быть лучше, если он намерен следовать указаниям Артура больше общаться с людьми?

Но когда Аллен пришел в субботу, ему не понравилось то, что он увидел. Это был настоящий притон наркоманов. Кругом пили, курили

травку, глотали «колеса». Сами делают себя идиотами, подумал Аллен. Ладно, он останется ненадолго, просто выпить пива. Но уже через несколько минут ему стало не по себе, и он сошел с пятна.

Артур огляделся, почувствовав омерзение при виде всего окружающего, но решил остаться и посмотреть на этих обитателей дна. Интересно наблюдать, как действуют разные виды наркотиков: люди становятся агрессивными от алкоголя, глупо хихикают от марихуаны, впадают в транс от амфетаминов, путешествуют где-то после приема ЛСД. Артур решил, что это настоящая лаборатория для изучения наркомании.

Он заметил пару, сидящую отдельно, как и он. Девушка, высокая, стройная, с длинными темными волосами, полными губами и дымчатыми глазами, смотрела на него, не отводя взгляда. Артуру показалось, что она вот-вот заговорит с ним. Сама эта идея была ему неприятна.

Парень, с которым она была, заговорил первым.

– Ты часто бываешь на вечеринках Харта? – спросил молодой человек.

Артур уступил пятно Аллену, тот огляделся, изумленный:

– Чего?

– Моя подружка говорит, что видела тебя раньше на вечеринке, – сказал молодой человек. – У меня такое ощущение, что я тоже тебя уже видел. Как тебя зовут?

– Билли Миллиган.

– Брат Челлы? Здорово! Я – Уолт Стэнли. Я знаком с твоей сестрой.

Подошла молодая женщина, и Стэнли сказал:

– Марлен, это Билли Миллиган.

Стэнли отошел, а Марлен проговорила с Алленом почти час, обмениваясь впечатлениями о присутствующих в комнате. Аллен нашел ее забавной и сердечной. Даже больше того – ее темные кошачьи глаза притягивали его. Но он знал, что из-за правил Артура ничего тут не выйдет.

– Эй, Марлен! – позвал Стэнли с другого конца комнаты. – Хочешь уйти?

Она не обратила на него внимания.

– Твой друг зовет тебя, – сказал Аллен.

– Нет, – она улыбнулась, – он не мой друг.

Аллен нервничал. Какого черта – только покинул Зейнсвилль, куда угодил по статье за изнасилование, которого к тому же не совершал, а тут прицепилась эта Марлен.

– Извини, Марлен, – сказал он. – Мне пора.

Она, казалось, удивилась:

– Может быть, мы еще встретимся?

Но Аллен поспешил уйти.

В следующее воскресенье Аллен решил, что чудесный осенний день очень подходит для партии в гольф. Он забросил в машину клюшки, поехал в окружной клуб и арендовал мототележку. Послал несколько мячей, но игра не шла. Сделав очередной промах, он разъярился и сошел с пятна.

Мартин открыл глаза, с удивлением увидел в своей руке клин, которым он собирался вынуть мяч из бункера. Он выбил мяч и забил его в лунку. Он не знал, сколько до этого было сделано промахов, и решил, что он отличный игрок.

Мартин был недоволен, когда увидел, сколько народу скопилось у метки для меча. Он громко выразил недовольство тем, что медленная игра плохих игроков портит игру более искусных игроков, к которым он относил себя.

– Я из Нью-Йорка, – заявил Мартин мужчине среднего возраста, стоявшему в очереди перед ним, – и я привык к частным клубам, гораздо более привилегированным, и особенно это относится к людям, которые допускаются туда.

Когда мужчина занервничал, Мартин шагнул вперед.

– Вы не возражаете, если я буду играть во всех группах?

И, не дожидаясь ответа, он бросился в атаку, сделал первый удар и покатил дальше на своей мототележке. Он играл и в следующей тройке, но потом послал мяч в воду. Мартин поставил мототележку возле пруда и стал искать мяч. Не найдя его, он бросил второй мяч через пруд и возвратился к мототележке. Запрыгивая в тележку, он больно стукнулся коленом.

Вышел Дэвид, чтобы взять боль на себя, не понимая, где он находится и почему сидит в этой маленькой тележке. Когда боль утихла, Дэвид стал играть с рулем, издавая звуки, имитирующие работу мотора, и нажимая на педали. Тележка снялась с тормозов и покатила вниз, к пруду, завязнув там передними колесами. Испугавшись, Дэвид сошел с пятна, уступив место Мартину, который не понял, почему тележка в воде. Полчаса возился он с тележкой, раскачивая ее взад-вперед, пока ему удалось освободить передние колеса из грязи. Он пришел в ярость, поскольку группа за группой продолжали играть.

Когда тележка оказалась на сухом месте, Артур встал на пятно и сказал Рейджену, что Мартин отныне – «нежелательный».

– Слишком суровое наказание за то, что тележка для гольфа съехала в пруд, – засомневался Рейджен.

– Не в этом дело, – сказал Артур. – Мартин – никчемный хвостун. С тех пор как мы побывали в Зейнсвилле, он мечтает только о том, чтобы

носить яркие одежды и водить дорогие машины. Он напускает на себя важность. Он и не думает совершенствоваться или заняться каким-нибудь творчеством. Он плут, обманщик и, что хуже всего, сноб.

Рейджен улыбнулся:

– Я и не знал, что снобизм – достаточная причина для того, чтобы тебя объявили «нежелательным».

– Мой дорогой придира, – холодно сказал Артур, зная, на что намекает Рейджен, – право быть снобом имеют только очень умные люди. У меня есть это право, у Мартина – нет.

И Артур забил четыре мяча.

27 октября 1973 года, почти через десять лет после того, как Дороти вышла замуж за Челмера Миллигана, она в четвертый раз вышла замуж – за Делмоса А. Мура.

Он старался стать отцом для Билли и девочек, но они отвергали его. Когда он стал устанавливать правила, Артур отнесся к этому с презрением.

Среди прочего Дороти запретила своему младшему сыну кататься на мотоцикле. Томми знал, что это из-за Стюарта, но считал несправедливым запрещать ему это только потому, что с кем-то другим случилась беда.

Однажды он попросил у друга его мотоцикл «Ямаха-350» и проехал на нем прямо под окнами дома. Выехав на Спринг-стрит, Томми посмотрел вниз и увидел, что выхлопная труба вот-вот отвалится. Если она упадет на землю...

Рейджен спрыгнул с мотоцикла.

Встав на ноги, он отряхнул джинсы и отвел мотоцикл во двор. Потом вошел в дом, чтобы смыть кровь со лба.

Когда он вышел из ванной, Дороти закричала на него:

– Я же говорила тебе, что не разрешаю ездить на мотоцикле! Ты делаешь это, чтобы мучить меня!

Пришел Дел со двора и закричал:

– Ты сделал это нарочно! Ты знаешь, как я отношусь к мотоциклам с тех пор, как...

Рейджен покачал головой и сошел с пятна. Пусть Томми объяснит про выхлопную трубу.

Томми увидел, что Дороти и Дел сердито смотрят на него.

– Это было сделано нарочно, да? – сказал Дел.

– Бред какой-то, – сказал Томми, проверяя свои синяки. – Выхлопная труба опустилась и...

– Опять ложь! – сказал Дел. – Я вышел и посмотрел на этот мотоцикл.

Выхлопная труба никак не могла опуститься и опрокинуть мотоцикл, не согнувшись пополам. Труба не согнута.

– Не смей называть меня лжецом! – закричал Томми.

– Ты чертов врун! – крикнул в ответ Дел.

Томми выскочил из комнаты. Что толку объяснять им причину, почему труба не согнулась. Это Рейджен, заметив опускающуюся трубу, вовремя бросил мотоцикл, чтобы предотвратить худшее. Как им ни объясняй, они все равно сочтут это ложью. Чувствуя, как поднимается в нем гнев, с которым он не сумеет справиться, Томми сошел с пятна...

Дороти, понимая, что сын ее разгневан, пошла за ним. Он вошел в гараж. Она стояла снаружи и смотрела на него через окно. Она видела его убийственный, разъяренный взгляд, когда он подошел к куче хлама, поднял толстую палку и разломил ее пополам. Вновь и вновь ломал он доски, давая выход своему неистовому гневу.

Артур принял решение. Они должны уйти из дома.

Несколько дней спустя Аллен нашел недорогую двухкомнатную квартиру на Брод-стрит, 800, недалеко оттого места, где жила Дороти. Всего несколько минут езды в восточном направлении. Квартира требовала ремонта, но зато в ней были холодильник и плита. Принесли матрас, пару стульев и стол. Дороти купила «понтак гран-при» на свое имя, но с тем, чтобы Билли пользовался машиной и выплачивал кредит.

Рейджен купил карабин калибра 0,3 с обоймой из девяти патронов и полуавтоматический пистолет калибра 0,25. Чувство свободы в собственном жилье поначалу доставляло большое удовольствие. Он мог рисовать, когда хотел, и никто не будет докучать ему.

Артур позаботился о том, чтобы все лекарства в домашней аптечке были упакованы в пузырьки с плотными крышками, которые малыши не смогут открыть. Он даже настоял на том, чтобы Рейджен приобрел тугую пробку для своей бутылки с водкой, а оружие держал под замком.

Между Адаланой и Эйприл возникло соперничество на кухне, и хотя Артур чувствовал, что дело плохо, он решил не принимать чью-либо сторону. У него оставалось слишком мало времени для своих занятий, для исследований и разработок планов на будущее, поэтому Артур старался не обращать внимания на постоянные разговоры и пререкания двух женщин, звучащие у него в голове. Когда их вечное недовольство стало невыносимым, Артур предложил, чтобы Адалана занималась кухней, а Эйприл шила и стирала.

Впервые заметив Эйприл среди других членов «семьи», Артур был

поражен этой тоненькой, черноволосой, темноглазой девушкой. Она была более привлекательной, чем простая, почти домашняя Адалана, и явно более умной. Почти такой же смышленной, как Томми и Аллен или даже сам Артур. Сначала его заинтриговал ее бостонский акцент. Но когда он узнал ее мысли, то потерял к ней всякий интерес. Эйприл была одержима идеей мучить, а потом убить Челмера.

Она все обдумала. Если ей удастся заманить Челмера в квартиру, она привяжет его к стулу и будет жечь его тело паяльной лампой, кусочек за кусочком. С помощью амфетаминов она не даст ему уснуть, а пламя паяльной лампы будет отрезать палец за пальцем на руках и на ногах, одновременно прижигая, чтобы не было крови. Она хотела, чтобы он страдал, прежде чем отправится в ад.

Эйприл стала обрабатывать Рейджена. Она шептала ему в ухо:

– Ты должен убить Челмера. Ты должен взять один из своих револьверов и застрелить его.

– Я не убийца.

– Это не будет убийством. Это будет возмездие за то, что он делал.

– Я не закон. Возмездие – дело суда. Я использую свою силу только для того, чтобы защищать женщин и детей.

– Я – женщина.

– Ты сумасшедшая женщина.

– Все, что тебе надо сделать, это взять свое ружье и спрятаться на холме, как раз напротив того места, где он сейчас живет со своей новой женой. Ты убьешь его. Никто не узнает, кто это сделал.

– У карабина нет оптического прицела. Слишком далеко. А купить прицел – нет денег.

– Ты же изобретательный, Рейджен, – шептала она. – У нас есть телескоп. Можешь приспособить его, нарисовать сетку.

Рейджен ушел от нее. Но Эйприл не отставала, она напоминала Рейджену, что проделывал Челмер, особенно с детьми. Зная, как он любил Кристин, она специально напомнила ему, как тот жестоко обращался с ней.

– Я сделаю это, – сказал Рейджен.

Он вытащил у себя из головы две волосинки и осторожно приладил их к внутренней стороне окуляра. Потом забрался на крышу и, глядя через самодельный оптический прицел, нацелился на небольшое черное пятно внизу на земле. Почувствовав, что необходимая точность достигнута, он приклеил перекрещенные волосинки на окуляр, установил его на карабин и пошел с ним в лес для пристрелки. Он сможет попасть в Челмера с холма напротив его нового дома.

На следующее утро, за час до того, как Челмер обычно уезжал на работу в Коламбус, Рейджен остановился недалеко от его дома, поставил машину и скрылся в небольшом лесу напротив. Он устроился за деревом, ожидая Челмера. Потом навел прицел на дверь, через которую, как он знал, Челмер должен был выйти, чтобы сесть в машину.

– Не делай этого, – громко сказал Артур.

– Он должен умереть, – ответил Рейджен.

– Это будет сделано не в целях выживания.

– Это для защиты женщин и детей. Он должен умереть, чтобы расплатиться за все.

Артур, понимая, что спорить тут бесполезно, подвел Кристин к краю пятна и показал ей, что делает Рейджен. Она заплакала и затопала ногами, умоляя Рейджена не делать такие плохие вещи.

Рейджен стиснул зубы. В этот момент Челмер вышел из дома. Рейджен тщательно прицелился в Челмера и плавно нажал на курок карабина – незаряженного. Потом перекинул ружье через плечо, пошел к машине и поехал к себе домой, в новую квартиру.

В тот же день Артур сказал:

– Эйприл сумасшедшая, она представляет опасность для всех нас.

И лишил ее права вставать на пятно.

3

Кевин находился один в квартире, когда зазвонил звонок. Он открыл дверь и увидел красивую молодую женщину, которая улыбалась ему.

– Я позвонила Барри Харту, – сказала Марлен, – и он дал мне твой адрес. Мне понравилась наша беседа на той вечеринке, и мне захотелось посмотреть, как ты живешь.

Кевин представления не имел, о чем она говорит, но жестом пригласил ее войти.

– У меня было плохое настроение, – сказал он, – пока я не открыл эту дверь.

Марлен провела с ним весь вечер, рассматривая его картины и говоря о людях, которых они знали. Она была рада, что сама сделала первый шаг и пришла к нему. Она почувствовала, что еще более сблизилась с ним. Когда девушка поднялась, чтобы уйти, Кевин спросил, придет ли она еще. Марлен ответила, что придет, если он хочет этого.

16 ноября 1973 года, в день официального освобождения из-под надзора Комиссии по делам несовершеннолетних штата Огайо, Кевин сидел в соседнем баре и вспоминал слова Горди Кейна, сказанные им в тот день, когда он покидал лагерь в Зейнсвилле. «Если тебе когда-нибудь понадобятся связи по наркотикам, – сказал тогда Кейн, – найди меня».

Вот они и понадобились.

Поздно вечером Кевин выехал в городок Рейнолдсбург в восточной части Коламбуса, по адресу, который дал ему Кейн. Это оказалось дорогое ранчо, занимающее угловой участок. Горди Кейн и его мать были рады его визиту. Джулия Кейн сказала своим эротически-грудным голосом, что он тут желанный гость в любое время.

Пока Джулия занималась приготовлением чая, Кевин спросил Горди, не сможет ли тот одолжить ему денег, чтобы сделать закупку и начать торговать. Сейчас он на мели, но обязательно отдаст. Кейн провел его в соседний дом, где он познакомился с человеком, который продал ему «травки» на триста пятьдесят долларов.

– За это возьмешь не меньше тысячи, – сказал Кейн. – Деньги отдашь, когда продашь весь товар.

Руки Кейна дрожали, он выглядел разбитым.

– Какие наркотики ты употребляешь? – спросил Кевин.

– Морфин, когда могу достать.

К концу недели Кевин продал марихуану некоторым друзьям Харта из Ланкастера с прибылью в семьсот долларов. Кевин вернулся в квартиру, выкурил косяк и позвонил Марлен.

Та приехала расстроенная – она узнала от Барри, что Кевин торгует наркотиками.

– Я знаю, что делаю, – заявил он.

Поцеловав Марлен, Кевин выключил свет и увлек ее на матрас. Но как только их тела соприкоснулись, Адалана захотела, чтобы Кевин сошел с пятна. Она сама хотела объятий и нежности.

Адалана понимала, что одно из правил Артура – сохранение целибата. Она слышала, как он говорил мужчинам, что единственное нарушение правила сделает их «нежелательными». Но Артуру, как истинному английскому джентльмену, и в голову не пришло говорить о сексе с Адаланой. Она никогда не соглашалась с его пуританскими правилами, а Артур об этом и не подозревал.

Когда Аллен проснулся на следующее утро, он представления не имел, что случилось вечером. В ящике стола он увидел деньги. Это обеспокоило его, но он не мог поговорить с Томми, Рейдженем, Артуром или с кем-то

другим, кто бы мог объяснить ему.

Днем заскочили несколько друзей Барри Харта за наркотиками, но Аллен не понимал, о чем они говорят. Некоторые просто требовали у него наркотик, суя деньги ему прямо в лицо, и Аллен заподозрил, что кто-то из семьи приторговывает.

В следующий раз, когда он был у Харта, кто-то из его гостей показал ему «смит-вессон» калибра 0,38. Аллену вдруг захотелось приобрести пистолет, и он предложил парню пятьдесят долларов. Тот согласился, даже добавил несколько патронов.

Аллен снес пистолет в машину и сунул его под сиденье...

Рейджен протянул руку вниз и взял пистолет – это он хотел, чтобы Аллен купил его. Не самое любимое оружие, он предпочел бы 9-миллиметровый пистолет. Но все равно неплохо увеличить свою коллекцию.

Аллен решил выехать из убогой квартиры. Просматривая объявления о сдаче квартир в «Ланкастер игл газетт», он увидел знакомый номер телефона.

Он поискал в своей записной книжке и нашел имя: Джордж Келлнер, адвокат, который помог ему вместо тюрьмы попасть в Зейнсвилль. Аллен попросил Дороти позвонить Келлнеру по поводу сдачи квартиры ее сыну. Адвокат согласился сдать квартиру за восемьдесят долларов в месяц.

Квартира на Рузвельт-авеню, 803 1/2, чистая, с одной спальней, была на третьем этаже. Дом расположен позади другого дома, выходящего на улицу. Через неделю Аллен переехал и устроился очень удобно. И никаких дел с наркотиками, решил он. Надо держаться подальше от этих людей.

Он удивился, когда однажды в квартиру вошла Марлен, которую он не видел с первой вечеринки у Барри Харта. Судя по всему, она чувствовала себя как дома. Он представления не имел, кто бы мог назначить ей свидание, – она была не в его вкусе, и он не хотел иметь с ней ничего общего.

Она приходила после работы, готовила ему обед, проводила у него часть вечера, а потом шла домой, к родителям. Практически она жила у Аллена, и это очень усложняло ему жизнь.

Всякий раз, когда она начинала проявлять чувства, Аллен уходил с пятна. Он не знал, кто занимал его место потом, и ему было наплевать на это.

Марлен очень понравилась квартира. Сначала периодические

перемены в Билли, его ругань и взрывы гнева шокировали ее, но она привыкла к его изменчивому настроению: то он нежный и любящий, а в следующую минуту сердится, бегаёт по квартире, а потом забавный, умный, четко выражающий свои мысли.

Иногда без всякой причины он становился застенчивым и печальным, как маленький мальчик, который не знает, на какую ногу надеть ботинок. Марлен чувствовала, что Билли нуждается в ком-то, кто будет заботиться о нем. Это все наркотики были виноваты и люди, среди которых он вращался. Если она сможет убедить его в том, что друзья Барри Харта просто используют его, может быть, он поймет, что они ему совсем не нужны.

Временами его поведение пугало ее. Билли беспокоился о том, что появятся другие люди и у него будут неприятности, если они увидят ее в квартире. Он намекал, что это «семья», и она стала считать, что он – важная шишка и принадлежит к мафии. Когда он сказал, что надо придумать какой-то сигнал, Марлен уверилась в том, что это действительно мафия. Каждый раз, когда она была в квартире, Билли выставлял в окне картину. Он объяснил: это сигнал для «других», что она в квартире и что они не должны здесь появляться.

Когда Билли занимался с ней любовью, часто это начиналось руганью и грубостью, затем ругань и грубость переходили в нежные ласки, мягкость и доброту. Однако что-то беспокоило Марлен в том, как он это делает. Хотя он был сильный мужчина, ее не оставляло ощущение, что он имитирует страсть, что на самом деле он никогда не достигает оргазма. Она не была уверена в этом, но знала, что любит Билли, и решила, что требуется лишь время и понимание.

Однажды вечером Адалана исчезла с пятна, и на ее месте оказался Дэвид, испуганный, весь в слезах.

– Я никогда не видела, как мужчина плачет, – прошептала Марлен. – В чем дело?

Дэвид свернулся комочком, как ребенок. Слезы текли ручьем. Она была тронута, увидев его таким ранимым. Она обняла его и прижала к себе.

– Ты должен мне сказать, Билли. Я не смогу тебе помочь, если ты не скажешь мне, в чем дело.

Не зная, что он должен сказать ей, Дэвид сошел с пятна. Томми оказался в объятиях красивой женщины. Он отпрянул.

– Если ты будешь вести себя подобным образом, я ведь могу и уйти, – сердито сказала она, считая, что он пытается выставить ее дурочкой.

Томми смотрел, как она направляется в ванную комнату.

– Черт возьми! – прошептал он, оглядываясь в панике. – Ведь Артур убьет меня!

Он спрыгнул с кровати, быстро натянул джинсы и стал ходить по комнате взад-вперед, пытаясь осознать ситуацию.

– Какого черта! Кто она такая?

Он увидел ее сумку на стуле в гостиной. На водительском удостоверении стояло имя Марлен. Томми быстро сунул удостоверение обратно в сумку.

– Артур! – прошептал он. – Если ты слышишь меня, я не имею к этому никакого отношения. Я не трогал ее. Поверь мне. Это не я нарушил правило.

Он подошел к мольберту, взял кисть и продолжил работу над начатым пейзажем. Артур будет знать, что он занимается тем, чем и должен заниматься, – совершенствовать свой талант.

– Думаю, тебя больше интересует твоя картина, чем я.

Томми оглянулся и увидел, что Марлен уже одета, причесывает волосы. Не ответив ей, он продолжал рисовать.

– Картины, картины, ты только и думаешь, что о своих проклятых картинах. Поговори со мной, Билли!

Помня о правиле Артура – быть вежливым с женщинами, Томми отложил кисть в сторону и сел в кресло напротив нее. Ничего не скажешь, красивая. Хотя сейчас она полностью одета, Томми мысленно видел ее стройную фигуру, каждый изгиб, каждую впадинку. Ему еще не приходилось рисовать обнаженную натуру. Он бы с удовольствием нарисовал ее, но знал, что не нарисует. Это Аллен рисует людей.

Томми немного поговорил с ней, любуясь ее темными глазами, полными надутыми губками, длинной шеей. Он понял: кто бы она ни была, как бы она ни попала сюда, она сводит его с ума.

4

Никто не мог понять, почему Билли начал прогуливать работу или почему он стал таким неловким и глупым. Однажды он забрался наверх, чтобы зафиксировать цепь над чанами, и упал в пустую ванну для кислоты. Его отправили домой. А в другой раз Билли просто ушел с работы, и 21 декабря 1973 года его уволили с завода гальванопокрытий. Несколько дней он оставался один дома, рисуя свои картины. Потом однажды Рейджен взял свои пистолеты и поехал в лес попрактиковаться в стрельбе.

К этому времени у Рейджена была уже целая коллекция оружия. В дополнение к карабину, полуавтомату и «смит-вессону» он имел два «магнума», а также автоматические винтовки М-14 и М-16.

Когда «спутанное время» достигло своего пика, Кевин попросил Горди Кейна свести его со своей клиентурой. Кевин готов был торговать наркотиками на полную катушку. Через час Кейн позвонил ему и направил его в Блэклик-Вудз, недалеко от Рейнолдсбурга, к востоку от Коламбуса, на встречу с боссом.

– Я сказал о тебе. Поезжай один. Понравишься ему, и все будет о'кей. Зовут этого парня Брайан Фоли.

Кевин выехал, тщательно следуя инструкциям. Он никогда раньше не бывал в этом районе, но прибыл на назначенное место встречи у водовода на десять минут раньше, припарковался и стал ждать, не выходя из машины. Через полчаса подкатил «мерседес», из него вышли двое: один высокий, рябой, в кожаной куртке, другой среднего роста, с бородой, в костюме в тонкую полоску. Еще кто-то оставался в машине, на заднем сиденье. Кевину это не понравилось, совсем не понравилось. Он сидел за рулем, покрывшись потом, гадая, во что он вляпался и не лучше ли удрать сразу.

Высокий парень с рябым лицом наклонился и посмотрел на него. Сквозь облегающую куртку слева под мышкой виднелась характерная выпуклость.

– Ты – Миллиган?

Кевин кивнул.

– Мистер Фоли хочет поговорить с тобой.

Кевин вышел из машины. Обернувшись, он увидел, что мистер Фоли вышел из своего «мерседеса» и стоит, прислонившись к дверце. Он выглядел не старше Кевина, лет восемнадцать или около того. Светлые волосы до плеч, пальто из верблюжьей шерсти, в тон ему теплый шарф, узлом завязанный у горла.

Кевин пошел было к нему, но его вдруг схватили и поставили лицом к машине. Высокий держал пистолет у головы, а бородатый стал его обыскивать. И тогда Кевин сошел с пятна...

Рейджен поймал бородатого за руку, развернул его и бросил на высокого с пистолетом. Вырвав пистолету высокого и поставив его перед собой как щит, он направил пистолет на Фоли, который наблюдал эту сцену, не отходя от «мерседеса».

– Стой тихо, – спокойно сказал Рейджен. – Дернешься – получишь три

пули между глаз.

Фоли поднял руки.

– Теперь ты, – обратился Рейджен к бородатому. – Двумя пальчиками вынь пистолет и положи на землю.

– Делай, что он говорит, – приказал Фоли.

Увидев, что человек медлит, Рейджен добавил:

– Быстрее шевелись, или медленно повезут.

Парень расстегнул куртку, вынул пистолет и положил его на землю.

– А теперь тихонько ногой отпихни его сюда.

Бородатый подтолкнул к нему пистолет. Рейджен отпустил высокого и поднял второй пистолет, держа всех троих под прицелом.

– Что ж вы так гостя встречаете? Нехорошо.

Рейджен вынул обоймы, крутанул пистолеты, поймав их за стволы, и бросил их владельцам. Повернувшись к ним спиной, он направился к Фоли.

– Надо бы вам найти понадежнее ребят, чем эти двое.

– Уберите пушки, – процедил Фоли, – и стойте у его машины. Я буду говорить с мистером Миллиганом.

Он кивком пригласил Рейджена на заднее сиденье «мерседеса» и сел рядом с ним. Нажал кнопку – открылся дорожный бар.

– Что пьешь?

– Водку.

– Я так и подумал, судя по акценту. Значит, ты не ирландец, хотя у тебя ирландская фамилия.

– Я югослав. Имена ничего не значат.

– Ты и пистолетом работаешь так же хорошо, как руками?

– Дайте пистолет – покажу.

Фоли сунул руку под сиденье и протянул Рейджену пистолет калибра 0,45.

– Хорошее оружие, – одобрил Рейджен, пробуя пистолет на вес и устойчивость. – Я предпочитаю девятимиллиметровый, но и этот подойдет. Выбирайте цель.

Фоли нажал кнопку и опустил стекло.

– Вон там, на другой стороне дороги, банка из-под пива около...

Не успел Фоли закончить фразу, как Рейджен высунул руку в окно и выстрелил. Банка с шумом покатилаь. Он еще два раза выстрелил в нее, пока она не скрылась из вида. Фоли улыбнулся:

– Вы бы мне подошли, мистер Миллиган, или как вас там.

– Мне нужны деньги, – сказал Рейджен. – Если есть работа, я ее

выполню.

– Как насчет того, чтобы иногда нарушать закон?

Рейджен покачал головой:

– Тут есть некоторые исключения. Я не трогаю людей, если моей жизни не угрожает опасность. И не обижаю женщин.

– Понятно. А теперь садитесь в свою машину и следуйте за нами. Поедем ко мне поговорить о деле.

Оба телохранителя с ненавистью глядели, как Рейджен быстро идет мимо них, чтобы сесть в машину.

– Еще раз такое сделаешь, – прошипел высокий, – и я тебя убью.

Рейджен схватил его и мгновенно бросил к машине, завернув ему руку так, что еще чуть-чуть – и та сломается.

– Для этого ты должен быть немного быстрее и умнее. Будь осторожен. Я человек опасный.

Фоли крикнул из машины:

– Мюррей, черт тебя подери, живо сюда! Оставь Миллигана в покое. Теперь он работает на меня.

Когда все сели по машинам, Рейджен поехал за ними, недоумевая, что вообще происходит и почему он здесь очутился. Еще больше он удивился, когда машина въехала в роскошную усадьбу недалеко от Рейнолдсбурга. Вокруг был глухой забор, во дворе бегали три доберман-пинчера.

Прибывшие вошли в большой викторианский особняк, обставленный в простом современном стиле, с коврами, картинами и предметами антиквариата. Фоли показал Рейджену дом, который явно был предметом его гордости. Потом он провел его в уютную комнатку с баром и налил ему водки.

– А теперь, мистер Миллиган...

– Билли, – сказал Рейджен. – Мне не нравится, когда меня зовут Миллиган.

– Понимаю. Думаю, это не настоящее имя. Хорошо, Билли, мне нужен такой человек, как ты, – быстрый, умный, сильный, к тому же меткий стрелок. Мне нужен «странствующий стрелок».

– Что значит «странствующий стрелок»?

– Я занимаюсь экспедиторским делом, и моим шоферам нужна защита. Рейджен кивнул, чувствуя, как водка теплом разливается в его груди.

– Я и есть защитник.

– Хорошо. Мне нужен номер телефона, по которому я могу связаться с тобой. За день-два до каждой поставки ты будешь спать здесь. У нас много комнат. Ты узнаешь, каков груз и куда направляется, только когда сядешь в

машину с шофером. Так будет меньше шансов утечки информации. Ну как?
– Сойдет, – зевнув, ответил Рейджен.

На пути в Ланкастер Рейджен спал, пока Аллен ехал домой, недоумевая, где он был и что делал.

В последующие недели Рейджен сопровождал партии наркотиков разным дилерам и клиентам в Коламбусе и вокруг него. Его забавляло, что марихуану и кокаин доставляли известным людям, чьи имена он постоянно встречал в газетах. Он доставлял партию автоматических винтовок М-1 неграм в Западной Виргинии, удивляясь, зачем им понадобились такие стволы.

Несколько раз Рейджен пытался связаться с Артуром, но или Артур был слишком упрям и не желал иметь с ним дела, или это было плохое, «спутанное» время. Рейджен знал, что Филип и Кевин крадут время, потому что он периодически находил в квартире открытые пузырьки из-под барбитуратов и амфетаминов.

Обнаружив однажды, что один из его пистолетов лежит на комод, Рейджен пришел в ярость, потому что чья-то безответственность могла причинить вред детям. В следующий раз, когда кто-нибудь из «нежелательных» встанет на пятно, он постарается выследить его и тряхнуть о стенку так, чтобы тот надолго запомнил урок. Наркотики причиняли вред телу. Водка и травка в умеренных количествах, будучи натуральными продуктами, были безвредны. Но он не хотел иметь дела с сильными наркотиками. Он стал подозревать, что Кевин или Филип экспериментировали с ЛСД.

Неделю спустя, возвратившись после доставки партии марихуаны торговцу машинами в Индиане, Рейджен остановился в Коламбусе пообедать. Выходя из машины, он увидел пожилого мужчину и женщину, которые распространяли брошюры коммунистической партии. Вокруг них стояли несколько недоброжелателей. Рейджен спросил пару, чем он может помочь им.

– Вы разделяете наши взгляды? – спросила женщина.

– Да, – ответил Рейджен. – Я коммунист. Я видел рабский труд на фабриках с их чертовой потогонной системой.

Мужчина дал ему пачку брошюр, объясняющих философию коммунистической партии и критикующих Соединенные Штаты за поддержку диктаторских режимов. Рейджен ходил взад-вперед по Брод-стрит, раздавая брошюры прохожим.

Последнюю брошюру он решил оставить себе. Поискал глазами стариков, но тех уже не было. В поисках их он прошел несколько кварталов. Если бы узнать, где собираются коммунисты, Рейджен стал бы членом коммунистической партии. Он видел, как Томми и Аллен трудились на заводе гальванопокрытий в Ланкастере, и считал, что лишь народная революция сможет улучшить судьбу обездоленных масс.

Потом Рейджен увидел на бампере своей машины полоску липкой бумаги с призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Наверное, старички приклеили. От этих слов прямо дрожь пошла по телу. Он наклонился и в правом нижнем углу полоски увидел название шелкографической компании. Надо ехать туда – кто-нибудь да скажет ему, где собираются местные коммунисты.

Он посмотрел адрес в телефонном справочнике и увидел, что компания расположена неподалеку. Рейджен поехал туда и несколько минут следил из машины за магазином, затем подъехал к телефонной будке за квартал от магазина и, пользуясь своим резакон, перерубил провода. То же самое сделал и в другой телефонной будке за два квартала. Потом вернулся в магазин.

Хозяин, мужчина примерно шестидесяти лет, с толстыми стеклами очков и седыми волосами, отрицал причастность к этим лозунгам.

– Их заказывал печатник из северной части Коламбуса, – сказал он.

Рейджен грохнул кулаком о прилавок:

– Адрес!

Хозяин занервничал.

– У вас есть документы?

– Нет!

– А как я узнаю, что вы не из ФБР?

Рейджен схватил его за рубашку и притянул к себе через прилавок.

– Слушай, дед, я только хочу знать, куда вы посылаете эти чертовы лозунги!

– Зачем это вам?

Рейджен вынул пистолет.

– Я ищу товарищей по партии, ты что, не понял? Давай адрес, или я в тебе дырку проделаю!

Старик нервно взглянул на Рейджена поверх очков:

– Хорошо.

Он взял карандаш и написал адрес на бумажке.

– А теперь покажи книгу заказов. Для надежности, – сказал Рейджен.

Старик протянул книгу.

– Все заказы здесь, но...

– ...но не этот, – подсказал ему Рейджен. – Адреса клиента-коммуниста здесь нет. – Он снова направил на него пистолет: – Открой сейф!

– Вы хотите меня ограбить?

– Мне нужна информация, только и всего. Старик открыл сейф, вынул лист бумаги и положил его на прилавок; Рейджен проверил. Убедившись, что адрес правильный, он сорвал со стены телефонный провод.

– Захочешь их предупредить, прежде чем я появлюсь, – телефон за два квартала.

Рейджен вышел к машине. Он высчитал, что типография находится примерно на расстоянии десяти миль отсюда, таким образом, есть достаточно времени до того, как хозяин найдет работающий таксофон.

В окне цокольного этажа Рейджен увидел небольшую вывеску: «Типография». Войдя, он заметил, что все происходило в передней жилой комнате. Стоял длинный стол, на нем небольшой ручной печатный станок и ротап rint. Это его удивило: вокруг не было никаких плакатов с серпом и молотом, все выглядело довольно обыденно. Но вибрация пола под ногами подсказала ему, что настоящие печатные прессы находятся в подвале.

Человек, вышедший к нему через дверь, был мощного сложения, с бородкой клинышком а-ля Ван Дейк.

– Я – Карл Ботторф. Чем могу служить?

– Желая работать на революцию.

Тот глянул на Рейджена с некоторой растерянностью:

– Почему?

– Потому что правительство США – сплошная мафия. Оно заставляет работяг вкалывать, а денежки тратит на всяких диктаторов. Я за равенство.

– Входите, молодой человек. Давайте поговорим немного.

Рейджен последовал за ним на кухню и сел у стола.

– Откуда вы? – спросил Ботторф.

– Из Югославии.

– Я так и подумал, что вы славянин. Конечно, мы должны вас проверить, но я не вижу причин, почему вы не можете присоединиться к общему делу.

– Хочу на Кубу, к Кастро, – сказал Рейджен. – Фидель молодец: набрал «мучачос» с сахарных плантаций, увел их в горы и устроил революцию. Теперь на Кубе все равны.

Они немного поговорили, и Ботторф пригласил его посетить собрание местной коммунистической ячейки, которое должно состояться в тот же

день.

– Здесь? – спросил Рейджен.

– Нет. Это недалеко от Уэстервилля. Вы можете ехать за мной на своей машине.

Рейджен последовал за Карлом Ботторфом, который привез его в район, населенный довольно состоятельными людьми. Рейджен был разочарован, ожидая увидеть трущобы. Его представили нескольким людям под именем Югослав, и Рейджен сел позади других, чтобы слушать и наблюдать. Поскольку ораторы бубнили о каких-то абстрактных вещах, Рейджен отвлекся. Он боролся с дремотой, но в конце концов сдался. Чуть-чуть вздремнет, а потом опять будет слушать. Кажется, он среди своих. Теперь он вместе с ними будет сражаться против капиталистической системы. Голова его поникла...

Артур выпрямился, настороженный и раздраженный. Он был свидетелем последней поездки Рейджена и с увлечением наблюдал, как Рейджен преследует другую машину. Но теперь он был поражен тем, что такая яркая личность интересуется подобной тухлятиной. Тоже мне, коммунизм! Он хотел встать и сказать этим недоумкам, что Советский Союз – не более чем тоталитарная диктатура, которая никогда не передавала власть народу. Капитализм – это система, которая принесла всем людям в мире свободу мысли и возможностей, причем таким способом, который и не снился Советам. Югослав был непоследователен. Он хотел грабить банки, жить на доходы от торговли наркотиками и при этом убеждал себя, что принимает участие в освобождении народа.

Артур встал, окинул собравшихся испепеляющим взглядом и ровным, бесстрастным голосом сказал:

– Чушь.

Присутствующие повернулись и с удивлением проводили его взглядами. Артур нашел свою машину и сидел в ней несколько минут. Он ненавидел правостороннее движение. Но как он ни старался, ему так и не удалось добраться до кого-нибудь из семьи, кто сел бы за руль.

– Пропади пропадом эта проклятая неразбериха! – воскликнул он.

Наконец он поудобнее устроился за рулем, вытянув шею, определил осевую линию и отъехал от поребрика. Весь в напряжении, он ехал со скоростью двадцать миль в час.

Артур внимательно смотрел на дорожные знаки, и тут его осенило, что Санбери-роуд, по которой он едет, должна быть недалеко от водохранилища Гувера. Он остановился у поребрика, вынул карту и определил координаты.

Действительно, поблизости была плотина, к которой он давно хотел съездить.

Он слышал, что с тех пор, как инженерные войска построили дамбу, рядом с ней стал накапливаться ил. Хотелось выяснить, не превратится ли эта заиленная почва, с ее разнообразной микроскопической жизнью, в идеальный рассадник moskitov. Если обнаружится, что почва действительно заражена, он информирует власти, чтобы были приняты соответствующие меры. Артур очень хотел взять пробы грунта и дома посмотреть их под микроскопом. Конечно, это не было глобальной проблемой, но ведь кто-то должен этим заняться.

Погруженный в такие мысли, Артур ехал медленно и осторожно, когда проезжавший мимо него грузовик вдруг вильнул, сбил ехавшую перед ним машину и поехал дальше. Машина ударилась о дорожное ограждение, перевернулась и упала в канаву. Артур быстро подъехал к уступу, спокойно вышел и спустился вниз. Женщина пыталась как-то выползти из машины.

– Не двигайтесь, – сказал ей Артур. – Позвольте вам помочь.

Она была вся в крови, и Артур применил прямое нажатие на рану, чтобы остановить кровотечение. Женщина начала давиться. Артур увидел, что у нее выбиты зубы и она задыхается. Отбросив мысль о трахеотомии, он решил вместо этого расширить дыхательные пути. Артур пошарил в карманах и нашел пластиковую шариковую ручку. Он вынул стержень, размягчил корпус ручки зажигалкой и согнул его. Затем сунул женщине в горло, чтобы помочь ей дышать, и повернул ее голову набок, чтобы кровь вытекала изо рта.

Короткий осмотр показал, что у пострадавшей сломаны челюсть и запястье. Бок был разорван, и Артур подозревал, что ребра тоже сломаны. Вероятно, женщина ударилась о руль при падении.

Когда прибыла «скорая помощь», Артур быстро рассказал водителю, что случилось и какие меры предприняты. Затем он отошел к собравшимся зрителям. На дамбу ему больше не хотелось: уже темнело, а идея ехать ночью, да еще по правой стороне дороги, нисколько его не прельщала.

Глава четырнадцатая

1

Артура все больше и больше раздражало то, как у них в последнее время шли дела. Аллена уволили с последней работы – он выписывал товарные накладные и занимался погрузкой машин в Распределительном центре Дж. С. Пенни, когда неожиданно на пятно встал Дэвид и сломал погрузчик о стальную опору. Томми бродил по Ланкастеру и Коламбусу, безуспешно пытаясь найти работу. Рейджен работал на Фоли на постоянной основе – сопровождая партии оружия и наркотиков, много пил и курил марихуану. После того как Рейджен провел четыре дня в Индианаполисе, разыскивая конфискованную партию оружия, он попал в Дейтон. Кто-то принял слишком большую дозу депрессанта, и Томми, оказавшись на Интерстейт, 70, и чувствуя головокружение и боль в желудке, уступил пятно Дэвиду, которого арестовали по жалобе, поступившей от хозяина мотеля. В больнице Дэвиду промыли желудок и установили, что была передозировка наркотика, но полиция его отпустила, так как хозяин мотеля решил отозвать жалобу. Когда Аллен вернулся в Ланкастер, Марлен стала жить у него. Потом один из «нежелательных» – судя по бруклинскому акценту, это был Филип – принял слишком много красных таблеток. Марлен вызвала «скорую помощь» и поехала с ним в больницу. После того как ему промыли желудок, она осталась с ним и утешала его.

Марлен сказала, что знает о его связях с плохими людьми и боится, что это кончится большой бедой. Но даже в этом случае она его не бросит. Артура раздражала эта идея, он знал, что беспомощность и уязвимость кого-либо из них вызывает у нее материнский инстинкт. А этого он не переносил.

Марлен все чаще оставалась в их квартире, сильно затрудняя им жизнь. Артуру приходилось постоянно сохранять бдительность, чтобы она не раскрыла их секрет. Возрастало количество потерянного времени, которое он не мог объяснить. Кто-то явно торговал наркотиками – Артур обнаружил в кармане расписку в получении залога, а кто-то из них был арестован за подделку рецептов, по которым приобретались наркотики. Он был совершенно уверен, что кто-то занимается сексом с Марлен.

Артур решил уехать из Огайо. Он проверил два паспорта, которые по

его просьбе Рейджен достал через Фоли: один – на имя Рейджена Вадасковинича, другой – на имя Артура Смита. Документы или краденые и измененные, или великолепная подделка. Так или иначе, выдержат самую тщательную проверку.

Артур позвонил в «Пан-Америкэн эрлайнс», заказал билет в один конец до Лондона, взял все деньги, которые смог найти в шкафах и ящиках, и упаковал вещи. Артур ехал домой. Полет до аэропорта Кеннеди, а затем через Атлантику прошел гладко, как и таможенный контроль в Хитроу.

В Лондоне Артур остановился в небольшом отеле над пабом в Хоупвэлл-плейс, подумав, что это название – «Колодец надежды» – может оказаться пророческим. Он съел в одиночестве ланч в небольшом, но респектабельном ресторанчике, потом взял такси до Букингемского дворца. На смену караула Артур не успел, но это можно было увидеть в следующий раз. Главное, он чувствовал себя комфортно на лондонских улицах, приветствуя прохожих: «Доброго дня вам!» или «Отличный денек!» Завтра можно приобрести котелок и зонтик.

Впервые на его памяти его окружали люди, говорящие так же, как он. Транспорт ехал по правильной стороне улицы, вид полицейских внушал чувство безопасности.

Артур посетил Тауэр и Британский музей, на обед съел рыбу с жареной картошкой и выпил темного английского эля. Вернувшись вечером в свой номер и вспомнив фильмы о Шерлоке Холмсе, он решил завтра пойти на Бейкер-стрит, 221б. Нужно осмотреть место, чтобы быть уверенным в том, что все там содержится, как и подобает памятнику великому сыщику. Наконец-то он чувствовал себя дома.

На следующее утро первое, что услышал Аллен, было громкое тиканье настенных часов. Он открыл глаза и стал с удивлением озираться по сторонам. Потом вскочил с постели. Это оказался старомодный отель с железной кроватью, обоями с причудливыми завитушками и потертым ковром на полу. Наверняка это не гостиница «Холидэй». Аллен поискал ванную комнату, но ее не было. Он натянул брюки и выглянул в коридор.

Где он, черт возьми? Аллен вернулся в комнату, оделся и спустился вниз, чтобы определить, где он находится. На лестнице он прошел мимо мужчины, поднимающегося вверх с подносом.

– Не желаете позавтракать, господин? – спросил мужчина. – Чудесного дня вам!

Аллен сбежал вниз по лестнице, выбежал на улицу и огляделся. Он увидел черные такси с большими номерными знаками, вывеску паба. Все машины ехали не по той стороне улицы.

– О господи! Что, черт подери, происходит? Что со мной?

Он стал бегать по улице туда-сюда, вскрикивая от страха. Люди оборачивались на него, но ему было наплевать. Он ненавидел себя за то, что все время просыпается в разных местах, не в состоянии контролировать себя. Он не мог больше этого выносить. Ему хотелось умереть. Аллен упал на колени и стал бить кулаками по поребрику. Слезы катились по его щекам.

Потом ему пришло в голову, что, если им заинтересуется полицейский, психушки не миновать. Вскочив на ноги, Аллен бросился обратно в свой номер, где нашел в чемодане паспорт на имя Артура Смита. Еще обнаружился корешок от авиабилета до Лондона. Аллен плюхнулся на кровать. О чем Артур думал? Сумасшедший ублюдок!

Пошарив в карманах, Аллен нашел семьдесят пять долларов. Где он собирался достать денег, чтобы вернуться домой? Обратный билет будет, наверное, стоить триста – четыреста баксов. Проклятье! Иисус Христос! Черт возьми!

Аллен стал паковать вещи Артура, чтобы выписаться из отеля, но потом остановился. «К черту все! Так ему и надо». Оставив в покое багаж и одежду, он взял только паспорт и вышел на улицу, не расплатившись. На улице остановил такси:

– В международный аэропорт.

– В Хитроу или Гатуик?

Аллен порылся в паспорте и глянул на билет.

– Хитроу.

По пути в аэропорт он все думал, как выпутаться из этого положения. За семьдесят пять долларов далеко не улетишь, но если пораскинуть мозгами и сделать надлежащий вид, должен быть способ попасть на самолет, летящий в Штаты. В аэропорту Аллен заплатил водителю и побежал в аэровокзал.

– Боже мой! – закричал он. – Я не знаю, что случилось! Я сошел с самолета не в свое время! Мне что-то подмешали. Я оставил билет, багаж, все в самолете. Никто не сказал, что мне не надо выходить. Наверное, что-то было подмешано мне в еду или напитки. Я уснул, а когда проснулся, то вышел, чтобы размять ноги. Никто мне не сказал, что нельзя выходить из самолета. Мои билеты, дорожные чеки, все пропало!

Охранник попытался успокоить его и провел в кабинет паспортного контроля.

– Я не в свое время сошел с самолета, – кричал Аллен. – Я поменял планы. Мне надо было в Париж. Но я сошел с самолета не там, где нужно.

Я ходил по улице, не соображая. В напитки было что-то подмешано. Это вина авиалинии. Все осталось в самолете, у меня в кармане только несколько долларов. Как я вернусь в Соединенные Штаты? О боже, я остался без средств! Я не могу купить билет домой! Я не банкрот – подумайте, зачем мне прилетать на один день в Лондон? Вы должны мне помочь вернуться домой.

Симпатичная молодая женщина выслушала его и пообещала сделать что возможно. Аллен ждал в зале, не в силах усидеть на месте, куря одну сигарету за другой и глядя, как она звонит куда-то.

– Можно сделать только одно, – сказала она. – Мы посадим вас на обратный рейс в США по билету в кредит. Дома вы должны будете заплатить за билет.

– Конечно! – воскликнул он. – Я обязательно заплачу за билет. Я не собираюсь вас обманывать. Дома у меня есть деньги. Все, что мне нужно, – это быть дома, и я немедленно оплачу билет.

Всем, кто пожелал выслушать его, он говорил о своем несчастье, пока не понял, что все мечтают поскорее избавиться от него, – что и требовалось. Наконец нашлось место в «Боинге-747», летящем в Штаты.

– Спасибо, Господи! – прошептал Аллен, опускаясь в кресло и пристегивая ремень безопасности.

Он боялся заснуть, не доверяя самому себе, поэтому перечитал все журналы на борту. В Коламбусе он в сопровождении служащего доехал до Ланкастера, взял деньги, вырученные от продажи своих картин и припрятанные за отставшей доской в чулане, и заплатил за обратный билет.

– Я хочу поблагодарить вас, – сказал Аллен сопровождающему. – «Пан-Ам» проявила понимание. При первой же возможности напишу письмо президенту вашей компании и скажу, что вы прекрасно сделали свое дело.

Оказавшись один в своей квартире, Аллен упал духом. Он попытался связаться с Артуром. Артур долго не отзывался, но наконец вышел и огляделся. Увидев, что он уже не в Лондоне, он отказался вообще с кем-либо общаться.

– Все вы – шайка никчемных паразитов, – проворчал он.

Потом отвернулся и замолчал надолго.

по производству винных бутылок, где раньше работала Кэти. Его обязанностью была упаковка бутылок, которые женщины снимали с конвейера. Но иногда приходилось работать и в качестве контролера, проверяя продукцию, поступающую с конвейера. Стоять там была пытка – уши глохли от рева горелок и воздуходувок; требовалось брать с конвейера еще теплые стеклянные заготовки, проверять на дефект и ставить на подносы, откуда их брали упаковщики. На пятно постоянно вставляли то Томми, то Аллен, то Филип и Кевин.

С одобрения Артура Аллен арендовал расположенную в двух этажах трехкомнатную квартиру на Сомер-форд-сквер, в северо-восточной части Ланкастера – 1270К, Шеридан-драйв. Квартира всем понравилась. Аллену приглянулся серый, выдавший виды забор, отгораживающий квартиры от места парковки машин и от шоссе. У Томми появилась комната для занятий любимой электроникой; была и отдельная комната для художественной студии. Рейджен имел в своем распоряжении небольшой стенной шкаф в одной из комнат наверху, где разместил под замком все оружие, кроме 9-миллиметрового автоматического пистолета. Он клал его на холодильник, подальше к стенке, чтобы дети не увидели и не достали.

Марлен приходила каждый вечер после работы в универсаме. Когда Миллиган работал во вторую смену, она ждала его, чтобы около полуночи отвезти его домой, и большую часть ночи оставалась с ним, но до наступления утра обязательно возвращалась в дом родителей.

Марлен видела, что Билли стал более угрюмым и непредсказуемым. Временами он в ярости бегал по квартире, разбивая все, что попадет под руку, а то мог в трансе уставиться на стену или подходил к мольберту и яростно начинал рисовать. Но любовником Билли был ласковым и тактичным.

Томми не сказал ей, что все становится ненадежным. Он почему-то прогуливал работу. Кто-то явно крал время, и это случалось все чаще и чаще. Снова наступал период «спутанного времени». Артур должен был контролировать ситуацию, но почему-то терял власть. Всем было на все наплевать.

Артур обвинил во всем этом Марлен и потребовал порвать с ней отношения. У Томми сжалось сердце. Он хотел возразить Артуру, но побоялся сказать, что влюбился в Марлен. Он знал, что несколько раз балансировал на грани объявления «нежелательным». Вдруг раздался голос Адаланы.

– Это несправедливо, – сказала она.

- Я всегда справедлив, – ответил Артур.
- Ты неправильно поступаешь, когда устанавливаешь правила, которые рвут узы привязанности и любви между нами и людьми вне нас.
- «Она права», – подумал Томми, но промолчал.
- Марлен подавляет в нас всех таланты и способности, – сказал Артур. – Она бросает обвинения, отнимает время на глупые ссоры и вмешивается в процесс роста нашего сознания.
- И все равно я считаю неправильным избавляться от нее, – настаивала Адалана. – Она заботится о нас.
- Ради бога! – воскликнул Артур. – Томми и Аллен все еще работают на этой чертовой фабрике. Я думал, что они проработают там самое большее несколько месяцев, используя эту работу как трамплин для более квалифицированного занятия, которое позволит им использовать и расширить их способности. Но никто из них больше не работает над собой.
- А что важнее – расширение сознания или демонстрация чувств? Может быть, я неправильно поставила вопрос, потому что у тебя нет чувств. Наверное, ты станешь выдающимся человеком, если будешь подавлять чувства и жить только логикой. Но ты обречен на одиночество, ты никому не будешь нужен.
- И все же Марлен уйдет, – сказал Артур, считая, что уже достаточно унизил себя, споря с Адаланой. – Мне все равно, с кем она имеет отношения, но это должно быть прекращено.

Позднее Марлен описала события того вечера перед их первым разрывом. Они поссорились. Билли странно вел себя, и она подумала, что это из-за наркотика. Он лежал на полу, злясь на нее за что-то – Марлен не имела понятия за что. В руке у него был пистолет, и Билли то вертел его на пальце, то целился себе в голову.

Ни разу он не наставил пистолет на нее. За себя Марлен не боялась, она боялась только за Билли. Он пристально смотрел на светильник, который однажды принес домой. Потом вдруг вскочил и выстрелил в лампу. Она взорвалась. На стене осталась дырка.

Билли положил пистолет на бар, и, когда он отвернулся, Марлен схватила пистолет и бросилась вон из квартиры. Она сбежала по лестнице и села в машину, прежде чем Билли успел догнать ее. Когда машина отъезжала от тротуара, Билли вскочил на капот и с гневом посмотрел на нее через ветровое стекло. В руке у него было что-то вроде отвертки, и он стал стучать ею по стеклу. Тогда Марлен остановила машину, вышла и отдала ему пистолет. Забрав его и ни слова не говоря, Билли вошел в дом.

По пути домой Марлен решила, что между ними все кончено.

Позже в тот вечер Аллен пошел в бар «Грилли» и заказал навынос горячий сэндвич «Герой Стромболи» – итальянская сосиска, сыр и много томатного соуса. Он наблюдал, как буфетчик завернул еще совсем горячий сэндвич в фольгу и положил его в бумажный пакет.

Вернувшись в квартиру, Аллен положил пакет на стойку бара и ушел в ванную комнату, чтобы переодеться. Сегодня ему хотелось порисовать. Он сбросил туфли и вошел в кладовку, наклонившись, чтобы разыскать шлепанцы. Выпрямляясь, он больно ударился головой о полку и сполз на пол, сердитый и оцепеневший. Дверь кладовки захлопнулась. Он попытался открыть ее, но она не поддавалась.

– Господи! – пробормотал он, вскакивая на ноги и опять ударяясь головой...

Рейджен открыл глаза и обнаружил, что сидит на полу среди кучи обуви, держась руками за голову. Он поднялся, вышиб дверь ногой и огляделся. Рейджен был раздражен. С каждым днем «переключения» становились все более тревожными и сбивающими с толку. Ладно, главное, от женщины они отделались.

Рейджен походил по квартире, пытаясь во всем разобраться. Если бы он смог добраться до Артура, то выяснил бы, что происходит. Ему срочно требовалось выпить. На кухне оказался белый бумажный пакет. Рейджен не помнил, чтобы видел такой раньше. Он подозрительно посмотрел на пакет и вынул бутылку водки из бара. Наливая водку в бокал со льдом, он услышал странный шум из пакета, попятился и стал смотреть, как пакет медленно переворачивается набок.

Когда пакет снова пошевелился, Рейджен медленно выдохнул и отошел еще дальше. Он вспомнил, как в качестве предупреждения оставил бумажный пакет с обезвреженной коброй у дверей домовладельца, сдающего непригодное жилье. А вдруг эта кобра не обезврежена? Он пошарил рукой по холодильнику, нащупал свой пистолет, быстро схватил его, прицелился и выстрелил.

Бумажный пакет отлетел к стене. Рейджен нырнул под бар и осторожно выглянул оттуда, держа пакет на мушке. Тот лежал на полу. Очень осторожно Рейджен обошел бар и стволом пистолета открыл пакет. Увидев внутри кровавое месиво, отскочил и выстрелил во второй раз, завопив:

– Получай еще, гадина!

Потом несколько раз поддел пакет ногой. Поскольку пакет больше не двигался, он открыл его и в недоумении уставился на сэндвич с дыркой

посередине. Рейджен расхохотался: это жар, который испускал сэндвич в алюминиевой фольге, заставил пакет шевелиться. Чувствуя себя полным идиотом – потратил две пули на какой-то идиотский сэндвич! – он положил пакет на стойку, пистолет на холодильник и выпил свою водку. Налил еще, взял бутылку с собой в гостиную и включил телевизор. Было время новостей, и Рейджен надеялся узнать, какой сегодня день. Еще до конца новостей он уснул...

Аллен проснулся, удивляясь, как ему удалось выбраться из кладовки. Он пощупал голову. Всего лишь небольшая шишка. Какого черта! Ведь он хотел рисовать портрет Кэти, сестры Билли. Он направился в студию, но понял, что забыл поесть.

Подойдя к бару, Аллен налил себе кока-колы и стал искать свой сэндвич. Он был уверен, что оставил его где-то здесь. Потом он увидел пакет на стойке. Чертов пакет был скомкан. Что за дьявольщина? Вместо сэндвича внутри оказалась сплошная масса с клочками алюминиевой фольги. Кругом был разбрызган томатный соус. Это что, сэндвич «Герой Стромболи»?!

Аллен поднял трубку, набрал номер «Грилли» и, когда ответил управляющий, устроил ему разнос:

– Я покупаю сэндвич, а вместо него получаю нечто невообразимое. Выглядит как после миксера.

– Извините, сэр. Если вы принесете его обратно, мы дадим вам другой.

– Нет уж, спасибо. Я только хотел сказать вам, что вы потеряли постоянного клиента.

Он бросил трубку и отправился на кухню делать себе яичницу. Черта едва он будет способствовать процветанию дела «Грилли»!

Через две недели Томми воспользовался случаем, встал на пятно и позвонил Марлен. В квартире остались некоторые ее вещи, сказал он ей. Она должна прийти и забрать их. Марлен пришла после работы, и они проговорили целый вечер. Она снова стала приходить регулярно.

И все пошло по-прежнему. Рейджен винил во всем Артура, который был не способен контролировать семью.

Глава пятнадцатая

1

Уолтер проснулся в квартире ближе к вечеру 8 декабря. Ему очень хотелось поохотиться. Ему нравилось чувствовать возбуждение от преследования дичи. И вообще он любил побродить с ружьем по лесу.

Уолтеру редко удавалось занять пятно. Он знал, что ему предоставляют место лишь тогда, когда необходима его невероятная способность находить нужное направление – способность, которую он приобрел, охотясь в буше своей родной Австралии. Последний раз это было несколько лет назад, когда Билли и его брат Джим были в летнем скаутском лагере Патрульной службы гражданской авиации. Благодаря способности Уолтера находить след его назначили наблюдателем.

Он уже давно не охотился.

Итак, в этот день Уолтер решил позаимствовать у Рейджена пистолет, лежащий на холодильнике. Хотя это вряд ли могло заменить ружье, все же лучше, чем ничего. Выслушав прогноз погоды (обещали холод), Уолтер решил надеть теплую куртку и перчатки. Не найдя своей австралийской шляпы с пришпиленными полями, он остановился на лыжной шапочке, упаковал ланч и поехал на юг по трассе 664. Инстинкт подсказывал ему южное направление, которое приведет к лесам, в которых можно охотиться сколько душе угодно. Уолтер съехал с шоссе и, следуя знакам, поехал в Хокинг-Стейт-парк, гадая, какая дичь ему попадется.

Он въехал в лес, остановил машину и дальше отправился пешком. Он углублялся в лес, скользя ногами по сосновым иглам и дыша полной грудью. Хорошо было выйти в мир, занимая пятно, и шагать в тишине дикой природы!

Прошло более часа. Кроме снующих белок, не было никаких признаков дичи. Опускались сумерки. Уолтер уже начинал терять терпение, когда увидел на ветке ели жирную черную ворону. Он быстро прицелился и выстрелил. Птица упала. Внезапно охотник почувствовал головокружение и сошел с пятна...

– Варвар, – холодно сказал Артур. – Убивать животных – против правил.

– Какого черта он взял мой пистолет? – требовательно спросил Рейджен.

– Потому и взял, что бросаешь оружие где попало, – сказал Артур. – Это тоже против правил.

– Брось! Один ствол всегда должен быть под рукой, мы же договорились. Уолтер не имел права брать его.

Артур вздохнул:

– Мне нравился этот парень. Энергичный, надежный молодой человек. Отлично чувствует направление. Всегда читает книги об Австралии. В конце концов, она – часть Британской империи. Однажды он посоветовал мне исследовать эволюцию кенгуру. Теперь, боюсь, Уолтер стал «нежелательным».

– Слишком суровое наказание за одну ворону, – сказал Рейджен.

Артур презрительно посмотрел на него:

– Может наступить время, когда тебе придется убить человека в целях самообороны. Но я не потерплю убийства бедного бессловесного создания.

Артур похоронил ворону и вернулся к машине. Аллен, который слышал конец разговора, встал на пятно, сел за руль и поехал домой.

– Считать себя охотником на крупную дичь и палить по воронам – какое хамство!

2

Ночью за рулем Аллен чувствовал себя неуверенно. Он отложил бутылку «пепси», из которой пил, и, когда фары осветили место стоянки у дороги, решил немного постоять на обочине. Припарковавшись недалеко от мужского туалета, Аллен тряхнул головой и закрыл глаза...

Денни поднял голову, удивляясь, что он делает за рулем машины. Помня инструкцию Артура, он передвинулся на сиденье пассажира, чтобы подождать кого-нибудь, кто поведет машину. Потом понял, что находится около туалета. Рядом стояли две машины с людьми: в одной сидела женщина в широкополой шляпе, в другой – мужчина. Они просто сидели – наверное, тоже не вовремя заняли пятно и ждут кого-нибудь, кто отвезет их домой.

Денни действительно хотел, чтобы кто-нибудь пришел. Он устал, и ему хотелось в туалет. Выйдя из машины и направляясь к туалету, Денни заметил, что женщина тоже вышла.

Он встал у низкого писсуара для маленьких мальчиков и расстегнул молнию. Стоял декабрь, было холодно. Он услышал шаги и скрип дверных петель. Вошла женщина. Это удивило Денни, и он отвернулся, чтобы она

не увидела, как он пишет.

– Привет, милый, – сказала женщина. – Ты голубой?

Странно, но голос принадлежал не женщине. Это был мужчина, переодетый женщиной: в мягкой шляпе, с накрашенными губами, обильным макияжем и мушкой на подбородке. Он выглядел как Мэй Уэст в кинофильмах.

– Эй, большой мальчик, – сказал мужчина-женщина, – дай мне пососать твоего петушка.

Денни затряс головой и осторожно двинулся к выходу, но в это время вошел другой мужчина.

– Смотри-ка, – воскликнул он, – а этот ничего, симпатичный. Может, скооперируемся?

Мужчина схватил Денни за ворот и придавил его к стене. Переодетый женщиной потянулся к ширинке. Денни испугался и закрыл глаза...

Рейджен схватил чью-то руку, выкрутил ее и шмякнул мужчину головой о стену. Пока тот мешком сползал на пол, Рейджен коленом ударил его в грудь и приемом карате рубанул ладонью по горлу.

Он повернулся, увидел женщину и остановился. Рейджен не мог ударить женщину. Но, услышав: «Черт, никогда бы не подумал», он понял, что это мужчина, переодетый женщиной. Рейджен протянул руку, повернул «женщину» к себе лицом и прижал локтем к стене, следя, чтобы другой мужчина не поднялся с пола.

– Быстро на пол, к своему дружку! – приказал Рейджен, сильно ударив трансовестита в живот.

Мужчина согнулся пополам и свалился на пол. Рейджен забрал кошельки, но когда он направился к выходу с их документами, трансовестит вскочил с пола и схватил Рейджена за пояс:

– Отдай, ублюдок!

Рейджен развернулся и со всей силой ударил его ногой в пах, а когда тот свалился, ударил в лицо. У мужика пошла носом кровь, он выплюнул выбитые зубы.

– Выживешь, – хладнокровно сказал Рейджен. – Я знаю, какие кости ломать.

Он посмотрел на другого мужчину, лежавшего на полу. Хотя он и не бил его в лицо, у того шла изо рта кровь. Как и было рассчитано, удар в солнечное сплетение вызвал давление на надгортанник и порвал сосуды. Впрочем, и этот будет жить. Рейджен снял часы «Сейко» с его руки.

Выйдя на улицу, он увидел две пустые машины, поднял камень и разбил фары. Вслепую по шоссе не погонятся. Спокойно добравшись

домой и войдя в квартиру, Рейджен осмотрел все, чтобы убедиться, что опасности нет, и сошел с пятна...

Аллен открыл глаза, думая, пойти в сортир или нет. Но вдруг он понял, что находится дома и ему уже не надо в туалет. Суставы пальцев болели. А что это на его правом ботинке? Он потрогал и посмотрел на пальцы.

– О боже! – заорал Аллен. – Чья это кровь? Кто тут, черт подери, дрался? Я хочу знать. Я имею право знать, что происходит!

– Рейджен должен был защитить Денни, – сказал Артур.

– Что случилось?

Артур объяснил им:

– Младшие должны знать, что по ночам места отдыха у обочины дороги опасны. Всем известно, что с наступлением темноты это любимое место гомосексуалистов. Рейджен должен был вытащить Денни из опасной ситуации, в которую поставил его Аллен.

– Мне следовало быть там, – сказал Филип. – Я бы над ними потрудился.

– Тебя бы убили, – сказал Аллен.

– Или ты совершил бы какую-нибудь глупость, – сказал Артур, – например, убил кого-нибудь. А обвинили бы всех нас.

– А-а-а...

– Кроме того, тебе не разрешается вставать на пятно, – твердо сказал Артур.

– Я знаю, но все равно хотел бы там оказаться.

– Я начинаю подозревать, что ты крадешь время, пользуясь периодом «спутанного времени», чтобы совершать свои антиобщественные дела.

– Кто, я?

– Я знаю, что ты выходил. Ты наркоман, ты жестоко обращаешься со своим телом и умом.

– По-твоему, я вру?!

– Это одно из твоих качеств. Ты – дефектный андроид, человекоподобный робот, и уверяю тебя, что, пока я в силах препятствовать этому, ты никогда не завладеешь сознанием.

Филип отошел в темноту, недоумевая, что это еще за андроид. Он не собирался спрашивать об этом Артура. Не собирался доставлять чертову англичанину удовольствие вновь говорить о нем. Все равно, как только представится возможность, он встанет на пятно. Он знал: со времени Зейнвилля власть Артура ослабла. Пока есть травка, «спид» или даже ЛСД, он тайком будет выходить и портить жизнь Артуру.

На следующей неделе, пока Филип был на пятне, он рассказал Уэйну

Лафту, одному из своих клиентов, что случилось на дороге в Ланкастер.

– Черт, – сказал Лафт. – Разве ты не знал, что такие места кишат голубыми?

– Я здорово удивился, – сказал Филип. – Эти подлые гомики ловят на крючок себе подобных. Я ненавижу их.

– Не больше, чем я.

– Почему бы нам не встретиться с ними? – сказал Филип.

– Зачем это?

– Мы знаем, что по ночам они всегда паркуются около мест отдыха на дорогах. Мы пойдем туда и разделаемся с ними. Очистим эти заразные места.

– Можно и грабануть, – сказал Лафт. – У нас будут деньги на Рождество, и мы разгоним гомиков к черту. Сделаем место безопасным для порядочных людей.

– Ага, – засмеялся Филип, – вроде нас.

Лафт вынул дорожную карту и пометил все места отдыха в округах Фэрфилд и Хокинг.

– Поедем на моей машине, – сказал Филип. – Она быстрее.

Филип взял декоративную шпагу, которую нашел в квартире.

На месте отдыха недалеко от Рокбриджа в округе Хокинг они заметили «фольксваген» с двумя пассажирами, припаркованный у мужского туалета. Филип поставил свою машину с другой стороны дороги и проглотил пару таблеток «спида», которые дал ему Лафт. Полчаса они сидели, наблюдая за машиной. Никто не входил в туалет и не выходил оттуда.

– Это наверняка голубые, – сказал Лафт. – Какой еще идиот полночи проторчит у сортира?

– Я первый, – ответил Филип. – Со шпагой. Если они сунутся за мной, заходи с пушкой.

Филип чувствовал себя уверенно, он был на подъеме после таблеток. Перейдя дорогу со шпагой под пальто, он направился в туалет. Как он и ожидал, двое последовали за ним.

Когда они приблизились к нему, он почувствовал, как по телу побежали мурашки. Он не знал, были ли причиной эти люди или принятый «спид», но выхватил шпагу и схватил переодетого женщиной. Второй парень был жирный растяпа. Когда Лафт подошел и ткнул пистолетом в его спину, гомик затрясся, как гора желе.

– А ну-ка, задницы, – прорычал Лафт, – брюхом на пол, мордой вниз! Живо!

Филип забрал у жирного кошелек, кольцо и часы, Лафт сделал то же

самое со вторым.

Потом Филип приказал обоим идти в машину.

– Куда вы нас повезете? – спросил жирный, рыдая.

– В лес, прогуляться.

Они свернули с шоссе на пустынную проселочную дорогу, где и оставили парочку.

– Всего и делов-то, – сказал Лафт.

– И ничего за это не будет, – ответил Филип. – Потому что на благо общества.

– Сколько там капусты?

– Полные кошельки! Да еще кредитки.

– Слушай, – сказал Лафт, – брошу я к черту свою работу и буду этим заниматься.

– Общественная служба, – ухмыльнулся Филип.

Вернувшись в квартиру, Филип рассказал Кевину о своей работе на общественное благо. Почувствовав подступающую ломку, принял пару таблеток депрессанта, чтобы заглушить боль...

3

Томми поставил елку, надел на нее гирлянду, а снизу разложил подарки для Марлен и всей семьи. Позже он хотел пойти на Спринг-стрит увидеться с матерью, Делом, Кэти и ее другом Робом.

Вечер на Спринг-стрит проходил спокойно, пока в гостиную не вошли Роб и Кэти, а на пятне не оказался Кевин.

– Слушай, у тебя классная куртка, – сказал Роб. – И часы.

Действительно, на нем была новая кожаная куртка, а на руке поблескивали дорогие «Сейко». Кевин выставил руку:

– Лучшие, какие есть.

– Меня это удивляет, Билли, – сказала Кэти. – Ты так много не зарабатывал на «Энкор Хокинг». Откуда у тебя деньги?

Кевин улыбнулся:

– Нарушаю закон на пользу обществу. И себя не забываю.

Кэти метнула на него быстрый взгляд. Она почувствовала, что в Билли опять появилось что-то другое – какое-то жесткое, насмешливое хладнокровие.

– О чем ты говоришь?

– Снял с гомиков на придорожной стоянке. Они никогда не узнают, кто

это сделал. Не оставил ни отпечатков, ни других следов. Да эти парни и не пойдут к копам. Теперь у меня есть бабки и кредитки.

Кэти не могла поверить услышанному. Билли так никогда не разговаривал.

– Ты пошутил, да?

Он улыбнулся и пожал плечами.

– Понимай как знаешь.

Когда вошли Дел и Дороти, Кэти извинилась и вышла в коридор. Не найдя ничего в кожаной куртке, она направилась к машине. В бардачке оказался кошелек, кредитные карточки, удостоверения водителя и медбрата. Значит, Билли не шутил. Она немного посидела в машине, не зная, что делать, потом положила кошелек в сумку, решив, что надо с кем-нибудь поговорить.

После того как Билли ушел, Кэти показала матери и Делу, что она нашла в машине.

– Боже милостивый! – охнула Дороти. – Просто не верится.

Дел посмотрел на кошелек.

– А вот я верю. Теперь мы знаем, как он покупал все вещи.

– Позвоните Джиму, – сказала Кэти. – Он должен приехать домой и решить, что можно сделать, чтобы Билли исправился. У меня есть в банке немного денег, я оплачу ему билет на самолет.

Дороти заказала междугородний разговор и упростила Джима взять отпуск по семейным обстоятельствам.

– Твой брат в беде. Он впутался во что-то плохое, и если он не одумается, мы вынуждены будем обратиться в полицию.

Джим подал заявление на отпуск и за два дня до Рождества приехал домой. Дел и Дороти показали ему кошелек и вырезки из «Ланкастер игл газетт» о грабежах в придорожных местах отдыха.

– Тебе решать, как поступить, – сказал Дел Джиму. – Бог свидетель, я старался быть ему за отца. После Зейнсвилля я даже подумал, что Билли сможет занять место моего сына – упокой, Господи, его душу, – но Билли и слушать никого не желает.

Джим ознакомился с содержимым кошелька, подошел к телефону и набрал номер, записанный на удостоверении личности. Он хотел сам все проверить.

– Вы меня не знаете, – сказал он, когда ему ответил мужской голос, – но у меня есть то, что для вас очень важно. Позвольте задать вам гипотетический вопрос. Если кто-нибудь вам скажет, что, судя по вашему

удостоверению, вы – медбрат, что бы вы сказали?

Помедлив, голос ответил:

– Я бы сказал, что у него мой кошелек.

– Хорошо, – продолжал Джим, – и вы можете описать мне ваш кошелек и сказать, что еще в нем находится?

Человек описал кошелек и перечислил его содержимое.

– Каким образом вы потеряли его?

– Я был с моим другом на придорожном месте отдыха между Афинами и Ланкастером. Два парня вошли в мужской туалет. У одного был пистолет, у другого – шпага. Они отобрали у нас кошельки, кольца, часы, потом отвезли в лес и оставили там.

– Какая это была машина?

– Парень, у которого была шпага, вел синий «понтиак гран-при». – Он назвал номер машины.

– Почему вы так уверенно назвали машину и номер?

– На днях я снова увидел эту машину в центре. В магазине я стоял недалеко от того парня, со шпагой, а потом последовал за ним до тачки. Это тот самый парень.

– Почему вы не сдали его полиции?

– Потому что я должен получить очень важную для меня новую работу, а я гомосексуалист. Если я сообщу об этом инциденте, то выдам не только себя, но и целую группу моих друзей.

– Хорошо, – сказал Джим. – Исходя из того, что вы не станете сообщать об этом происшествии, чтобы не выдать себя и своих друзей, вы получите обратно ваш кошелек и личные вещи. Пусть это будет анонимно. Вы получите все по почте.

Положив трубку, Джим откинулся на спинку стула и глубоко вдохнул. Посмотрел на мать, Дела и Кэти:

– У Билли действительно неприятности.

Затем снова поднял трубку.

– Кому ты теперь звонишь? – спросила Кэти.

– Собираюсь предупредить Билли, что приеду завтра взглянуть на его новую квартиру.

– И я с тобой, – сказала Кэти.

На следующий день вечером, в канун Рождества, Томми приветствовал Кэти и Джима на пороге своей квартиры. Он был босиком. За его спиной, в углу, стояла ярко освещенная елка, окруженная подарками. На стене висел декоративный диск с двумя перекрещенными шпагами. Пока Джим и

Томми разговаривали, Кэти извинилась и прошла наверх. Она хотела посмотреть, не найдется ли еще доказательств его походов.

– Послушай, ответь мне на один вопрос, – сказал Джим, когда они остались одни. – Откуда ты берешь деньги на все это: на двухуровневую квартиру, на все эти подарки, одежду, на эти часы?

– Моя девушка работает, – сказал Томми.

– Марлен платит за все эти вещи?

– Кое-что куплено в кредит.

– Эти кредитные карточки выйдут тебе боком, если ты не будешь осторожным. Надеюсь, ты еще не увяз по уши.

Джим, который только что кончил курсы ВВС по технике допроса, решил использовать приобретенные знания, чтобы помочь брату. Если ему удастся заставить брата выложить все, признать свою неправоту, может быть, получится избавить его от тюрьмы.

– Носить с собой кредитные карточки опасно, – сказал Джим. – Их крадут, арестовывают, и тебя могут арестовать при платеже...

– Мой долг всего пятьдесят долларов. А после этого уже отвечает компания. Они могут себе позволить заплатить.

– Я прочитал в газетах, – сказал Джим, – что у людей, которые были на том месте отдыха, украли кредитные карточки. Я хочу сказать, что то же самое может случиться и с тобой.

Джим заметил в глазах Билли что-то странное, они как бы потускнели, остановились. Это напомнило ему Челмера Миллигана, который смотрел так же, когда у него наступал приступ гнева.

– Эй, с тобой все в порядке?

Кевин посмотрел на него, спрашивая себя, что здесь делает Джим и как долго он уже пробыл в квартире. Он взглянул на свои новые часы. Без пятнадцати десять.

– Что? – спросил Кевин.

– Я сказал, с тобой все в порядке?

– Конечно. Почему я должен быть не в порядке?

– Я говорил, чтобы ты был осторожен с кредитными карточками. Ты знаешь, все эти грабежи на дорогах, в местах отдыха...

– Чего на свете не бывает.

– А еще я слышал, что некоторые из ограбленных – гомосексуалисты.

– Тем более получили по заслугам.

– Что ты имеешь в виду?

– Почему эти гомики имеют такие деньги и вещи?

– Но грабитель должен быть осторожным, кто бы он ни был. За такие

дела сажают надолго.

Кевин пожал плечами:

– Этих парней надо еще найти. И доказать.

– Ну, например, у тебя на стене шпага, точно такая же, как описывают эти парни.

– Они не могут доказать, что та шпага – это моя, которая на стенке.

– Может, и так, но при ограблении был также и пистолет.

– Я был без оружия. На этом меня не расколоть.

– Они прижмут другого парня, хозяина пистолета, а его напарник пойдет как сообщник.

– Меня не смогут связать с тем грабежом, – упорствовал Кевин. – Не тот случай, чтобы гомики предъявляли обвинение. Да и отпечатков никаких нет.

Кэти спустилась вниз и посидела с ними несколько минут. Когда Билли поднялся наверх в ванную комнату, она передала Джиму то, что нашла.

– Боже правый, – пробормотал Джим. – Столько кредитных карточек, и все с разными именами. Как мы вытащим его из этого?

– Надо помочь ему, Джим. Это не похоже на Билли.

– Я знаю. Может быть, единственный способ – сказать ему прямо.

Когда Кевин спустился, Джим показал ему кредитные карточки:

– Вот о чем я говорил, Билли. Это ты совершал те ограбления, и ты держишь все улики у себя дома.

Кевин рассвирепел и закричал:

– Ты не имеешь права заявляться в мой дом и шарить в личных вещах!

– Билли, мы пытаемся помочь тебе, – сказала Кэти.

– Это частная собственность, так что попрошу не соваться без ордера.

– Я же твой брат! Кэти – твоя сестра. Мы лишь стараемся...

– Улики, добытые без ордера на обыск, не имеют силы в суде.

Джим попросил Кэти подождать его в машине на случай драки. Когда он опять обратился к Кевину, тот направился в кухню.

– Билли, ты покупаешь все эти вещи по кредитным карточкам. На этом тебя и поймают.

– Они никогда не узнают, – настаивал Кевин. – Я покупаю одну-две вещи, потом выбрасываю карточку. Я граблю только голубых и тех, которые обижают других людей.

– Это преступление, Билли.

– Это мое дело.

– Но тебе грозит беда!

– Ты не имеешь права приезжать сюда из Спокана и лезть в мои дела. Я – это я. Я человек взрослый. Я живу отдельно. Чем я занимаюсь, мое дело. Кроме того, ты уже давно ушел из семьи.

– Так оно и есть. Но мы же беспокоимся о тебе.

– Я не просил вас приходить сюда. Катитесь к черту, сейчас же!

– Билли, я не уйду, пока мы не выясним все.

– Ну и черт с тобой! Тогда я уйду!

Джим, который всегда был сильнее младшего брата и к тому же занимался в ВВС рукопашным боем, встал между Кевином и дверью. Он схватил Кевина и перекинул его через себя. Джим не хотел так резко с ним поступать, но Кевин упал на елку, елка отлетела к стене и рухнула на подарки. Коробки смялись. Лампочки закачались. Провод выскочил из розетки, и свет погас.

Кевин встал и опять двинулся к двери. Он не был борцом и вообще не хотел драться с Джимом, но ему надо было выйти отсюда. Джим схватил его за рубашку и отбросил к бару.

Кевин сошел с пятна.

Ударившись о бар, Рейджен быстро сообразил, кто напал на него, хотя понятия не имел, по какой причине. Джим ему никогда не нравился. Рейджен не мог простить Джиму, что тот ушел из дома, оставив женщин и Билли одних с Челмером. Увидев, что Джим блокирует дверь, Рейджен пошарил сзади рукой, схватил с бара нож и метнул его с такой силой, что нож воткнулся в стену рядом с головой Джима.

Джим замер. Он никогда не видел выражения такой холодной ненависти в глазах Билли, не знал, что тот способен на такую мгновенную реакцию. Он посмотрел на нож, все еще раскачивающийся в нескольких дюймах от его головы, и понял: брат ненавидит его до такой степени, что способен убить. Джим отступил от двери, и Рейджен молча прошел мимо него, вышел из квартиры, на снег, босиком...

Денни оказался на улице, недоумевая, почему он идет по замерзшей улице в разорванной рубашке, босиком, без перчаток. Он повернулся и пошел обратно в дом, а войдя, с удивлением увидел, что Джим стоит на пороге и смотрит на него как на сумасшедшего.

Денни увидел за спиной Джима упавшую елку и смятые подарки. И вдруг испугался.

– Я не хотел опрокидывать твою елку, – сказал Джим, пораженный невероятной переменой в лице брата: прежний гнев исчез, и теперь Билли был испуган и дрожал.

– Ты сломал мою елку, – заплакал Денни.

– Извини.
– Желаю тебе веселого Рождества, – хныкал Денни, – потому что мне ты его испортил.
Кэти, которая ждала в машине, вбежала вся побледневшая:
– Полиция!
Через несколько секунд раздался стук в дверь. Кэти посмотрела на Джима, потом на Билли, который плакал, как ребенок.
– Что вы собираетесь делать? – сказала она. – Что, если они...
– Лучше впустить их, – сказал Джим.
Он открыл дверь и впустил двух офицеров.
– Мы получили сообщение о беспорядке, – сказал один, заглядывая в гостиную.
– Ваши соседи позвонили и пожаловались, – добавил другой.
– Извините, офицер.
– Сегодня канун Рождества, – сказал первый. – Люди собрались со своими детьми. Что тут происходит?
– Просто семейная ссора, – сказал Джим. – Но уже все в порядке. Мы не знали, что производим такой шум.
Офицер сделал пометку в блокноте.
– Не надо ссориться, ребята. Держите себя в рамках.
После того как полицейские ушли, Джим взялся за пальто.
– Ладно, Билли. Думаю, пора прощаться. Я пробуду в Ланкастере еще пару дней, потом должен вернуться на базу.

Когда Джим и Кэти уходили, Денни все еще плакал.
Дверь захлопнулась. Томми огляделся, пораженный. Его рука кровоточила. Он вынул осколки стекла из ладони и промыл порезы, удивляясь, куда ушли Джим и Кэти и почему квартира в таком беспорядке. Он так трудился над этой елкой, а теперь – посмотрите на нее! Все подарки он и другие сделали своими руками – ни одного купленного. Наверху у него был рисунок для Джима – морской пейзаж, который, он знал, понравился бы Джиму. Он хотел подарить его брату.

Томми поднял упавшее дерево и постарался, чтобы елка опять выглядела прилично. Но большинство украшений были повреждены. Такая красивая была елка! У него хватило времени только на то, чтобы приготовить подарок для Марлен до ее прихода. Томми проявил инициативу и позвал ее на Рождество.

Марлен была потрясена беспорядком.
– Что случилось?

– Я не знаю, – сказал Томми. – Да мне и наплевать, говоря по правде. Я только знаю, что люблю тебя.

Она поцеловала его и повела в спальню. Она знала, что в такие моменты, когда в его голове все перемешивается, Билли наиболее уязвим и нуждается в ней.

Томми покраснел и закрыл глаза. Следуя за ней, он удивлялся, как это получалось, что он никогда не задерживался на пятне достаточно долго, чтобы потом выйти из спальни.

В день Рождества Аллен, не имевший представления о том, что случилось накануне, отказался от попытки объяснить причину беспорядка в гостиной. Он мысленно опросил всех, но никто ему не ответил. Боже, как надоели все эти моменты переключения! Аллен постарался по возможности спасти подарки, вновь завернул разорванные пакеты и погрузил их в машину, захватив и рисунок Томми для Джима.

Когда Аллен приехал на Спринг-стрит, он быстро сообразил, что случилось накануне. Джим был чертовски сердит на него за бросок ножом, а Кэти, Дел и мать бросились обвинять его в каких-то ограблениях.

– Это ты совершил те дорожные ограбления, – кричал Дел, – и использовал для этого машину, которая зарегистрирована на имя твоей матери.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – кричал в ответ Аллен.

Чувствуя отвращение ко всему и всем, он громко протопал наверх.

Пока его не было, Дел проверил карманы его куртки и нашел ключи от машины. Он, Кэти, Джим и Дороти вышли на улицу проверить багажник. Они нашли кредитные карточки, удостоверения водителя и карту дорог. Места отдыха по дороге 33 были помечены крестиками.

Когда они возвращались, Кевин стоял в дверях, наблюдая за ними.

– Ты сделал это, – обвинил его Дел, ткнув ему в лицо улики.

– Не о чем беспокоиться, – ответил Кевин. – Меня не поймают. Это идеальное преступление. Говорю же, отпечатков нет, а гомики будут помалкивать.

– Чертов дурак! – закричал Дел. – Джим позвонил парню, чей кошелек ты украл. Парень видел тебя в городе. Ты втянул всю нашу семью в твоё проклятое «идеальное преступление».

Все увидели, как лицо Билли изменилось: холодность уступила место панике.

Они решили помочь Билли, избавившись от улик. Джим возьмет «гран-при» с собой в Спокан и будет выплачивать за нее кредит. Билли

должен выехать из квартиры на Сомерфорд-сквер в меньшую квартиру на Мэйвуд-авеню.

Слушая все это, Денни недоумевал, о чем это они говорят и когда же начнут открывать подарки.

Глава шестнадцатая

1

В среду, 8 января, поджидая Марлен на ланч в торговом центре Мемориал-Плаза, Томми увидел, как к аптечному магазину Грея подъехал фургон. Они заметили поставщика, вошедшего в магазин с большой коробкой. Томми пробормотал:

– Привезли наркотики. Значит, фармацевт будет сегодня работать допоздна.

Марлен посмотрела на него с любопытством. Он не знал, почему сказал это.

Кевин планировал ограбить магазин. Он встретился с Уэйном Лафтом и с другим приятелем, Гоем Бейли, и предложил им свой план. Те совершат ограбление и львиную долю наркотиков и денег возьмут себе. А он удовольствуется двадцатью процентами за составление плана.

В ту ночь, следуя инструкциям Кевина, двое грабителей подождали до половины второго, потом под угрозой оружия заставили фармацевта вернуться в магазин, опустошили сейф и шкаф с наркотиками.

Следуя плану, они выехали в лес, перекрасили свой белый «додж-универсал» в черный цвет и поехали дальше, за Кевином. Дома у Бейли Кевин проверил ассортимент наркотиков: риталин, прелудин, демерол, секонал и еще много других.

Кевин вычислил, что, если продавать наркотики на улицах, можно получить тридцать–тридцать пять тысяч долларов, и увидел, как любопытство на лицах приятелей сменяется жадностью. По мере того как ночь подходила к концу и все уже забалдели, каждый из двух тайно подошел к Кевину с предложением убрать третьего, а добычу поделить между собой. К утру, когда и Бейли, и Лафт «отключились», Кевин упаковал деньги и наркотики в два чемодана и отправился в Коламбус на своих двоих. Он знал, что никто из них не осмелится выступить против него. Его боялись. Они часто повторяли, что Кевин псих, что однажды он кулаком пробил дверь и расстрелял из автомата Томпсона машину знакомого парня.

Полиция будет предупреждена, в этом Кевин не сомневался. Но как только он избавится от наркоты, никто ничего не сможет сделать. Фармацевт видел их лица, а не его. Не было ничего, что могло бы связать

его с ограблением.

На следующий день, когда Марлен взяла «Ланкастер игл газетт» и прочитала об ограблении аптечного магазина Грея, она почувствовала внезапную слабость.

Несколько дней спустя Томми пришел, чтобы вместе с ней пообедать. Она с удивлением увидела, что он перекрасил свой старый «додж» в черный цвет, причем неряшливо.

– Ведь это ты сделал, да? – прошептала она.

– Что? Покрасил машину? – с невинным видом спросил Томми.

– Ты ограбил аптечный магазин.

– Ой, зачем так кричать! Теперь ты называешь меня преступником?

Марлен, я ничего об этом не знаю. Клянусь тебе!

Марлен смутилась. Что-то говорило ей, что он виноват, но он так искренно огорчился, когда она его обвинила. Если только он не был величайшим актером в мире, его отрицание было правдой.

– Я молю Бога, чтобы ты не был замешан в этом, – сказала она.

После того как они расстались, Аллен расстроился из-за обвинений Марлен. Он чувствовал, что что-то не так. Возвращаясь на работу, он решил, что ему нужна помощь.

– Внимание, ребята, – громко сказал он. – У нас проблемы.

– Все в порядке, Аллен, – сказал Артур. – Смотри на дорогу.

– А ты не хочешь сесть за руль?

– Лучше не надо. Я плохо себя чувствую на американских дорогах.

Поезжай, пожалуйста.

– Ты можешь как-нибудь объяснить происходящее? – спросил Аллен.

– Я был так занят научной работой в период последнего «спутанного времени», что толком не знаю, но подозреваю, что кто-то из «нежелательных» крадет время и совершает преступления.

– Вот и я хотел сказать тебе то же самое.

– Полагаю, нам нужен Рейджен, – сказал Артур. – Ты можешь его найти?

– Я пытался. Господи, его никогда нет на месте, когда он требуется!

– Хорошо, попробую отыскать его. А ты внимательнее следи за дорогой.

Артур поискал в своем сознании, заглянув в темноту, окружающую пятно. Он увидел образы других. Кое-кто спал в своих кроватях, кое-кто сидел в тени. «Нежелательные» отказались смотреть на него, они больше не признавали его власти над собой. Наконец он нашел Рейджена, занятого игрой с Кристин.

– Ты нужен, Рейджен! Мне кажется, кто-то совершил преступление или несколько преступлений, и теперь всем грозит опасность.

– Это не моя проблема, – сказал Рейджен. – Я не совершал тех преступлений.

– Я верю тебе. Однако позволь напомнить, что, если кто-то из нас попадет в тюрьму, туда пойдут все. Представь Кристин, маленькую симпатичную девчушку, запертую вместе с сексуальными маньяками и извращенцами.

– Черт с тобой! – согласился Рейджен. – Ты знаешь мою слабость.

– Мы должны точно выяснить, что происходит.

Артур приступил к общему допросу. Одного за другим он спрашивал членов семьи, и хотя он был уверен, что некоторые из «нежелательных» лгут, картина стала проясняться. Томми рассказал ему о подозрениях Марлен, что он принимал участие в ограблении аптечного магазина, и сказал также, что накануне он видел, как разгружали наркотики.

Уолтер уверял, что не трогал пистолетов Рейджена с тех пор, как был наказан за застреленную ворону, но вспомнил, что слышал голос с бруклинским акцентом, говорящий об идеальном преступлении на месте придорожного отдыха. Филип в конце концов признался в нападениях на местах отдыха, но отрицал участие в ограблении аптечного магазина.

Кевин признался, что это он спланировал ограбление.

– Но меня там не было. Я только спланировал это, а потом ограбил тех двоих парней. Простое надувательство, и все. Возможно, те парни и предупредили полицию, но я чист. Копы никак не смогут привязать меня к ограблению.

Артур сообщил Аллену и Рейджену:

– А теперь вы оба подумайте: есть ли что-то такое, за что нас могут арестовать?

Похоже, ничего такого не было.

Несколько дней спустя Билли Миллигана опознал один скупщик краденого в Коламбусе, который был в долгу у детектива из отдела по борьбе с наркотиками. Скупщик сообщил, что Миллиган продал ему некоторое количество наркотиков, сходных по описанию с веществами, похищенными из аптечного магазина Грея. Сообщение передали в полицию Ланкастера. Был выписан ордер на арест Билли.

В понедельник, когда Марлен после работы пришла в квартиру, Томми подарил ей обручальное кольцо.

– Я хочу, чтобы оно у тебя было, Марвин, – сказал Томми, называя ее уменьшительно-ласкательным именем. – Если что-нибудь случится, ты знай, я всегда буду любить тебя.

Марлен с недоверием смотрела, как он надевал кольцо ей на палец. О таком моменте она мечтала давно, но сейчас это причиняло лишь боль. Билли купил кольцо, потому что ожидал какой-то беды? На глазах у нее выступили слезы, но Марлен постаралась не показать вида. Неважно, что сделал Билли, неважно, что сделают с ним, – она его не оставит. В календаре за 20 января 1975 года она записала: «Я обручилась. Он ужасно удивил меня».

На следующий день арестовали Денни.

Его посадили в полицейский фургон и доставили в тюрьму округа Фэрфилд. Ему зачитали его права и стали допрашивать. Он не имел понятия, о чем они говорят.

Допрос продолжался несколько часов. Из того, что говорил детектив, Денни понял следующее: Уэйн Лафт вел машину в нетрезвом виде, был задержан и на допросе показал, что это Миллиган и Рой Бейли ограбили аптечный магазин.

Денни в оцепенении смотрел на детективов. Они хотели, чтобы он сделал добровольное признание. Когда ему задавали вопросы, голос Аллена у него в голове подсказывал, как он должен отвечать. Допрос закончился, и Денни попросили подписать показания. Усердно, высунув кончик языка, Денни с сильным нажимом написал: «Уильям Стэнли Миллиган».

– Теперь я могу идти домой? – спросил он.

– Если сможешь заплатить залог десять тысяч долларов.

Денни покачал головой, и его отвели обратно в камеру.

В тот же день, позднее, Марлен нашла поручителя и заплатила залог. Томми вернулся к Дороти и Делу, и они связались с Джорджем Келлнером, адвокатом, который представлял Миллигана в деле об изнасиловании в округе Пикэуэй два года назад.

В ожидании суда Артур узнал о других обвинениях, выдвинутых против Миллигана. Его опознали две жертвы дорожного ограбления. 27 января 1975 года дорожный патруль выдвинул дополнительные обвинения в ограблениях с отягчающими обстоятельствами в местах придорожного

отдыха в округах Фэрфилд и Хокинг.

Ровно через два года после лагеря Зейнсвилля Миллигана посадили в тюрьму округа Фэрфилд.

3

Аллен желал выступить на суде в свою защиту. Артур тоже хотел присутствовать на суде и доказать, что в момент ограбления аптечного магазина его даже поблизости не было.

– А как насчет придорожных ограблений? – спросил Аллен.

– Это сделал Рейджен. Но в целях самообороны.

– Они говорят, что были еще ограбления. Одно за другим.

– Неправда, – настойчиво сказал Рейджен. – Других ограблений я не совершал.

– Тогда кто-то другой совершил, – сказал Аллен.

– А они могут это доказать? – спросил Рейджен.

– Почему я знаю? – возмутился Аллен. – Меня там не было.

– Что нам делать? – спросил Рейджен.

– Неразбериха какая-то, – сказал Артур. – Можно ли доверять этому адвокату? Ему не удалось избавить нас от Зейнсвилля два года тому назад.

– На этот раз он говорит, что можно заключить договор о признании вины, – сказал Аллен. – Насколько я понимаю, если признаться в ограблении аптечного магазина, меня приговорят к шоковому освобождению и нам, возможно, не надо будет сидеть в тюрьме.

– Что такое «шоковое освобождение»?

– Тебя сажают в тюрьму, не сообщая, сколько ты там проторчишь. А потом неожиданно выпускают условно – и ты им по гроб жизни благодарен, что твои неприятности закончились.

– Если так, – сказал Артур, – последуем совету адвоката. За это мы ему и платим.

– Хорошо, – сказал Аллен. – Так и решим. Признание вины в обмен на условное освобождение.

27 марта 1975 года Уильям Стэнли Миллиган признал себя виновным в ограблениях, в том числе с отягчающими обстоятельствами. Через два месяца Аллен узнал, что суд определил ему условное освобождение только за ограбления на придорожных местах отдыха. Но за ограбление аптечного магазина ему грозило от двух до пяти лет тюрьмы. Все были ошеломлены.

9 июня, после сорока пяти дней пребывания в исправительной колонии Мэнсфилда, Аллена посадили в синий автобус исправительной колонии штата Огайо вместе с другими шестьдесятю девятью заключенными, скованными попарно, и отвезли в Ливанскую исправительную тюрьму.

Аллен старался не смотреть на вооруженную охрану. Как он выживет эти два года? Страх охватил его, когда автобус подъехал к тюрьме и он увидел забор из колючей проволоки и сторожевые вышки вдоль стен. Заключенные вышли из автобуса и прошли в здание через приемник-распределитель.

Первая из двух дистанционно управляемых дверей со свистом открылась, затем закрылась за ним. Это напомнило Аллену свист Челмера – и страх стал невыносимым. Аллен так и не дошел до второй двери...

Рейджен услышал свист, когда открылась вторая дверь. Он кивнул головой и прошаркал в блок с камерами в строю скованных попарно заключенных. Теперь Артур уже не властвовал. Здесь начиналась власть Рейджена. Только он один будет решать, кому вставать на пятно и сходить с него последующие два или пять лет. С громким лязгом тяжелая железная дверь захлопнулась за Рейдженем Вадасковиничем.

Глава семнадцатая

1

Рейджен нашел, что Ливанская тюрьма значительно лучше исправительной колонии Мэнсфилда. Она была новее, чище, светлее. В первый же день на вводной беседе новичкам сообщили правила внутреннего распорядка, рассказали, какая их ждет работа и занятия.

Крупный мужчина с тяжелым подбородком и шеей футболиста встал и, скрестив руки, стал покачиваться взад-вперед.

– Так, – сказал он. – Я капитан Лич. Вы, парни, думаете, что очень крутые? Ну, теперь вы мои! Вы безобразничали на улицах, но если и здесь будете безобразить, я разобью вам ваши поганые головы. Права человека, говорите? Права для людей писаны, а не для кусков мяса вроде вас. Только высуньтесь, и я вас в порошок сотру!

Он долбил это минут пятнадцать. Рейджен решил, что человек пытается просто напугать их, что все это только слова.

Но потом Рейджен заметил, что психолог, худенький блондин в очках, проповедует то же самое:

– Вы теперь ничто. Только номера. Вы не имеете лица. Никого не интересует, кто вы и почему вы здесь. Вы только преступники и заключенные.

Слыша такие оскорбления от маленького человечка, некоторые из вновь прибывших стали отвечать ему:

– Кто ты такой, черт побери, чтобы так разговаривать с нами?

– Что это за дерьмо, парень?

– Я не номер!

– Ты долбаный урод!

– Засунь это себе в задницу, псих!

Рейджен молчал, наблюдая реакцию заключенных. Он подозревал, что психолог нарочно провоцирует их.

– Вот видите? – сказал психолог, ткнув в них указательным пальцем. – Посмотрите, что получается. Вы не можете находиться в обществе, потому что, когда вы попадаете в сложную ситуацию, вы не знаете, как ее контролировать. На слова реагируете с грубой враждебностью и неистовством. Может быть, теперь вы поймете, почему общество стремится изолировать вас, пока вы не научитесь соответствовать ему.

Заключенные, поняв, что это был своего рода урок, сели и начали глуповато переглядываться.

В главном коридоре заключенные-ветераны наблюдали все это и отпускали язвительные замечания, когда новички стали выходить из комнаты ориентировок:

- Новое мясо прибыло!
- Эй, суки, до скорого свиданьица!
- А вон тот милашка. Она моя.
- Черт, я ее первый увидел!

Рейджен знал, что они показывают на него, и ответил ледяным взглядом. Ночью в камере он обсудил положение с Артуром.

– Здесь ты за все отвечаешь, – сказал Артур, – но я хотел бы отметить, что значительная доля тех шуток и поддразниваний – просто способ «выпустить пары», немного посмеяться. Тебе следует различать тюремных комиков и тех, кто действительно опасен.

Рейджен согласно кивнул:

- Я тоже так думаю.
- У меня есть предложение.

Рейджен слушал, чуть улыбаясь. Забавно было слышать, как Артур предлагает, вместо того чтобы приказывать.

– Я заметил, что заключенные, которые носят зеленую больничную форму, единственные – кроме охраны, – кому разрешается ходить в центре коридоров. Когда настанет время определяться на работу, было бы неплохо, чтобы Аллен попросился в тюремный лазарет.

– Зачем нам это надо?

– Работа медбратом может обеспечить некоторую безопасность, особенно для детей. Видишь ли, в тюрьме помощника медика уважают, поскольку каждый заключенный знает, что когда-нибудь ему может понадобиться экстренная медицинская помощь. Через Аллена я буду выполнять работу.

Рейджен согласился, что идея неплохая.

На следующий день, когда охранники стали опрашивать новичков, кто где работал и какая у кого специальность, Аллен сказал, что хотел бы работать в тюремном лазарете.

– У тебя была практика? – спросил капитан Лич.

Аллен ответил, как научил его Артур:

– Когда я служил на флоте, там была школа фармацевтов при морской базе в Грейт-Лейке. Я работал там в госпитале.

Это была не совсем ложь. Артур приобрел эти знания самостоятельно.

Он ведь не сказал, что учился на медика.

На следующей неделе из тюремного лазарета позвонили, что доктор Харрис Стейнберг, директор медицинской части, хочет видеть Миллигана. Проходя по широким залам, Аллен заметил, что Ливанская тюрьма построена в форме гигантского девятиногого краба. Вдоль стен центрального коридора были расположены кабинеты. От него с разными интервалами и в разные стороны отходили коридоры с камерами. В лазарете Аллен ждал в комнате, отделенной непробиваемыми стеклянными перегородками, наблюдая за доктором Стейнбергом, пожилым седовласым человеком с добрым румяным лицом и мягкой улыбкой. Аллен заметил на стенах рисунки.

Наконец доктор Стейнберг жестом пригласил его войти в кабинет.

– Я так понял, что у вас есть опыт лабораторной работы.

– Всю свою жизнь я хотел стать врачом, – сказал Аллен. – И вот подумал: у вас тут столько народу, что не помешает поставить лишнего человека на анализы крови и мочи.

– Вы когда-нибудь занимались этим?

Аллен кивнул:

– Конечно, это было давно, и кое-что я подзабыл, но ведь вспомнить недолго. Я быстро все схватываю. Признаюсь вам, док: когда выйду отсюда, хочу работать в этой области. Дома я самостоятельно изучал книги по медицине. Особенно меня интересует гематология. Дайте мне шанс, док, не пожалеете.

Казалось, Стейнберга не убедила его болтовня, поэтому Аллен решил произвести впечатление другим способом.

– Чудесные картины, – сказал он, бросив взгляд на стену. – Я предпочитаю масляные краски акриловым, но у этого мастера хороший глаз на детали.

На лице доктора появился интерес.

– Так вы рисуете?

– Всю свою жизнь. Медицина – мой суровый долг обществу, а живопись – мечта невинной юности. Люди говорят, что у меня природный талант. Вы позволите написать ваш портрет? У вас выразительное лицо.

– Я собираю предметы искусства, – сказал Стейнберг. – И сам немного рисую.

– Я всегда чувствовал, что искусство и медицина сродни друг другу.

– Вы когда-нибудь продавали свои рисунки?

– Так, кое-что: пейзажи, натюрморты, портреты. Я надеюсь, у меня здесь появится возможность рисовать.

Стейнберг повертел в руках карандаш.

– Хорошо, Миллиган. Я позволю вам работать в лаборатории. Начните с того, что вымойте пол, а когда справитесь с этим, приведите в порядок рабочее место. Вы будете работать со Стоми, дежурным медбратом. Он покажет вам, что и как надо делать.

2

Артур был в восторге. Он не возражал против того, чтобы вставать раньше других заключенных и делать анализы крови. Недовольный, как производится запись в медицинских картах, Артур завел свои истории болезни на четырнадцать диабетиков, которых он вскоре стал считать своими пациентами. Большую часть дня он проводил в лаборатории, работая с микроскопом и готовя предметные стекла. Уставший и счастливый, возвращаясь в половине четвертого в свою камеру, он почти не обращал внимания на своего нового соседа, худощавого молчаливого человека.

Адалана украсила пустую камеру, расстелив на полу и развесив по стенам узорчатые полотенца. Вскоре Аллен взялся за махинации: менял пестрое полотенце на пачку сигарет, затем раздавал сигареты с процентами – за одну он получал потом две. В конце недели у него уже было две пачки, и бартер все увеличивался. Наряду с передачами, получаемыми от матери и Марлен, Аллен смог покупать себе еду у интенданта и, таким образом, не ходить в столовую по вечерам. Он затыкал раковину резиновой пробкой, принесенной из лаборатории, наливал горячую воду и разогревал консервную банку с курицей и клецками, супом или тушеной говядиной, пока еда не становилась теплой и приятной на вкус.

Аллен с гордостью носил свою зеленую форму, испытывая удовольствие от того, что может ходить или даже бежать по главному коридору, вместо того чтобы, как таракан, ползти вдоль стен. Ему нравилось, когда его называли «док». Он дал Марлен названия некоторых книг по медицине, чтобы она купила их для него. Артур серьезно занимался медициной.

Когда Томми узнал, что другие заключенные внесли в список посетителей своих подружек в качестве гражданских жен, чтобы им разрешали посещать тюрьму, он сказал Рейджену, что хочет записать Марлен как свою жену. Сначала Артур возражал, но Рейджен проявил здесь свою власть. Как жена Миллигана, она могла приносить в тюрьму вещи.

– Напиши ей, – сказал Рейджен, – чтобы принесла апельсинов. Но сначала пусть возьмет шприц для подкожных инъекций и введет в них водку. Хорошая штука получается.

Ли впервые встал на пятно в Ливанской тюрьме. Комик, остряк, любитель розыгрышей, он демонстрировал на практике теорию Артура, что смех – спасительный клапан и высоко ценится большинством заключенных. Поддразнивание другими заключенными, которое сначала так напугало Денни и рассердило Рейджена, теперь стало развлечением для Ли. Рейджен слышал, что отец Билли был комиком и конференсье, который называл себя «наполовину музыкант, наполовину остряк». Рейджен решил, что Ли может сыграть свою роль в тюрьме.

Но Ли не ограничился смешными историями. Он начинил сигареты Аллена: соскреб серу с нескольких спичек, палочку подержал в сладкой воде, потом обвалял ее в сере и спрятал в табачке. Пару таких сигарет он положил в пачку Аллена, и когда кто-нибудь из заключенных просил сигарету, Ли давал ему «начиненную» сигарету. Идя по коридору или выходя из кафетерия, он слышал гневные крики жертвы, когда сигарета разгоралась ярким пламенем. Некоторые из них взрывались прямо в лицо Аллену.

Однажды утром, когда работа с кровью была закончена, Артур, задумавшись о проценте серповидно-клеточной анемии среди чернокожих заключенных, сошел с пятна. Ли, которому в этот момент нечего было делать, решил устроить шутку. Он открыл банку с экстрактом лукового масла, макнул туда тампон и обвел ободок окуляра.

– Эй, Стоми, – сказал он, протягивая медику предметное стекло, – доктор Стейнберг хочет срочно сделать анализ крови на лейкоциты. Посмотри это под микроскопом.

Стоми положил предметное стекло на столик микроскопа и навел фокус. Вдруг он резко откинул голову, глаза его наполнились слезами.

– Что случилось? – невинно спросил Ли. – Это настолько печально?

Не в силах контролировать себя, Стоми зарычал, смеясь сквозь слезы:

– Ах ты, сукин сын! Как только тебя земля носит!

Он пошел к раковине и промыл глаза.

Вскоре после этого Ли увидел, как вошел заключенный и дал Стоми пять баксов. Стоми взял с полки колбу 11-С, вынул пробку и передал колбу заключенному, который сделал большой глоток.

– Что это? – спросил Ли, когда заключенный ушел.

– «Белая молния». Сам приготовил. Пять баксов за глоток. Если меня

не будет поблизости, когда кто-нибудь из заключенных придет, можешь заменить меня, получишь один бакс из пяти.

Ли ответил, что будет счастлив оказать услугу.

– Послушай, – продолжал Стоми, – доктор Стейнберг хочет привести в порядок аптечку. Ты не сделаешь это? У меня есть другие дела.

Пока Ли приводил в порядок аптечку, Стоми взял колбу 11-С с полки, вылил спирт в мензурку, наполнил колбу водой и обвел края колбы горьковато-сладким концентратом.

– Мне нужно сходить к доктору Стейнбергу, – сказал он Ли. – Не забудь о бизнесе, о'кей?

Через десять минут в лабораторию вошел огромный чернокожий заключенный и сказал:

– Дай мне 11-С, парень. Я заплатил Стоми десять баксов за два глотка. Он сказал, что ты знаешь, где это.

Ли передал ему колбу. Чернокожий быстро приложил колбу ко рту и опрокинул ее вверх. Вдруг глаза его округлились, он плюнул и стал блевать.

– Ты, белый сукин сын! Какого дерьма ты мне подсунул?

Он делал странные движения губами, пытаясь стереть рукавом мерзкий вкус. Потом схватил колбу за горлышко, грохнул ею о стол так, что доньшко отлетело и жидкость забрызгала зеленую форму Ли, и стал размахивать рваным краем колбы.

– В клочья порву, сволочь белая!

Ли отступил к двери.

– Рейджен, – прошептал он. – Эй, Рейджен!

Охваченный ужасом, Ли ждал, что Рейджен придет к нему на помощь. Но никто не пришел. Он рванул в дверь и побежал по коридору, чернокожий бросился за ним.

Рейджен хотел было встать на пятно, но Артур сказал:

– Ли должен получить урок.

– Но я не могу позволить, чтобы его порезали, – сказал Рейджен.

– Если его не остановить, – сказал Артур, – в будущем он может представлять для нас большую опасность.

Рейджен последовал совету и не стал вмешиваться, пока Ли бежал по коридору, в ужасе крича:

– Рейджен, где же ты, черт возьми?

Когда Рейджен почувствовал, что Ли достаточно проучен и ситуация становится слишком опасной, он с силой вытолкнул Ли с пятна, остановился и швырнул больничную койку прямо под ноги

преследователю. Великан упал на разбитую колбу и поранил себе руку.

– Хватит! – рявкнул Рейджен.

Чернокожий вскочил, трясясь от гнева. Рейджен схватил его, кинул в рентгеновский кабинет и прижал к стенке.

– Достаточно! – сказал Рейджен. – Нажми на тормоза, иначе я тебя сломаю.

Чернокожий остолбенел от внезапной перемены. Вместо испуганного белого мальчишки его загнал в угол матерый уголовник с русским акцентом и диким взглядом. Рейджен поймал его мощным захватом сзади, рукой стиснув ему шею, и прошептал на ухо:

– Давай остановимся. Нужно привести все в порядок.

– Да, да, все в порядке, все в порядке...

Рейджен отпустил чернокожего. Тот попятился:

– Без обид, парень, все нормально...

И чуть не бегом бросился прочь.

– Варварский способ справляться с ситуацией, – заметил Артур.

– А ты бы что сделал? – спросил Рейджен.

Артур пожал плечами:

– Вероятно, то же самое. Если бы у меня была твоя сила.

Рейджен кивнул.

– А что делать с Ли? – спросил Артур. – Тебе решать.

– Он «нежелательный».

– Правильно. Что хорошего в человеке, вся жизнь которого состоит из розыгрышей? Он – бесполезный андроид.

Ли был лишен права вставать на пятно. Но вместо того чтобы жить в постоянной темноте вокруг пятна, не в состоянии вынести существования без розыгрышей и смеха, он предпочел совсем исчезнуть.

И очень долго никто не смеялся.

3

Письма Томми стали отражать непредсказуемые перемены настроения. Он писал Марлен: «У меня распухли костяшки пальцев» – и описывал драку с заключенными, которые крали у него почтовые марки. 6 августа он клялся, что покончит с собой, а через пять дней попросил ее прислать акриловые краски, чтобы он снова мог рисовать.

Артур поймал четырех мышей и стал приручать их. Он изучал их поведение и начал писать длинную статью о возможности пересадки кожи

мышей на обожженные места человека. Однажды вечером, когда он сидел в лаборатории и делал некоторые записи, вошли трое заключенных. Один встал на страже, двое других подошли к нему.

– Дай мне пакет, – сказал один из них. – Мы знаем, что у тебя есть. Дай нам.

Артур покачал головой и продолжал писать. Двое обошли вокруг стола и схватили его...

Рейджен стряхнул их с себя, отшвырнув одного, затем другого. Когда стоявший на страже подошел к нему с ножом, Рейджен сломал ему кисть. Все трое убежали, причем один кричал:

– Ты труп, Миллиган! Береги задницу!

Рейджен спросил Артура, знает ли он, что произошло.

– Какой-то пакет, – сказал Артур. – По тому, как они себя вели, думаю, это наркотики.

Он обыскал лабораторию и пункт бесплатной раздачи лекарств. Наконец позади книг и разных бумаг на верхней полке обнаружился пластиковый пакет с белым порошком.

– Это героин? – спросил Аллен.

– Надо сделать анализ, – сказал Артур, кладя пакет на весы. – Здесь полкилограмма.

Анализ показал, что это кокаин.

– Что ты будешь с этим делать?

Артур разорвал пакет и смыл порошок в туалет.

– Кто-то будет ужасно расстроен, – сказал Аллен.

Но Артур уже обдумывал свою статью о пересадке кожи.

Артур был наслышан о тюремной хандре. Большинство заключенных в процессе привыкания к тюремной жизни переживают период беспокойства и тревоги. Когда заключенный теряет свою независимость и личность, когда он вынужден терпеть подавление, такая перемена часто приводит к депрессии и эмоциональному срыву. У Миллигана это вызвало очередное беспорядочное переключение личностей.

Письма к Марлен изменились. Филип и Кевин, которые писали всякие непристойности и рисовали порнографические рисунки, писать перестали. Теперь в письмах ясно просматривалась боязнь сойти с ума. В письмах Томми говорилось, что у него странные галлюцинации. Он писал, что днем и ночью изучает книги по медицине. После условного освобождения он приступит к изучению медицины, «даже если на это потребуются пятнадцать лет». Томми обещал, что они поженятся, у них будет свой дом,

он будет заниматься исследованиями и приобретет специальность. «Неплохо звучит? – писал он. – Доктор и миссис Миллиган».

4 октября из-за эпизода с кокаином Миллигана перевели в блок «С» и держали в изоляции. У него отобрали медицинские книги и портативный телевизор. Рейджен оторвал от стены стальные рейки, которыми была прикреплена койка, и защебил ими дверь, так что рабочие вынуждены были снять дверь, чтобы выпустить его из камеры.

У него оказался нарушен сон, появились жалобы на частую рвоту и нелады со зрением. Доктор Стейнберг время от времени посещал его, прописывая легкое успокоительное и спазмолитики. Несмотря на то что, по его мнению, проблемы Миллигана носили чисто психологический характер, 13 октября доктор все же приказал перевести Миллигана из Ливанской тюрьмы в Центральную клинику в Коламбусе.

Находясь там, Аллен написал в Американский союз гражданских свобод, прося о помощи, однако безрезультатно. Через десять дней у него обнаружили язву желудка и двенадцатиперстной кишки. Была прописана диета, и Миллигана вернули в тюрьму, снова в изоляцию. Появилась информация, что его условное освобождение произойдет не раньше апреля 1977 года – через полтора года.

4

Наступили и прошли Рождество и Новый год, и 27 января Аллен принял участие в объявленной заключенными голодовке. Он писал брату:

Дорогой Джим.

Лежу в камере и вспоминаю нас с тобой, когда мы были детьми. Проходит время, и я все больше и больше ненавижу жизнь. Мне жаль, что из-за меня ваша семья распалась. Фактически я никогда и не был частью семьи. Впереди у тебя большая жизнь, множество целей. Не трать жизнь впустую, как это делал я. Если ты ненавидишь меня за это, прости. Но я все равно уважаю тебя и люблю, как люблю ветер и солнце. Джим, Бог свидетель, я не делал того, в чем меня обвинили. Бог говорит, что у каждого свое место и судьба. Думаю, это место для меня и такая моя судьба! Прости, что я позорю тебя и всех близких.

Билл

Томми писал Марлен:

Моей Марвин

Маре, начинается голодовка и грандиозный бунт. Я пишу это письмо тебе, в случае если заключенные одержат верх. Если они победят, ни одного письма не выпустят. Крики и битье стекол становятся громче. Меня убьют, если я попытаюсь взять еду с тележки...

Кто-то что-то поджег, но пожар быстро потушили. Охранники растаскивают заключенных. События развиваются медленно, но к середине следующей недели заключенные, наверное, одержат верх. Я говорил тебе!!! Снаружи охранники с пулеметами, но это не остановит парней. Я скучаю по тебе, Марвин! Я хочу умереть. Дела становятся все хуже. Последующие несколько дней об этом будут говорить в шестичасовых новостях. Как раз сейчас об этом говорят по радио Цинциннати. Если бунт развернется в полную силу, не приходи. Я знаю, что снаружи будут тысячи людей, ты не дойдешь до передних ворот. Я люблю тебя, Марвин, и скучаю по тебе. Сделай одолжение. Здесь парни говорят, чтобы я отослал это письмо на радио моего города. Они нуждаются в общественной поддержке, чтобы добиться того, чего хотят. Отшли письмо. Спасибо от всех парней. Маре, я люблю тебя очень, очень, очень. Будь осторожна.

С любовью,

Билл.

Если все будет хорошо, принеси какао.

Бобби нацарапал свое имя на стальной койке в изоляторе. Здесь он смог предаться своим фантазиям. Он видел себя актером кино или телевидения, путешественником в далекие места, участником героических приключений. Бобби ненавидел, когда другие называли его Робертом, и настаивал:

– Я – Бобби!

У него был комплекс неполноценности, но не было амбиций. Бобби жил, как губка впитывая идеи и мысли других и выдавая их за свои. Когда кто-нибудь предлагал ему сделать что-то, он отвечал:

– Я не могу.

Он не верил, что способен что-то придумать.

Когда Бобби услышал о голодовке, он вообразил себя лидером, показывающим пример другим заключенным. Как великий Махатма Ганди в Индии, своей голодовкой Бобби поставит на колени репрессивную власть. Когда через неделю забастовка закончилась, Бобби решил, что не перестанет голодать. Он очень сильно похудел.

Однажды вечером, когда охранник открыл дверь камеры и принес поднос с едой, Бобби швырнул поднос в охранника, забрызгав ему лицо.

Артур и Рейджен согласились, что, хотя фантазии Бобби помогали им выжить долгие месяцы в тюрьме, его голодовка ослабляла тело. Рейджен объявил его «нежелательным».

Томми вышел из комнаты свиданий после встречи с матерью Билли, которая приехала поздравить его с днем рождения – ему исполнился двадцать один год. Он обернулся, посмотрел в окно и увидел кое-что, незамеченное им раньше: в разных местах комнаты заключенные сидели рядом со своими женщинами, спрятав руки под небольшими квадратными столиками, не разговаривая и даже не глядя друг на друга, а уставившись прямо перед собой невозмутимыми, словно бы стеклянными глазами.

Когда он рассказал об этом Джонси, заключенному из соседней камеры, тот засмеялся:

– Парень, разве ты не знаешь? Черт возьми, сегодня же День святого Валентина. Они занимаются мануальным сексом.

– Я не верю, не может быть.

– Когда у тебя есть женщина, готовая на все ради тебя, она приходит в юбке, а не в брюках, и без трусов. погоди, в следующий раз покажу тебе голую попку своей подружки.

На следующей неделе Томми входил в комнату свиданий, где его ждала мать Билли. В это время из комнаты выходил Джонси со своей рыжеволосой красавицей. Джонси подмигнул и быстро поднял подол ее юбки, показывая голый зад. Томми покраснел и отвернулся.

Вечером, на середине письма Томми к Марлен, почерк вдруг изменился. Филип писал: «Если ты меня любишь, в следующий раз приходи в юбке и без нижнего белья».

Наступил март 1976 года. Аллен надеялся, что его условно освободят в июне, но когда комиссия по условному освобождению отложила слушание

его дела еще на два месяца, он забеспокоился. Через тюремную систему оповещения – с помощью сигналов – стало известно, что обеспечить себе условное освобождение можно только одним способом – дать взятку клерку, подающему заявку в центральную контору. Аллен опять принялся за свои махинации. Он рисовал карандашом и углем, продавал рисунки заключенным и охранникам за вещи, которыми потом мог торговать. Он написал Марлен, умоляя ее принести апельсины, начиненные водкой. Один будет для Рейджена, а другие пойдут на продажу.

21 июня, через восемь месяцев после первого помещения в изолятор, Томми написал Марлен, что, по его убеждению, отсрочка слушания была своего рода психологической проверкой, «или я, наверное, законченный псих и не понимаю, что делаю». Его перевели в отделение для психических больных в блоке «С» – десять камер, предназначенных для заключенных с психическими расстройствами. Вскоре после этого Денни поранил себя, и когда он отказался от лечения, его опять перевели в Центральную клинику в Коламбусе, а после краткого пребывания там снова вернули в тюрьму.

Будучи в блоке «С», Аллен не переставал посылать тайные письма Уордену Доллману, протестуя против своей оградительной изоляции, которая, как ему сказали, должна быть добровольной. Он писал, что нарушаются его конституционные права и он будет жаловаться в суд. Через несколько недель Артур посоветовал изменить тактику – молчать. Не говорить ни с кем – ни с заключенными, ни с охраной. Он знал, что это их обеспокоит. А маленькие отказались есть.

В августе, после одиннадцати месяцев, проведенных в изоляции, где Миллигана то и дело помещали в отделение для психических больных, ему сказали, что он может вернуться в прежнюю камеру.

– Мы можем дать тебе работу, где будет не так опасно, – сказал Уорден Доллман. Он показал на рисунки карандашом на стене камеры. – Я слышал о твоём таланте художника. Что, если ты будешь работать в художественной студии мистера Рейнерта?

Аллен радостно кивнул.

На следующий день Томми пошел в студию графики. В студии было много народу. Одни занимались шелкографией, другие – тиснением, третьи – фотографией или печатным прессом. Худенький, жилистый мистер Рейнерт первые несколько дней украдкой наблюдал за Томми, которого совсем не интересовало происходящее вокруг него.

– Чем бы ты хотел заняться? – спросил его Рейнерт.

– Я бы хотел рисовать. Я хорошо пишу маслом.

Рейнерт удивленно вскинул голову:

– В тюрьме никто не пишет маслом.

– А я пишу.

– Хорошо, Миллиган, пойдём со мной. Думаю, я знаю, где мы можем достать для тебя материалы.

Томми повезло: в Исправительном учреждении Чилликота занятия изобразительным искусством недавно были прекращены, и все краски, холсты и подрамники переслали в Ливанскую тюрьму. Рейнерт помог ему установить мольберт и сказал, что он может рисовать. Через полчаса Томми принес ему пейзаж. Рейнерт был потрясен:

– Миллиган, я никогда не видел, чтобы кто-нибудь рисовал так быстро. И хорошо нарисовано.

Томми кивнул:

– Я должен был научиться рисовать быстро, чтобы иметь возможность заканчивать свои работы.

Хотя работа маслом не входила в программу занятий графикой, Рейнерт понял, что Миллиган чувствует себя лучше всего, когда у него в руке кисть, поэтому с понедельника по пятницу разрешал рисовать все, что тот захочет. Заключение, охранники и даже кое-кто из администрации восхищались пейзажами Томми. Он нарисовал несколько незамысловатых картин для бартера, которые подписал «Миллиган». Для себя он рисовал другие картины, и ему разрешали отдавать их Марлен или матери, когда они приходили его навещать.

Иногда в студию заходил доктор Стейнберг, который просил у Миллигана совета по поводу собственных занятий живописью. Томми показал ему, как строить перспективу, как нарисовать скалы так, чтобы они казались находящимися под водой. В выходные дни Стейнберг приходил в тюрьму, Миллигана выпускали из камеры, и они вдвоем писали натурные этюды. Зная, что Миллиган ненавидит тюремную пищу, доктор всегда приносил сэндвичи «субмарина» (бутерброд, сделанный из белого батона с различными наполнителями – сосисками, сыром, специями, солеными и маринованными овощами) или рогалики со сливочным сыром и молочный коктейль.

– Я хотел бы рисовать в камере, – как-то сказал Томми Рейнерту.

Рейнерт отрицательно покачал головой:

– При двух заключенных в одной камере – нельзя. Это против правил.

Но такое правило действовало недолго. Несколько дней спустя в камеру Миллигана вошли два охранника, произвели обыск и нашли марихуану.

– Это не мое, – сказал Томми, боясь, что ему не поверят и пошлют в «дыру» – пустой изолятор.

Когда стали спрашивать его соседа по камере, тот признался, что с горя курил марихуану, потому что жена его бросила. Его посадили в изолятор, а Миллиган на некоторое время оказался один в камере.

Рейнерт поговорил с лейтенантом Морено, начальником блока камер, чтобы Миллигану позволили рисовать в камере, пока к нему не подселят другого заключенного. Морено разрешил. Таким образом, каждый день после того, как студия графики закрывалась в половине четвертого, Миллиган возвращался в камеру и рисовал до самого отбоя. Дни проходили быстро. Было легче пережить время.

Однажды охранник сказал, что к нему в камеру поделят нового заключенного. Аллен остановился у кабинета лейтенанта Морено:

– Мистер Морено, если вы ко мне подселите кого-нибудь, я не смогу рисовать.

– Ну что ж, будешь рисовать где-нибудь в другом месте.

– Можно я вам объясню кое-что?

– Приди ко мне попозже, и мы поговорим об этом.

После ланча Аллен возвратился из студии с рисунком, который только что закончил Томми. Морено с удивлением посмотрел на рисунок и спросил:

– Это ты нарисовал? – Лейтенант взял в руки рисунок и стал разглядывать зеленый ландшафт с речкой, теряющейся вдаль. – Послушай, я бы хотел иметь такую картину.

– Я нарисовал бы вам, – сказал Аллен, – только я больше не могу рисовать в камере.

– Ах да... подожди минутку. Так ты нарисовал бы для меня?

– И притом бесплатно.

Морено позвал своего помощника:

– Кейси, сними имя нового заключенного с камеры Миллигана. Вместо него вставь пустую полоску и поставь на ней кресты. – Затем он обратился к Аллену: – Не беспокойся. Ведь до комиссии тебе осталось девять месяцев? Больше в твою камеру никого не поместят.

Аллен был в восторге. Томми, Денни и Аллен рисовали каждую свободную минуту, но ни одной картины не заканчивали.

– Ты должен быть осторожен, – посоветовал Артур. – Как только Морено получит картину, он может нарушить свое слово.

Аллен «мотал» Морено почти две недели, потом пошел в его кабинет, чтобы подарить ему картину – пристань с привязанными к ней лодками.

Морено был очень доволен.

– Вы уверены, что и теперь никого не поделят в мою камеру? – спросил Аллен.

– Я пометил это на стенде. Можешь пойти и посмотреть.

Аллен вошел в комнату охраны. Под его именем он увидел полосу с пометкой: «В камеру Миллигана никого больше не помещать». Полоска была приклеена прозрачной лентой и выглядела постоянной.

Рисовал Миллиган много: картины для охранников, для администрации, для матери и Марлен, чтобы те могли их продать. Однажды его попросили нарисовать картину для вестибюля, и Томми нарисовал огромное живописное полотно, которое должно было висеть за спиной дежурного, впускающего посетителей. Он допустил ошибку, подписав картину своим именем, но Аллен вовремя заметил это, закрыв имя и сделал подпись «Миллиган».

Большинство картин не удовлетворяли его. Они предназначались для быстрой продажи или для бартера. Но однажды он занялся очень важной для него работой – переделкой картины, которую он увидел в художественном альбоме.

Аллен, Томми и Денни по очереди работали над «Грацией Кэтлин». Сначала они думали изобразить аристократку XVII столетия с мандолиной. Аллен рисовал лицо и руки. Томми работал над фоном. Денни выписывал детали. Когда настало время дать ей в руки мандолину, Денни понял, что не знает, как рисовать этот музыкальный инструмент, поэтому он нарисовал нотный лист. Двое суток без перерыва они по очереди работали над картиной. И когда картина была готова, Миллиган рухнул на койку и уснул.

«Грация Кэтлин».

Картина маслом, написанная Алленом и Денни в Ливанской тюрьме, в камере Билли. (Первоначально подписана Билли, но позднее Аллен и Денни поставили свои имена в правом нижнем углу.)

До Ливанской тюрьмы Стив совсем немного времени провел на пятне. Отличный и дерзкий водитель, он несколько раз побывал за рулем, когда был моложе, и потом хвастался, что он самый лучший водитель в мире. В тюрьме Рейджен позволил ему вставать на пятно после того, как Ли был изгнан, потому что Стив тоже умел заставить людей смеяться. Стив похвалялся, что он один из лучших подражателей на белом свете. Он мог имитировать любого, и заключенные смеялись до колик. Имитации были его способом высмеивать людей. Стив вечно выдавал себя за кого-нибудь другого.

Рейджен сердился, когда Стив имитировал его югославский акцент, а Артур неистовствовал, когда Стив начинал говорить с британским

акцентом низших классов.

– Я так не говорю! – настаивал Артур. – Я не говорю на кокни!

– У нас из-за него будут неприятности, – предупредил Аллен.

Однажды Стив стоял в коридоре позади капитана Лича, скрестив руки и подражая манере Лича покачиваться взад-вперед на пятках. Лич обернулся и поймал его на этом.

– Ладно, Миллиган, можешь давать представление в «дыре». Думаю, десять суток в изоляторе будут для тебя хорошим уроком.

– Аллен предупреждал нас, что что-нибудь случится, – сказал Артур Рейджону. – Стив бесполезен – ни амбиций, ни таланта. Все, что он умеет, – это смеяться над людьми. Зрителям весело, а мы наживаем очередного врага. Тебе решать, но, по-моему, врагов у нас и так с избытком.

Рейджен согласился, что Стив – «нежелательный», и сказал, что ему отказано в праве вставать на пятно. Стив отказался освободить пятно и, подражая акценту Рейджена, прорычал:

– Что ты хочешь сказать? Ты не существуешь. Никто из вас не существует. Вы все – плод моего воображения. Здесь только я. Я – единственное реальное лицо. А вы – лишь галлюцинации.

Рейджен ударил его головой о стену, из рассеченного лба пошла кровь. Стив сошел с пятна.

По настоянию Артура Аллен подал заявление на курсы, проводимые в тюрьме инструкторами из филиала общеобразовательного колледжа в Шейкер-Вэлли. Он записался на английский язык, промышленный дизайн, элементарную математику и промышленную рекламу. На занятиях по искусству он получал пятерки, по английскому и математике – четверки с плюсом. Отзывы по графике были в превосходных степенях: «исключительный», «весьма продуктивный», «быстро усваивает», «в высшей степени надежный», «отличные отношения», «очень развита логика».

5 апреля 1977 года Аллен появился перед комиссией по дословному освобождению. Ему сказали, что его освободят через три недели.

Когда Миллиган получил наконец свидетельство об освобождении, Аллен так был рад, что не мог усидеть на месте. Он ходил по камере взад-вперед. Наконец он взял свидетельство и сделал из него бумажный самолетик. За день до освобождения, проходя мимо кабинета капитана Лича, Аллен свистнул. Когда Лич поднял голову, Аллен пустил в него самолетик и пошел дальше, улыбаясь.

Последний день в Ливанской тюрьме, 25 апреля, длился вечно.

Предыдущую ночь Аллен не мог уснуть до трех часов, шагая по камере. Он сказал Артуру, что тот должен уточнить, у кого будет право вставать на пятно, когда они снова окажутся на свободе.

– Я тот, кто должен теперь общаться с людьми, – сказал Аллен, – чтобы находить выход из разных ситуаций.

– Рейджену трудно будет отказаться от власти после двух лет обладания полным контролем, – заметил Артур. – Триумвират он встретит в штыки. Мне кажется, Рейджен задумал продолжать удерживать контроль.

– Ну, ты, конечно, снова будешь боссом. Я найду работу и вновь займу место в обществе. Мне нужно заняться делом.

Артур поджал губы.

– Это разумно, Аллен. Хотя я не могу говорить за Рейджена, но я тебя поддержу.

На выходе охранник передал ему новый костюм, и Аллен поразился качеству костюма и тому, как точно он подошел.

– Твоя мать прислала, – сказал охранник. – Это же один из твоих.

– Ах да, – сказал Аллен, делая вид, что вспомнил.

Вошел другой охранник, принесший документ Аллену на подпись. Перед тем как выйти из тюрьмы, он должен был заплатить тридцать центов за пластиковую чашку, которой не оказалось в камере.

– Ее взяли у меня, когда выпускали из изолятора, – сказал Аллен, – да так и не вернули.

– Ничего не знаю, ты должен заплатить.

– Да пошли вы с вашими чашками, – закричал Аллен. – Не буду я платить!

Аллена привели в кабинет мистера Данна, и администратор спросил, что случилось в последний день его пребывания здесь.

– Меня заставляют платить за чашку, которую сами же и взяли. Я не буду за это платить.

– Надо заплатить тридцать центов, – сказал Данн.

– Будь я проклят, если заплачу!

– Ты не сможешь уйти, пока не заплатишь.

– Да? Тогда я расположусь прямо здесь, – заявил Аллен, усаживаясь. – Это дело принципа.

Махнув рукой, Данн отпустил его. Когда Аллен прошел в комнату ожидания, где сидели мать, Марлен и Кэти, Артур спросил:

– Тебе это надо было?

– Как я уже сказал, это дело принципа.

Проводить его пришли Боб Рейнерт и доктор Стейнберг, незаметно сунувший ему в карман деньги как плату за один из рисунков.

Аллену не терпелось поскорее выйти за двери тюрьмы, а мать Билли все разговаривала с доктором Стейнбергом.

– Ну же, – поторопил Аллен Дороти, – пошли быстрее!

– Минутку, Билли, – ответила она. – Я разговариваю.

Он стоял, раздраженный, а она все говорила и говорила.

– Нам можно идти?

– Сейчас пойдем, отдохни минутку.

Аллен нетерпеливо ходил взад-вперед, ворча себе под нос, а мать продолжала разговаривать. Наконец он не выдержал и закричал:

– Мама, я ухожу! Если хочешь тут остаться, оставайся!

– Ну что ж, до свиданья, доктор Стейнберг. Я благодарю вас за все, что вы сделали для моего Билли.

Аллен направился к двери, она последовала за ним. Стальная дверь со свистом захлопнулась за ними, и он понял, что, входя сюда, не слышал, как закрывалась вторая дверь.

К тому времени как Кэти подъехала к входу, Аллен все еще сердился. Когда человека выпускают из тюрьмы, нужно лишь открыть дверь – и он бросится вон. Какого черта его задерживать всякой болтовней! Достаточно плохо уже то, что закон держит тебя в таком месте, но когда это делает твоя болтливая мать – это уже слишком. В машине он угрюмо молчал.

– Остановись у банка, – наконец промолвил Аллен. – Я обналичу тюремный чек здесь, в Ливане. Не хочу этого делать в Ланкастере, чтобы все сразу узнали, что я только что вышел из тюрьмы.

Он вошел в банк, расписался на обороте чека и положил его на прилавок. Когда кассир протянул ему пятьдесят долларов, Аллен положил их в кошелек вместе с деньгами доктора Стейнберга. Сердясь на себя еще сильнее из-за того, что его гнев не проходит, Аллен больше не хотел занимать пятно...

Томми огляделся, не зная, что он делает в банке. Он только что вошел или собирается уходить? Открыв кошелек, он увидел почти двести долларов и быстро сунул кошелек в карман. Значит, он собирался уходить. Взглянув в большое окно, Томми увидел мать и Марлен, которые ожидали его в машине. Кэти сидела за рулем. И он понял, что это за день. Он проверил календарь в окошке кассира. Сегодня его выпустили на свободу.

Томми выбежал из банка, делая вид, что что-то сжимает в руках.

– Быстро, смываемся. Спрячьте меня.

Он сжал в объятиях Марлен и засмеялся. Ему было очень хорошо.

– Боже, Билли! – воскликнула она. – Вечно у тебя меняется настроение.

Они старались рассказать ему все, что произошло в Ланкастере за прошедшие два года, но ему на это было наплевать. Все, о чем он сейчас мечтал, – это оказаться в постели с Марлен. После всех этих свиданий в тюрьме он мечтал побыть с ней наедине.

Подъезжая к Ланкастеру, Марлен сказала Кэти:

– Высади меня у торгового центра на Плаза. Я должна еще работать.

Томми с удивлением посмотрел на нее:

– Работать?!

– Да. Я отпросилась на утро, но должна вернуться.

Томми удивился и обиделся. Он думал, что она захочет побыть с ним в его первый день на свободе. Он ничего не сказал, сдерживая подступившие слезы, но пустота внутри причиняла такую боль, что он сошел с пятна...

Оказавшись в своей комнате, Аллен громко сказал:

– Я знал, что она ему не подходит. Если бы она любила Томми, то отпросилась бы на целый день. Нечего ей тут торчать!

– Я всегда это говорил, – ответил Артур.

Глава восемнадцатая

1

За несколько недель до освобождения Билли Кэти вернулась домой, в Ланкастер, и стала опять работать на «Энкор Хокинг». Единственным, что делало работу более-менее сносной, была ее новая подруга, Бев Томас. Они работали вместе в отделе контроля и упаковки, проверяя стеклотару на конвейере, разговаривали, перекрикивая шум газовых горелок и воздуходувок. Когда Кэти ушла с «Энкор Хокинг», чтобы учиться в колледже при Университете штата Огайо, девушки продолжали дружить.

Бев была привлекательная молодая женщина, разведенная, примерно одного возраста с Билли, со светло-каштановыми волосами и зелеными глазами. Кэти считала Бев независимой, терпимой и прямой в своих высказываниях. Бев интересовалась психологией. Она говорила, что пытается понять, почему в людях появляется подлость и какие моменты из прошлого заставляют их так поступать.

Кэти рассказала, как ее собственная семья – и особенно Билли – страдала от жестокости Челмера. Она пригласила Бев в дом своей матери, показала рисунки Билли и рассказала о преступлениях, приведших Билли в тюрьму. Бев выразила желание познакомиться с ним.

Вскоре после возвращения Билли Кэти организовала совместную с Билли поездку. Вечером Бев подъехала к дому на Спринг-стрит в белом «меркюри-монтего», Кэти позвала Билли, который трудился над своим «фольксвагеном». Она познакомила их, но Билли лишь кивнул и продолжил работу.

– Ну же, Билли, – сказала Кэти, – ты обещал поехать с нами.

Он посмотрел на Бев, потом на свою машину и покачал головой:

– Понимаете, я еще чувствую себя неуверенно за рулем.

Кэти рассмеялась:

– Он сейчас в своем британском настроении, – объяснила она Бев. – Это с ним бывает.

Он окинул девушек надменным взглядом, и Кэти это было неприятно.

– Перестань, – настаивала Кэти, – не надо дурачиться, ведь ты обещал. Два года без руля – не так уж много, быстро вспомнишь. Если ты боишься, давай поведу я.

– Можно ехать на моей машине, – предложила Бев.

– Хорошо, я поведу, – наконец согласился Артур, обошел «фольксваген» и открыл для них дверцу.

– По крайней мере, – сказала Кэти, – ты не забыл про хорошие манеры.

Кэти села на заднее сиденье, а Бев – рядом с водителем. Артур сел за руль и тронулся с места. Он слишком быстро отпустил сцепление. Машина рванулась вперед и выскочила на встречную полосу движения.

– Может быть, лучше я поведу? – сказала Кэти.

Артур не ответил. Он сторбился над рулем, выехал на правую полосу и поехал очень медленно. Проехав молча несколько минут, он остановился у бензоколонки.

– Мне кажется, что машину надо заправить, – сказал он дежурному.

– С ним все в порядке? – прошептала Бев.

– Все будет хорошо, – сказала Кэти. – С ним это часто происходит. Он выйдет из этого состояния.

Они смотрели, как его губы беззвучно двигаются. Потом он огляделся и быстро сориентировался, а увидев Кэти на заднем сиденье, кивнул и улыбнулся.

– Привет! – сказал он. – Чудесный день для поездки.

– Куда мы едем? – спросила Кэти, когда он выехал на трассу и легко и плавно повел машину.

– Я хочу посмотреть Чистый Ручей, – сказал он. – Я часто мечтал об этом последние два года в...

– Бев знает, – сказала Кэти. – Я ей все рассказала.

Миллиган внимательно посмотрел на Бев.

– Немногие решились бы прокатиться с бывшим заключенным, только что вышедшим на волю!

– Я не сужу так о людях, – ответила Бев, глядя ему в глаза, – потому что не хочу, чтобы обо мне так судили.

В зеркало заднего обзора Кэти видела, как Билли вскинул брови и сжал губы. Она была уверена, что замечание Бев произвело на него впечатление.

Он приехал к Чистому Ручью, где часто бывал прежде, и жадно смотрел на него, словно впервые. Кэти любовалась водой, сверкавшей на солнце, льющем свои лучи сквозь деревья. Она поняла, почему Билли любил это место.

– Я должен снова нарисовать его, – сказал он. – Но теперь я нарисую по-другому. Я хочу видеть все места, которые знал, но я все переделаю.

– Ручей не изменился, – сказала Бев.

– Зато я изменился.

После того как они два часа ездили по этим местам, Бев пригласила их вечером в свой трейлер на обед. Они вернулись на Спринг-стрит. Бев пересела в свою машину и дала им адрес стоянки трейлеров.

Кэти понравилось, что Билли надел свой новый костюм в тонкую полоску. Он выглядел симпатичным и представительным, подровнял усы, зачесал назад волосы. В трейлере Бев представила Билли своим детям – пятилетнему Брайану и шестилетней Мишель. Билли сразу же переключил на них свое внимание, усадил их на колени, шутил с ними, словно сам был маленьким ребенком. Накормив детей и уложив их спать, Бев сказала ему:

– Ты умеешь обращаться с детьми. Мишель и Брайан сразу же приняли тебя.

– Я люблю ребятишек, – сказал он. – А твои особенно очаровательные.

Кэти улыбнулась, радуясь, что Билли в хорошем настроении.

– Я пригласила еще одного друга на обед, – сказала Бев. – Стив Лав тоже живет в трейлере, но отдельно от жены. Мы отличные друзья. Я хочу вас познакомить. Он на пару лет младше Билли, наполовину чероки, очень хороший парень.

Когда Стив Лав вошел, Кэти поразил его красивый темный цвет лица, густые черные волосы, усы и синие-синие глаза. Ростом он был выше Билли.

Во время обеда Кэти чувствовала, что Билли понравились и Бев, и Стив. Когда Бев спросила его о жизни в Ливанской тюрьме, Билли рассказал им о докторе Стейнберге и мистере Рейнерте и о том, как его способность рисовать помогла ему вынести пребывание в тюрьме. После обеда он рассказал о некоторых вещах, из-за которых с ним случались неприятности, и у Кэти возникло чувство, что он хвастается. Вдруг Билли вскочил:

– Поехали, прокатимся!

– В этот час? – сказала Кэти. – Уже за полночь.

– Замечательная идея, – согласился Стив.

– Я попрошу племянницу моей соседки посидеть с детьми, – сказала Бев. – Я в любое время могу попросить ее, она не откажет.

– Куда мы поедем? – спросила Кэти.

– Поищем где-нибудь площадку для игр, – сказал Билли. – Я хочу покачаться на качелях.

Как только пришла няня, они все забрались в «фольксваген», Кэти и Стив на заднем сиденье, Бев рядом с Билли впереди. Они приехали на небольшую школьную площадку. В два часа ночи они поиграли в пятнашки, покачались на качелях. Кэти была рада, что Билли хорошо

провел время. Для него было важно завести новых друзей, чтобы он снова не связался с теми, с кем имел дело до тюрьмы. Именно об этом комиссия по досрочному освобождению предупреждала семью.

В четыре часа утра, после того как они довезли Бев и Стива до стоянки трейлеров, Кэти спросила Билли, что он думает о проведенном вечере.

– Чудесные ребята, – сказал Билли. – Мне кажется, у меня появились друзья.

Она сжала его руку.

– А эти малыши! – добавил он. – Мне они очень понравились.

– Когда-нибудь из тебя получится хороший отец, Билли.

Миллиган покачал головой:

– Это физически невозможно.

Марлен почувствовала перемену в Билли. Теперь это совершенно другой человек, думала она, более жесткий. Казалось, он отдалялся от нее, словно не хотел видеть. Это причиняло ей боль, потому что все время, пока он был в тюрьме, она больше ни с кем не встречалась, посвятив себя только ему.

Однажды вечером, спустя неделю после его освобождения, Билли приехал за ней к концу ее работы. Он казался прежним, вежливым, разговорчивым – таким, каким она его любила, и она обрадовалась. Они поехали к Чистому Ручью, одному из их любимых мест, а потом вернулись на Спринг-стрит. Дороти и Дела не было дома, и они пошли в его комнату. Впервые со времени его возвращения Билли и Марлен оказались наедине, в объятиях друг друга, и без всяких споров. Так давно этого не было, что она испугалась.

Наверное, Билли почувствовал ее страх, потому что отпрянул от нее.

– Что с тобой, Билли?

– А что с тобой?

– Я боюсь, – ответила Марлен. – Вот и все.

– Чего боишься?

– Мы с тобой уже два года не были вместе.

Он встал с кровати и оделся.

– Что ж, – пробурчал он, – это меня как-то не вдохновляет.

Разрыв наступил внезапно. Марлен удивилась, когда однажды вечером Билли подъехал к магазину и пригласил ее поехать в Афины и провести с ним ночь. Наутро они заедут за Кэти в колледж и вернутся в Ланкастер. Марлен ответила, что ей не хочется ехать.

– Я позвоню, – сказал он, – может быть, передумаешь.

Но не позвонил. А через несколько дней она узнала, что с ним ездила Бев Томас.

Разгневанная Марлен позвонила ему и сказала, что не собирается терпеть такое.

– Давай забудем все, – сказала она, – пока ничего серьезного не было.

Он согласился с ней:

– Может случиться что-нибудь такое, что причинит тебе боль. Понимаешь, я не хочу этого.

Марлен было больно разрывать отношения с тем, кого она ждала больше двух лет, но она понимала, что именно сейчас нужно поймать его на слове.

– Хорошо, – сказала она. – Давай покончим с этим.

Больше всего Дела Мура раздражало в Билли то, что он постоянно лгал. Парень совершал какую-нибудь глупость, а потом врал, чтобы избежать последствий. Доктор Стейнберг предупредил Дела, чтобы тот не допускал вранья. Дел сказал Дороти:

– Послушай, а он не такой уж и тупой. Надо иметь мозги, чтобы вытворять такое.

А Дороти твердила одно:

– Это не мой Билл. Это другой Билл.

Делу казалось, что Билли умеет только рисовать. Советам он не следовал, наставлений не слушал.

– Билли скорее послушает совершенно незнакомого человека, чем кого-то из близких, кто действительно печется о его благополучии.

Когда Дел спрашивал его, что за люди дали ему информацию или совет, Билли всегда отвечал:

– Один знакомый парень.

И никогда ни одного имени или объяснения, кто эти «они» или где он познакомился с «ними».

Очень раздражало, что Билли часто не удосуживался ответить на простой вопрос, предпочитая молча выйти из комнаты или отвернуться. Дел сердился, когда Билли чего-то боялся, его раздражали фобии Билли. Например, он знал, что Билли ужасно боится оружия – даже не зная, что это такое. По мнению Дела, Билли ни о чем ничего не знал.

Но в Билли было что-то, чего он никогда не мог объяснить. Дел знал, что он намного сильнее Билли. Много раз они соревновались в армрестлинге, и ни разу он не усомнился в том, что Билли ему не пара. Но

однажды вечером, когда Дел вызвал Билли на состязание, Билли в два счета уложил его.

– Давай еще раз, – настоял Дел. – Но теперь правыми руками.

Ни слова не говоря, Билли опять одержал победу, потом встал и собрался уходить.

– Такой сильный парень должен работать, – сказал Дел. – Когда ты собираешься искать работу?

Билли посмотрел на него, смутился и сказал, что он уже искал работу.

– Ты врешь! – закричал Дел. – Хотел бы найти работу, так давно бы нашел.

Ссора длилась почти час. Наконец Билли схватил свою одежду, вещи и выбежал из дома.

2

Бев Томас теперь жила вместе со Стивом Лавом, которого выгнали из его собственного трейлера. Когда Бев услышала, что дома у Билли возникли трудности, она пригласила его жить с ними. Билли проконсультировался в комиссии по досрочному освобождению и получил «добро».

Бев нравилось жить в компании двух мужчин. Никто бы не поверил, что между ними не было никакого секса, что это просто трое друзей, которые везде ходили вместе, делали все вместе, и им было так весело, как никогда раньше.

Билли очень хорошо относился к Мишель и Брайану: брал их с собой поплавать, покупал им мороженое, водил их в зоопарк, заботился об этих детях, словно о своих собственных. Бев удивлялась, когда, придя с работы, она находила помещение чисто прибранным. Все было чисто – кроме посуды. Он никогда не мыл посуду.

Иногда Билли вел себя настолько по-женски, что она и Стив думали, не голубой ли он. Часто Бев и Билли спали в одной кровати, но он ни разу не дотронулся до нее. Когда однажды она его об этом спросила, он сказал, что он импотент.

Для нее это не имело значения. Он ей нравился. Ей нравилось все, что они делали вместе. Например, они на три дня ездили в Бер-Оук-Лодж, разбили там лагерь и потратили пятьдесят долларов на калорийную, но совершенно не утоляющую голод пищу. Или ночью гуляли по лесу возле Чистого Ручья. Билли представлял себя Джеймсом Бондом. Освещая себе

дорогу фонарем, он искал в лесу тайники с марихуаной. Было забавно слушать, как он говорил с британским акцентом, называя по-латыни все растения. Все это было сумасшествие – все, что они делали, но с этими двумя парнями, впервые за долгое время, Бев чувствовала себя свободной и счастливой.

Однажды Бев пришла домой и обнаружила, что Билли покрасил свой зеленый «фольксваген» в черный цвет с беспорядочными серебряными пятнами.

– Теперь другого такого «фольксвагена» в мире нет, – сказал он.

– Но почему, Билли? – спросили Бев и Стив.

– Все равно полицейские следят за мной. Почему бы не облегчить им работу?

Но истинной причины они не услышали. Аллену надоело паниковать каждый раз, когда он не мог вспомнить, где припарковал машину. Выразительная окраска машины поможет ему быстрее отыскивать ее.

Но когда несколько дней спустя Билли встретил брата Стива, Билла Лава, и увидел его фургон, он поменял на него свой «фольксваген». Потом Билли поменял фургон на мотоцикл друга Стива. Мотоцикл, правда, был не на ходу, но Стив, мотоциклист со стажем, быстро привел его в порядок.

Стив обнаружил, что временами Билли ездил на мотоцикле как дьявол, а иногда вообще боялся сесть на него. Однажды за городом им нужно было проехать по крутому скату из глины и камней. Стив объехал скат и продолжал путь дальше. Вдруг он услышал сверху рев мотора, вскинул голову и увидел Билли на краю обрыва.

– Как ты туда забрался?

– Въехал! – крикнул в ответ Билли.

– Это невозможно! – заорал Стив.

Секунды спустя он увидел совершенно другого Билли, который пытался спуститься, действуя так, словно он впервые сел на мотоцикл. Несколько раз мотоцикл упорно не хотел ехать туда, куда Билли его направлял. Наконец Стив оставил внизу свой мотоцикл, забрался вверх по почти отвесному обрыву и помог Билли спуститься.

– Не могу поверить, что ты забрался туда, – сказал Стив, взглянув назад, – но другого пути нет.

Билли посмотрел на Стива так, словно не знал, о чем тот говорит.

В другой раз, когда Стив и Билли были одни, они пошли прогуляться по лесу. После двухчасового подъема по горам они все еще не добрались до вершины. Стив знал, что он сильнее Билли и лучше физически

подготовлен, но даже он устал.

– Нам не забраться наверх, Билли. Давай отдохнем и вернемся.

Но когда он в полном изнеможении сел на землю, прислонившись к дереву, то увидел, как вдруг Билли рванул с места и на полной скорости по крутому подъему взбежал на вершину. Не желая отставать, Стив стал карабкаться наверх. Перед ним на самой вершине стоял Билли, раскинув руки, потряхивая пальцами и глядя вниз на открывавшуюся перед ним панораму. Он говорил что-то на странном языке.

Когда наконец Стив поравнялся с ним, Билли повернулся, посмотрел на него, словно на незнакомца, и побежал вниз по склону холма к пруду.

– Господи, Билли! – закричал Стив. – Откуда ты берешь энергию?

Но Билли продолжал бежать, крича что-то на незнакомом языке. Не раздеваясь, он бросился в пруд и поплыл.

Когда Стив догнал Билли, тот сидел на камне на противоположном берегу, тряся головой, словно вытряхивая воду из ушей. Он поднял голову, когда Стив подошел к нему, и сказал укоризненно:

– Зачем ты толкнул меня в воду?

Стив в недоумении уставился на него:

– О чем ты говоришь?

Билли посмотрел на свою мокрую одежду:

– Ты не должен был толкать меня в воду.

Стив недоверчиво покачал головой. Он не хотел ссориться.

Они вернулись к мотоциклам. Увидев, что Билли опять едет как новичок, Стив сказал себе, что за этим парнем надо следить: с головой у него явно что-то не так.

– Знаешь, что мне хотелось бы сделать? – сказал Билли, когда они достигли дороги, пролегающей между прудом и подножием горы. – Натянуть холст через дорогу между теми двумя вязами, так высоко, чтобы под ним могли проезжать машины. Я бы разрисовал холст, чтобы он выглядел как гора, поросшая кустарником и деревьями, а в середине был бы виден туннель.

– Странные у тебя идеи.

– Знаю, – сказал Билли, – и все равно мне хочется это сделать.

Бев обнаружила, что ее деньги быстро исчезают. Их тратили на еду, на ремонт мотоциклов и машин (Билли купил старый «форд-гэлэкси»). Она намекнула, что Стив и Билли должны поискать работу. Они обошли несколько фабрик в Ланкастере, и к концу мая Билли уговорил людей из «Рейколд кемикал» взять их обоих.

Работа была тяжелой. Из чана выходили нити стекловолокна и сматывались в рулоны. Задачей Стива и Билли было резать нить, когда рулон достигал нужных размеров. Затем надо было этот тяжелый рулон поднять, положить на тележку и начать сматывать новый рулон.

Однажды вечером по пути домой Билли остановился, чтобы подсадить путешествующего автостопом парня, у которого на шее висел фотоаппарат. Продолжая вести машину, Билли предложил за него три порции «спида». Стив видел, как Билли полез в карман и вынул три белые таблетки в пластиковом пакете.

– Я не употребляю «спид», – сказал парень.

– Можешь толкнуть их, по восемь баксов за штуку. Быстро заработаешь.

Парень быстро сделал подсчет и протянул аппарат в обмен на пластиковый пакет. Когда Билли высадил его в Ланкастере, Стив повернулся к Билли:

– Я не знал, что ты занимаешься наркотиками.

– Я и не занимаюсь.

– Где ты взял «спид»?

Билли засмеялся:

– Это был аспирин.

– Боже! – воскликнул Стив, хлопнув себя по бедру. – Никогда не видел ничего подобного.

– Я как-то продал целый чемодан пустышек, – сказал Билли. – Похоже, пора повторить.

Он остановил машину возле аптеки, чтобы купить желатин и другие ингредиенты. В трейлере он растворил желатин в одной из кастрюль Бев и сделал плоскую пилюлю толщиной полтора миллиметра. Когда пилюля затвердела и высохла, он разрезал ее на квадратики со стороной шесть миллиметров и положил на тесьму.

– Этот желатин можно продать по несколько баксов за штуку.

– А как они действуют? – спросил Стив.

– Возбуждают. Вызывают галлюцинации. Но самое замечательное, что, если тебя застукают при продаже, никаких проблем. А что будет делать бедняга, который их купит? Побежит в полицию?

На следующий день Билли отправился в Коламбус, оттуда вернулся с пустым кейсом. Он продал упаковку аспирина и желатиновые таблетки и показал целую пачку денег. Но Стив заметил, что Билли выглядит испуганным.

На следующий день, когда Билли и Стив возились с мотоциклом

Билли, их соседка, Мэри Слейтер, закричала, чтобы они перестали так шуметь. Билли метнул отвертку в ее трейлер. Звук удара отвертки о металлическую стенку трейлера был похож на выстрел. Мэри Слейтер позвонила в полицию, и Билли забрали за посягательство на чужую собственность. Делу пришлось внести залог. Хотя обвинение было снято, полицейский из комиссии по досрочному освобождению велел Билли вернуться домой.

– Я буду скучать по вам, ребята, – сказал он, пакуя свои вещи. – Особенно по малышам.

– Не думаю, что мы здесь надолго задержимся, – сказал Стив. – Я слышал, менеджер собирается выгнать всех отсюда.

– Что будете делать? – спросил Билли.

– Найдем жилье в городе, – сказала Бев, – и продадим трейлер. Может быть, ты сможешь прийти и жить с нами там.

Билли покачал головой:

– Я вам не нужен.

– Неправда, Билли, – ответила она. – Ты же знаешь, мы – тройка.

– Ладно, там посмотрим. А пока что пора домой.

Когда он ушел, дети Бев заплакали.

3

Аллену надоело работать на «Рейколд кемикал», особенно теперь, когда ушел Стив Лав. Ему осточертел бригадир, который постоянно жаловался, что Билли то делает все правильно, а то вообще не знает, что делать. Артур недовольно говорил Аллену, что опять они взялись за бездумную работу, которая умаляет их достоинство.

В середине июня он подал заявление на компенсацию за травму вследствие несчастного случая на производстве и бросил работу.

Дел чувствовал, что Билли потерял работу на «Рейколд кемикал». Он позвонил в компанию, чтобы все разузнать. Помня о совете доктора Стейнберга уличать Билли во лжи, Дел спросил его:

– Ты потерял работу, да?

– Это мое дело, – ответил Томми.

– Это *мое* дело, пока ты живешь в моем доме и я плачу по счетам. Ты что ж думаешь, деньги на деревьях растут? Не можешь удержаться ни на какой, даже пустяковой работе. И еще врешь. Почему не сказал, что бросил

работу?

Они ругались почти час, Томми слышал те же фразы, которые говорил Челмер. Он надеялся, что мать придет ему на помощь, но та молчала. Судя по всему, здесь ему больше делать было нечего.

Томми пошел в свою комнату, упаковал вещи и сложил их в машину. Потом сел в свой «форд», ожидая кого-нибудь, кто увезет его из этого проклятого места. Наконец пришел Аллен, увидел расстроенного Томми и понял, что случилось.

– Все правильно, – сказал Аллен, трогаясь с места. – Пора сваливать из Ланкастера.

В течение шести дней они ездили по Огайо в поисках работы, по ночам съезжая с дороги и углубляясь в лес, чтобы поспать. Рейджен настаивал, чтобы под сиденьем и в бардачке всегда лежали пистолеты для защиты.

Однажды ночью Артур посоветовал Аллену поискать работу техника по обслуживанию оборудования.

С этой работой мог легко справиться Томми: отремонтировать электроприборы, механику, нагревательные приборы и водопровод. По мнению Артура, такая работа обеспечивала бесплатные жилье и коммунальные услуги. Он посоветовал Аллену связаться с бывшим соседом по камере, которому он однажды помог в Ливанской тюрьме и который теперь работал техником в пригороде Коламбуса под названием Литл-Тетл.

– Может быть, он знает, где требуется механик, – сказал Артур. – Позвони ему. Скажи, что ты в городе и хотел бы повидаться с ним.

Аллен не хотел этого делать, но последовал совету Артура. Нед Бергер обрадовался ему и пригласил к себе. Он сказал, что там, где он работает, свободных мест нет, но Билли Миллиган может провести у него пару ночей. Аллен заехал к нему, и они хорошо посидели, вспоминая истории из тюремной жизни.

Утром третьего дня Бергер пришел с работы с новостями, что компания «Ченнинггуэй апартментс» собирается дать объявление о найме подходящих техников.

– Позвони им, – сказал Бергер, – но не говори, откуда ты узнал, что они нанимают.

На Джона Ваймера, молоджавого работника отдела кадров жилищной конторы «Келли и Леммон», Билли Миллиган произвел неплохое впечатление. Из всех претендентов, ответивших на его объявление, Миллиган был самым квалифицированным и привлекательным. Во время

первой беседы, 15 августа 1977 года, Миллиган заверил его, что он может быть садовником, плотником, электриком и водопроводчиком.

– Могу отремонтировать все, что работает на электричестве или топливе, – сказал он Ваймеру. – И если не знаю, как это сделать, то способен догадаться.

Ваймер сказал ему, что свяжется с ним, после того как побеседует с другими претендентами. В тот же день позднее, проверяя рекомендательные письма, Ваймер позвонил самому последнему нанимателю, указанному в заявлении Миллигана, – Делу Муру. Мур дал ему блестящую характеристику: отличный работник, ответственный молодой человек. Он вынужден был уйти с работы, так как рубка мяса его не очень привлекала. Дел Мур заверил Ваймера, что Билли будет отличным техником.

Ваймер не смог проверить двух других работодателей – доктора Стейнберга и мистера Рейнерта, так как Миллиган забыл указать их адреса. Поскольку работа предполагалась наружная, Ваймер довольствовался рекомендацией последнего работодателя. Тем не менее он дал задание своему секретарю справиться в полиции относительно всех новых рабочих.

Когда Миллиган пришел на вторую беседу, первое впечатление Ваймера подтвердилось. Он нанял его в жилищную контору комплекса «Уильямсбург-сквер», соседнюю с конторой комплекса «Ченнингуй», – «Келли и Леммон» управляла обеими. Билли мог приступить хоть сейчас.

После ухода Миллигана Ваймер передал секретарю заявление и анкету Миллигана для подшивки. Он не заметил, что на обоих документах Миллиган обозначил день и год – 15–77 и 18–77, но не написал месяц – август.

Джон Ваймер нанял Миллигана, но его начальником была Шерон Рот – молодая женщина с бледной кожей и длинными черными волосами. Она нашла нового работника интеллигентным, симпатичным молодым человеком, познакомила его с другими девушками и объяснила порядок. Каждый день Билли должен приходиться в контору «Уильямсбург-сквер» и брать наряды, заполненные ею, Кэрол или Кэти. Когда работа сделана, Миллиган должен расписаться в наряде и отдать его Шерон.

Первую неделю Миллиган работал хорошо, навешивая жалюзи, ремонтируя заборы и дорожки, подстригая газоны. Все согласилось с тем, что он энергичен и честолюбив. Спал он на Уильямсбург-сквер, в квартире Неда Адкинса, одного из молодых техников.

Утром на следующей неделе Миллиган зашел в отдел кадров к Джону

Ваймеру насчет аренды квартиры. Ваймер подумал над этим и, вспомнив слова Миллигана о его умении ремонтировать электроприборы и водопровод, решил перевести его на внутренние работы на круглосуточной основе. Он должен будет жить на территории, чтобы в случае необходимости его можно было вызвать днем и ночью. Такая работа давала право на бесплатное жилье.

– Ты можешь взять связку ключей-оригиналов у Шерон или Кэрол, – сказал Ваймер.

Новая квартира была великолепна: камин в гостиной, спальня, маленькая столовая и кухня. Окна выходили во двор. Томми занял один из стенных шкафов под свою электронику, закрыв его на ключ, чтобы дети не забирались туда. Аллен устроил студию в глубине маленькой столовой. Адалана убирала квартиру и готовила обед. Рейджен знакомился с окружающим районом. Жизнь налаживалась.

Артур одобрил ситуацию, довольный тем, что они наконец были устроены и он имел возможность сосредоточиться на медицине и научной работе.

По чьему-то недосмотру никто не послал запроса в полицию относительно Билли Миллигана.

4

Через две недели после переезда в «Ченнингуэй» Рейджен бродил по бедному кварталу и увидел двух босых негритят, играющих на тротуаре. Он заметил хорошо одетого белого мужчину, который вышел из одного из домов и направлялся к своему «кадиллаку». Рейджену показалось, что хозяин «кадиллака» – сутенер.

Быстро подойдя к мужчине, он прижал его к машине.

– Что с вами? Вы с ума сошли? – испугался тот.

Рейджен вытащил из-за пояса пистолет:

– Отдай кошелек.

Мужчина отдал ему свой кошелек, Рейджен опустошил его и кинул обратно.

– Пошел отсюда!

Когда машина отъехала, Рейджен дал негритятам более двухсот долларов.

– Держите, ребятки! Купите себе ботинки и еды для своих родных.

Он улыбался, глядя, как дети убегают с деньгами. Позднее Артур сказал, что Рейджен в тот день вел себя плохо.

– Ты не можешь расхаживать по Коламбусу, строя из себя Робин Гуда.

– А мне это нравится.

– Но ты прекрасно знаешь, что носить оружие значит нарушать условия твоего освобождения.

Рейджен пожал плечами:

– Здесь не намного лучше, чем в тюрьме.

– Глупости. Здесь мы на свободе.

– И что тебе дает эта свобода?

Артур стал подозревать, что Аллен был прав: Рейджен предпочитал любое окружение, даже тюрьму, где он мог бы контролировать пятно. Чем больше Рейджен узнавал рабочий район в восточной части Коламбуса, тем в большую ярость приходил, видя, как люди борются за выживание среди офисных зданий из стекла и стали.

Однажды, проходя мимо ветхого дома с прогибающимся крыльцом, он увидел красивую белокурую девочку с огромными голубыми глазами, сидящую на бельевой корзине. Ее парализованные ножки были странно согнуты. На крыльцо вышла пожилая женщина. Рейджен спросил ее:

– Почему у ребенка нет ножных скоб или инвалидной коляски?

Женщина посмотрела на него как на сумасшедшего:

– Мистер, вы знаете, сколько стоят эти вещи? Я два года вымаливала пособие. Я не могу этого купить для Нэнси.

Рейджен продолжил свой путь, погрузившись в раздумья.

Вечером он сказал Артуру, чтобы тот разыскал, в каком магазине медицинских товаров есть кресла-коляски и ножные скобы для детей. Хотя Артур и был раздражен тем, что его оторвали от чтения, а еще больше – тоном Рейджена, он все же сделал несколько звонков агентам по продаже медицинских товаров. Компания в Кентукки продавала изделия нужного размера. Артур дал Рейджену номера моделей и адрес магазина, но при этом спросил:

– Для чего тебе нужна эта информация?

Рейджен не потрудился ответить.

В тот же вечер он взял машину, свои инструменты, нейлоновую веревку и поехал в южном направлении, в Луисвилль. Там он нашел магазин медицинских товаров и подождал, пока все не уйдут. Будет нетрудно войти внутрь, даже не потребуется помощь Томми. Взяв с собой инструменты, Рейджен перелез через проволочный забор, забежал за стену здания, невидимую с улицы, и проверил кирпичную кладку вдоль

водосточной трубы.

По телевизору он видел, что воры-домушники всегда пользуются «кошками», чтобы забраться на крышу. Сам он с презрением относился к такому способу. Рейджен выудил из своего мешка стальной рожок для обуви, вынул шнурок из левой кроссовки, привязал рожок к подошве так, что его загнутый конец был обращен вниз у носка, образуя шип, как на альпинистских ботинках. Вставляя шип в швы кирпичной кладки и выбоины, Рейджен забрался на крышу; вырезал круг в стеклянной крыше, просунул руку и открыл створку. По веревке, привязанной к скобе, он спустился внутрь. Это напомнило ему времена, когда много лет назад они вместе с Джимом занимались скалолазанием.

Рейджен провел в магазине почти час, разыскивая по номерам нужные ему модели – пару ножных скоб для четырехлетнего ребенка и маленькое складное кресло-коляску. Он открыл окно, опустил на землю скобы и коляску и вылез сам. Уложил все в багажник и поехал обратно в Коламбус.

Было уже утро, когда машина остановилась у дома Нэнси.

– У меня кое-что есть для маленькой Нэнси, – сказал Рейджен старушке, которая смотрела на него в окно.

Он вынул из машины коляску, раскрыл ее и показал, как та работает. Потом показал Нэнси, как надевать скобы.

– Потребуется много времени, чтобы научиться носить их. Но обязательно надо ходить.

Женщина заплакала:

– У меня никогда не будет столько денег, чтобы заплатить вам за эти вещи.

– Платить необязательно. Это помощь нуждающемуся ребенку от богатой компании по производству медицинских товаров.

– Можно угостить вас завтраком?

– Что ж, от кофе не откажусь.

– Как вас зовут? – спросила Нэнси, когда ее бабушка ушла на кухню.

– Называй меня дядя Рейджен.

Девочка обняла его. Бабушка принесла кофе и самый вкусный пирог, который он когда-либо ел. Рейджен съел его без остатка.

Вечером Рейджен сидел на кровати, вслушиваясь в незнакомые голоса: один – с бруклинским акцентом, другой – сплошное сквернословие. Речь шла о дележе денег после ограбления банка. Рейджен вскочил на ноги, достал свой пистолет и стал открывать каждую дверь, каждый шкаф. Прикладывал ухо к стенам, но спор был слышен прямо в квартире. Он

резко повернулся и сказал:

– А ну заткнитесь! Убью обоих!

Голоса смолкли. Вдруг Рейджен услышал голос, звучащий в его голове:

– Кто это, черт подери, велит мне заткнуться?

– Если вы не покажетесь, буду стрелять, – рявкнул Рейджен.

– И куда ты будешь стрелять?

– А где вы?

– Понятия не имею.

– Тогда почему ты говоришь?

– Я спорил с Кевином.

– Что еще за Кевин?

– Мальчуган, на которого я орал.

Рейджен подумал немного.

– Опиши мне вещи вокруг тебя. Что ты видишь?

– Вижу желтую лампу. Красное кресло у двери. Включенный телевизор.

– Какой телевизор? Что показывают?

– Белый корпус, большой цветной телевизор. Показывают «Вся семья».

Рейджен посмотрел на свой телевизор и понял, что незнакомцы находятся в его квартире – невидимые. Он снова обыскал помещение.

– Я везде смотрел. Где вы?

– Я с тобой, – сказал Филип.

– Как это?

– Я все время здесь и всегда был.

Рейджен потряс головой.

– Ну ладно. Но больше никаких разговоров!

Потом сел в кресло-качалку и качался всю ночь, пытаясь разобраться во всем. Он был поражен тем, что существуют другие, о которых он не знал.

На следующий день Артур рассказал ему о Кевине и Филипе.

– Я считаю, что они – продукт твоего ума, – сказал Артур.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Прежде всего рассмотрим логическую сторону указанного явления, – сказал Артур. – Как отвечающий за ненависть, ты знаешь, что наделен разрушительной силой. Ненависть сильна, но неуправляема. Если человек желает овладеть энергией ненависти, при этом пытаясь избавиться от ее темной стороны, все равно она оставит свой след, все равно человек будет

носителем зла. Наш разум хотел контролировать твою жестокость, чтобы твой гнев был избирательным и управляемым. Ты избавился от зла, ты можешь быть сильным, сохраняя спокойствие. Но какая-то доля порока осталась, это неизбежно, – что и привело к созданию Филипа и Кевина.

– Они такие же, как я?

– Они уголовники. Пока у них есть твои пистолеты, они, не колеблясь, будут наводить страх на людей, чтобы достигнуть своих целей. Но только с оружием – силу они черпают из оружия, считая, что это поднимает их до твоего уровня. Они мстительны и корыстны. После Зейнсвилля я объявил их «нежелательными», но ты знаешь, что бывает в периоды «спутанного времени»... Нет способа полностью избавиться от ненависти. Это цена, которую мы платим за нашу силу и агрессивность.

– Если бы ты как следует контролировал пятно, не было бы произвольных переключений, – сказал Рейджен. – В тюрьме было лучше.

– И в тюрьме тоже было такое, даже когда ты отвечал за пятно. Ты не знал об этом и зачастую узнавал уже потом. Кевин, Филип и другие «нежелательные» крали время в тюрьме. Сейчас главное, чтобы они не вступали в контакт со старыми дружками из Коламбуса или Ланкастера. Иначе условие досрочного освобождения будет нарушено.

– Согласен.

– Нам нужно завести новых друзей, начать новую жизнь. Работа здесь, в «Ченнингсэй», – отличная возможность. Мы должны стать частью общества. – Артур огляделся. – Начнем с того, что обставим квартиру.

В сентябре он купил мебель. Пришел счет на тысячу пятьсот шестьдесят два доллара и двадцать один цент. Первая выплата предстояла в октябре.

Сначала все шло хорошо, за исключением того, что у Аллена возникли проблемы с Шерон Рот. Он не знал почему, но она беспокоила его: очень похожа на Марлен, такая же всезнайка и командирша. Он чувствовал, что она его недолюбливает.

К середине сентября период «спутанного времени» стал еще хуже, чем раньше, и все были сбиты с толку. Аллен приходил в контору, брал наряд, ехал на место и ждал, когда придет Томми и выполнит работу. Но все чаще и чаще Томми не появлялся. Никто не мог отыскать его, а кроме него, никто не мог сделать работу. Аллен знал, что сам он никогда не додумается, как отремонтировать водопровод или нагревательный прибор. Он боялся, что, если дотронется до чего-нибудь электрического, все они умрут.

Аллен ждал появления Томми так долго, как было возможно. Когда тот

не появлялся, Аллен уходил – расписывался в наряде, что работа выполнена, или писал, что дверь в квартиру закрыта. Но три или четыре раза звонили жильцы и жаловались, что работа не сделана. Когда поступила четвертая жалоба, Шерон решила поехать с Билли в квартиру, чтобы посмотреть, в чем проблема.

– Ради бога, Билл, – сказала она, глядя на посудомоечную машину, которая никак не хотела наполняться водой. – Даже я понимаю, как это можно сделать. Ведь ты же техник! Считается, что ты умеешь чинить бытовые электроприборы.

– Я починил ее. Я отремонтировал сливную трубу.

– Значит, дело не в этом.

Высаживая ее у конторы, Аллен заметил, как рассержена Шерон. Он заподозрил, что она собирается его уволить.

Аллен сказал Томми, что ему нужно придумать что-то такое, чтобы Джон Ваймер и Шерон Рот просто не смогли его уволить. Первое, что пришло Томми в голову, – поставить в машину Джона Ваймера телефон с жучком для подслушивания.

– Это очень просто сделать, – сказал Аллен Ваймеру. – У вас в машине будет телефон, но телефонная компания даже знать об этом не будет.

– Ведь это же незаконно? – спросил Ваймер.

– Вовсе нет. Радиоволны свободны.

– И вы действительно можете это сделать?

– Есть только один способ доказать. Вы платите за материал и даете «добро».

Ваймер тщательно его расспросил, удивленный тем, как Миллиган разбирается в электронике.

– Я бы хотел для начала посмотреть, что к чему, – сказал Ваймер. – Но звучит неплохо.

Несколько дней спустя, когда Томми покупал в магазине электроники кое-какие материалы, он увидел ленточный жучок, который можно вставить в телефон и приводить в действие путем звонка. Все, что нужно сделать, – это позвонить в отдел кадров или в контору, сказать, что ошибся номером, и повесить трубку. Начнет работать магнитофон, который будет записывать разговоры Рот и Ваймера. Томми узнает, совершается ли что-то незаконное, что можно будет использовать, если те захотят его уволить.

Томми направил электронные жучки вместе с другой электроникой в контору «Келли и Леммон». В тот же вечер он пробрался в контору и вставил записывающее устройство в телефон Рот. То же самое он сделал и

с телефоном Вайнера. Потом на пятно встал Аллен и просмотрел некоторые ящики с папками в поисках какой-нибудь полезной информации. Одна папка привлекла его внимание – список тех, кого правление называло «крупными инвесторами», держателей акций «Ченнингуэй» и «Уильямсбург-сквер», обычно засекреченных. Это были люди, которые наняли компанию «Келли и Леммон» управлять жилищными комплексами. Аллен записал их имена.

С жучками в телефонах и списком в кармане он чувствовал, что с работы его не уволят.

Гарри Коудер первый встретил Билли Миллигана, когда тот вошел в квартиру Коудера, чтобы заменить несколько испорченных отопительных радиаторов.

– Вам нужен новый нагреватель, – сказал ему Миллиган. – Можно достать.

– Сколько это будет стоить? – спросил Коудер.

– Нисколько. «Келли и Леммон» и не заметят пропажу.

Коудер посмотрел на него, удивляясь, как Миллиган может предлагать такое, зная, что он – полицейский и неполный рабочий день работает в охране «Ченнингуэй».

– Надо подумать, – сказал Коудер.

– Дайте знать, как надумаете. Я буду рад поставить вам нагреватель бесплатно.

Когда Миллиган ушел, Коудер решил понаблюдать за ним. В квартирах «Ченнингуэй» и «Уильямсбург-сквер» резко возросло воровство. Все указывало на то, что у вора были ключи-оригиналы.

Джону Ваймеру позвонил техник, нанятый на работу примерно тогда же, когда и Миллиган. Техник сказал, что Ваймер должен кое-что знать о Миллигане. Ваймер попросил его прийти к нему в отдел.

– Я знаю, что поступаю нехорошо, – сказал техник, – но этот парень со странностями.

– Что вы имеете в виду?

– Он прослушивает девушек в жилконторах.

– Что значит «прослушивает»?

– Я говорю об электронном прослушивании.

– Да бросьте вы! Не может этого быть.

– Я говорю правду.

– А доказательства?

Человек нервно огляделся.

– Миллиган сам мне сказал. А потом он повторил почти слово в слово, о чем я разговаривал в конторе с Шерон и Кэрл. Нас было только трое в комнате. Мы говорили о том, что в школах почти каждый употребляет наркотики. Он также сказал, что, когда девушки находятся одни, они сквернословят хуже, чем парни в раздевалке.

Ваймер задумчиво постучал пальцами по столу.

– Зачем это ему?

– Он сказал, что у него достаточно фактов на Шерон и Кэрл и что, если его уволят, они уйдут с ним. Если он будет тонуть, все – включая «Келли и Леммон» – пойдут с ним на дно.

– Глупо, по-моему. Как он это сделает?

– Он сказал, что предложил вам бесплатно поставить телефон в машину.

– Да, но я решил отказаться.

– Он еще сказал мне, что хочет поставить жучок на этот телефон, чтобы и на вас получить информацию.

Когда техник ушел, Ваймер позвонил Шерон.

– Думаю, вы были правы насчет Миллигана, – сказал он. – Лучше его уволить.

В тот же день Шерон вызвала Миллигана в контору и сообщила ему, что он уволен.

– Если я уйду, вы тоже уйдете, – сказал он. – Не думаю, что вы долго проработаете после меня.

Вечером, находясь дома, Шерон открыла дверь на звонок и удивилась, увидев Миллигана, одетого в синюю тройку, – точь-в-точь административное лицо.

– Я только заглянул, чтобы сказать вам, что завтра в час дня вам надлежит быть у окружного прокурора, – сказал он. – Мне нужно также увидеть Джона Ваймера. Если вы сами не явитесь к прокурору, за вами пришлют машину.

С этими словами он повернулся и ушел.

Шерон понимала, что все это глупо, но испугалась. Она не имела понятия, о чем он говорит и почему окружной прокурор хочет видеть ее. И какое отношение к этому имеет Миллиган? Кто он и что ему надо? Одно Шерон знала точно: он не был обычным техником.

В половине шестого Томми направился в уже закрытую жилконтору, открыл замок, вошел внутрь и удалил жучок с телефона. Перед тем как

уйти, он решил оставить записку для Кэрол. С той информацией, которую он даст Ваймеру, ее тоже будут вынуждены уволить. На их общем столе он перевернул страницу календаря на следующий рабочий день, понедельник, 26 сентября 1977 года, и написал под датой печатными буквами:

НОВЫЙ ДЕНЬ!

Радуйтесь ему, пока
МОЖЕТЕ!

Потом перевернул страницы обратно, на пятницу.

Когда Джон Ваймер ушел с работы на целый день, Томми незаметно проник туда и тоже удалил жучок.

Выходя, он столкнулся с Терри Терноком, окружным инспектором фирмы «Келли и Леммон».

– Что вы здесь делаете, Миллиган? – спросил Тернок. – Я думал, вы уволены.

– Я пришел к Джону Ваймеру. В этой компании происходят некоторые вещи, о которых я собираюсь заявить. Я хочу дать Джону шанс уладить эти дела, прежде чем я уведомя властей и инвесторов.

– О чем вы говорите?

– Ну что ж, поскольку вы начальник Джона, думаю, вам необходимо первому услышать об этом.

Вскоре после того, как Джон Ваймер пришел домой и приготовился провести спокойный вечер, позвонил Терри Тернок и попросил его немедленно приехать на работу.

– Происходит что-то странное. Здесь Миллиган, и я думаю, что вам лучше прийти сюда и тоже послушать, что он собирается сказать.

Когда Ваймер приехал, Тернок сказал, что Миллиган поехал к себе на квартиру и вернется через несколько минут, чтобы поговорить с ними обоими.

– Что он сказал? – спросил Ваймер.

– Черт его знает, предъявляет какие-то обвинения. Пусть лучше сам скажет.

– У меня какое-то странное отношение к этому парню, – сказал Ваймер, выдвигая ящик стола. – Я собираюсь записать этот разговор.

Он вставил новую кассету в небольшой диктофон и оставил ящик приоткрытым. Когда Миллиган вошел в дверь, Ваймер был удивлен его видом. До этого момента Миллиган всегда ходил только в рабочей одежде. Сейчас, в тройке и галстуке, он выглядел изысканно и держался с

достоинством. Войдя, Миллиган сел и засунул большие пальцы за жилет.

– В вашей компании происходит кое-что, о чем вы должны знать.

– Например? – спросил Тернок.

– Всякие незаконные действия. Я хочу дать вам возможность решить эти проблемы, прежде чем я отправлюсь к окружному прокурору.

– Послушайте, Билл, о чем вы говорите? – спросил Ваймер.

Целых полтора часа Аллен рассказывал, как в жилищной конторе подделывают записи, как надувают инвесторов жилых комплексов «Ченнингуэй» и «Уильямсбург-сквер». Квартиры, записанные как свободные, в действительности заняты друзьями некоторых служащих, которые собирают и прикарманивают платежи. Он мог доказать, что компания «Келли и Леммон» незаконно отводит себе электроснабжение от основных линий электропередач.

Миллиган заверил их, что не думает, будто Ваймер вовлечен в этот обман и хищения, но почти все служащие компании вовлечены – особенно одна начальница жилконторы, которая разрешила своим друзьям занять эти квартиры.

– Я намерен дать вам время проверить все обвинения, Джон, и привлечь правонарушителей к ответу. Но если вы не сможете или не захотите сделать это, я опубликую факты в «Коламбус диспэч».

Ваймер забеспокоился. Всегда существовала возможность, что нечестные служащие делают нечто, что может привести к скандалу. По тому, как Миллиган говорил, было очевидно, что за всем этим стоит Шерон Рот. Ваймер наклонился вперед:

– Кто вы, Билл?

– Просто заинтересованное лицо.

– Вы частный детектив? – спросил Тернок.

– В данный момент не вижу причины раскрываться. Скажем так: я действую в интересах крупных инвесторов.

– Я всегда думал, что вы не техник, – сказал Ваймер. – Вы всегда поражали меня своим блестящим умом. Значит, вы работаете на инвесторов. Не скажете ли, на каких?

Миллиган поджал губы и вскинул голову.

– Я никогда не говорил, что работаю на инвесторов.

– Если нет, – сказал Тернок, – тогда, наверное, вы засланы к нам конкурирующей компанией, чтобы подорвать доверие к фирме «Келли и Леммон».

– О-о? – снова усмехнулся Миллиган, соединив кончики пальцев и постукивая ими. – Что заставляет вас так думать?

– Вы скажете нам, на кого работаете? – спросил Ваймер.

– Рекомендую вызвать сюда Шерон Рот и задать ей несколько вопросов относительно того, что я рассказал.

– Я определенно намерен разобраться в ваших обвинениях, Билл, и я рад, что вы сначала поговорили со мной. Могу заверить вас, что, если в компании «Келли и Леммон» работают нечестные служащие, мы с ними разберемся.

Миллиган протянул левую руку, чтобы показать Ваймеру и Терноку маленький микрофон в рукаве.

– Хочу уведомить вас, что этот разговор записывался. Это приемник, запись идет в другом месте.

– У честных людей мысли сходятся, – засмеялся Ваймер, указав на открытый ящик стола. – Я тоже все записал.

Миллиган рассмеялся в ответ.

– Хорошо, Джон. У вас три дня, начиная с понедельника. Проясните ситуацию и увольте виновных, иначе я опубликую информацию.

Вскоре после того, как Миллиган ушел, Ваймер позвонил Шерон Рот домой и рассказал ей об обвинениях. Она категорически все отрицала и клялась, что никто в жилконторе не ворует.

Зная теперь, что Миллиган подслушивал телефонные разговоры в конторе, Шерон в воскресенье решила все обыскать, но ничего не нашла. Или он уже удалил жучок, или это было мистификацией. Она посмотрела на настольный календарь, машинально перевернула листки с пятницы на понедельник и увидела:

НОВЫЙ ДЕНЬ!

Радуйтесь ему, пока

МОЖЕТЕ!

«О боже! – подумала она. – Он собирается убить меня, потому что я его уволила».

Придя в ужас, она позвонила Терри Терноку и принесла ему записку. Они сравнили ее с почерком Миллигана – почерк совпал.

В понедельник, в 14.30, Миллиган позвонил Шерон и сказал ей, что она должна явиться во вторник, в 13.30, к окружному прокурору округа Франклин. Если она не подтвердит его звонок, он вынужден будет приехать за ней с полицией. Что, конечно, будет выглядеть не очень красиво.

В тот же вечер Гарри Коудер позвонил Миллигану на квартиру и сказал, чтобы он перестал беспокоить девушек из жилконторы.

- Что значит «перестал»? Я ничего не делаю.
- Послушай, Билл, – сказал Коудер. – Если девушки действительно должны явиться к прокурору, для этого существуют повестки.
- А какое вы имеете к этому отношение? – спросил Миллиган.
- Девушки знают, что я полицейский. Они попросили меня разобраться.
- Они испугались, Гарри?
- Нет, Билл, не испугались. Они просто не хотят, чтобы им надоедали.

Аллен решил на время приостановить это дело, но рано или поздно он добьется, чтобы Шерон Рот уволили. Он продолжал жить в служебной квартире, однако ему пришлось искать другую работу.

Следующие две недели Аллен искал работу, но ничего приличного не попадалось. Он оказался не у дел, ему не с кем было даже поговорить. Он продолжал терять время, а депрессия все усиливалась.

13 октября 1977 года Аллен получил от Джона Ваймера извещение о том, что его выселяют. Он в ярости забежал по квартире. Куда идти, что делать?!

Бегая так, он вдруг заметил, что Рейджен оставил на виду свой «смит-вессон», лежащий на каминной доске. Почему пистолет оказался там? Что, черт возьми, происходит с Рейдженом? Ведь из-за этого пистолета да еще итальянской винтовки его могут засадить обратно в тюрьму за нарушение условий досрочного освобождения.

Аллен остановился и глубоко вдохнул. Может быть, именно этого Рейджен и хотел в глубине души, даже не осознавая, – вернуться в тюрьму, в опасное место. Чтобы он мог контролировать пятно!

– Артур, я больше не выдержу, – громко сказал Аллен. – Это уже слишком.

Он закрыл глаза и ушел...

Рейджен резко вскинул голову и быстро огляделся, чтобы убедиться, что он один в комнате. Он увидел счета на столе и понял, что без денег, которые давала работа, у них возникнут большие трудности.

– Ладно, – громко сказал он. – Маленьким нужна еда и зимняя одежда. Стало быть, пора на дело.

Рано утром 14 октября Рейджен взял «смит-вессон» и положил его в наплечную кобуру. Надел свитер с глухим воротом, белые кроссовки, коричневую спортивную куртку и джинсы, сверху ветровку. Принял три таблетки бифетамина-20, запил водкой и ушел до рассвета на запад, в

сторону Университета штата Огайо.

Глава девятнадцатая

1

Преодолев одиннадцать миль по Коламбусу, в пятницу утром, в 7.30, Рейджен добрался до стоянки Ист-Бельмонт Университета штата Огайо. Определенного плана у него не было, он просто хотел кого-нибудь ограбить.

С тротуара, идущего между медицинским колледжем и стоянкой, Рейджен увидел, как молодая женщина припарковала «тойоту» золотистого цвета. Когда она выходила из машины, он заметил на ней красно-коричневый брючный костюм под расстегнутым пальто из оленьей кожи. Он отвернулся в поисках кого-нибудь еще – грабить женщину он не собирался.

Но Адалана, которая наблюдала за всем, знала, почему Рейджен оказался здесь. Она знала, что он устал от пробежки через весь город, к тому же амфетамины и водка уже начали действовать. Ей захотелось, чтобы Рейджен освободил пятно...

Приблизившись к женщине, Адалана увидела, как та перегнулась через сиденье для водителя, чтобы взять книги и бумаги с пассажирского сиденья. Адалана вынула пистолет Рейджена из кобуры и прижала его к руке женщины.

Женщина засмеялась, не оборачиваясь:

– Хватит, ребята, перестаньте дурачиться.

– Пожалуйста, сядьте в машину, – сказала Адалана. – Мы немного покатаемся.

Кэрри Драйер повернулась и увидела, что это не один из ее друзей, а совершенно незнакомый человек. Увидела пистолет в руке в перчатке и поняла, что мужчина не шутит. Он жестом указал ей на сиденье пассажира, она перелезла через рычаг переключения скоростей. Сначала он не смог отпустить ручной тормоз, но наконец отъехал от стоянки.

Кэрри Драйер внимательно посмотрела на него: рыжевато-каштановые волосы, прямые тонкие усы, родинка на правой щеке. Симпатичный, хорошо сложен, вес около 70 килограммов, рост примерно 160 сантиметров.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Прокатимся куда-нибудь, – мягко ответил мужчина. – Я не очень хорошо знаю окрестности Коламбуса.

– Послушайте, – сказала Кэрри. – Я не знаю, чего вы хотите от меня, но у меня сегодня экзамен по оптометрии.

Мужчина припарковался около какой-то фабрики и выключил двигатель.

Кэрри заметила, как бегают его зрачки. Это надо запомнить и потом рассказать полиции.

Мужчина осмотрел ее кошелек, вынул водительское удостоверение и другие документы. Голос его стал резким:

– Пойдешь к копам – твоей семье не поздоровится!

Он вытащил пару наручников и приковал ее правую руку к ручке дверцы «тойоты».

– Ты сказала, что у тебя экзамен, – пробормотал он. – Будет лучше, если ты будешь готовиться к нему, пока я веду машину.

Они поехали на север от университета. Через некоторое время он остановился у железнодорожного переезда. По путям медленно полз поезд. Мужчина выскочил из машины и направился к багажнику. Кэрри пришла в ужас от мысли, что он оставит ее здесь, в наручниках, на пути поезда. Может, он маньяк?

Кевин, который занял место Адаланы, когда услышал, как покрышки стучат по путям, обошел машину сзади и удостоверился, что покрышки в порядке. Будь колеса спущены, он убежал бы, но все было хорошо, поэтому он сел в машину и поехал.

– Снимай брюки, – сказал Кевин.

– Что?

– Снимай свои чертовы штаны! – заорал он.

Она сделала, как приказано, испугавшись внезапной перемены настроения у парня. Наверное, это для того, чтобы она не убежала. И правильно. Даже без наручников она никогда бы не побежала без одежды.

Пока они ехали, Кэрри старалась смотреть в учебник, чтобы не раздражать его. Но заметила, что он повернул на запад, на Кинг-авеню, потом срезал и поехал на север, по Олентанджи-Ривер-роуд. Похититель вез ее за город, временами разговаривая с собой:

– Утром убежал... стукнул его бейсбольной битой...

Проехав мимо кукурузного поля, машина объехала дорожное ограждение и въехала в лес мимо брошенных старых машин.

Кэрри вспомнила, что у нее между сиденьем и колонкой переключателя лежат острые ножницы. Мелькнула мысль схватить их и

вонзить в парня. Заметив ее взгляд, брошенный в сторону ножниц, мужчина сказал:

– Без глупостей! – и вытащил пружинный нож.

Остановив машину, похититель отстегнул наручники от двери, но оставил их на руке Кэрри. Потом расстелил ее пальто из оленьей кожи на грязной земле.

– Сними трусы, – прошептал он, – и ложись.

Кэрри увидела, как у него забегали глаза...

Адалана легла на спину рядом с женщиной, глядя на деревья. Она не понимала, почему все время уступает пятно Филипу и Кевину. Дважды они вставали на пятно, пока она была за рулем, а она каждый раз хотела, чтобы они ушли с пятна. Все перемешалось.

– Тебе известно, что значит одиночество? – спросила она женщину, лежащую возле нее. – Когда тебя уже давно никто не держал в объятиях? Не знать, что такое любовь?

Кэрри Драйер не отвечала, и Адалана взяла ее, как она брала Марлен.

Но эта молодая женщина была очень маленькой, и с ней было что-то не так. Как ни старалась Адалана, каждый раз, когда она пыталась войти в нее, мускулы Кэрри Драйер сжимались и выталкивали ее. Это было странно, и Адалана испугалась. Смущенная, она сошла с пятна...

Кэрри, вся в слезах, объяснила, что у нее физическая проблема, что она посещает гинеколога. Каждый раз, когда она пытается переспать с кем-нибудь, у нее случаются такие спазмы. Кэрри снова заметила нистагм – и похититель вдруг рассердился, стал вульгарным.

– Из всех чертовых девок в Коламбусе, – прорычал он, – выбрать такую, которая ни на что не годится!

Мужчина позволил ей одеться и сказал, чтобы она садилась в машину. Кэрри заметила, что он снова переменялся. Он протянул ей бумажную салфетку и спокойно сказал:

– Возьми, пожалуйста, вытри лицо.

Адалана занервничала, она вспомнила, зачем Рейджен предпринял эту поездку, и поняла, что он может что-то заподозрить, если она возвратится с пустыми руками.

Кэрри видела на лице насильника озабоченность и неподдельное беспокойство. Ей было жалко его, но она не понимала, в чем дело.

– Мне нужно достать денег, – сказал он ей, – иначе кое-кто сильно рассердится.

– У меня нет с собой денег, – сказала Кэрри, снова заплакав.

– Не переживай так. – Похититель подал ей другую салфетку. – Я

ничего тебе не сделаю, если ты поступишь так, как я скажу.

– Делай со мной что угодно, – сказала она, – только не тронь мою семью. Возьми все мои деньги, но оставь их в покое.

Мужчина остановил машину и снова проверил ее кошелек. Нашел чековую книжку – на счету Кэрри лежало четыреста шестьдесят долларов.

– Как ты думаешь, сколько тебе надо, чтобы прожить неделю? – спросил он.

– Долларов пятьдесят – шестьдесят, – прохлюпала она сквозь слезы.

– Ладно, – сказал он, – оставь себе на счету шестьдесят долларов и выпиши чек на четыреста.

Кэрри удивилась такой щедрости, хотя знала, что не сможет возместить деньги, которые были ей нужны на покупку книг и на учебу.

– Сейчас мы ограбим банк, – вдруг сказал мужчина. – Ты пойдешь со мной.

– Нет! Я не пойду! – яростно запротестовала она. – Делай со мной, что хочешь, но помогать я тебе не буду.

– Зайдем в банк и обналичим чек, – сказал мужчина, но потом, кажется, передумал. – У тебя все лицо в слезах. В банке сразу поймут, что что-то происходит.

– Не думаю, что так уж плохо выгляжу, – сказала Кэрри, все еще продолжая плакать. – По-моему, я хорошо держусь для человека, находящегося под прицелом пистолета.

Насильник что-то пробурчал в ответ.

На Вест-Брод-стрит, 770, они нашли филиал Национального банка штата Огайо, в котором можно было получить деньги, не заходя в банк. Пока Кэрри вынимала свое удостоверение, мужчина незаметно держал пистолет у нее за спиной. У Кэрри мелькнула мысль написать на чеке: «Помогите!» Словно догадавшись, грабитель прошептал:

– Не пытайся писать на обороте!

Мужчина передал кассиру чек вместе с удостоверением Кэрри и получил деньги.

– Можешь сообщить в полицию, что тебя ограбили, потом приостановишь платежи, – сказал он, отъезжая от банка. – Скажешь им, что тебя заставили обналичить чек. Таким образом, можно сказать, что ограблен банк, а не ты.

Когда Кэрри приехала в центр, на перекресток Брод-стрит и Хай-стрит, машина попала в пробку.

– Садись за руль и поезжай, – сказал мужчина. – Если пойдешь в полицию, меня не описывай. Увижу в газетах – сам не появлюсь, но

пришлю кого-нибудь разобраться с тобой или с твоей семьей.

С этими словами он открыл дверцу и быстро вышел из машины, мгновенно смешавшись с толпой.

Рейджен осмотрелся, ожидая найти себя на стоянке университета, но вместо этого он в разгар дня оказался у универсама Лазаруса. Куда ушло время? Он сунул руку в карман и нашел пачку денег. Значит, он все-таки сделал это. Наверное, кого-то ограбил, но кого?

Рейджен сел на автобус, идущий в восточном направлении, до Рейнолдсбурга. Вернувшись в «Ченнинггуэй», он положил деньги и кредитную карточку на полку в шкаф и пошел спать.

Через полчаса Артур проснулся отдохнувший, удивившись, почему он до сих пор спит. Он принял душ. Переодеваясь в свежее белье, увидел деньги на полке. Откуда эти деньги? Кто-то «подсуетился». Что ж, тем лучше. Можно купить продукты и уплатить по некоторым счетам. Самое важное – очередной взнос за машину.

Артур отложил в сторону извещение о выселении. Теперь, когда мальчики были уволены, Джон Ваймер требовал плату за квартиру. Впрочем, с этим можно подождать. Он знает, что делать с «Келли и Леммон». Пусть они продолжают присылать свои извещения. Когда его вызовут в суд, Аллен расскажет судье, что эти люди заставили его уйти с прежней работы и переехать в их жилищный комплекс, чтобы работать техником-ремонт-ником, и как раз когда он уже купил в кредит мебель, они уволили его и пытаются выбросить его на улицу.

Он знал, что судья даст ему 90 дней, чтобы съехать с квартиры. Даже после последнего извещения о выселении у него еще будут три дня, чтобы выехать. За все это время Аллен успеет найти новую работу, скопить немного денег и найти новую квартиру.

Вечером Адалана сбрила усы. Она всегда ненавидела волосы на лице.

Томми обещал сестре Билли, что проведет с ней в Ланкастере субботу, последний день ярмарки в округе Фэрфилд. Дороти и Дел управляли рестораном по концессии, и им может понадобится помощь. Томми взял деньги, которые увидел на комод, – их было немного – и сказал Аллену, чтобы тот отвез его в Ланкастер. Томми провел с Кэти чудесный день на ярмарке: аттракционы, всякие игры, хот-доги и шипучий мускатный рутбир. Они вспоминали старые времена, о том, как Джим выступал в рок-группе в Западной Канаде и как Челла работала в ВВС. Кэти сказала, что рада видеть его без усов.

Когда они вернулись в ресторан, где Дороти хлопотала у гриля, Томми незаметно зашел ей за спину и пристегнул ее наручниками к трубе.

– Если ты собираешься весь день, как проклятая, стоять у горячей плиты, – сказал он, – тебя можно приковать к ней.

Она засмеялась.

Он оставался с Кэти на ярмарке до самого ее закрытия. Потом Аллен вернулся в «Ченнинггуэй».

Артур провел спокойное воскресенье, читая медицинские книги, а утром в понедельник Аллен отправился на поиски работы. Он сделал несколько телефонных звонков, всю неделю заполнял заявления о приеме на работу, но все было напрасно.

2

Вечером в пятницу Рейджен вскочил с кровати, думая, что он только что лег. Он подошел к комоду. Денег, которые он даже не помнил, как украл, не было. Он подбежал к шкафу, схватил пистолет и стал обыскивать квартиру, ногой открывая двери в поисках грабителя, ворвавшегося, пока он спал. Но квартира была пуста. Попытавшись связаться с Артуром и не получив ответа, Рейджен разбил копилку, взял двенадцать долларов и ушел, чтобы купить бутылку водки. Вернувшись, он выпил и выкурил «косяк». Все еще думая о неоплаченных счетах, Рейджен понял: что бы он ни сделал, чтобы достать те деньги, он должен сделать это опять.

Рейджен принял несколько таблеток амфетамина, пристегнул ремнем пистолет, надел спортивную куртку и сверху ветровку. Он вновь направился в западную часть Коламбуса и утром около 7.30 уже был на стоянке Вайсмен Университета штата Огайо. Вдалеке виднелось подковообразное здание футбольного стадиона штата Огайо. За спиной он увидел вывеску на современном здании из стекла и бетона напротив стоянки – «Апхэм-холл».

В дверях появилась круглолицая, небольшого роста медсестра. Цвет лица у нее был смуглый, высокие скулы, длинные волосы связаны в пучок на затылке. У Рейджена появилось ощущение, что он узнал ее. Кто-то – наверное, Аллен – много лет тому назад видел ее в постоянном месте студенческих тусовок, которое называлось «Замок».

Рейджен отвернулся, но прежде, чем он успел отъехать, Адалана вытеснила его с пятна...

Донна Уэст чувствовала себя без сил после восьмичасовой смены в психиатрической клинике при университете. Она сказала своему жениху, что позвонит ему из клиники, чтобы позавтракать вместе, но после ужасной ночи ей пришлось задержаться на работе, и все, что она хотела, – это поскорее уйти. Она позвонит Сидни, когда придет домой. На пути к стоянке мимо нее прошла подруга, помахала рукой, поздоровалась. Донна направилась к своей машине, как всегда предусмотрительно припаркованной в первом ряду, напротив Апхэм-холла.

– Эй! Подождите минутку! – крикнул кто-то.

Донна подняла голову и увидела молодого человека в джинсах и ветровке, который махал ей рукой с другой стороны стоянки. Симпатичный, подумала она, похож на артиста, чье имя она не могла вспомнить. На мужчине были солнцезащитные очки. Она подождала, пока он подошел и спросил, где находится главная стоянка.

– Послушайте, это трудно объяснить, – сказала Донна. – Я как раз еду в ту сторону. Вы можете сесть ко мне, и я вас довезу туда.

Мужчина сел рядом с водителем. Пока Донна разворачивалась, незнакомец вынул пистолет.

– Вперед, – сказал он. – Ты мне поможешь.

Через несколько секунд добавил:

– Будешь делать то, что я скажу, останешься целой. А жаль: уж больно хочется шлепнуть кого-нибудь!

«Вот оно что, – подумала Донна. – Значит, я умру». Она почувствовала, как краска залила ее лицо, сосуды сжались, желудок свело. О боже, почему, прежде чем уйти, она не позвонила Сидни? По крайней мере, он знал, что Донна должна ему позвонить. Может быть, он обратится в полицию?

Похититель дотянулся до заднего сиденья и взял сумочку. Вынул портмоне, посмотрел водительское удостоверение.

– Давай, Донна, гони на север, по Семьдесят первой дороге.

Он достал из ее кошелька десять долларов. У нее сложилось впечатление, что все это спектакль: мужчина взял деньги, с таинственным видом сложил купюры и положил их в карман рубашки. Затем он вынул сигарету из ее пачки и поднес к ее губам.

– Держу пари, ты хочешь покурить, – сказал он и поднес к сигарете прикуриватель.

Донна заметила, что его руки, даже под ногтями, чем-то запачканы, но это была не грязь, не сажа и не масло. То, что он старательно стер отпечатки с прикуривателя, привело Донну в ужас: значит, перед ней

профессионал, знакомый с полицией. Парень заметил ее реакцию.

– Я член группы, – сказал он. – Некоторые из нас – политические активисты.

Ей показалось, что он намекает на «Метеорологов», хотя на самом деле он не упоминал этого названия. Раз ее заставили ехать на север, по автостраде 1-71, Донна решила, что он направляется в Кливленд, чтобы скрыться. Похоже, он из городских партизан.

Она удивилась, когда, доехав до округа Делавэр, мужчина приказал ей свернуть с 1-71 и ехать обратно. Донна видела, что грабитель расслабился, словно местность была ему знакома, и когда им перестали попадаться на пути машины, он приказал ей остановиться.

Когда Донна Уэст увидела, насколько пустынна эта местность, она поняла, что ее похищение не имеет ничего общего с политикой. Ее собирались изнасиловать или убить, а может, и то и другое. Похититель откинулся на сиденье, и Донна уже знала, что сейчас случится что-то действительно плохое.

– Посижу минутку, соберусь с мыслями, – сказал он.

Донна сидела, положив руки на руль и глядя прямо перед собой. Она думала о Сидни, о своей жизни и гадала, что сейчас будет. По ее щекам потекли слезы.

– Что такое? – спросил он. – Боишься, что я тебя изнасилую?

Эти слова и его саркастический тон поразили ее. Она посмотрела на него и призналась:

– Боюсь.

– Да ты чертовски глупа! Тебе бы о жизни подумать, а ты о заднице своей беспокоишься!

Это отрезвило Донну, и она перестала плакать.

– Ей-богу, – сказала она, – вы абсолютно правы. Я действительно беспокоюсь о своей жизни.

Его глаза были почти невидимы за очками, но голос вдруг смягчился:

– Распусти волосы.

Донна продолжала сидеть, ухватившись за руль.

– Я сказал, распустить волосы.

Она подняла руку и сняла берет. Мужчина развязал шнурок, стал гладить ее волосы, говоря, какие они красивые. Потом он снова переменялся, заговорил громко и много.

– Дура ты все-таки, – сказал он. – Ну сама погляди, как ты попала в эту ситуацию.

– И как же я в нее попала?

– Посмотри на свою одежду, на волосы. Ты должна понимать, что можешь привлечь внимание кого-нибудь вроде меня. Что ты делала на стоянке в полвосьмого утра? Дура несчастная!

Донна подумала, что грабитель в чем-то прав. Это она была виновата, предложив подвезти его. Она должна была винить себя за то, что сейчас случится. До нее вдруг дошло, что он собирается ее проучить. Нет, она не попадет на эту удочку. Но с другой стороны, когда ты беспомощна и до смерти напугана, парню с пистолетом легко заставить тебя чувствовать себя виноватой.

И она решила: «Будь что будет. Ну что ж, изнасилование – не худшее, что могло со мной случиться».

– Кстати, – сказал он, прервав ход ее мыслей, – меня зовут Фил.

Донна продолжала смотреть прямо перед собой и не повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо. Он заорал на нее:

– Я сказал, что меня зовут Фил!

Донна покачала головой:

– Мне все равно, как вас зовут. Не думаю, что хочу это знать.

Фил приказал, чтобы Донна вышла из машины. Обыскивая ее карманы, он заметил:

– Готов поклясться, что ты как медсестра можешь достать много «спида».

Донна не ответила.

– Садись на заднее сиденье, – велел он.

Усаживаясь в машину, Донна быстро заговорила, надеясь отвлечь его внимание.

– Вы любите искусство? – спросила она. – А я люблю. Я занимаюсь гончарным делом. Работаю с глиной.

Она все говорила и говорила, но парень, казалось, не слышал. Он заставил ее спустить колготки, и она была почти благодарна ему за то, что он не унизил ее еще больше, заставив раздеться совсем.

– У меня нет никаких болезней, – сказал насильник, расстегивая молнию.

Донну поразило то, что он сказал об этом. Она хотела крикнуть ему: «Зато у меня есть болезни. У меня есть все болезни!»

К этому времени Донна почувствовала, что мужчина психически болен. И она боялась раздражить его еще больше. Болезни – это самое последнее, что ей пришло в голову, лишь бы все поскорее кончилось.

Донна удивилась и обрадовалась, как быстро он все сделал.

– Ты супер, – сказал мужчина. – Ты меня заводишь.

Он вышел из машины, огляделся и приказал, чтобы она снова села за руль.

– Я впервые кого-то изнасиловал. Теперь я не только партизан, но и насильник.

Помолчав, Донна сказала:

– Можно мне выйти из машины? Я хочу в туалет.

Мужчина кивнул.

– Я не могу, когда кто-то смотрит на меня, – сказала она. – Не могли бы вы уйти?

Он сделал, как просила Донна, и, возвратившись, она заметила, что поведение насильника изменилось. Он чувствовал себя свободно, шутил. Но потом вдруг опять стал другим, вновь обретя командный тон и ведя себя так же, как перед изнасилованием: пугая ее своей вспыльчивостью и сквернословием.

– Сядь в машину! – крикнул он. – Выезжай на шоссе и гони на север. Я хочу, чтобы ты обналичила чеки и дала мне денег.

Мысли проносились у нее в голове с бешеной скоростью, она хотела как можно быстрее оказаться на знакомой территории.

– Послушайте, – сказала она, – если вам нужны деньги, то вернемся в Коламбус. Вы же не думаете, что в субботу можно за городом получить деньги по чекам?

Донна ждала его реакции, говоря себе, что, если он заставит ее ехать на север по 1-71, в сторону Кливленда, ей придется разбить машину и убить их обоих. Донна ненавидела то, что он сделал с ней, и хотела убедиться, что насильник не воспользуется ее деньгами.

– Ладно, давай на юг по Семьдесят первой, – сказал мужчина.

Надеясь, что он не заметил, насколько ей стало легче, Донна решила действовать дальше.

– Почему бы нам не поехать по Двадцать третьей? По этой трассе много банков, и мы сможем доехать до какого-нибудь, пока они не закрылись в полдень на обед.

Мужчина снова согласился, и хотя она все еще опасалась за свою жизнь, у нее появилась надежда остаться в живых.

– Ты замужем? – вдруг спросил насильник.

Донна кивнула, полагая, что ему лучше думать, будто кто-то ждет ее и заметит ее отсутствие.

– Мой муж доктор.

– Какой он?

– Он сейчас в интернатуре.

- Я не это имею в виду.
- А что вы имеете в виду?
- Какой он?

Донна уже готова была описать Сидни, но вдруг поняла, что он хочет знать, каков он как мужчина.

– Вы значительно лучше, чем он, – сказала она, понимая, что, если она похвалит насильника, тот смягчится. – Похоже, у моего мужа проблема. Секс у него занимает значительно больше времени. Просто невероятно, насколько вы быстры.

Донна видела, что эти слова доставили ему большое удовольствие, и была более чем уверена, что этот молодой человек – шизофреник и не имеет представления о реальности. Продолжая ублажать его, она, возможно, сможет выпутаться из всего этого.

Мужчина снова проверил ее сумочку, взяв кредитную карточку, удостоверение медсестры и чековую книжку.

– Мне нужно двести долларов, – сказал он. – Кое-кому требуются деньги. Заполни чек и поезжай в свой банк в Уэствилле. Войдем туда вместе, но если хоть чуть-чуть двинешься, пеняй на себя: я буду стоять за твоей спиной с пистолетом.

Идя в банк, Донна вся дрожала. Трудно было поверить, что кассиры, мимо которых она проходила, не видят, как она мимикой и глазами старается привлечь их внимание. Но никто ничего не заметил. Донна по кредитной карточке сняла два раза по пятьдесят долларов, пока автомат не показал, что ее кредит исчерпан.

Когда они отъехали, грабитель тщательно порвал банковские квитанции и выбросил обрывки в окно машины. Донна взглянула в зеркало заднего обзора и чуть не поперхнулась: она увидела, что за ними едет полицейский патруль.

«О боже, – подумала она, прижав кулак к виску, – нас заберут за мусор на дороге».

Видя ее возбуждение, мужчина повернулся и тоже увидел патруль.

– Черт! Пусть только эти свиньи приблизятся, я им головы разнесу! Очень жаль, что тебе придется увидеть все это, но ничего не поделаешь. Я пушу их в расход, и если ты что-нибудь выкинешь, то будешь следующей.

Донна мысленно скрестила пальцы, надеясь, что полиция не видела бумажки, выкинутые из окна. Она была уверена, что парень начнет стрелять.

Полиция проигнорировала их, и Донна с облегчением откинулась назад, все еще дрожа.

– Поищем другой банк, – сказал грабитель.

Они были в нескольких банках, потом в магазинах, и все безуспешно. Донна заметила, что перед тем как войти в очередной банк, мужчина был возбужден и агрессивен. Но как только они оказывались внутри, становился веселым, словно все это была только игра. В магазине Крогера в Рейнтри-центре он обнял ее за плечи, делая вид, что он ее муж.

– Нам действительно нужны деньги, – сказал он клерку. – Мы уезжаем из города.

Донна наконец смогла получить сто долларов по автомату.

– Интересно, – заметил мужчина, – все ли компьютеры соединены друг с другом?

Когда она сказала ему, что, по-видимому, он много знает о банковских операциях, он ответил:

– Мне приходится знать такие вещи потому, что это полезная информация для моей группы. Мы делимся информацией. Каждый вносит свой вклад в группу.

Донна снова подумала о «Метеорологах» или о какой-то другой радикальной организации. Она решила отвлечь парня разговором о политике и о последних решениях правительства.

Когда насильник перелистывал журнал «Тайм», который поднял с пола машины, Донна спросила его, что он думает о голосовании по поводу договора о Панамском канале. Грабитель смутился и заволновался. Донна сразу же поняла, что он вообще ничего не знал, о чем пишут в газетах и говорят в телевизионных новостях; вообще не был политическим активистом, каким хотел казаться.

– Не вздумай идти в полицию, – вдруг сказал насильник. – Я или кто-нибудь из наших будем следить за тобой. Вероятно, я буду в Алжире, но кто-нибудь за тобой приглядит. Так мы работаем. Наше братство тебя достанет.

Донна хотела, чтобы он продолжал говорить, тем самым отвлекаясь, но решила, что о политике, пожалуй, говорить не стоит.

– Вы верите в Бога? – спросила она, считая, что об этом люди могут говорить часами.

– А ты веришь, что есть Бог? – закричал он, направив пистолет прямо ей в лицо. – Много тебе твой Бог помогает? Вот сейчас, а?

– Нет, – открыла она рот от удивления. – Знаете, вы правы. Бог мне сейчас не помогает.

Он вдруг успокоился и стал смотреть в окно.

– Не силен я в вопросах религии. Ты не поверишь, но я еврей.

– Вот как! – отреагировала Донна, не думая. – Интересно. Но вы не похожи на еврея.

– Мой отец был евреем.

Парень говорил много и сбивчиво, уже успокоившись, но потом он вдруг сказал:

– Вся эта религия – чушь собачья.

Донна молчала. Похоже, тема религии тоже была выбрана неудачно.

– Ты знаешь, – сказал он мягко, – ты мне нравишься, Донна. Плохо, что мы познакомились с тобой при таких обстоятельствах.

Донна решила, что он не собирается ее убивать, и стала думать, как помочь полиции поймать его.

– Было бы хорошо, – сказала она, – если бы мы с вами еще встретились. Позвоните мне, напишите письмо или пошлите открытку. Если не хотите подписываться своим именем, можете поставить просто «П» – «Партизан».

– А как же твой муж?

«Он на крючке», – подумала Донна.

– Не беспокойтесь о моем муже, – сказала она. – Я все устрою. Напишите мне или позвоните. Мне бы не хотелось терять с вами связь.

Мужчина заметил, что бензин на исходе, и предложил заправиться у ближайшей бензоколонки.

– Нет, все в порядке. Еще достаточно.

Она надеялась, что бензин в конце концов кончится и он вынужден будет выйти из машины.

– Слушай, мы далеко от того места, где встретились утром?

– Недалеко.

– Довезешь меня туда?

Донна кивнула, думая, как хорошо вернуться туда, откуда все началось.

Когда они почти подъехали к Стоматологическому колледжу, парень попросил остановиться. Прощаясь, он настоял на том, чтобы оставить ей пять долларов на бензин. Она не дотронулась до денег. Тогда он сунул их за солнцезащитный козырек и с нежностью посмотрел на нее.

– Мне жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах, – снова прошептал мужчина. – Ты мне действительно очень нравишься.

Он крепко обнял Донну и выпрыгнул из машины.

Была суббота, час дня, когда Рейджен возвратился в квартиру, опять ничего не помня о грабеже. Он положил деньги под подушку, а пистолет –

на стол рядом с собой.

– Эти деньги останутся со мной, – сказал он и пошел спать.

Поздно вечером Аллен проснулся, нашел под подушкой двести долларов и удивился, откуда они взялись. Но, увидев пистолет Рейджена, он все понял.

– Да, – промолвил он, – похоже, парень повеселился.

Аллен принял душ, сбрил трехдневную щетину, оделся и вышел, чтобы где-нибудь пообедать.

3

Вечером во вторник Рейджен проснулся, думая, что проспал всего несколько часов. Он быстро сунул руку под подушку – денег не было. Опять не было! И счета по-прежнему не оплачены. Рейджен снова стал мысленно задавать вопросы. На этот раз откликнулись Аллен и Томми.

– Ну да, – сказал Аллен. – Я видел там какие-то деньги. Почему-то я не захотел тратить их.

– Я купил кое-что для рисования, – сказал Томми. – Нам нужно было.

– Идиоты! – закричал Рейджен. – Я добыл деньги, чтобы оплатить счета! Купить еду! Заплатить за машину!

– А где же Артур? – спросил Аллен. – Он должен был сказать нам.

– Да не знаю я, где его черти носят! Совсем рехнулся со своей наукой! За пятном никто не следит, счета не оплачены. Снова мне придется деньги добывать.

– Что ты собираешься делать? – спросил Томми.

– Опять пойду доставать. Последний раз. Никто не должен прикасаться к деньгам!

– Господи, – сказал Аллен. – Как я ненавижу эту путаницу!

В субботу, 26 октября, рано утром, Рейджен надел свою кожаную куртку и в третий раз направился через весь Коламбус в сторону Университета штата Огайо. Он должен был достать денег. Должен был кого-нибудь ограбить. Кого угодно. Около 7.30 он остановился у перекрестка. Рядом остановилась полицейская патрульная машина. Рейджен схватил пистолет: у копов должны быть деньги. Только он хотел к ним подъехать, как загорелся зеленый свет – и патруль уехал.

Идя по Ист-Вудраф-авеню, он увидел симпатичную блондинку, подъезжающую в синем «корвете» к жилому кирпичному зданию. На стене была вывеска «Близнецы». Он последовал за ней, обогнул здание, там

оказалась стоянка. Рейджен полагал, что остался незамеченным.

Зайдя женщине за спину, он скомандовал:

– В машину!

Она обернулась, удивленная:

– Что?

– У меня пистолет. Отвезешь меня кое-куда.

Испугавшись, женщина села в машину. Рейджен сел рядом и вынул два пистолета. Тогда Адалана в третий раз захотела, чтобы он освободил пятно...

Адалана стала беспокоиться, что Артур обнаружит, как она крадет у Рейджена время. Она решила, что, если Рейджена когда-нибудь поймают, его обвинят не только в грабеже, но и в изнасиловании. Поскольку он выходил с оружием, все поверят, что все время это был Рейджен. Если он не сможет вспомнить, что случилось, в этом будут повинны водка и наркотики.

Адалана восхищалась Рейдженом, его агрессивностью и в то же время нежностью в обращении с Кристин. В Рейджене были качества, которыми она хотела бы обладать сама. Когда девушка вела свой «корвет», Адалана представляла себя Рейдженом.

– Я хочу, чтобы ты остановилась вон у того офисного здания, – сказала она. – За зданием на стоянке должен быть лимузин.

Когда они увидели лимузин, Адалана взяла один из пистолетов и нацелила его на машину.

– Я хочу убить хозяина этой машины. Если бы он был сейчас здесь, он был бы уже мертв. Этот человек торгует кокаином. Я знаю, что он убил маленькую девочку, дав ей кокаин. Он все время проделывает это с детьми. Поэтому я хочу убить его.

Адалана почувствовала что-то в кармане куртки. Она нашла наручники Томми и положила их на пол машины.

– Как тебя зовут? – спросила Адалана.

– Полли Ньютон.

– Полли, я вижу, у тебя кончается бензин. Подъезжай вон к той заправочной станции.

Адалана заплатила за пять галлонов бензина, потом сказала Полли, чтобы она поехала по дороге 1-71 на север. Они доехали до Уэртингтона, штат Огайо, где Адалана настояла на том, чтобы остановиться у магазина мороженого и выпить кока-колы.

Направляясь дальше, Адалана увидела по правой стороне дороги речку

и несколько старых мостов с односторонним движением. Она чувствовала, что Полли Ньютон внимательно изучает ее лицо, вероятно, чтобы описать его в полиции. Адалана говорила, словно она была Рейдженем, выдумывала разные истории. Это запутает Артура и других, скроет ее след. Никто не узнает, что это она была на пятне.

– Я убил троих, но еще больше я убил на войне. Я – член террористической группы «Метеорологи».

Прошлой ночью меня десантировали в Коламбус, чтобы выполнить задание. Я должен был убрать человека, который собирался давать показания на суде против «Метеорологов». Могу сказать, что задание я выполнил.

Полли Ньютон слушала спокойно, кивая головой.

– Я могу быть другим, – хвасталась Адалана. – Переодеюсь – и вот я уже бизнесмен. У меня машина «мазерати».

Когда они выехали на пустынную сельскую дорогу, Адалана заставила Полли пересечь глубокую канаву, проехать сквозь высокий бурьян заросшего поля и выехать к небольшому пруду. Адалана вышла с ней из машины, посмотрела на воду, на окружающую местность, вернулась и села на капот машины.

– Я хочу подождать двадцать минут, потом ты меня высадишь.

У Полли словно гора с плеч свалилась. И вдруг Адалана добавила:

– И я хочу заняться с тобой любовью.

Полли заплакала.

– Я не сделаю тебе больно. Я не бью женщин. Я даже не хочу слышать об этом. Послушай, когда тебя насилуют, ты не должна кричать, бить ногами, потому что это еще больше возбуждает насильника и он становится жестоким. Самое лучшее – это лечь на спину и сказать: «Валяй». И насильник не сделает тебе больно. Я не выношу слез, – сказала Адалана, – но у тебя нет выбора. Все равно я это сделаю.

Она взяла два банных полотенца, которые нашла в машине, свою куртку и разложила их на земле.

– Ложись сюда, положи руки на землю, смотри в небо и постарайся расслабиться.

Полли так и сделала.

Потом Адалана легла рядом с ней, расстегнула ее блузку, бюстгальтер и поцеловала ее.

– Ты не должна бояться, что забеременеешь, – сказала она. – У меня была хоррея, и мне сделали вазектомию. Посмотри.

Адалана спустила до колен свои спортивные брюки и показала Полли

шрам внизу живота, как раз над членом. Конечно, это не был шрам от вазектомии. Это просто была диагональная линия на самом животе, шрам от грыжи.

Когда Адалана легла на нее, Полли закричала:

– Пожалуйста, не насилуй меня!

Слово «насилуй» вонзилось в мозг Адаланы. Она вспомнила, что случилось с Дэвидом, Денни и Биллом. Боже, какая страшная вещь – изнасилование! Адалана остановилась, легла на спину, глянула сквозь слезы в небо.

– Билл, – крикнула она, – что с тобой? Держи себя в руках.

Она встала, положила полотенца обратно в машину. Потом взяла с переднего сиденья большой револьвер и кинула пивную бутылку в пруд, но сначала револьвер не выстрелил. Адалана сделала еще попытку, выстрелив дважды по бутылке, и оба раза промахнулась. Ну что ж, она не была таким метким стрелком, как Рейджен.

– Нам лучше поехать, – сказала Адалана.

Когда они отъехали, Адалана опустила стекло и дважды выстрелила в телефонный столб. Потом она проверила сумочку девушки.

– Мне нужно достать денег кое для кого. Примерно двести долларов. – Она протянула карточку для обналичивания чеков: – Поедем к Крогеру и обналичим чек.

В конторе Крогера Полли смогла получить только сто пятьдесят долларов. Потом они поехали в Сберегательный банк на Норт-Хай-стрит, где ей отказались выдать деньги по чекам. Наконец после других неудачных попыток обналичить чек, не заходя в банк, Адалана предложила воспользоваться карточкой «Юнион компани» отца Полли и попытаться обналичить чек по этой карточке в качестве дублирующей. Магазин этой фирмы согласился выдать ей пятьдесят долларов по чеку.

– Можно было бы обналичить еще один чек, – сказала Адалана, – и ты могла бы оставить деньги себе.

Внезапно Адалана вырвала чек из чековой книжки, чтобы написать для Полли стихотворение, но, написав его, сказала:

– Я не могу дать его тебе, потому что полиция может узнать мой почерк.

Она разорвала чек и потом вырвала страницу из записной книжки Полли.

– Я сохраню эту страницу, – сказала Адалана. – Если ты заявишь в полицию обо мне и опишешь меня, я пошлю страницу в группу «Метеорологов», они приедут в Коламбус и убьют твою семью.

В этот момент Адалана увидела с левой стороны полицейскую машину. Испугавшись, она покинула пятно...

Филип обнаружил, что сидит в машине и выглядывает из окна. Он обернулся и увидел за рулем незнакомую молодую блондинку.

– Какого черта я здесь делаю? Где ты, Фил? – спросил он у самого себя.

– Разве тебя зовут не Билл?

– Не-а, я Фил. – Он посмотрел вокруг. – Что, черт возьми, происходит? Господи, всего несколько минут назад я был...

Потом появился Томми, глядя на женщину и удивляясь, почему он здесь. Может быть, кто-то был на свидании?

Он посмотрел на часы – почти полдень.

– Ты голодна? – спросил Томми.

Она кивнула.

– Вон там, «У Уэнди», можно перекусить. Возьмем пару гамбургеров и чего-нибудь жареного.

Полли сделала заказ, а Томми заплатил за еду. Пока они ели, она рассказывала о себе, но он ее почти не слушал. Ведь это не он назначал ей свидание. Нужно просто подождать, когда вернется тот, кто встречался с этой женщиной, и поедет с ней туда, куда они собирались.

– Где ты хотел бы, чтобы я тебя высадила? – спросила она.

Томми посмотрел на нее:

– Около университета.

Кто бы ни назначил ей свидание, это его развлекло. Когда они вернулись в машину, Томми закрыл глаза...

Аллен быстро взглянул на молодую женщину за рулем, нащупал пистолет в кармане и пачку денег. О господи, нет...

– Послушай, – сказал он. – Прости меня за все, что я сделал. Я сожалею, правда. Ведь я не сделал тебе больно, да? Пожалуйста, не описывай меня в полиции.

Полли с удивлением посмотрела на него. Аллен понял, что должен замести следы на случай, если она пойдет в полицию.

– Скажи в полиции, что я – Карлос-Шакал из Венесуэлы.

– Кто такой Карлос-Шакал?

– Карлос-Шакал умер, но в полиции еще не знают об этом. Скажи им, что я Карлос, и они наверняка поверят тебе.

Он выскочил из машины и быстро пошел прочь...

Оказавшись дома, Рейджен сосчитал деньги и объявил:

– Никто не должен касаться денег. Я ограбил человека, чтобы заплатить по счетам.

– Одну минуту, – ответил Артур. – Я уже оплатил счета деньгами, которые нашел на комодке.

– Что? Почему ты не сказал мне? Почему я должен грабить людей?

– Я думал, что ты поймешь, когда увидишь, что денег нет.

– Ах так? А что с деньгами от второго ограбления? Они тоже исчезли, но не на оплату счетов.

– Мальчики объяснили тебе.

Рейджен чувствовал, что из него пытаются сделать дурака. Он в ярости метался по квартире, требовал, чтобы ему сказали, кто крал его время. Артур спросил Томми, Кевина и Филипа, но все трое отрицали, что крали время у Рейджена. Филип описал блондинку, которую он видел в машине:

– Она была похожа на заводилу в компании.

– Ты не должен был вставать на пятно, – сказал Артур.

– Черт возьми, я и не хотел вставать! Я просто оказался в машине с этой шлюхой, сам не зная почему. Как только я понял, что происходит, сразу же исчез.

Томми сказал, что купил этой девице гамбургер, думая, что у кого-то из них с ней свидание.

– Но это продолжалось всего минут двадцать. Деньги уже лежали в моем кармане.

Артур сказал:

– Несколько дней все остаются дома. Мы должны разобраться в том, что происходит. Никто не смеет выйти, пока мы не узнаем, кто крадет время у Рейджена.

– Но, – возразил Томми, – ведь завтра четвертая годовщина свадьбы Дороти и Дела. Кэти звонила и напомнила – я обещал встретиться с ней в Ланкастере, она поможет мне выбрать подарок.

Артур кивнул:

– Хорошо, позвони ей и скажи, что ты встретишься с ней, но не бери с собой слишком много денег. Только такую сумму, которая понадобится. И возвращайся как можно скорее.

На следующий день Томми встретился с Кэти в Ланкастере, и они пошли в магазин, где купили красивое постельное покрывало из шенили. Кэти сказала, что почти в этот же день четырнадцать лет назад их мать стала миссис Челмер Миллиган.

После обеда с Дороти и Делом и спокойной, приятной встречи с Кэти

Томми сел в машину и стал ждать, когда Аллен придет, чтобы отвезти его обратно, в «Ченнингуэй».

Как только Аллен добрался до квартиры, он рухнул на кровать...

А проснулся Дэвид. Он не знал, почему ему так плохо. Случилось что-то нехорошее, но он не знал, что именно. Он бродил по квартире, пытался поговорить с Артуром, или Алленом, или Рейдженем, но никто ему не ответил. Все были очень сердиты друг на друга. Потом он увидел пули для пистолета Рейджена в пластиковом пакете под кушеткой и пистолет под красным креслом. Дэвид знал, что это было очень плохо, потому что Рейджен всегда держал свое оружие под замком.

Он вспомнил, что Артур всегда говорил ему:

– Если случится какая-нибудь неприятность или кто-то совершает что-нибудь плохое и ты не можешь никого из нас позвать на помощь, звони «бобби».

Артур называл полицейских «бобби», как говорят в Англии. Дэвид нашел номер полиции на бумажке рядом с телефоном, поднял трубку и набрал номер. Когда на другом конце ответили, Дэвид сказал:

– Кто-то здесь делает плохие вещи. Что-то здесь происходит. Все плохо.

– Где вы находитесь?

– Оулд-Ливингстон-авеню, «Ченнингуэй». Что-то ужасно нехорошее. Но не говорите никому, что я звонил вам.

Он повесил трубку, посмотрел в окно и увидел густой туман. Ему было жутко.

Через некоторое время Дэвид сошел с пятна, пришел Денни и стал рисовать, хотя и было уже поздно. Потом он сел в гостиной смотреть телевизор.

Услышав стук в дверь, он удивился. Посмотрел в глазок и увидел мужчину с коробкой для пиццы в руке – Денни открыл дверь и сказал:

– Я не заказывал пиццу.

Он пытался помочь мужчине, который искал Билли, но тот прижал его к стене и приставил пистолет к его голове. В дверь ворвались полицейские с оружием, а приятная женщина сказала ему, что он имеет право молчать. Поэтому он и молчал. Потом двое мужчин посадили его в машину и очень медленно повезли сквозь густой туман в полицейский участок.

Денни не имел представления, почему его арестовали и что происходит, но он сидел в камере, пока не пришел Дэвид, чтобы посмотреть, как тараканы бегают кругами. Скоро придут Артур, Рейджен

или Аллен и выведут его отсюда. Дэвид знал, что он не был плохим мальчиком. Он вообще ничего плохого не сделал.

Книга третья
За чертой безумия

Глава двадцатая

В первые недели 1979 года писатель часто навещал Билли Миллигана в Афинском центре психического здоровья. Учитель рассказывал ему о прошлом, описывая, что видели, думали и делали другие с самого начала; при этом все они, кроме глухого Шона, слушали и узнавали свои истории.

Учитель все увереннее отзывался на имя Билли. Порой случались переключения, когда кто-то другой говорил с писателем, но Билли чувствовал, что чем дольше он сможет оставаться цельным, свободным от враждебности и страха – что, собственно, и вызывало неуправляемые переключения, – тем быстрее сможет овладеть собой и начать новую жизнь. Деньги от продажи картин помогут ему после выздоровления.

Билли читал, штудировал медицинскую литературу, делал утренние пробежки, занимался спортом и живописью. Он нарисовал Артура, Денни, Шона, Адалану и Эйприл, купил модели молекул в университетском книжном магазине и стал самостоятельно изучать физику, химию и биологию. Приемник для персональной радиосвязи позволил ему установить контакт с другими радиолюбителями – Билли говорил с ними о борьбе против насилия над детьми.

Прочитав в местной газете, что «Убежище сестер» – афинская организация для женщин, которых избивают мужья, – испытывает трудности с оплатой счетов и потому может быть закрыто, Билли пожертвовал сто долларов. Но когда «сестры» узнали имя жертвователя, они отказались принять деньги.

10 января, немногим более чем через месяц после его перевода в Афины, Билли открыл счет в банке на имя Фонда борьбы с насилием над детьми и вложил тысячу долларов. Это была часть пятизначной суммы, которую он получил от одной женщины в Коламбусе. Женщина намеревалась открыть художественную галерею и приехала в Афинский центр психического здоровья, чтобы купить картину «Грация Кэтлин».

Кроме того, Миллиган заказал партию наклеек на бамперы – черные буквы на желтом фоне:

**ОБНИМИ СЕГОДНЯ СВОЕГО РЕБЕНКА.
ЭТО НЕ БОЛЬНО.
ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ ОСТАНОВИТЬ
НАСИЛИЕ НАД ДЕТЬМИ. БИЛЛИ**

Билли часто разговаривал с молодыми пациентками. Медсестры и помощники психиатров знали, что молодые женщины заигрывают с ним, соревнуясь между собой за его внимание. Медсестра Пэт Перри заметила, что Мэри, бывшая студентка факультета антропологии, выходит из депрессии, когда появляется Билли и разговаривает с ней. Миллиган восхищался интеллектом Мэри, часто спрашивал у нее совета, как и она у него. Билли скучал, когда Мэри выписали в январе, но она пообещала приходить в клинику.

Когда Учитель не беседовал с Мэри, доктором Колом или с писателем, становилось скучно, его раздражало ограничение свободы, и он вновь опускался до уровня Денни, Дэвида или «распавшегося» Билли – так оказывалось проще разговаривать с другими пациентами. Работники клиники, ближе знавшие Билли, заметили, что в состоянии Денни или Дэвида он особенно остро сочувствовал другим пациентам – знал, когда они были расстроены, подвержены боли и страху. Одна из молодых пациенток порой убегала из незапертой палаты в состоянии паники или истерии, и тогда Билли подсказывал, где ее найти.

– Дэвид и Денни – часть меня, способная сопереживать, – объяснял писателю Учитель. – Они чувствуют, откуда идет боль. Когда кто-то уходит или расстроен, появляется как бы маяк в том месте, где он находится, и Денни или Дэвид просто указывают правильное направление.

Однажды вечером после ужина Дэвид сидел в гостиной, как вдруг ему показалось, что одна из пациенток выбежала из палаты и подбежала к перилам лестницы, круто спускающейся с третьего на первый этаж. Рейджен, считавший Дэвида немного странным из-за его дара избирательного предвидения, понял: то, что видит сейчас Дэвид, вполне реально. Он встал на пятно, бросился по коридору, поднялся по ступенькам, распахнул дверь и выбежал в прихожую.

Кэтрин Гиллотт, помощник психиатра, сидевшая в кабинете рядом с выходом, вскочила из-за стола и побежала следом за ним. Она выбежала в коридор в тот момент, когда Рейджен схватил девушку, которая уже падала через перила. Он крепко держал ее и тащил наверх. Когда Гиллотт привела ее в палату, Рейджен ускользнул...

Дэвид чувствовал боль в руках.

В дополнение к общей терапии, которую доктор Кол использовал с самого начала, чтобы укрепить способности Билли контролировать свое сознание, использовалась и гипнотерапия, а также аутотренинг,

помогающий снять излишнее напряжение. Еженедельная групповая терапия с двумя другими множественными личностями дала Билли возможность лучше понять свое состояние, наблюдая, как подобный синдром проявляется у других. Все реже и реже случались переключения, и Кол чувствовал, что его пациент поправляется.

Когда Билли-Учитель стал жаловаться на ограничения, доктор Кол постепенно стал расширять его привилегии, позволив покидать здание сначала в сопровождении, а затем и самостоятельно, расписавшись при уходе, как это делали другие пациенты. Получив право на короткие прогулки по территории клиники, Билли использовал это время, чтобы проверить уровень загрязнения в разных местах по реке Хокинг. Он составлял планы посещения занятий в Университете штата Огайо весной 1979 года, чтобы изучать физику, биологию и искусство; стал строить диаграммы своего настроения.

В середине января Билли убедил доктора Кола позволить ему выходить в город – многим пациентам это разрешалось. Ему нужно было подстричься, зайти в банк, увидаться со своим адвокатом, купить книги и материалы для рисования.

Сначала Билли разрешили уходить в город только в сопровождении двух сотрудников клиники. Все шло хорошо, и вскоре Кол позволил ему уйти с одним сопровождающим. Всем казалось, что проблем не было. Несколько школьников, узнавших его по портретам в газетах и по телевидению, помахали рукой – Билли было приятно. Может быть, не все ненавидели его за то, что он сделал, не все общество было против него.

Наконец Билли попросил, чтобы его терапия продвинулась дальше. Он доказал, что является послушным пациентом, научился доверять окружающим. Теперь доктор должен показать, что и ему можно доверять. Ведь другим пациентам, даже с более серьезными психическими расстройствами, разрешалось выходить в город без сопровождения – почему же ему нельзя?

В конце концов доктор Кол согласился.

Чтобы подстраховаться от недоразумений, доктор Кол связался с суперинтендантом клиники Сью Фостер и правоохранительными органами. Были поставлены условия: клиника должна уведомлять полицию в Афинах и комиссию по условно-досрочному освобождению в Ланкастере каждый раз, когда Миллиган покидает клинику без сопровождения и когда возвращается обратно. Билли согласился с этими правилами.

– Нужно все предусмотреть, Билли, – сказал Кол, – подумать о том, с чем ты можешь столкнуться на улице.

– Что вы имеете в виду?

– Давай представим, что может случиться и как ты отреагируешь. Предположим, ты идешь по Корт-стрит. Тебя увидела женщина, узнала, подошла к тебе и без всякого предупреждения дала тебе пощечину. Ведь ты понимаешь, что это возможно? Люди знают, кто ты. Что ты сделаешь?

Билли дотронулся рукой до щеки.

– Я отойду в сторону и пойду дальше.

– Допустим. А предположим, к тебе подошел мужчина, обозвал тебя грязным словом, назвал насильником, ударил тебя и сбил с ног. Как ты поступишь?

– Доктор Кол, – сказал Билли, – я не хочу в тюрьму. Я останусь лежать и буду надеяться, что он продолжит свой путь и оставит меня в покое.

Кол улыбнулся:

– Похоже, ты кое-чему научился. Что ж, пора это доказать.

В первый раз, когда Билли вышел в город один, он почувствовал и опьянение свободой, и страх. Он аккуратно переходил улицы, чтобы не привлечь внимание полицейского, просто кожей чувствовал проходящих мимо него людей, моля Бога, чтобы никто не напал на него. Если это случится, Билли не будет отвечать – он сделает именно то, что обещал доктору Колу.

Билли приобрел принадлежности для рисования, потом пошел в парикмахерскую «Усы твоего папы». Норма Дишонг заранее позвонила и предупредила менеджера и персонал, что Билли Миллиган придет к ним подстричь волосы.

Присутствующие здоровались с ним: «Привет, Билли!», «Как дела, Билли?», «Эй, Билли, хорошо выглядишь!»

Бобби, молодая женщина, которая его подстригала, разговаривала с ним дружелюбно и даже отказалась от платы за стрижку. Она сказала, что он может приходить в любое время, без предупреждения, и она всегда подстрижет его бесплатно.

На улице несколько школьников, узнавших его, улыбнулись и помахали ему рукой. Он вернулся в клинику, чувствуя себя потрясающе. Не случилось ни одной из тех страшных вещей, к которым доктор Кол готовил его. Все и дальше будет хорошо.

19 февраля Дороти приехала одна навестить сына. Билли записал на пленку их разговор. Он хотел больше узнать о своем детстве, чтобы понять, почему его отец, Джонни Моррисон, покончил с собой.

– Ты создал собственный образ отца, – сказала Дороти. – Иногда ты

задавал мне вопросы, и я, насколько могла, отвечала на них, но никогда не подрывала его репутацию. Я никогда не говорила о нем плохо. Зачем причинять детям боль? Ты создал свой образ отца, и это был твой папа.

– Расскажи мне еще, – сказал Билли. – О том времени во Флориде, когда ты отдала ему все свои деньги, чтобы он мог отправиться в турне, а в доме не оставалось ничего, кроме банки тунца и коробки макарон. Он вернулся с деньгами?

– Нет. Он отправился в дачно-курортные районы. Я не знаю, что там произошло, но он вернулся с...

– Зачем он поехал туда?

– Это высоко в горах Катскилл, отели в еврейском секторе. Он поехал туда, чтобы делать свою работу – заниматься шоу-бизнесом. Именно тогда я получила письмо от его агента, там было сказано: «Я никогда не верил, что ты сделаешь такое, Джонни». Не знаю, что там случилось. Когда он вернулся, то был еще более подавленным, чем всегда, и так продолжалось все время.

– Ты читала его предсмертное письмо? Я слышал от Гэри Швейкарта, что в нем названы имена всех людей...

– Были имена некоторых, кому он задолжал. Но никого из ростовщиков, хотя я знала, что были и такие. Мы ездили с ним – я сидела в машине, Джонни шел отдавать долг. И каждый раз места были разные. Он платил карточные долги. Сначала я думала, что меня обяжут платить эти долги, но не собиралась платить их. Не я залезала в эти проклятые долги. Я помогала ему, чем могла, но не хотела отбирать деньги от вас, детей.

– Ну, – усмехнулся Билли, – ведь у нас еще была банка тунца и коробка макарон.

– Я вернулась на работу, – продолжала Дороти, – и у нас появилось немного денег. К тому времени я уже могла позволить себе купить продукты, продолжала работать и содержать семью. Именно тогда я перестала отдавать ему свою зарплату. Я давала ему деньги на уплату аренды, а он платил лишь половину.

– А другую половину проигрывал?

– Или проигрывал, или отдавал кредиторам – не знаю; сколько ни спрашивала, никогда он честно не отвечал. Один раз компания, собирающая долги, хотела забрать мебель; я им сказала: валяйте, берите! Но парень не смог этого сделать, потому что я плакала, к тому же была беременной Кэти.

– Некрасиво поступал Джонни... – заметил Билли.

– Да уж, – вздохнула Дороти, – что было, то было.

После двух с половиной месяцев пребывания в Афинском центре психического здоровья Билли «терял» все меньше и меньше времени. Тогда он стал просить доктора Кола перейти к следующей стадии терапии – предоставить ему отпуск. Другие пациенты (многие из которых демонстрировали значительно меньший прогресс) имели возможность проводить уик-энды дома, вместе с родственниками.

Доктор Кол согласился, что его поведение, адекватность восприятия реальности и длительная стабилизация в принципе давали основание для отпуска. Билли разрешили провести несколько уик-эндов в доме Кэти в Логане, в двадцати пяти милях северо-западнее Афин. Он был вне себя от радости.

В один из выходных Билли попросил Кэти показать ему копию предсмертного письма Джонни Моррисона, которую, как ему было известно, она получила из адвокатской конторы. До того дня она отказывалась показать ему письмо, потому что боялась, что оно его расстроит, но, слушая, как Билли говорит о страданиях Дороти, о том, каким отвратительным отцом был Джонни Моррисон, Кэти разозлилась. Она всю свою жизнь бережно хранила память о Джонни. Настало время для Билли узнать правду.

– Вот, – сказала Кэти, бросив толстый конверт на кофейный столик, и оставила Билли одного.

В конверте было письмо Гэри Швейкарту из офиса судебно-медицинского эксперта округа Дейд, штат Флорида, а также документы: четыре отдельные страницы инструкций четверем разным людям, письмо на восьми страницах мистеру Хербу Рау, репортеру из «Майами ньюс», и записка на двух страницах, найденная разорванной, но потом склеенная в полиции. Это оказалось частью второй записки мистеру Рау, которая так и не была дописана.

В инструкциях содержались указания относительно выплат самых больших долгов, наименьший из которых составлял двадцать семь долларов, а наибольший – сто восемьдесят долларов.

Записка какой-то Луизе заканчивалась словами: «И последняя шутка. Малыш говорит: “Мама, что такое оборотень?” Мать отвечает: “Заткнись и причеши свое лицо”».

Записка к мисс Дороти Винсент начиналась с инструкций по выплате долгов из страховки Джонни и заканчивалась так: «Моя последняя просьба – кремируйте меня. Я бы не выдержал ваших танцев на моей могиле».

Фотокопия письма мистеру Хербу Рау из «Майами ньюс» в некоторых

местах, помеченных здесь звездочками (***), была нечитаема.

*М-ру Хербу Рау
«Майами ньюс»*

Уважаемый сэр!

Нелегко мне писать это. Мой уход может показаться проявлением малодушия, трусости, но поскольку весь мир вокруг меня рушится, ничего другого не остается. Моя небольшая страховка – это моя единственная надежда на то, что трое моих детей – Джеймс, Уильям и Кэти Джо – будут хоть какое-то время обеспечены. Если возможно, не могли бы вы проследить, чтобы их мать, Дороти Винсент, не приложила к ней руку! Она водится с людьми, которые околачиваются там, где она работает – «Плас-Пигаль» на Майами-Бич, – и будут рады разделить с ней эти деньги! Продюсеры, ростовщики и т. д. Ради этих людей она разбила семью, и поверьте мне, я прилагал все мои силы, чтобы сохранить ее.

История достаточно печальная: детей я люблю всем своим сердцем, и тот факт, что их рождение не освящено браком, она хочет использовать в качестве уловки, чтобы приобрести известность, которая, как она думает, будет способствовать ее карьере! Далее: еще перед рождением нашего первого ребенка я много раз пытался убедить ее выйти за меня замуж (после того, как она обвинила меня в том, что в первую же нашу встречу я сделал ее беременной), но она всегда находила отговорки, чтобы избежать этого (все это и последующее содержится в моих письменных показаниях, переданных мной моему адвокату М. Х. Розенхаусу из Майами). Я представил ее моей семье как свою жену, потому что, когда ребенок родился, я хотел поехать в какой-нибудь небольшой город, жениться на ней и узаконить ребенка. К этому времени я успел очень полюбить малыша ***

И опять она находила отговорки: «Кто-нибудь, кто нас знает, может прочесть об этом в газетах» и т. д. Наконец родился второй ребенок, и первые две недели неизвестно было, выживет ли он, но Бог был с нами, и сейчас он жив и здоров. Расценив это как предупреждение нам, я снова предложил ей пожениться. К этому времени у нее уже были другие отговорки. Она постоянно пила, исчезала куда-то из клуба, и, когда она

была в таком состоянии, детям было опасно с ней оставаться. Не один раз, когда она была детей – а она была всей рукой, а не ладонью, – я вынужден был грозить ей, что побью ее, если она не перестанет. Поверьте, моя жизнь была сущим адом. Это стало сказываться на моей работе – качество ее стало быстро снижаться: я знал, если это будет продолжаться, я в конце концов убью ее. Я хотел ***, но она умоляла меня потерпеть. Мы поместили детей в чудесный детский сад в Тэмпе, штат Флорида, и поехали в гастрольный тур. Со мной она смогла работать в приличных ночных клубах и театрах. А потом она забеременела девочкой.

Мы вернулись в Майами, и после рождения третьего ребенка она наняла женщину позаботиться о детях. Взяв с нее клятву, что она не будет связываться с посетителями, я отпустил ее обратно, петь в «Плас-Пигаль». Почти сразу же она вернулась на прежний путь – пила, дралась, болела, пока наконец не свалилась и ее не отправили в больницу с диагнозом «гепатит первой стадии». Она едва выкарабкалась – несколько недель после больницы находилась под постоянным наблюдением врача. Наконец она вернулась и сказала, что доктор посоветовал ей вернуться к работе, чтобы она успокоилась, поскольку расходы увеличиваются, и если она иногда выпьет коктейль, это ей не повредит! Я был против, поэтому, не сказав мне, она подписала контракт, опять в «Пигаль». Работы в отелях стало меньше, мы поговорили с ней, и я решил отправиться в горы (Нью-Йорк) поработать несколько недель. До этого мы с ней никогда не расставались, и, конечно, в то время я не знал, с каким типом людей она общалась, – сутенеры, ростовщики и т. д. Они стали для нее символом «яркого» образа жизни. Когда я вернулся домой и увидел, какую одежду она себе покупала: блузки, похожие на мужские рубашки, строгие костюмы, брюки тореро (кажется, это служит сигналом среди этого типа женщин) – я взорвался. С тех пор начался суций ад.

Из-за постоянного пьянства она снова попала в больницу с операцией по поводу геморроя, но поскольку ее печень была в ужасном состоянии, ей не сразу сделали операцию. Она пролежала там несколько недель. В дни посещения я за ночь проезжал 150 миль, чтобы побыть с ней, напрасно стараясь сохранить семью, – даже тогда она мечтала уйти от меня,

чтобы жить так, как ей хочется, – по-новому. В день операции, еще находясь под действием наркоза, она не узнала меня, приняла меня за другого. Ее признания были отвратительны, ниже упасть было уже невозможно. Я пытался ее остановить, говоря ей, что это я (она была в палате), но до нее это не доходило, и она начинала хвастать, как все эти годы дурачила меня. Я никогда не говорил ей об этом из-за детей, и я умолял ***

Когда она начала поправляться, я опять заговорил о женитьбе, и она сказала, что говорила со священником и якобы он сказал: «Ты не должна об этом беспокоиться, они – дети Бога». Это звучит неправдоподобно, но, как я уже говорил, она хочет извлечь из этого пользу. Она даже дошла до того, что подала в суд на развод, чтобы это попало в газеты, и без предупреждения заимела «мировую», постаравшись сделать так, чтобы решение суда было вручено мне в день Рождества и я не мог быть с детьми. А в канун Нового года моя маленькая девочка отмечала свой второй день рождения, так она не разрешила мне даже увидеть ее, а потом по телефону рассказывала, как весело провели праздник.

Мистер Рау, вы можете спросить у людей из шоу-бизнеса относительно моей искренности и преданности этой женщине. Но больше я не выдержу. Вы знаете, что здесь бизнес ночных клубов – это мир женщин, и она сумела сделать так, что я потерял две работы. Вы можете догадаться, как она постоянно похвалялась, что, если я буду оспаривать право на детей, она добьется, чтобы меня выгнали из Майами. Она исчезала из дома на три дня, и я дошел до точки, когда уже не могу выносить жизнь и видеть, что ждет моих детей. Я уже делал попытку, но безуспешно. На этот раз я надеюсь, что мне удастся. Чтобы защитить детей, мне пришлось бы терпеть ее. Но я лучше отвечу перед Всевышним за мой грех, чем буду и дальше это терпеть. Моя последняя просьба – пожалуйста, ознакомьте с этим письмом различные агентства, чтобы защитить моих детей.

Да смилуется Господь над моей душой.

Джонни Моррисон

Билли ошеломило предсмертное письмо отца. Он несколько раз

перечитал его. Сначала он пытался скептически отнестись к нему, но чем больше он его читал, тем больше хотел знать. Позднее Билли говорил писателю о своей попытке проверить факты.

Прежде чем покинуть дом своей сестры в Логане, Билли позвонил в Ассоциацию баров во Флориде, чтобы узнать адрес адвоката Джонни Моррисона, но ему сообщили, что адвокат умер. Он позвонил в архив и узнал, что не было никакой записи о брачной лицензии Джонни Моррисона, или Джонни Зохранера.

После нескольких звонков он нашел бывшего хозяина ночного клуба, в котором работал Джонни. Теперь тот человек ушел на пенсию, но у него была лодка в Ки-Бискейн, и он до сих пор доставлял в клуб морские продукты. Он предполагал, что однажды кто-нибудь из детей Джонни спросит его об этом. По его словам, ему пришлось уволить мать Билли из клуба из-за того сорта людей, которых она приводила. Джонни пытался отвадить ее от тех людей, но это было невозможно. Хозяин клуба никогда не видел, чтобы женщина так помыкала мужчиной.

По словам Билли, он нашел еще одного свидетеля—мужчину, который работал в мотеле «Миджет» и помнил его отца. Мужчина припомнил, что телефонные звонки в то Рождество очень огорчали Джонни; это совпадало с тем местом из письма Джонни, где говорилось, что Дороти изводила его телефонными звонками.

Возвратившись в клинику, Билли опять стал терять время. В понедельник утром он позвонил писателю и попросил отложить их встречу.

Писатель приехал в среду и сразу заметил, что Учитель исчез. Перед ним был «распавшийся» Билли. Они поговорили немного, и писатель, надеясь вновь вызвать интерес Учителя, попросил Билли объяснить принцип работы радиотелефона, над которым тот работал. По мере того как Билли подыскивал слова, голос медленно, почти незаметно крепчал, слова произносились более отчетливо и беседа приобретала технический характер. Учитель вернулся.

– Почему вы так удручены? – спросил писатель.

– Я устал. Я не могу уснуть.

Писатель показал на учебник по электронике и радио.

– Кто занимается этим прибором?

– Томми. Доктор Кол разговаривал с ним.

– Кто вы сейчас?

– Учитель, но в очень подавленном настроении.

– Почему вы ушли? Почему появился Томми?

– Моя мать и ее муж – все дело в этом. Ее прошлое... Знаете, мне сейчас все равно. Внутри какое-то напряжение. Вчера я даже принял валиум и спал целый день, а этой ночью не спал до шести утра. Я хотел уйти...

– Все дело в прошлом вашей матери?

– Не только. Меня расстроило решение комиссии по освобождению. Они хотят вернуть меня в Ливанскую тюрьму. Иногда я чувствую, что лучше уж пусть меня туда вернут и покончат с этим. Так или так, лишь бы оставили в покое.

– Но распад на личности – не вариант, Билли!

– Я знаю. Я вижу, что ввязываюсь в какую-то ежедневную гонку, пытаюсь делать все. Вот я пишу картину. Только ее кончаю, еле успеваю вытереть руки, тут же беру в руки книгу по медицине, несколько часов читаю и делаю записи. Потом встаю и начинаю возиться с этим радиотелефоном.

– Вы переутомляетесь. Нельзя делать все сразу.

– Но меня что-то подталкивает делать это. У меня впереди так много лет, чтобы компенсировать все, и так мало времени. Чувство такое, что постоянно надо торопиться.

Он встал и посмотрел в окно.

– И еще одно: так или иначе, надо посмотреть в глаза матери. Не знаю, что я скажу ей, но не могу вести себя, как раньше. Все изменилось: комиссия по освобождению, слушание о моем восстанавливаемом рассудке, а тут еще предсмертное отцовское письмо... Все это рвет меня на части, и трудно оставаться цельным.

28 февраля Билли позвонил своему адвокату и сказал, что не хочет, чтобы его мать завтра утром присутствовала на слушании о пересмотре его дела.

Глава двадцать первая

1

После повторного слушания, которое состоялось 1 марта 1979 года, срок пребывания Билли Миллигана в Афинском центре психического здоровья был продлен еще на шесть месяцев. Все работающие с ним понимали нависшую угрозу. Билли знал, что, как только его вылечат и выпишут из клиники, последует арест за нарушение условий досрочного освобождения и он будет возвращен в тюрьму еще на три года. Его могут также обвинить в преступлениях, совершенных во время испытательного срока, и присудить еще от шести до двадцати пяти лет за грабежи на придорожных местах отдыха.

Л. Алан Голдсберри и Стив Томпсон, афинские адвокаты Билли, подали ходатайство в окружной суд Фэрфилда отклонить признание Миллигана в своей виновности. Они аргументировали это тем, что в 1975 году суд еще не знал, что имеет дело с множественной личностью, что подсудимый был безумен и неспособен в то время защищать себя, поэтому приговор казался тогда справедливым.

Голдсберри и Томпсон дали Билли надежду, что если судья в Ланкастере аннулирует это признание, тогда он будет освобожден после излечения.

Он жил этой надеждой.

Почти в это же время Билли с радостью узнал, что Кэти и ее жених «со стажем», Роб Баумгардт, наконец-то решили пожениться осенью. Билли нравился Роб, и он стал строить планы к их свадьбе.

Гуляя по территории клиники, наблюдая признаки наступающей весны, Билли чувствовал, что плохие времена позади. Ему становилось лучше. В один из уикэндов в доме Кэти он начал рисовать фреску на стене.

Дороти Мур отрицала все, что было сказано в предсмертном письме ее мужа, и даже согласилась на его опубликование. Она сказала, что перед смертью Джонни Моррисон был психически нездоров. У него была связь с другой женщиной – стриптизершей, и он, вероятно, спутал ту женщину с ней, когда писал о людях, которые околачивались вокруг нее.

Билли помирился с матерью.

30 марта, в пятницу днем, возвращаясь в палату, Билли заметил, что на

него как-то странно смотрят, шепчутся и вообще атмосфера тревожная.

– Ты видел дневную газету? – спросила одна из пациенток, протягивая ему газету. – Там снова о тебе.

Он с удивлением посмотрел на жирный заголовок на первой полосе «Коламбус диспэч» от 30 марта:

«ВРАЧ ГОВОРИТ, ЧТО НАСИЛЬНИКУ РАЗРЕШЕНО БРОДИТЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЦЕНТРА

Газете “Диспэч” стало известно, что Уильяму Миллигану, насильнику с множественными личностями, помещенному в декабре в Афинский центр психического здоровья, разрешили ежедневно покидать клинику свободно и без сопровождения... Врач Миллигана, Дэвид Кол, сказал, что Миллигану разрешено покидать территорию клиники и даже ездить к родственникам на уик-энды...»

Шеф афинской полиции Тед Джоунс якобы заявил, что общество выражает озабоченность по этому поводу и что он «беспокоится о том, что психически больной человек свободно гуляет по территории университета». Журналист приводит также слова судьи Флауэрса, который признал Миллигана невиновным: «То, что Миллиган свободно гуляет, где хочет, – ему не на пользу». Статья заканчивается ссылкой на «человека, который в конце 1977 года сеял ужас среди женщин на территории Университета штата Огайо».

«Коламбус диспэч» начала серию ежедневных публикаций, выражающих сожаление о том, что Миллигану разрешено «свободно гулять». Редакционная статья от 5 апреля, посвященная Миллигану, была озаглавлена: «Нужен закон, чтобы защитить общество».

Напуганные читатели Коламбуса и взволнованные родители студенток университета в Афинах стали названивать президенту университета Чарльзу Пингу, который позвонил в клинику и потребовал объяснений.

Два члена Законодательного собрания штата, Клэр «Базз» Болл-младшая из Афин и Майк Стинциано из Коламбуса, критиковали клинику и доктора Кола и настаивали на немедленном пересмотре статьи закона, согласно которой Миллиган был послан в Афины. Они также требовали внести изменения в формулировку «невиновен по причине безумия».

Некоторые недоброжелатели Билли из персонала клиники, приходившие в ярость оттого, что он получал деньги от продажи своих картин, сообщили в «Коламбус диспэч», «Коламбус ситизен джорнал» и

«Дейтон дейли ньюс» о больших суммах денег, которыми он распоряжается. Когда он потратил часть денег от продажи «Грации Кэтлин» на автомашину «мазда-компакт», чтобы возить свои картины, газеты взорвались.

Стинциано и Болл требовали провести следственную проверку в афинской клинике. Многочисленные нападки и критика, подогреваемые ежедневными статьями на первых полосах газет под крупными заголовками, вынудили доктора Кола и суперинтенданта Сью Фостер попросить Миллигана отказаться от отпусков и самостоятельных прогулок по городу, пока шум не уляжется.

Билли был не готов к этому. Ведь он соблюдал все правила, установленные в клинике, держал свое слово и не нарушал закона с тех пор, как его диагноз был установлен и его начали лечить. А теперь вдруг запрещают то, что раньше разрешали!

Удрученный, Учитель сдался и ушел с пятна.

Когда Майк Руп заступил на дежурство в 11 часов, Миллиган сидел в кресле, обитом коричневым винилом, скорчившись и потирая руки, словно чем-то напуганный. Майк не знал, подойти к нему или нет. Его предупредили, что Миллиган боится мужчин, он знал о Рейджене и видел учебные записи доктора Кола о множественных личностях. До сих пор он держался в стороне и не подходил к пациенту. В отличие от многих из персонала, которые считали, что Миллиган симулирует, Майк Руп верил диагнозу. Прочитав историю болезни и записи медсестер, он не мог вообразить, чтобы молодой парень, не имеющий даже среднего образования, сумел обмануть профессионалов – психологов и психиатров.

Обычно Миллиган казался ему спокойным и уравновешенным, а только это и было нужно от него Майку. Но за последнюю неделю, с тех пор как «Диспэч» начал эту шумиху, он все больше впал в депрессию. Рупу не нравились эти грязные заголовки и тот факт, что Миллигана третировали политиканы.

Руп вышел из-за стола и сел в кресло рядом с перепуганным юношей. Он понятия не имел, как Миллиган отреагирует, поэтому он старался вести себя как можно более непринужденно и обдуманно.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он. – Я могу тебе помочь?

Миллиган посмотрел на него испуганными глазами.

– Я вижу, ты расстроен. Не хочешь поговорить?

– Мне страшно.

– Я вижу. А почему?

– Это маленькие. Они не знают, что происходит. Им тоже страшно.

– Как тебя зовут?

– Денни.

– Ты знаешь меня?

Денни отрицательно покачал головой.

– Меня зовут Майк Руп. Я – техник-психиатр. У меня ночное дежурство. Я здесь, чтобы помочь, если тебе понадобится помощь.

Денни все тер свои кисти и оглядывался вокруг. Потом вдруг замер, слушая голос внутри, и кивнул:

– Артур говорит, что мы можем тебе доверять.

– Я слышал об Артуре, – сказал Руп. – Передай, что я ему благодарен. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Денни рассказал ему, что Рейджен очень рассердился на газеты и хотел со всем этим покончить, убив себя. Это напугало малышей. Руп видел по дрожащим векам, по стеклянному взгляду, что Миллиган опять «переключается», а потом мальчик съезжился и заплакал, словно от боли.

Беспорядочное переключение продолжалось, и они проговорили до двух часов ночи, потом Руп проводил Денни в палату.

С того дня Руп мог уже обращаться к нескольким личностям Миллигана. Хотя на мужском отделении были очень строгие правила отхода ко сну (в 11.30 по будням и в 2.00 по выходным дням), Руп знал, что Миллиган спит мало, и проводил в разговорах с ним долгие ночные часы. Ему нравилось, что Денни и «разный» Билли ищут его, чтобы поговорить, и он стал понимать, почему так трудно общаться с Билли. Он понял: Билли чувствует, что его опять наказали за чьи-то преступления.

В четверг, 5 апреля, в 15.30, Денни оказался на территории клиники. Он огляделся, пытаясь понять, где он находится и почему.

За спиной он увидел старый викторианский особняк из красного кирпича с белыми колоннами. Впереди была река, за рекой город. Шагая по траве, он понял, что до того, как Розали Дрейк помогла ему в клинике Хардинга, он не мог выходить на улицу вот так, как сейчас, – не боясь.

Вдруг Денни заметил маленькие белые цветы. Цветы ему понравились, он сорвал несколько, но увидел, что дальше цветы были крупнее. Он пошел вверх по холму, вышел за ворота и очутился у небольшого кладбища. Имен на могилах не было – только номера, и Денни удивился почему. Он задрожал, вспомнив, как его закопали живьем, когда ему было девять лет, и попятился. На его могиле не будет ни имени, ни номера.

Денни увидел, что самые большие цветы растут наверху холма, поэтому он взбирался наверх, пока не поднялся на утес, круто обрывающийся вниз. Он подошел к краю, ухватился за дерево и посмотрел на дорогу внизу, на реку и дома.

Вдруг до него донесся снизу визг тормозов, он увидел мигающие огни на повороте дороги. От высоты у него закружилась голова. Сильно закружилась. И он покачнулся вперед. В этот момент он услышал голос за спиной:

– Билли, спускайся.

Он оглянулся. Почему эти люди окружили его? Почему здесь нет Артура или Рейджена, чтобы защитить его? Нога его поскользнулась, и вниз с обрыва посыпалась галька. Потом дяденька протянул ему руку. Денни ухватился за протянутую руку, и дяденька вытащил его на безопасное место. Хороший дядя пошел с ним в большое здание с колоннами.

– Ты хотел прыгнуть, Билли? – спросил его кто-то.

Он посмотрел на чужую тетю. Артур велел ему никогда не разговаривать с незнакомыми людьми. В отделении были все возбуждены, люди смотрели на него, говорили о нем. Он решил поспать и дать кому-нибудь еще встать на пятно...

В тот же вечер Аллен ходил по отделению, гадая, что случилось. Его часы показывали 10.45. Он давно уже не вставал на пятно, с удовольствием слушая вместе с другими рассказ Учителя об их жизни. Словно каждый из них обладал несколькими кусочками одного гигантского загадочного сознания. Но теперь Учитель, пытаясь соединить все вместе, чтобы писатель лучше понял, заставил их всех узнать о жизни, которой жил каждый из них. Однако еще оставались пробелы, потому что Учитель не сказал всего, а только то, что служило ответом на вопросы автора.

Но теперь Учитель ушел, и связь между Учителем и писателем и между ним самим и другими была прервана. Аллен чувствовал себя сбитым с толку и одиноким.

– В чем дело, Билли? – спросила его пациентка.

Он посмотрел на нее.

– Я как пьяный. Наверно, принял слишком много таблеток, – сказал он. – Пойду-ка я спать...

Через несколько минут Денни проснулся оттого, что в комнату вбежали люди и стащили его с кровати.

– Что я сделал? – спросил он в недоумении.

Кто-то поднял пузырек с таблетками, и он увидел, что несколько таблеток просыпались на пол.

– Я их не принимал, – сказал Денни.

– Ты должен пойти в больницу, – услышал он.

Кто-то крикнул, чтобы прикатили каталку увезти Миллигана. Денни ушел, и появился Дэвид...

Когда подошел Майк Руп, Рейджен подумал, что он намерен обидеть Дэвида, и встал на пятно. Едва Руп попытался помочь ему встать на ноги, как Рейджен вцепился в него, и оба повалились на кровать.

– Я тебе шею сверну! – заорал Рейджен.

– Нет, не свернешь, – сказал Руп.

Держа руки друг друга, они повалились на пол.

– Отпусти! Кости переломаю!

– Тем более не отпущу.

– Гляди, хуже будет!

– Не отпущу до тех пор, пока не перестанешь пороть чушь, – сказал Руп.

Они продолжали бороться. Никто не мог одержать верх. Наконец Руп сказал:

– Я отпущу тебя, если ты меня отпустишь и пообещаешь не ломать мои кости.

Видя безвыходность положения, Рейджен согласился:

– Ладно. Отпустишь меня и отойдешь.

– Мы одновременно отпустим друг друга, – сказал Руп, – и успокоимся.

Они посмотрели друг другу в глаза, потом каждый отпустил другого и они разошлись. Доктор Кол, появившийся на пороге, приказал вкатить каталку.

– Никакой каталки, – сказал Рейджен. – Все нормально, никто не глотал таблеток.

– Тебе нужно в больницу, чтобы проверить, – сказал доктор Кол. – Мы не можем знать, сколько таблеток успел скопить Билли. Кто-то из вас сказал, что принял слишком много таблеток. Мы должны знать точно.

Кол говорил с Рейдженем, пока тот не сошел с пятна. Внезапно колени Денни подкосились, а глаза закатились. Руп поймал его и положил на каталку.

Они вышли к ожидавшей уже машине «скорой помощи». Руп сел внутрь с Миллиганом, и они поехали в госпиталь имени О'Блинесса. Руп чувствовал, что врачу приемного покоя не слишком нравится идея лечить у

них Билли Миллигана. Он постарался как можно лучше объяснить врачу, что с Миллиганом надо обращаться очень внимательно:

– Если он заговорит со славянским акцентом, лучше держаться от него подальше, и пусть с ним общается женщина.

Врач не обратил внимания на эти слова. Он смотрел, как закатились глаза Денни. Руп видел, что идет переключение с Дэвида на Денни.

– Он придуривается, – сказал врач.

– Он сейчас переключается и...

– Послушай, Миллиган, я собираюсь промыть тебе желудок. Я вставлю тебе трубки в нос и накачаю водой твой желудок.

– Нет, – застонал Денни. – Не надо трубок... не надо шланга.

Руп догадался, о чем подумал Денни. Денни рассказывал Руну о том, как отчим вставлял ему шланг в прямую кишку.

– Но я сделаю это, – сказал врач, – нравится тебе это или нет.

Руп увидел переключение.

Рейджен мгновенно сел, весь настороже.

– А ну-ка отойди, – сказал он. – Нечего на мне практиковаться!

Врач отступил, лицо его побледнело. Он повернулся и вышел из комнаты.

– Ну и черт с ним, – сказал он. – Помрет – его проблемы.

Руп слышал, как он звонил доктору Колу, объясняя, что произошло. Потом врач вернулся, уже почти успокоившийся, и велел медсестре принести двойную дозу рвотного корня, чтобы Миллигана вырвало. Рейджен ушел, и вернулся Денни.

Когда Денни вырвало, врач проверил рвотные массы и не обнаружил никаких лекарств. Руп вернулся вместе с Денни в машине «скорой помощи». Было два часа ночи, Денни был притихший, смущенный. Он очень хотел спать.

На следующий день Билли объявили, что его решено перевести в пятое отделение – закрытое. Он не понял почему, так как ничего не знал ни о якобы принятой большой дозе лекарств, ни о поездке с Майком Рупом в больницу. Когда несколько незнакомых мужчин появились на пороге его комнаты, Рейджен вскочил на кровать, схватил стакан, треснул его о стену и зажал в руке острый край.

– Не подходить! – предупредил он.

Норма Дишонг побежала к телефону, чтобы позвать на помощь.

Подойдя к двери, доктор Кол увидел напряженное лицо Рейджена и услышал его сердитый голос:

– Давно я никому кости не ломал. Подходите, доктор Кол, будете

первым.

– Почему ты это делаешь, Рейджен?

– Вы же предали Билли! Вы все!

– Это неправда. Ты знаешь, все проблемы возникли из-за статей в «Диспэч».

– Я не пойду в пятое отделение!

– Ты должен пойти, Рейджен. Это не я решаю. Теперь это вопрос безопасности.

Он печально покачал головой и ушел. Три охранника, держа матрас перед собой, подбежали к Рейджену и прижали его к стене. Трое других силой положили его на кровать лицом вниз, держа его за руки и за ноги. Артур остановил Рейджена. Сестра Пэт Перри слышала, как Денни пронзительно закричал:

– Не надо меня насиловать!

Артур увидел другую сестру со шприцем и услышал, как она сказала:

– Укол торазина успокоит его.

– Только не торазин! – закричал Артур, но было слишком поздно.

Артур слышал, как доктор Уилбур говорила, что лекарства, снимающие приступы психоза, вредны для множественных личностей и вызывают еще большее «расщепление». Он попытался замедлить поток крови, чтобы торазин не попал в мозг. Потом он почувствовал, как шесть пар рук подняли его и потащили из комнаты в лифт, потом на третий этаж – и в пятое отделение. Он увидел, как любопытные заглядывают ему в лицо. Кто-то высунул язык, кто-то мочился на пол. Запах рвоты и фекалий был невыносим.

Его кинули в крохотную пустую комнату с матрасом, покрытым пластиком. Дверь заперли. Когда Рейджен услышал, как закрылась дверь, он встал, чтобы вышибить ее, но Артур запретил ему. Пятно занял Сэмюэль, он опустился на колени и взмолился:

– Ой вэй! Господь, почему ты покинул меня?

Филип ругнулся и бросился на пол. Дэвид почувствовал боль. Кристин плакала, лежа на матрасе. Адалана чувствовала, как по ее лицу ручьем текут слезы. Кристофер сел и стал играть со своими ботинками. Томми начал обследовать дверь, но Артур сдернул его с пятна. Аллен стал звать своего адвоката. Эйприл, страстно желая отомстить, видела это место объатым пламенем. Кевин ругался. Стив передразнивал его. Ли смеялся. Бобби представлял, что может вылететь в окно. У Джейсона был приступ раздражения. Марк, Уолтер, Мартин и Тимоти, как звери, метались по комнате. Шон жужжал. Артур больше не контролировал «нежелательных».

Через наблюдательное окошко молодые санитары пятого отделения наблюдали, как Миллиган кидался на стены, вертелся волчком, что-то бормотал разными голосами и с разными акцентами, смеялся, плакал, падал на пол, опять вскакивал. Они пришли к выводу, что являются свидетелями буйного помешательства.

На следующий день пришел доктор Кол и сделал Миллигану укол амитала, лекарства, которое успокаивало и восстанавливало душевное равновесие. Билли почувствовал, что ему удалось частично собраться; но чего-то все же недоставало: без Артура и Рейджена, которые держались в стороне, как это было до суда, он оставался «распавшимся» Билли – опустошенным, испуганным, потерянным.

– Позвольте мне вернуться наверх, в терапию, доктор Кол, – умолял он.

– Персонал открытого отделения боится тебя, Билли.

– Я никого не трону.

– А Рейджен почти тронул. У него в руке был разбитый стакан. Он собирался порезать охранников, поломать мне кости. Персонал клиники грозит устроить забастовку, если тебя вернут в открытое отделение. Они говорят, чтобы тебя выслали из Афин.

– Куда?

– В Лиму.

Это напугало его. В тюрьме он слышал рассказы об этом месте. Он вспомнил, как Швейкерт и Стивенсон боролись, чтобы его не послали в эту адскую дыру.

– Не отсылайте меня, доктор Кол. Я буду хорошо себя вести. Буду делать все, что вы скажете.

Кол задумчиво кивнул:

– Посмотрим, что можно сделать.

2

Утечки информации, устраиваемые кем-то из Афинского центра психического здоровья, подпитывали газетную шумиху. 7 апреля «Коламбус диспэч» объявила: «Миллиган находится в изоляторе после симуляции передозировки лекарства».

Нападки «Диспэч» на Миллигана перешли на доктора Кола и весь Афинский центр психического здоровья.

Колу постоянно приходилось выслушивать по телефону угрозы и оскорбления. Один звонивший кричал:

– Насильника защищаешь, наркоман проклятый? Берегись!

После этого доктор Кол всегда внимательно оглядывался, прежде чем сесть в машину, и спал с заряженным пистолетом на тумбочке.

На следующей неделе «Диспэч» опубликовала протест Стинциано против попытки Афинского центра психического здоровья и заведующей клиникой Сью Фостер найти новую клинику для Миллигана:

«СТИНЦИАНО СОМНЕВАЕТСЯ, ЧТО АФИНСКИЙ ЦЕНТР СПОСОБСТВУЕТ ПЕРЕВОДУ МИЛЛИГАНА

Майк Стинциано, член Законодательного собрания штата от округа Коламбус, скептически относится к попыткам администрации Афинского центра психического здоровья приуменьшить возможность того, что Уильям С. Миллиган будет переведен в другое учреждение.

Демократ из Коламбуса убежден, что газетные публикации в начале прошлой недели не дали администрации штата тайно перевезти 24-летнего психически больного насильника и грабителя.

“Честно говоря, – сказал Стинциано, – я убежден, что без этих публикаций он (Миллиган) был бы вывезен из штата или переведен в клинику в Лиме”.

На пресс-конференции в среду в Афинах миссис Фостер сказала: “Лечение Билли Миллигана было сорвано прессой и последующей реакцией пациента”.

Заведующая ссылалась на многочисленные публикации, последовавшие после сообщения в “Диспэч” о том, что Миллигану разрешено покинуть Афинскую клинику без сопровождения.

Комментарий миссис Фостер вызвал резкий отпор со стороны Стинциано. “Винить прессу за сообщение фактов – это безответственно”, – сказал он...»

Когда Стинциано и Болл потребовали, чтобы Департамент по проблемам психического здоровья штата Огайо привлек независимых экспертов для оценки эффективности лечения, доктор Корнелия Уилбур согласилась приехать в Афины.

В своем отчете она положительно оценила программу лечения,

составленную доктором Колом. Она пояснила, что подобные рецидивы часто происходят у множественных личностей.

28 апреля 1979 года «Коламбус диспэч» сообщила:

«ПСИХИАТР СИВИЛЛЫ ОДОБРЯЕТ ОТПУСКА КАК ЧАСТЬ ЛЕЧЕНИЯ МИЛЛИГАНА

Психиатр, которую Департамент по проблемам психического здоровья, штат Огайо, попросил высказать свое мнение по поводу психического больного Уильяма Миллигана, рекомендовала не вносить кардинальных изменений в программу лечения.

В своем отчете Департаменту, сделанном публично в пятницу, доктор Корнелия Уилбур поддержала программу терапевтического лечения Миллигана, в которую до недавнего времени входили частые отпуска из Афинского центра психического здоровья, где он находится на излечении... Доктор Уилбур сказала, что после 13 месяцев терапии в государственных и частных психиатрических лечебницах он больше не опасен. Она рекомендовала продолжить его лечение в Афинском центре.

Она сказала, что отпуска без сопровождения, применяемые как часть лечения, давали сначала положительный результат, но публикации в газетах относительно этих отпусков принесли отрицательный эффект...»

3 мая 1979 года в «Коламбус ситизен джорнал» появилась следующая статья:

«ПОД СОМНЕНИЕМ ОБЪЕКТИВНОСТЬ ВРАЧА МИЛЛИГАНА

Конгрессмен-демократ Майк Стинциано подвергает сомнению объективность психиатра, который рекомендовал лечение для Уильяма Миллигана... В письме к Мейерсу Курцу, исполняющему обязанности директора Департамента по проблемам психического здоровья и задержкам умственного развития, Стинциано пишет, что доктор Корнелия Уилбур не должна давать рекомендации по поводу Миллигана, “поскольку это по ее совету Миллигана поместили в Афины”.

Стинциано сказал, что выбрать доктора Уилбур как независимого психиатра “это все равно, что спросить мисс Лиллиан, какую работу Джимми Картер выполняет в Белом

доме»».

11 мая члены филиала Национальной организации женщин в Коламбусе написали на трех страницах письмо доктору Колу с копиями Мейерсу Курцу, Майку Стинциано, Филу Донахью, Дине Шор, Джонни Карсону, доктору Корнелии Уилбур и в газету «Коламбус диспэч». Письмо начиналось словами:

Доктор Кол!

Программа лечения, которую Вы составили для Уильяма Миллигана и которая, согласно газетным публикациям, включает отлучки без сопровождающих лиц, неконтролируемое пользование автомобилем и содействие в организации оплаты прав на книги и кинофильмы, демонстрирует намеренное и вопиющее безразличие к безопасности женщин в окружающем его обществе. Этого нельзя терпеть ни при каких обстоятельствах...

Далее в письме говорилось, что программа лечения доктора Кола не только не учит Миллигана тому, что жестокость и насилие недопустимы, но фактически даже поощряет его «за достойные порицания действия». Авторы письма обвиняли доктора Кола в том, что по его инициативе Миллиган усвоил «подсознательно, но четко, что насилие над женщинами вполне приемлемо, что это приносящий доход и сексуально возбуждающий товар широкого потребления...»

По убеждению авторов письма, «отсутствие клинической проницательности у д-ра Кола говорит о том, что он женоненавистник, и это вполне понятно. Утверждение, что одна из личностей насильника лесбиянка, – явная уловка, чтобы оправдать патриархат... Выдуманная лесбиянка – это удобный, но вводящий в заблуждение, стереотипный козел отпущения, которого можно винить за присущую самому Миллигану мстительную, насильственно-агрессивную сексуальность. Вновь мужчина освобождается от ответственности за свои действия, а женщина становится жертвой».

В результате рекомендаций доктора Уилбур было решено оставить Миллигана в Афинах.

Персонал отделения приема и интенсивной терапии, раздраженный газетным бумом и реакцией Билли, потребовал изменить план его лечения,

пригрозив объявить забастовку. Некоторые считали, что доктор Кол уделяет Билли слишком много времени, и настаивали на том, чтобы поручить повседневное наблюдение за больным определенной группе из персонала отделения, а участие самого врача ограничить лишь областью лечения. Опасаясь, как бы Билли не отправили в Лиму, доктор Кол вынужден был согласиться.

Социальный работник Донна Хаднелл составила «контракт», согласно которому Билли обещал соблюдать ряд ограничений. Первое из них заключалось в том, что с его стороны «не будет угроз отчужденности, а также негативного изменения своего характера и личной позиции, проявляемых по отношению к любому сотруднику клиники». Нарушив этот пункт хотя бы раз, Билли мог лишиться визитов писателя.

В комнате Миллигана не должно быть стеклянных или острых предметов. Никаких общих привилегий без предварительного разрешения утренней смены. Никаких звонков ему, а он может звонить только раз в неделю своему адвокату и дважды в неделю матери или сестре. Посещать его могут только мать, сестра и ее жених, адвокат и писатель. Ему запрещается давать пациентам отделения любые советы, будь то медицинские, социальные, юридические, экономические или психологические; не разрешается снимать со своего счета более 8,75 доллара в неделю. Деньги, находящиеся в его распоряжении, не должны превышать этой суммы. Рисовать он должен только определенное время и только под наблюдением. Законченные рисунки еженедельно отбираются. Если в течение двух недель он будет соблюдать установленные правила, его привилегии будут постепенно восстановлены.

Билли согласился на эти условия.

«Распавшийся» Билли соблюдал правила, чувствуя, что медицинский персонал превратил для него клинику в тюрьму. Он снова терпел наказание за то, чего не совершал. Артур и Рейджен все еще отсутствовали, и большую часть времени Билли проводил у телевизора вместе с другими пациентами.

Первое, что ему разрешили после двух недель строгого режима, – это визиты писателя.

Со времени нападок «Диспэч» Учитель не появлялся. Билли смущало, что он не помнит того, что с ним происходило, и не может сообщить никаких деталей. Чтобы избежать путаницы, они с писателем решили обозначить распавшегося, нецельного Билли как «Билли-Н».

– Все будет хорошо, – сказал Билли-Н писателю. – Я мало чем могу помочь, вы уж простите. Но я смогу, как только появятся Артур с

Рейдженом.

3

В следующую пятницу, 22 мая, с писателем все еще разговаривал Билли-Н. Запинающаяся речь, отсутствующий взгляд, общее состояние депрессии огорчили писателя.

– Для записи, – спросил он, – с кем я говорю?

– Это я, Билли-Н, какой и был. Артура и Рейджена все еще нет. Извините.

– Не извиняйся, Билли.

– Мало от меня проку...

– Ничего, все нормально. Мы ведь можем говорить.

Билли кивнул, но выглядел апатичным и каким-то безжизненным.

Поговорив немного, писатель предложил спросить персонал, не отпустят ли Билли погулять с ним. Разыскали Норму Дишонг, и та разрешила прогулку, но лишь на территории клиники.

Был яркий, солнечный день. Они неспешно прохаживались по дорожкам, и писатель предложил Билли пройти по маршруту, которым шел Денни, когда поднялся на вершину холма.

Не зная точно дороги, но чувствуя примерное направление, Билли попытался восстановить, что же случилось в тот день. Все было бесполезно – он почти ничего не помнил.

– Есть место, куда я люблю ходить, когда я один, – сказал он. – Пойдемте туда.

По пути писатель спросил:

– Что происходит с другими людьми в твоей голове, когда ты только частично воссоединяешься? На что это похоже?

– Я думаю, это можно назвать заменой, – сказал Билли. – То, что они называют «общим сознанием». Словно я проникаю в сознание вместе с кем-то еще. Мне кажется, это происходит постепенно... Я не думаю, что каждый имеет общее сознание с каждым, но все как-то постепенно раскрывается... Часто кто-то знает, что происходит с кем-то, но я не знаю, почему и как.

Билли помолчал, потом продолжил:

– Скажем, на прошлой неделе был большой спор между доктором Колом, еще одним психиатром и тем защитником прав клиентов. Там был Аллен. Он с ними спорил. Потом он встал и сказал: «Идите вы к черту.

Встретимся в Лиме» – и вышел. Я сидел в кресле в прихожей и вдруг услышал именно эти слова. И я закричал: «Что? Эй, подожди минуту! Что значит “Лима”?» Я сижу на краю кресла, испугавшись, потому что слышу разговор, происшедший секунды назад, как мгновенное повторное проигрывание, и это говорил уже кто-то другой. Я увидел другого психиатра, который вышел из комнаты, и сказал ему: «Послушайте, ребята, вы должны мне помочь». Он говорит: «Что ты хочешь этим сказать?» Тут я задрожал и говорю ему, что вот сейчас услышал в голове. Спросил его: правда ли, что я сказал, чтобы меня послали в Лиму? Психиатр и говорит: «Да». А я заплакал: «Не слушайте меня, не слушайте, что я говорю».

– Такого никогда раньше не было?

Билли задумчиво посмотрел на писателя.

– Наверное, это первый признак общего сознания без полного слияния.

– Ведь это очень важно!

– Но и жутко. Я плакал, кричал. Все, кто был в комнате, повернулись и смотрели на меня. Я не знал, что я только что сказал, и удивлялся: «Почему все смотрят на меня?» И снова услышал это в голове.

– Ты все еще Билли-Н?

– Да, я Билли-Н.

– Ты – единственный, кто слышит это мгновенное воспроизведение?

Он кивнул:

– Потому что я – «хозяин», ядро. Тот, кто вырабатывает общее сознание.

– И как ты при этом чувствуешь себя?

– Наверное, я поправляюсь. Но это страшно. Иногда я спрашиваю себя: да хочу ли я поправиться? Стоит ли выздоровление всего того, через что мне приходится проходить? Или я должен похоронить себя в этом мозгу и забыть обо всем?

– И каков же ответ?

– Не знаю...

Билли стал спокойнее, когда они подошли к небольшому кладбищу возле школы для умственно отсталых.

– Я прихожу сюда изредка, когда хочу в чем-то разобраться. Это печальное место.

Писатель посмотрел на небольшие надгробия, многие из которых опрокинулись и заросли травой.

– Интересно, почему на них только числа?

– Когда у человека нет ни семьи, ни друзей, – пояснил Билли, – и никто о нем не спрашивает, то после смерти все записи о нем

уничтожаются. Как будто он и не жил. Правда, есть список, кто и где захоронен, – на случай, если кто-то все же объявится. Большинство умерло от лихорадки в... думаю, в тысяча девятьсот пятидесятом году. Но есть здесь и тысяча девятьсот девятый год, и даже раньше.

Билли стал бродить среди могил.

– Прихожу сюда и сижу на насыпи – вон там, у сосен. Никто не мешает. Конечно, на кладбище грустно. Но есть и спокойствие – видите, как вон то мертвое дерево склоняется над могилой? В этом и красота, и достоинство.

Писатель кивнул, не желая прерывать Билли.

– Это кладбище задумали в форме круга. Видите, могилы идут в виде большой спирали? Потом, когда пришла лихорадка, а места уже не было, стали хоронить рядами.

– Тут еще хоронят?

– Одиноких, у кого нет семьи. Это плохо. Вам бы понравилось посетить могилу родственника и увидеть на ней только номер сорок один? А дальше, на насыпи, надгробия вообще кучей свалили. Вот это действительно грустно – никакого уважения к мертвым. Надгробия, которые в хорошем состоянии, поставлены людьми, нашедшими своих родственников, там и имена есть. Людям интересны истории своих семей, они хотят знать, откуда они родом. Когда они видят, что их предки лежат тут под номерами, все просто в шоке. «Это моя семья. Она достойна большего уважения» – так они говорят. Ведь неважно, был ли человек «черной овцой», больным или еще кем-то. Грустно, что здесь мало приличных надгробий. Я проводил здесь много времени, когда мне позволяли бродить везде...

Он усмехнулся и добавил:

– Когда я мог бродить.

Писатель понял, что он специально подчеркнул слово «бродить», использованное в заголовке «Диспэч».

– Я рад, что ты можешь посмеяться над этим. Надеюсь, ты больше не поддашься им.

– Ни за что. Самое плохое позади, так мне кажется. Я понимаю, что впереди много всякого, но не думаю, что они еще что-нибудь разузнают. И я смогу легче переносить это.

Во время беседы писатель почувствовал едва уловимое изменение в лице Билли. Походка стала более стремительной, речь – более четкой. И это насмешливое отношение к заголовку статьи...

– Позволь мне спросить тебя, – сказал писатель. – Если бы ты не

сказал мне раньше, что ты – Билли-Н, то мог бы обмануть меня, потому что сейчас ты говоришь как Учитель.

В глазах Билли появился блеск, он улыбнулся:

– Ведь вы не спрашиваете.

– Так кто ты?

– Учитель.

– Ах ты, сукин сын! Любишь устраивать сюрпризы!

– Так уж получается: когда я расслабляюсь, все и происходит. Нужно, чтобы внутри был покой. Вот здесь я и нашел покой. Мы разговаривали, я видел все это, пережил, вспомнил...

– Почему ты ждал, пока я тебя спрошу? Почему не сказал: «Слушай, я – Учитель»?

Миллиган пожал плечами:

– Ведь это не значит, что я заново с вами встречаюсь. Сначала с вами разговаривал Билли-Н, потом присоединился Рейджен, потом Артур – они тоже хотели что-то сказать. И вообще, согласитесь, странно вдруг посреди разговора заявить: «Эй, привет, как поживаете?», словно все это время с вами говорил не я.

Они двинулись дальше, и Учитель сказал:

– Артур и Рейджен действительно хотят помочь Билли объяснить вам, что происходило во время последнего периода «спутанного времени».

– Валяйте, рассказывайте, – заинтересовался писатель.

– Денни не собирался прыгать с обрыва. Он просто шел наверх, где цветы крупнее.

Учитель прошел вперед, показывая писателю дорогу, по которой шел Денни, и дерево, за которое он ухватился. Писатель посмотрел вниз. Если бы Денни прыгнул – наверняка разбился бы.

– У Рейджена и в мыслях не было что-то делать с теми охранниками, – сказал Учитель. – Разбитый стакан предназначался для него самого. Он знал, что Билли предали, и собирался покончить с собой.

Миллиган поднял руку, чтобы показать, что Рейджен держал острый край стакана на уровне своего горла, а всем показалось, что он угрожает им.

– Рейджен собирался перерезать себе горло и покончить со всем.

– Но зачем ты сказал доктору Колу, что поломаешь ему кости?

– На самом деле Рейджен хотел сказать: «Подходите, доктор Кол. Вы первый увидите, как я сломаю несколько костей». Я не хотел обижать этого маленького человечка.

– Не переключайся, Билли, – сказал автор. – Мне нужен Учитель. Мы

должны работать, твоя история очень важна.

Билли кивнул.

– Этого я и хочу, – сказал он. – Чтобы мир узнал.

Лечение продолжалось, продолжалось и давление на администрацию клиники. Двухнедельный контракт Билли с персоналом был возобновлен. Привилегии медленно возвращались к нему. «Коламбус диспэч» продолжала печатать враждебные статьи о Миллигане.

Юристы штата в ответ на газетные статьи требовали провести слушание. Когда Стинциано и Болл узнали, что пишется книга о Миллигане, они ввели билль 557, предусматривающий, что преступники – включая признанных невиновными по причине безумия – не имеют права иметь деньги, которые они могут получить за рассказы о своей жизни или о совершенных ими преступлениях. Слушания по этому биллю в Комитете по законотворчеству должны были начаться через два месяца.

4

К июню, несмотря на сложности в лечении, вызванные постоянными нападениями в прессе, Билли оставался спокойным. Ему разрешили самостоятельно гулять по территории клиники, но не ходить в город без сопровождения. Продолжались терапевтические сеансы с доктором Колом и занятия живописью. Но и писатель, и доктор Кол согласились, что в Учителе произошли заметные изменения. Его память уже не была столь точна. Он стал таким же манипулятором, как Аллен, и таким же асоциальным, как Томми, Кевин и Филип.

Учитель рассказал писателю, что однажды, когда он работал над радиотелефоном Томми, он вдруг услышал свой громкий голос: «Эй, что это я делаю? Ведь радиовещание без лицензии незаконно». Потом, не переключаясь на Томми, он сказал: «Черт подери, а мне-то какое дело?»

Он был потрясен и обеспокоен своим новым поведением. Умом он мог поверить, что эти личности – он теперь стал говорить «личности», а не «люди» – действительно были частью его. И вдруг впервые, не переключаясь, он стал и чувствовать, как они. Это было реальностью. Он становился общим знаменателем всех двадцати четырех личностей, а это делало его не Робинот Гудом и не Суперменом, а вполне обычным, необщительным, нетерпеливым, манипулирующим людьми, ярким и талантливый молодым человеком.

Как и предполагал доктор Джордж Хардинг, цельный Билли Миллиган, вероятно, будет меньше суммы его составляющих.

Почти в то же время Норма Дишонг, отвечающая за процедуры Билли в первой половине дня, почувствовала, что она больше не хочет вести Миллигана. Никто из других техников-психологов не хотел заниматься его случаем. Наконец Ванда Пенкейк, новенькая в отделении интенсивной терапии, хотя и проработавшая уже десять лет в клинике, согласилась заменить Норму.

Молодая «разведенка» с квадратным лицом и короткой, коренастой фигурой с трепетом подошла к своему новому пациенту.

– Когда я впервые услышала, что его положат сюда, – призналась она позднее, – я подумала: этого еще не хватало. Я до смерти боялась его, начитавшись газет. Ведь он насильник, к тому же вспыльчивый.

Ванда была одной из тех, кто не верил в множественные личности. Но после того как Миллиган пробыл у них несколько месяцев, она перестала его бояться. Он сказал ей то, что говорил всем женщинам в отделении: не нужно беспокоиться, если когда-нибудь он переключится на Рейджена, – Рейджен никогда не обидит женщину или ребенка.

Ванда ладила с ним, время от времени приходила в комнату, и они долго разговаривали. Миллиган даже стал ей нравиться, и она поверила, что он – страдающая множественная личность. Она и сестра Пэт Перри защищали Билли от враждебно настроенных сотрудников клиники.

Ванда Пенкейк познакомилась с Денни, когда увидела, что он лежит на кушетке, пытаясь оторвать пуговицы со стеганой виниловой спинки. На вопрос, зачем он это делает, он ответил детским голосом:

– Хочу их оторвать.

– Перестань! А кто ты?

Он засмеялся и стал сильнее дергать пуговицу.

– Я Денни.

– Если ты не перестанешь, Денни, нашлапаю по рукам!

Он поднял голову, посмотрел на нее, сделал по инерции еще несколько рывков, но когда она подошла ближе, остановился.

В следующий раз она увидела Денни, когда тот кидал одежду и некоторые его личные вещи в мусорную урну.

– Что ты делаешь?

– Да вот, выбрасываю.

– Зачем?

– Они не мои, мне таких не надо.

– Не нужно этого делать! Отнеси их в комнату, Денни.

Денни ушел, оставив вещи в урне, и Ванде пришлось вынуть их и отнести в его комнату.

Несколько раз она заставляла его за выбрасыванием вещей и сигарет; порой другие люди приносили обратно вещи, которые он выбросил в окно. Потом Билли всегда спрашивал, кто забрал его вещи.

Однажды Ванда принесла свою полуторагодовалую племянницу Мисти в комнату отдыха, где Билли как раз рисовал. Когда он наклонился к ней и улыбнулся, она отпрянула и заплакала. Билли печально посмотрел на нее и сказал:

– Ведь ты еще слишком мала, чтобы читать газеты, да?

Ванда посмотрела на пейзаж, над которым он работал.

– Замечательно, Билли, – сказала она. – Ты знаешь, мне бы хотелось иметь один из твоих рисунков. У меня не много денег, но если ты нарисуешь оленя, маленькую картинку, я заплачу.

– Я нарисую что-нибудь, – ответил он. – Но сначала я хотел бы нарисовать портрет Мисти.

Он начал рисовать Мисти, довольный тем, что Ванде понравилась его работа. Она была практичная, с ней легче было говорить, чем с большинством других. Он знал, что Ванда разведена, у нее не было детей, она жила в трейлере недалеко от своей семьи, в маленьком городке в Аппалачах, где и родилась. Она была не особенно образованная, с жестким, «приземленным» характером. Когда Ванда улыбалась, у нее появлялись ямочки на щеках и взгляд становился очень внимательным.

Однажды, делая пробежку вокруг здания, он подумал о ней, а она как раз подъехала на своем новеньком пикапе.

– Дай прокатиться! – крикнул он, бегая на месте, пока она выходила из машины.

– Нельзя, Билли.

Он увидел радиоантенну и номер телефона на заднем стекле.

– Так ты радиоловитель?

– Да, – сказала она, закрывая машину, повернулась и пошла в клинику.

– Какие у тебя позывные? – спросил он, идя за ней следом.

– «Оленебоец».

– Странное прозвище для женщины. Почему ты его выбрала?

– Потому что мне нравится охотиться на оленей.

Билли остановился и с удивлением посмотрел на нее.

– В чем дело, Билли?

– Ты охотишься на оленей? Ты убиваешь животных?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Я убила моего первого самца, когда мне было двенадцать. С тех пор я охотилась каждый год. В прошлый сезон мне не повезло, но, скажу тебе, следующей осенью обязательно поохочусь. Я убиваю, чтобы добыть мясо. Это правильно, так что не спорь.

Они вместе поднялись в лифте. Билли пошел в свою комнату и разорвал эскиз оленя для ее картины.

7 июля 1979 года на первой полосе «Коламбус диспэч» в красной рамке, под крупным заголовком, вышла статья Роберта Рута:

НАСИЛЬНИК МИЛЛИГАН МОЖЕТ БЫТЬ ОСВОБОЖДЕН ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ

Описывая возможность того, что через три-четыре месяца Миллиган может быть признан здоровым и его могут освободить по решению Верховного суда США, статья заканчивалась так:

«Он [конгрессмен Майк Стинциано] предсказывал, что жизни Миллигана может угрожать опасность, если кто-нибудь из жителей Коламбуса увидит его гуляющим по городу».

Прочитав статью, доктор Кол заметил:

– Боюсь, именно эта статья и натолкнет некоторых на подобные мысли.

Неделю спустя приехал жених Кэти, Роб Баумгардт, со своим братом Бойсом, оба в солдатской униформе – в качестве статистов они участвовали в съемках фильма Роберта Редфорда «Брубейкер». Их целью было забрать Билли на уик-энд. Спускаясь по лестнице вместе с «военными», Билли видел, как на него смотрят охранники. Он старался сдержать улыбку, уезжая в сопровождении военного эскорта.

Билли рассказал писателю о беспокоящих его переменах, которые он замечал в себе. Не переключаясь на Томми, он без ключей открывал двери. Мог, как Рейджен, взлетать на крутые холмы на своем новом мотоцикле; как Рейджен, чувствовал в себе пульсирующий поток адреналина, ощущал, как работает каждый мускул, давая ему возможность совершать головокружительные виражи, хотя сам Билли никогда не садился на мотоцикл.

Он стал необщителен, нетерпелив с персоналом, ему надоедали

соседи. Вдруг появилось непреодолимое желание достать шестифутовый металлический стержень с крюком на конце и пойти на электростанцию. Он знал, где находится трансформатор U-80. Выключив его, он обесточит все вокруг.

Он говорил себе, что это неправильно. Если на улицах погаснет свет, кто-то может разбиться. Но почему он хотел сделать это? Потом он вспомнил один вечер, когда ссорились его мать и Челмер. Не в силах больше слышать их ссору, Томми сел на велосипед и поехал по Спринг-стрит. Он доехал до терминала, тайком забрался туда и выключил электричество. Томми знал, что, когда свет выключается, люди успокаиваются – они просто вынуждены прекращать потасовки. В тот вечер свет погас на трех улицах – Губерт-авеню, Метхофф-драйв и Спринг-стрит. Когда он вернулся, было темно, но зато ссора прекратилась. Дороти и Челмер сидели на кухне и пили кофе при свете свечи.

Вот что заставило его захотеть сделать это снова. Он услышал от Кэти, что Дороти сильно ругалась с Делом. Билли улыбнулся, посмотрев на электротрансформатор. Это просто случай социопатического *déjà vu*^[2].

Билли подозревал, что с ним что-то еще неладно, потому что его почти не интересовал секс. У него были возможности заняться сексом. Дважды, когда предполагалось, что он в выходные дни находится у сестры, на самом деле он ехал в мотели с женщинами, проявившими к нему интерес. Но оба раза, видя, как полицейские машины наблюдают за ним с дороги, Билли отказывался от этого. Он чувствовал себя провинившимся ребенком.

Он стал усиленно изучать себя, наблюдая другие личности, и понял, что их влияние слабеет. В один из выходных Билли купил комплект барабанов, после того как сыграл на нем в магазине, сам изумившись своему умению. Аллен раньше играл на барабанах, но теперь эта способность передалась Учителю и даже Билли-Н. Он играл и на теноровом саксофоне, и на пианино, но барабаны казались более эмоциональными. Они возбуждали его.

Когда Коламбус узнал, что в план лечения Миллигана снова внесены отпуска, возобновились и нападки на доктора Кола. Комиссии по этике штата Огайо было поручено приступить к расследованию с целью выдвинуть против Кола обвинение в ошибочных действиях при выполнении своих обязанностей. Утверждалось, что Миллиган пользуется особыми привилегиями, потому что Кол тайно пишет о нем книгу. Закон требует подачи жалобы, поэтому, прежде чем начать подобное расследование, Комиссия по этике заставила одного из своих адвокатов

подать такую жалобу.

Поскольку на доктора Кола стали нападать теперь уже под другим предлогом, он решил, что компрометируются его усилия по лечению пациента, а его репутация и врачебная карьера находятся под угрозой. 17 июля 1979 года он обратился в суд с исковым заявлением:

«События последних месяцев, касающиеся дела Билли Миллигана, вызвали последствия, выходящие за пределы правомерности, логики и даже закона... Принятое мною решение в части лечения пациента явилось причиной большинства, если не всех, разногласий. Мое решение было поддержано всеми профессионалами, известными в данной области... Я считаю, что меня оскорбляют и подвергают нападкам, руководствуясь очень серьезными мотивами, наименьший из которых – реклама члену Законодательного собрания и материал для весьма сомнительной журналистики...»

Позднее, после многих месяцев запутанной и дорогостоящей тяжбы, включающей повестки в суд, письменные показания, встречные иски и тому подобное, доктор Кол выиграл дело – выиграл, обнаружив, что все больше времени и энергии уходит у него на то, чтобы защитить себя, свою семью и деловую репутацию. Доктор мог нейтрализовать угрозы, удерживая Билли под замком, однако отказался удовлетворить эмоциональные требования законников и газетчиков, поскольку был убежден, что Билли нуждался в таком же лечении, как и любой из его пациентов.

5

В пятницу, 3 июля, Билли разрешили отнести несколько его картин в Афинский Национальный банк, который предоставил свой вестибюль для устройства выставки. Билли с энтузиазмом натягивал холсты, рисовал, вставлял картины в рамы. Много времени уходило на подготовку к свадьбе Кэти, намеченной на 28 сентября. Часть денег от продажи картин он потратил на аренду свадебного зала и даже заказал себе смокинг, с нетерпением ожидая этого праздника.

Информация о выставке обошла все газеты и телеканалы Коламбуса. С одобрения своего адвоката Билли дал интервью репортерам вечерних новостей Джен Райан и Кевину Бергеру.

Джен Райан он рассказал о своих картинах и о том, как ему помогает лечение в Афинском центре психического здоровья. Когда она спросила, сколько картин было нарисовано другими его личностями, Билли сказал:

– В основном это совместная работа. Они – часть меня, и мне нужно научиться принимать это. Их способности – мои способности. Но теперь я отвечаю за мои собственные действия и хочу, чтобы и дальше так было.

Билли рассказал ей, что выручка от его картин пойдет на оплату лечения в клинике и гонорар адвокату. Кроме того, он сделает взнос в Фонд борьбы против насилия над детьми.

Рассказал он и о том, что чувствует, как разные личности постепенно сливаются в полноценного человека, и теперь может сосредоточить свое внимание на будущей работе – предотвращении насилия над детьми.

– Нужно обследовать семьи, в которых воспитываются приемные дети, – сказал он, – чтобы удостовериться, что эти семьи безопасны для детей и в них хорошая атмосфера. Помимо опекунской заботы ребенку нужны внимание и любовь.

В прошлом декабре Джен Райан сделала полуторачасовой документальный фильм о Билли. Сейчас она видела в нем важные изменения, и самое главное из них – отношение к обществу. Несмотря на жестокое насилие, пережитое им в детстве, теперь он с надеждой смотрел в будущее:

– Я стал больше доверять нашей судебной системе. Уже нет чувства, что весь мир против меня.

В шестичасовых новостях Кевин Бергер сказал, что программа лечения Миллигана в Афинском центре психического здоровья была спорной и сильно критиковалась, но у Билли теперь появилось ощущение принадлежности к обществу.

– Я сейчас совсем по-другому, лучше отношусь к людям в Афинах, – говорил Билли. – Они уже не такие враждебные, потому что узнали меня. Они не боятся меня, как боялись, когда я первый раз пришел сюда. Тогда это было вызвано... другими событиями...

Он сказал, что очень тщательно отобрал картины для выставки. Многие картины он не стал вывешивать, так как боялся, что, глядя на них, зрители попытаются анализировать его психику. Билли беспокоило, как люди отнесутся к его живописи.

– Если они придут, – сказал он, – надеюсь, они придут смотреть на живопись, а не искать сенсации.

Билли признался, что хотел бы учиться в художественной школе, чтобы совершенствовать технику, но думает, что его не примут туда из-за

репутации. Может быть, когда-нибудь это изменится. Ничего, он подождет.

– Я больше не бегу от реальности, – сказал он журналистке, – и это самое главное.

Билли чувствовал, что персонал клиники хорошо отреагировал на вечерние новости, где было показано, как он развешивает свои картины и разговаривает с телерепортерами.

Большинство из персонала стали относиться к нему лучше. Лишь немногие остались враждебны, но и те в своих записях отметили положительные сдвиги. Билли поразило, что ему даже стали рассказывать о том, что происходит на консилиумах, что именно записывается в его историю болезни.

Он знал, что с тех пор, как его поместили в пятое отделение, у него наметился значительный прогресс.

В субботу, 4 августа, на выходе из отделения интенсивной терапии он вдруг услышал тревожный сигнал из лифта. Лифт застрял между четвертым и пятым этажами, в нем находилась умственно отсталая девушка. Билли видел искры, слышал треск, шипение, гудение в распределительной коробке. Он понял, что произошло короткое замыкание. Несколько пациентов скопились в прихожей, девушка в лифте стала кричать, стучать в стены. Билли позвал на помощь, и с помощью одного из рабочих ему удалось рычагом открыть внешнюю дверь шахты.

Кэтрин Гиллот и Пэт Перри вышли посмотреть, из-за чего такой переполох. Они видели, как Билли спустился в шахту лифта и протиснулся в кабину через люк сверху. Билли прыгнул вниз и стал разговаривать с девушкой, чтобы успокоить ее. Они ждали, пока придет техник, обслуживающий лифты. Билли внутри лифта возился с распределительной коробкой.

– Ты знаешь какие-нибудь стихи? – спросил он девушку.

– Я знаю Библию.

– Почитай мне псалмы, – попросил он.

Когда пришел техник и лифт наконец тронулся с места, они вышли на четвертом этаже. Девушка посмотрела на Билли и спросила:

– А теперь мне дадут шипучки?

В следующую субботу Билли поднялся рано. Хотя он и не беспокоился о своей выставке, но переживал по поводу статьи о выставке в «Диспэч», где не забыли упомянуть – как они всегда это делали – его десять

личностей, называя его «насильником с множеством личностей». Ему надо привыкнуть справляться со смешанными эмоциями. Это было новое ощущение – сбивающее с толку, но необходимое для умственной стабильности.

В это утро он решил пойти в гостиницу Университета Огайо, соседнюю с территорией клиники, и купить там пачку сигарет. Он знал, что не должен курить. В былые дни только Аллен курил сигареты. Но сейчас ему нужно было покурить. Когда он полностью выздоровеет, у него будет достаточно времени, чтобы отказаться от этой привычки.

Билли сошел с крыльца клиники и заметил двоих мужчин в машине напротив входа. Он подумал, что они кого-то навещают. Но когда он перешел дорогу, машина проехала мимо него. Обогнув здание, Билли снова ее увидел.

Он пошел через свежескошенное поле, направляясь к пешеходному мосту через ручей, протекающий на границе территории клиники. В четвертый раз Билли увидел машину, когда она повернула на Деари-лейн, дорогу между ручьем и гостиницей, по которой он должен будет пройти после моста.

Когда он ступил на мост, окно машины опустилось и из него высунулась рука с пистолетом. Кто-то крикнул:

– Миллиган!

Билли застыл на месте.

Он распался.

Рейджен мгновенно повернулся и прыгнул в ручей. Пуля просвистела мимо. Второй выстрел – опять мимо. И еще один. Рейджен схватил со дна ручья сломанную ветку, вскарабкался на берег и, пользуясь ею как дубинкой, вдребезги разнес заднее стекло машины, прежде чем она успела отъехать.

Он долго стоял там, дрожа от гнева. На том мосту Учитель замер – слабый и нерешительный. Если бы не его мгновенная реакция на пятне, все они были бы уже мертвы.

Рейджен медленно направился обратно в клинику, обсуждая с Алленом и Артуром, что делать. Надо сказать доктору Колу: здесь, в клинике, они представляют собой легкую мишень; в любое время Билли может быть найден убитым.

Аллен рассказал об инциденте доктору Колу. Он доказывал, что сейчас более чем когда-либо были важны отпуска, потому что он должен найти место, где будет в безопасности до слушания его дела в Ланкастере, когда отменят решение о его виновности. Потом он сможет уехать из Огайо и

поехать в Кентукки на лечение к доктору Корнелии Уилбур.

– Важно, – сказал Артур Аллену, – чтобы никто не узнал об этом нападении. Если эти люди ничего не прочитают в газетах, это собьет их с толку. Они будут бояться, что Билли что-то готовит.

– И писателю не скажем? – спросил Аллен.

– Никому, черт возьми! Только доктору, – настаивал Рейджен.

– Хорошо. В час дня Учитель встречается с писателем. Кто будет от нас – Учитель?

– Не знаю, – сказал Артур. – Ты же видишь, Учитель ушел. Думаю, ему стыдно, что он растерялся на мосту. Иди ты, Аллен.

– А что я скажу писателю?

– У тебя язык хорошо подвешен, – заявил Рейджен. – Представь себе, что ты и есть Учитель.

– Он сразу узнает!

– Не узнает, если ты скажешь ему, что ты Учитель, – сказал Артур. – Он тебе поверит.

– Ты предлагаешь соврать?

– Писатель расстроится, если узнает, что Учитель опять «распался» и исчез. Они ведь подружились. И потом, мы не можем поставить под угрозу книгу. Значит, все должно идти так, как до покушения на жизнь Билли.

Аллен покачал головой:

– Вот уж не думал, что ты заставишь меня врать.

– Если это делается с целью уберечь кого-то от беды, – сказал Артур, – тогда это не ложь. Ну, может быть, не совсем ложь.

Но во время встречи писателя насторожили манеры Билли. Он казался слишком самоуверенным, говорливым и требовательным. Билли сказал, что его всегда учили ожидать худшего и надеяться на лучшее. Теперь его надежды стали диаметрально противоположными. Он был уверен, что его отошлют обратно в тюрьму.

Писатель почувствовал, что перед ним не Учитель, но не был полностью уверен. Приехал адвокат Билли, Алан Голдсберри, и писатель почувствовал, что это Аллен объясняет адвокату, почему он хочет составить завещание, оставив все своей сестре:

– В школе был один забияка, вечно лез ко мне. Однажды он хотел побить меня, но не стал. Позднее я узнал, что Кэти отдала ему свои последние двадцать пять центов, чтобы он меня не трогал. Я этого никогда не забуду.

В те выходные у Кэти Денни и Томми рисовали на стене, а Аллен с беспокойством думал о предстоящем судебном слушании в Ланкастере. Если его оправдают и доктор Кол пошлет его в Кентукки, он знал, что доктор Уилбур ему поможет. А что, если судья Джексон не оправдает его? Что, если ему предстоит провести остаток своей жизни в клиниках для психических больных и в тюрьмах? Администрация штата посылала в клинику счета за его лечение, свыше ста долларов за день. Они хотели отнять все его деньги, хотели, чтобы он сломался.

В субботнюю ночь Миллиган никак не мог уснуть. Около трех утра Рейджен вышел на улицу, тихо вывел мотоцикл из дома. В долину пробирался туман. До рассвета он хотел проехаться, лучше всего в сторону дамбы Логан.

Больше всего он любил ночной туман – самый густой туман в самой темной ночи: где-нибудь в чаще леса или на берегу озера, когда передний план словно уходит в никуда. Три часа утра было его любимым временем.

Доехав до верхнего края дамбы – узкой кромки, на которой могло поместиться только колесо мотоцикла, он выключил фару. Отражение света в тумане будет его ослеплять. С выключенной фарой он видел черноту с обеих сторон, а в середине – светлую полосу дамбы. Он вел колесо по середине. Было опасно, но сейчас ему и нужна была опасность – вновь требовалось что-то победить. Не обязательно кулаком или пистолетом – неважно как, но он вынужден был совершать что-то опасное, ощущать поток адреналина. И побеждать!

Раньше он никогда не ездил по верхнему краю дамбы. Он не знал, какова ее длина, не мог так далеко видеть. Но ехать нужно быстро, чтобы не свалиться на сторону. Жутко, но, черт возьми, стоит попытаться!

Рейджен рванул с места и погнал по узкой полоске. Благополучно добравшись до конца, он развернулся и поехал обратно. А потом мчался по шоссе, что-то кричал под рев мотора, плакал, и слезы катились по его щекам, сдуваемые встречным ветром.

Рейджен вернулся домой, и ему приснился сон, что в него стреляли и он умирал на мосту, потому что Учитель растерялся и позволил им всем умереть.

Глава двадцать вторая

1

В понедельник, 17 сентября, в день слушания, когда писатель шел по коридору отделения интенсивной терапии и увидел ожидавшего его Билли, по улыбке, ясному взгляду и кивку головы стало ясно, что перед ним вновь стоит Учитель. Они с удовольствием пожали друг другу руки.

– Рад встрече, – сказал писатель. – Давно не виделись, а?

– Много всего случилось за это время.

– Тогда поговорим? Пока не пришли Голдсберри и Томпсон.

Они вошли в небольшую комнату, и Учитель рассказал писателю о покушении, о «распаде», о том, что Аллен арендовал спортивную машину, чтобы уехать в Лексингтон лечиться у доктора Уилбур, как только судья отзовет решение о виновности.

– Кто говорил со мной весь этот месяц, выдавая себя за Учителя?

– Аллен, – признался Миллиган. – Извините. Артур сказал, что вы расстроитесь, узнав, что я опять «распался». Эмоции других обычно его не касаются. Я думаю, на трезвость ума Артура повлияло покушение.

Они беседовали, пока не пришли Голдсберри и Томпсон, а потом все вместе поехали в Ланкастер, в суд округа Фэрфилд.

Голдсберри и Томпсон предъявили суду письменные показания под присягой, которые дали доктора Джордж Хардинг, Корнелия Уилбур, Стелла Кэролин и Дэвид Кол, а также психолог Дороти Тернер. Все они единогласно заявили, что «с точки зрения медицины есть уверенность», что Билли Миллиган при нападениях в придорожных местах отдыха и при ограблении аптечного магазина Грея в декабре 1974 года и в январе 1975 года был психически больной множественной личностью. Они считали, что в то время он, вероятно, был не в состоянии помогать адвокату Джорджу Келлнеру в своей защите.

Окружной прокурор Фэрфилда, мистер Льюз, вызвал только доктора Гарольда Т. Брауна, который показал под присягой, что он лечил Билли, когда тому было пятнадцать лет, и поместил его в государственную клинику в Коламбусе на три месяца. Он сказал, что в свете последних достижений медицины изменил бы поставленный им тогда диагноз «истерический невроз с пассивно-агрессивными проявлениями» на новый

диагноз: «диссоциативное нарушение с возможной множественностью личности». Однако Браун показал на суде, что он был направлен прокурором в Афины, чтобы побеседовать с Билли, и во время этого визита Билли Миллиган казался сознающим свои поступки. Браун сказал, что Миллиган в действительности мог и не быть множественной личностью, поскольку множественные личности не предполагают знание о поступках других «я».

Когда они вышли из зала суда, Голдсберри и Томпсон были настроены оптимистически, и Билли был в приподнятом настроении. Он был уверен, что судья Джексон посчитает показания четырех весьма уважаемых психиатров и психолога более весомыми, чем показания доктора Брауна.

Судья сказал журналисту, что через две недели он примет решение.

18 сентября, видя, как Билли волнуется после возвращения из Ланкастера, и зная о его страхе подвергнуться новому нападению, доктор Кол дал ему отпуск. Билли понимал, что в доме сестры, как и в клинике, он будет легкой мишенью. Поэтому было решено, что он остановится в придорожном мотеле Хокинг-Вэлли, в соседнем городке Нельсонвилле. Он возьмет мольберт, краски, холст и спокойно порисует.

Билли зарегистрировался в мотеле под вымышленным именем и постарался расслабиться. Однако напряжение было слишком велико. Рисуя, он слышал голоса. Проверив комнату и зал, он решил, что это в его голове – его собственные голоса. Он попытался не слушать их, сконцентрировавшись на работе кистью, но голоса не умолкали. Это не был Рейджен или Артур. Он сразу узнал бы их по акценту. Наверно, это были «нежелательные». Неужели с ним снова что-то не так? Он не мог работать, не мог спать, боялся вернуться к Кэти или в Афины.

В среду он позвонил Майку Рупу и попросил его приехать. Когда Руп приехал и увидел, как Билли нервничает, он позвонил доктору Колу.

– Все равно у вас ночное дежурство, – сказал Кол. – Оставайтесь с ним сегодня, а завтра возвращайтесь вместе.

В присутствии Майка Рупа Билли успокоился. Они выпили немного в баре, и Билли рассказал о своей надежде – лечиться у врача Сивиллы.

– Я лягу в клинику на пару недель, пока доктор Уилбур не скажет, что я могу жить в квартире один. Мне кажется, я смогу, потому что, даже когда у меня возникают трудности, я в состоянии действовать. Потом я начну лечиться и буду выполнять все ее рекомендации.

Руп слушал, как он говорил о своих планах на будущее, о новой жизни, которая его ждет, если судья Джексон реабилитирует его в Ланкастере. Они

проговорили всю ночь и заснули только под утро. В четверг, после позднего завтрака, поехали обратно в клинику.

Билли сидел в холле и думал о том, что он уже ничего не может делать как следует. Он чувствовал себя тупицей, потому что терял все, что давали ему его другие личности: ум Артура, силу Рейджена, красноречие Аллена, знание электроники, которые имел Томми. Он чувствовал, что все больше и больше глупеет, ему становилось все труднее. Им овладевали подавленность и страх; шумы в голове усилились, цвета стали невыносимо яркими. Захотелось пойти в свою комнату, броситься на кровать и кричать, кричать, кричать...

На следующий день, когда Ванда Пенкейк заканчивала свой ланч в кафетерии, ее приятель вскочил со стула и подбежал к окну. Ванда повернулась и посмотрела в окно, пытаясь сквозь пелену дождя разглядеть, что такое он там увидел.

– Я видел кого-то, – сказал он, указывая на окно. – Парень в коричневом плаще бежал по мосту на Ричленд-авеню, а потом спрыгнул с моста.

– Где?

Она встала на цыпочки, вытянувшись, но ничего не увидела сквозь залитое дождем стекло – лишь машину, стоящую на мосту. Из нее вышел водитель, посмотрел через парапет, вернулся к машине, потом опять подошел к парапету и стал смотреть вниз, словно следил за кем-то или за чем-то там, внизу. Ванде стало нехорошо.

– Пойду-ка гляну, где там Билли.

Она осмотрела все отделение, спрашивая персонал, пациентов, – никто его не видел; потом проверила его комнату. Коричневого плаща в шкафу не было. Шарлотта Джонсон, заведующая секцией, пришла на сестринский пост и сказала, что ей позвонил один служащий, который был в это время в городе и видел Билли на Ричленд-авеню.

Доктор Кол появился из кабинета. Ему позвонили, что видели Билли на мосту. Все закричали разом. Они не хотели, чтобы за ним пошли охранники, потому что форма напугает Билли.

– Я пойду, – сказала Ванда, схватив пальто.

Охранник Клайд Барнхарт довез ее до моста. Она спустилась вниз и стала смотреть под мостом, среди труб. Потом пошла вдоль берега, оглядываясь по сторонам. Ничего. Вернувшись, Ванда увидела водителя той машины и удивилась, что он еще здесь.

– Вы видели парня в коричневом плаще? – спросила она.

Он показал на университетский Конференц-холл, стоящий неподалеку. Охранник подвез ее к этому современному зданию из кирпича и стекла, в форме именинного торта, украшенного куполом.

– Вот он! – Барнхарт указал на бетонную галерею, опоясывающую здание на уровне четвертого этажа.

– Ждите здесь, – сказала ему Ванда. – Я сама поговорю.

– Не входите с ним в здание, не оставайтесь наедине, – предупредил Барнхарт.

Ванда взбежала по пандусу и увидела Билли. Он ходил от двери к двери, пытаясь войти в здание.

– Билли! – крикнула она, сбегая с пандуса на галерею. – Постой!

Он не отвечал. Она попробовала другие имена:

– Денни! Аллен! Томми!

Он не обращал на нее внимания, быстро передвигаясь по галерее и пробуя открыть одну дверь за другой, пока наконец не нашел открытую дверь и исчез внутри здания. Ванда никогда не бывала внутри комплекса. Испугавшись, не зная, чего от него ждать, и не понимая, почему вообще Билли оказался здесь, она кинулась за ним и догнала у подножия лестницы. Он уже начал подниматься по крутой лестнице. Ванда осталась стоять внизу.

– Спускайся, Билли.

– Иди к черту, какой я тебе Билли!

Она никогда раньше не видела, чтобы он жевал жвачку, но сейчас он жевал, громко и быстро, чавкая при этом.

– Кто же ты? – спросила она.

– Стив.

– Что ты здесь делаешь?

– Не видишь, что ли? Хочу подняться наверх.

– Зачем?

– Прыгать буду.

– Спускайся вниз, Стив, давай поговорим.

Билли не спускался, хотя она пыталась урезонить его. Это было бесполезно. Ванде показалось, что он хочет покончить с собой. Она заметила, насколько он изменился: дерзкие манеры, высокий голос, быстрая речь, самоуверенность на лице и в тоне.

– Я пойду в ванную, – сказал он и прошел в дверь туалета.

Ванда бросилась к выходу, выбежала на край дорожки посмотреть, там ли Клайд с машиной. Охранника не было. Вернувшись в здание, она увидела, что Стив вышел из туалета и вошел в другую дверь. Она хотела

войти за ним, но он заперся изнутри. Ванда увидела на стене телефон, набрала номер клиники и попросила доктора Кола.

– Я не знаю, что делать, – сказала она. – Теперь он Стив и говорит, что хочет убить себя.

– Успокойте его, – велел Кол. – Скажите, что все будет хорошо. Скажите ему, что не будет так плохо, как он думает. Он сможет поехать в Кентукки лечиться у доктора Уилбур. Скажите ему, чтобы он вернулся.

Ванда повесила трубку и подошла к двери – стучала, звала:

– Стив! Открой дверь! Доктор Кол говорит, что ты поедешь в Кентукки!

Через некоторое время проходящий мимо студент открыл дверь. Ванда увидела, что та ведет в узкий круговой коридор. Она бросилась в коридор, на бегу заглядывая в кабинеты и холлы, чувствуя себя словно на карусели в кошмарном сне.

«Не могу найти его. Ищи. Продолжай».

Пробегая мимо двух беседующих студентов, Ванда крикнула:

– Вы не видели здесь парня? Высокого, в коричневом мокром плаще.

Один из них показал:

– Вроде бы туда пошел...

Она продолжала бежать по этому кругу, время от времени проверяя двери, выходящие на улицу, на случай, если он вдруг вышел из здания. Наконец она увидела Миллигана на внешней галерее.

– Стив! – закричала Ванда. – Подожди минутку! Мне надо поговорить с тобой!

– Не о чем нам говорить.

Ванда обежала его и встала между ним и бетонной балюстрадой, чтобы не дать ему прыгнуть.

– Доктор Кол говорит, чтобы ты вернулся.

– Да пошел он, этот толстобрюхий сукин сын!

– Он говорит, что все не так плохо, как ты думаешь.

– Уж куда там. Черта с два!

Он ходил взад-вперед, с ожесточением жуя резинку.

– Доктор Кол говорит, что ты сможешь поехать в Кентукки и доктор Уилбур поможет тебе.

– Сам он псих, и другие психиатры не лучше! Болтают какую-то чепуху о множественной личности! Это же бред. Дурака из меня делают.

Он сдернул с себя мокрый плащ, растянул его на большом оконном стекле и размахнулся кулаком, чтобы разбить окно. Ванда кинулась к нему, поймала за руку и повисла на ней, чтобы он не вывернулся. Она знала, что

стекло ему нужно, чтобы зарезаться, хотя оно было очень толстым и его трудно было разбить. Скорее он сломал бы руку. Ванда прилипла к Миллигану, а тот старался стряхнуть ее.

Пока они боролись, Ванда старалась уговорить его вернуться, но Стив ничего не слышал. Намокнув от него и замерзнув, она наконец сказала:

– Слушай, я устала. Выбирай: или идешь со мной, или получишь по яйцам.

– Ты не сделаешь этого, – недоверчиво протянул Стив.

– Сделаю, – сказала она, не отпуская его руки. – Считаю до трех. Если не пойдешь со мной в клинику, я тебя ударю.

– Но я с женщинами не дерусь.

– Раз... два...

Ванда отвела колено для удара, Миллиган скрестил ноги, чтобы защититься.

– Ведь ты не ударишь, да?

– Ударю.

– Все равно я сделаю это, – сказал он. – Пойду наверх.

– Нет, не пойдешь. Не пущу!

Миллигану все-таки удалось освободиться, и он побежал к бетонной балюстраде. До земли было три пролета. Когда он добежал до края, Ванда рванулась к нему, одной рукой схватила за шею, другой за пояс и прижала к бетону, разорвав рубашку. В этот момент в нем словно что-то щелкнуло: Билли стал слабеть, опустился на пол, его взгляд остановился. Ванда поняла, что перед ней уже кто-то другой. Он заплакал, весь дрожа.

«Испугался», – подумала она, уже догадавшись, кто это.

Ванда обняла его и сказала, что беспокоиться не о чем:

– Все будет хорошо, Денни.

– Меня выпорют, – хныкал он. – Шнурки развязались, ботинки в грязи, все мокрое. Рубашку порвал.

– Хочешь пройтись со мной?

– Да.

Ванда подняла с пола его плащ, накинула на Денни и повела по дорожке к фасаду здания. Сквозь деревья была видна клиника на холме. Наверное, Миллиган часто видел оттуда это круглое здание.

Внизу на стоянке она нашла машину охранника: дверцы открыты, внутри никого.

– Хочешь посидеть в машине? Не стоять же под дождем.

Он попятился.

– Все нормально, Денни, это машина охраны. Клайд за рулем, ты его

знаешь. Он ведь тебе нравится?

Денни кивнул и хотел сесть на заднее сиденье, но, увидев зарешеченное заднее стекло, напомнимшее ему клетку, отпрянул и задрожал.

– Ладно, – сказала Ванда, понимая, что его беспокоит. – Мы оба можем сесть на передние сиденья и подождать, пока придет Клайд и отвезет нас.

Он тихо сел возле нее, оцепенело разглядывая свои мокрые брюки и грязные ботинки. Ванда оставила дверцы открытыми и включила фары, как сигнал, что они в машине. Вскоре на пандусе показался Клайд с Нормой Дишонг.

– Я вернулся в клинику и привез ее, – объяснил Клайд. – Мы были внутри, искали вас с Билли.

– Это Денни, – сказала Ванда. – С ним все в порядке.

2

Во вторник, 25 сентября, медсестра Пэт Перри наблюдала, как Билли разговаривал в холле с Гасом Холстоном. Холстон поступил несколько недель тому назад. Он и Билли знали друг друга по Ливанской тюрьме. Мимо прошли Лори и Марша, заигрывая с молодыми людьми. Лори, которая никогда не скрывала своей симпатии к Билли, теперь сделала вид, что интересуется Холстоном, чтобы заставить Билли ревновать. Сестра Перри, чьей больной была Лори, знала, что девушка влюбилась в Билли с момента его появления в клинике. Симпатичная, не особенно умная, она преследовала Миллигана, писала ему записки и сообщала персоналу, чем именно она и Билли когда-нибудь займутся. Лори даже распустила слух, что они собираются пожениться.

Со своей стороны, Билли никогда не обращал на нее особого внимания. Самый широкий жест, который он позволил, это дал Лори и Марше в начале недели пятьдесят долларов, когда они сказали ему, что у них нет ни гроша. За это они забрали в типографии его наклейки «Обнимите сегодня своего ребенка» и передали их в город.

Эйлин Мак-Клеллан, дневная медсестра Билли, была в тот день выходная, и за ним наблюдала ее сменщица, Кэтрин Гиллот.

Вскоре после того, как заботливая Гиллот заступила на дежурство, Билли спросил ее, можно ли ему прогуляться.

– Надо спросить у доктора Кола, – сказала она, – я сама не могу разрешить.

Билли ждал в комнате с телевизором, пока она консультировалась у доктора Кола, который решил поговорить с Билли. После нескольких вопросов о его настроении они решили, что он может погулять вместе с Гасом Холстоном.

Через полчаса Билли и Гас вернулись, потом пошли опять прогуляться. Когда Билли вернулся во второй раз, около шести часов, Гиллот была занята приемом нового пациента, но услышала, как Билли сказал:

– Та девушка кричала.

Она поняла, что это говорил не Билли. Голос был Дэвида.

– Что ты сказал?

– Ее обидят.

Гиллот последовала за ним в холл.

– О чем ты говоришь?

– Там была девушка. Я слышал, как девушка кричала где-то, когда я был на улице.

– Какая девушка?

– Не знаю. Их было две. Одна сказала Гасу, чтобы он отвел меня назад, потому что я мешал.

Гиллот понюхала его дыхание, думая, не выпил ли он, но дыхание было чистым. Несколько минут спустя ее позвали снизу. Миссис Гиллот спустилась вниз и увидела охранника, вводящего Маршу. Она отвела Маршу вверх, в ее комнату. От Марши пахло ликером.

– Где Лори? – спросила Гиллот.

– Не знаю.

– Где ты была?

– Не знаю.

– Ты выпила?

Марша опустила голову. Ее поместили в первое отделение – женское отделение строгого режима. Тем временем Билли переключился с Дэвида на Денни. Он разволновался, увидев Маршу одну, и выбежал из здания, чтобы найти отсутствующую Лори. Гиллот, тяжело дыша, побежала за ним. К тому времени, как она догнала его, охранник Гленн уже привел Лори. Он рассказал Гиллот, что девушку рвало, она лежала на траве лицом в рвоте.

– Она могла подавиться, – сказал он.

Гиллот видела, что Денни беспокоился о девушках. Она слышала, как в коридоре люди шептали слово «изнасиловали», но чувствовала, что никто из молодых людей не был достаточно долго на улице, чтобы что-то сделать с Лори или с Маршей. Она просто не верила этому. Когда в одиннадцать часов вечера она ушла, казалось, все успокоилось: обе женщины

находились в первом отделении, Миллиган и Холстон спали в своих комнатах.

Когда Пэт Перри пришла утром на работу, слух уже разнесся по отделению и по всей клинике. Двух девушек нашли на холме, пьяных и без сознания. Одежда на Лори была разорвана. Кто-то сказал, что она жаловалась, будто ее изнасиловали.

В это же время Билли и Гас Холстон были на прогулке, и подозрение пало на них. Но почти все в отделении интенсивной терапии считали, что никакого изнасилования не было.

Вызвали полицию – для расследования прибыл наряд дорожных патрульных. Полицейские потребовали временно закрыть отделение, чтобы все мужчины были на месте для опроса. Доктор Кол поговорил с некоторыми из персонала. Билли и Холстон еще не проснулись. Вставал вопрос: кто скажет Билли об обвинениях против него и Холстона? Пэт Перри видела, что сам доктор не хочет этого делать. Все остальные тоже отказались. Перри не дежурила в тот день прошлой весной, когда Рейджен взорвался, угрожая санитарам осколком разбитого стакана, но другие помнили и боялись, что может случиться то же самое, когда Билли услышит новости.

Прежде чем говорить с каждым из них, доктор Кол запер дверь отделения. Холстон проснулся первый, и доктор Кол сказал ему, в чем его обвиняют. Потом он пошел к Билли и сказал ему то же самое.

Оба парня сначала удивились и даже обиделись, услышав такие обвинения, но время шло, и возбуждение их росло. Они стали испытывать страх, что их отправят в Лиму, что за ними придут из ФБР, что их опять посадят в Ливанскую тюрьму.

Весь день их старались успокоить. Персонал был рассержен этими нелепыми обвинениями. Ванда Пенкейк и Пэт Перри уверяли Холстона и Билли, что никто их не увезет. Но обе знали, что все это они говорят не Билли. Это был кто-то другой. Ванда была уверена, что это Стив.

В тот же день Пэт Перри дала Билли большую дозу амитала, стараясь держать его под контролем. В час дня он уснул. Казалось, все хорошо. Но в два часа дня оба парня опять заволновались. Билли переключался со Стива на Дэвида, который все время плакал. Потом он опять становился грубым и вместе с Холстоном мерил комнату шагами, раздражаясь, если кто-то подходил к ним. Каждый раз, когда звонил телефон, Билли вскакивал и говорил:

– Они идут за мной.

Билли и Холстон прошли к задней закрытой двери – пожарному выходу. Загородились столами и стульями, потом сняли с себя ремни и обмотали ими кисти.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь к нам подходил, – сказал Стив. – Иначе мы выломаем заднюю дверь.

Он взял стул в левую руку, держа его, как укротитель львов. Персонал понял, что ситуация выходит из-под контроля, поэтому была вызвана команда экстренной помощи. Пэт Перри услышала это по громкой связи. Она ожидала, что через некоторое время увидит восемь–десять охранников и санитаров из других отделений, которые придут на помощь.

– Бог ты мой! – воскликнула она, когда распахнулась дверь.

Там стояла целая толпа: охранники, санитары, сиделки, старшие врачи, люди из отделения психологии, которым здесь вообще нечего было делать, и из гериатрического отделения, которые никогда бы не пришли по кодовому сигналу, – всего около тридцати человек. Как будто все они только и ждали сигнала. Пэт подумала: «Словно зверя отлавливают».

Пэт и Ванда стояли рядом с Билли и Холстоном, которые не пытались причинить им вред. Но когда приблизилась толпа мужчин, парни стали размахивать стульями и угрожающе показывать кулаки, обмотанные ремнями.

– Не поеду в Лиму! – кричал Стив. – Ну надо же, все шло нормально, так нет, опять меня обвиняют в том, чего я не делал! Теперь мне никогда отсюда не выбраться. Никакой надежды.

– Билли, послушай меня, – сказал Кол. – Так нельзя. Успокойся, пожалуйста.

– Если только вы сунетесь, вышибем дверь, возьмем машину и уедем!

– Ты не прав, Билли. Такое поведение тебе не поможет. Тебя обвинили в этом деле, и все может плохо кончиться. Но так себя вести нельзя. Мы это так не оставим.

Билли отказался его слушать. Тогда его попытался уговорить старший психолог Дэйв Малависта:

– Послушай, Билли. Мы когда-нибудь допускали, чтобы с тобой что-то случилось? Мы так много времени потратили на то, чтобы изучить твой случай, так неужели ты думаешь, что мы позволим забрать тебя? Мы хотим помочь тебе, а не сделать хуже. Персонал не верит всей этой чепухе. У нас зарегистрировано время вашего отсутствия и время отсутствия девушек. Расследование закончится в твою пользу.

Билли опустил стул на пол и вышел из угла. Он успокоился, и люди ушли из отделения. Но вскоре Билли опять начал плакать. А Холстон

продолжал демонстрировать враждебность. Он неистовствовал, кричал, что его увезут, чем еще больше расстраивал Билли.

– Для нас все потеряно, – сказал Холстон. – Меня и раньше обвиняли несправедливо. Вот подожди, они еще подберутся к нам исподтишка. Увезут отсюда, и глазом моргнуть не успеешь.

Персонал никогда так не нервничал. Все чувствовали: что-то должно случиться.

В три часа пополудни заступила новая смена, вместо молодых сестер пришли постарше – Эйлин МакКлеллан и Кэтрин Гиллот. Миссис Гиллот удивилась, услышав о расследовании по поводу изнасилования. Предупрежденная утренней сменой, она старалась успокоить обоих парней. Но время шло, и они опять занервничали, снова начался разговор о допросе и тюрьме, угрозы порвать телефонные провода, если кто-нибудь захочет позвать охрану, и выломать дверь на пожарную лестницу, если кто-нибудь придет за ними.

– Не хочу, чтобы все так кончилось, – сказал Билли. – Лучше умереть.

Гиллот сидела, разговаривая с Билли. Он попросил ее дать ему амитал. Она согласилась. Он отправился на пост за лекарством, а Гиллот отвлеклась на другого пациента.

Вдруг она услышала, как распахнулась задняя дверь, и увидела, как Гас Холстон и Билли Миллиган убегают по пожарной лестнице. Дежурная медсестра второй раз за день дала кодовый сигнал.

Вскоре какая-то медсестра позвонила и попросила Кэтрин Гиллот спуститься на третий этаж. Билли у них, и он просит позвать ее. Когда Гиллот пришла на третий этаж, она увидела, что четверо мужчин прижали Билли к полу перед лифтом.

– Кэтрин, – сказал он, – помогите мне. Не позволяйте им сделать со мной что-нибудь. Если они меня свяжут, придет Челмер.

– Нет, Денни. Челмер не придет сюда. Ты можешь сам пойти в свою комнату. Ты убежал из клиники. Ты сбежал, понимаешь? Поэтому тебя поймали и держат.

Он заплакал:

– Попросите их, чтобы они меня отпустили.

– Можете его отпустить, – сказала она мужчинам.

Охранники не спешили его отпускать, не зная, чего ожидать.

– Все нормально, – сказала Гиллот. – Он пойдет со мной. Да, Денни?

– Да.

Кэтрин отвела Билли в изолятор пятого отделения. Нужно было

забрать у него личные вещи, но Билли не хотел отдавать ей шейное украшение с наконечником стрелы на нем.

– Вынь все из карманов. Дай мне твой кошелек, я его уберу.

В кошельке было довольно много денег.

Санитару отделения не терпелось поскорее запереть Миллигана, и он крикнул:

– Выходи, Кэтрин, а то запру тебя вместе с ним!

Она поняла, что все очень боятся парня.

Вскоре после того как Кэтрин вернулась в свое отделение, позвонила медсестра и сказала, что в изоляторе с Миллиганом что-то происходит. Он закрыл матрасом смотровое окно, чтобы в него не заглядывали, и персонал боится открыть дверь, чтобы посмотреть, что он делает. Не спустится ли она опять?

Кэтрин взяла с собой санитару, которого Билли знал, и крикнула через дверь изолятора:

– Это Кэтрин. Мне нужно войти к тебе. Не бойся.

Они вошли. Билли издавал булькающие, захлебывающиеся звуки. Наконечник стрелы был сорван с украшения и исчез. Разорванная цепочка валялась на полу.

Доктор Сэмми Михаэле приказал перевести Билли в комнату с кроватью, но когда в изолятор вошли люди, он им не дался. Потребовалось несколько человек, чтобы перевести его.

Миссис Гиллот осталась с ним в новой комнате. Она дала Билли выпить несколько чашек воды, и через несколько минут он выплюнул наконечник стрелы. Сестра сделала ему укол, Гиллот поговорила с ним еще некоторое время, заверив его, что придет опять, когда он немного отдохнет. Она ушла к себе в отделение, думая о Билли. Парень явно был перепуган.

На следующее утро, когда Ванда, Пэт Перри и Майк Руп заступили на дежурство, они узнали, что Билли и Холстон переведены в пятое отделение. Руп хотел навестить Билли, но из пятого отделения поступило сообщение, что Миллиган теперь их пациент и посещения сотрудников отделения интенсивной терапии запрещены.

Когда позвонила сестра Билли, Кэти, ей сказали, что случилась неприятность и Билли перевели в мужское отделение строгого режима. Билли не отпустят на ее свадьбу, которая намечена на завтра.

Эта история стала известна газетам. 3 октября 1979 года в «Коламбус ситизен джорнал» появилась статья:

«ПОЛИЦИЯ ВЫЯСНИЛА, ЧТО МИЛЛИГАН ФИНАНСИРОВАЛ ВЕЧЕРИНКУ

Мнение Стинциано

По мнению члена Законодательного собрания штата, Уильям С. Миллиган, так называемый насильник с множеством личностей, был одним из четырех пациентов, принимавших участие на прошлой неделе в распитии спиртных напитков на территории Афинского центра психического здоровья.

Как заявил конгрессмен-демократ от округа Коламбус Майк Стинциано, полицейское расследование показало, что это Миллиган дал двум пациенткам деньги, чтобы те купили ликер. Затем женщины, Миллиган и еще один пациент устроили вечеринку...

Как сказал конгрессмен, данная история означает, что “в Центре ослаблен контроль над дисциплиной”.

“Как я понимаю, в отчете полиции не будет доказательств того, что женщины были изнасилованы, – сказал в среду Стинциано. – Но там будет сказано, что Миллиган дал женщинам деньги, чтобы те купили ликер. Они ушли с территории клиники, купили спиртное и вернулись с ним...”

В пятницу лейтенант Ричард Уилкоккс, начальник следственного отдела, сказал, что тесты на предмет изнасилования или интоксикации еще не завершены и не будут опубликованы до конца расследования.

Стинциано заявил, что источники, сообщившие ему о вечеринке, вполне надежны».

В тот же день писателю разрешили посетить пятое отделение. Миллиган не узнавал его, пока писатель не подсказал ему.

– Ах да, – сказал он с отсутствующим выражением лица, – вы тот парень, с которым говорил Билли.

– Кто ты? – спросил писатель.

– Не знаю, – пожал плечами Миллиган.

– Как тебя зовут?

– Похоже, у меня нет имени.

Они поговорили немного, хотя Миллиган не понимал, что с ним случилось. Были долгие периоды молчания, пока писатель ждал появления одной из известных ему личностей, чтобы получить нужную информацию. Через некоторое время «безымянный» сказал:

– Ему больше не разрешат рисовать. Остались две картины, и кто-нибудь их уничтожит, если они останутся здесь. Заберите их, если они нужны для вашей книги.

Миллиган вышел из комнаты и вернулся с двумя холстами. Одна картина, без подписи, осталась не закончена. Это была мрачная картина ночи: черные деревья на фоне синего неба, черный сарай и извилистая дорога. На другом холсте – яркий красочный пейзаж, подписанный: «Томми».

– Так ты Томми? – спросил писатель.

– Я не знаю, кто я.

3

На следующее утро Алан Голдсберри получил повестку явиться в Окружной суд по гражданским искам в Афинах, к судье Роджеру Дж. Джоунсу.

Помощник генерального прокурора Дэвид Белинки ходатайствовал от имени штата Огайо перевести Миллигана в Лиму, в клинику для душевнобольных преступников. Гаса Холстона должны были вернуть в Ливанскую тюрьму.

Голдсберри обратился к судье Джоунсу с просьбой дать ему время переговорить со своим клиентом.

– Я убежден, что мистер Миллиган имеет право знать о требовании прокурора и согласно параграфу 5122.20 имеет право потребовать немедленного слушания. Поскольку он не был поставлен в известность, я хочу от его имени заявить, что он имеет право присутствовать на слушании. Мне кажется, его собираются лишить этой возможности.

Судья не согласился, и Белинки вызвал в качестве единственного свидетеля Расселла Креминса, начальника охраны в Афинском центре психического здоровья.

– Мистер Креминс, вы знаете о каких-либо оскорблениях действием, нанесенных Миллиганом кому-либо из персонала клиники и имевших место в последнее время?

– Да. У меня есть рапорты от... от одного человека, М. Уилсона, санитары клиники, а также от офицера Клайда Барнхарта, дежурившего в тот вечер. Дата этого инцидента – двадцать шестое сентября тысяча девятьсот семьдесят девятого года. Меня беспокоит надежность содержания мистера Миллигана в изоляторе, где он сейчас находится.

– Как лицо, отвечающее за безопасность, уверены ли вы в том, что сможете задержать мистера Миллигана в случае попытки к бегству?

– Да, охрана сможет задержать его.

– Имеете ли вы точные сведения о том, что случилось в день побега? – спросил Белинки.

– Да, имею. Мистер Миллиган и другой пациент, мистер Гас Холстон, взломали дверь приемного покоя, где они проходили лечение. Стулом был сбит замок с двери на пожарную лестницу, и они побежали вниз. Миллиган и Холстон побежали на стоянку, где у Миллигана была машина, он открыл дверцу и хотел сесть в машину...

По его словам, Миллигану не дали сесть в машину, тогда Миллиган и Холстон побежали к холму. Троицким охранникам удалось поймать Миллигана и вернуть его в пятое отделение.

Выслушав показания Креминса, судья Джоунс удовлетворил ходатайство генеральной прокуратуры отослать Миллигана в Лиму.

4 октября 1979 года, в два часа дня, на Билли надели наручники и, не дав ему времени ни с кем попрощаться, кроме доктора Кола, увезли его за 180 миль, в Лиму, в Государственную клинику для психически ненормальных преступников.

Глава двадцать третья

1

5 октября 1979 года, «Коламбус диспэч»:

«ВЫСОКОЕ НАЧАЛЬСТВО ТОРОПИТСЯ С ПЕРЕВОДОМ МИЛЛИГАНА

Как стало известно из надежного источника, прямое вмешательство Департамента по проблемам психического здоровья ускорило перевод Уильяма С. Миллигана, насильника с множественной личностью, в Государственную клинику строгого режима в Лиме.

Наш источник сообщил, что приказ о переводе вышел после того, как представитель Главного управления по проблемам психического здоровья, Коламбус, штат Огайо, несколько раз звонил в Афинский центр психического здоровья, где Миллиган содержался в течение десяти месяцев.

Источник также добавил, что один звонок был от директора отдела психического здоровья Тимоти Морица... Два члена законодательного собрания штата – демократ Майк Стинциано и Клэр Болл-младшая – неоднократно заявляли, что программа лечения насильника была слишком мягкой.

В четверг и Стинциано, и Болл одобрили решение перевести Миллигана на лечение в Лиму, но Болл добавила: “Я удивляюсь лишь тому, почему его так долго не переводили?”

Стинциано сказал, что он будет продолжать следить за делом Миллигана, чтобы быть уверенным, что Миллигана не выпустят из учреждения строгого режима, пока он не перестанет представлять опасность для общества».

Через день после перевода Миллигана судья по гражданским делам в Ланкастере С. Фаррелл Джексон вынес решение по ходатайству Миллигана о снятии обвинения в ограблении аптечного магазина:

«Суд считает, что бремя доказательства безумия Уильяма С. Миллигана на день 27 марта 1975 года лежит на обвиняемом

Уильяме С. Миллигане... После тщательного анализа всех доказательств суд не может считать, что 27 марта 1975 года Уильям С. Миллиган был безумен и поэтому не мог оценить ситуацию в свою пользу и осмысленно признать себя виновным. Следовательно, решение суда являлось справедливым, и ходатайство Уильяма Стэнли Миллигана об отзыве его признания виновным не может быть удовлетворено».

Голдсберри подал жалобу в апелляционный суд четвертой инстанции на основании того, что судья Джексон неправильно оценил вес показаний – мнения четырех высококвалифицированных психиатров и психолога против единственного мнения доктора Брауна.

Он подал жалобу и в Лиму, штат Огайо, в суд округа Аллен, заявляя, что его клиенту не дали возможность переговорить со своим адвокатом и что он был переведен в учреждение с более строгим режимом без надлежащего судебного процесса.

2

Неделю спустя в окружном суде округа Аллен, где арбитр должен был рассмотреть ходатайство Голдсберри о возвращении Миллигана в Афины, писатель впервые увидел Билли в наручниках. Это был Учитель. Он застенчиво улыбался.

Оказавшись в комнате наедине с Голдсберри и писателем, Учитель рассказал о своем лечении в Лиме за последнюю неделю. Доктор Линднер, директор по медицинской части, поставил диагноз «псевдопсихопатическая шизофрения» и прописал стелазин, психотропное лекарство из группы торазинов, которое только способствовало расщеплению личности.

Они разговаривали, пока судебный пристав не сообщил им, что арбитр готов начать слушание. Голдсберри и Билли попросили разрешить, чтобы писатель сидел за столом с ними, напротив помощника генерального прокурора Дэвида Белинки и свидетеля от штата Огайо, доктора Льюиса Линднера – худощавого, с узкой бородкой и острыми чертами лица, на котором поблескивали очки в металлической оправе. Он смотрел на Миллигана с неприкрытой насмешкой.

После короткого обмена мнениями между защитниками и арбитром последний вынес решение – руководствуясь лишь законом, без заслушивания свидетельских показаний. Поскольку судья Джоунс ранее определил, что подходящим местом госпитализации является клиника в

Лиме, и поскольку к концу ноября Миллигану будет предоставлено право дать свидетельские показания на пересмотре его дела по истечении 90-дневного срока, принимается временное решение: через шесть недель суд решит, является ли Миллиган все еще психически больным и нужно ли содержать его в Лиме.

Учитель обратился к суду:

– Я знаю, что должен ждать, когда смогу возобновить лечение. Мои врачи говорили мне в течение последних двух лет: «Ты должен хотеть помощи от людей, которые могут помочь тебе. Ты должен полностью доверять своему врачу, своему психиатру, своей лечащей бригаде». Я лишь хочу ускорить суд, чтобы возобновить лечение.

– Мистер Миллиган, – сказал арбитр, – позвольте мне ответить вам. Я полагаю, вы ошибаетесь, утверждая, что не можете получить надлежащее лечение в клинике Лимы.

– Послушайте, – сказал Билли, глядя в упор на доктора Линднера, – пациент должен хотеть лечиться, хотеть получить помощь от человека, прежде чем он ее получит. Пациент должен доверять этому человеку. Я не знаю этих врачей. Я не доверяю им, исходя из того, что они мне уже сказали. Мои врачи утверждают, что не верят в мою болезнь, и я боюсь возвращаться туда и ждать суда там, где меня не собираются лечить. Да, меня будут лечить, но от другой психической болезни. Мои врачи ясно дали мне понять, что не верят в множественную личность.

– Таково мнение медиков, – сказал арбитр, – и сегодня мы не готовы к дискуссии, хотя ваш адвокат может представить вашу точку зрения на повторном слушании. И тогда суд должным образом рассмотрит вопрос и решит, является ли Лима подходящим местом.

После слушания писатель и Голдсберри посетили Билли в Лиме. Они прошли через металлоискатель, у них обыскали портфели, затем они миновали две зарешеченные двери и в сопровождении санитара пришли в комнату для свиданий. Вскоре охранник привел Билли.

Это все еще был Учитель. За время двухчасового визита он рассказал писателю о событиях в Афинах, приведших к расследованию по поводу предполагаемого изнасилования, и описал свой перевод в Лиму.

– Однажды вечером обе девушки сидели в холле и говорили о том, что у них нет ни работы, ни денег. Мне стало жаль их – наверное, по глупости. Я предложил им передать в город пачку наклеек на бампер и пообещал заплатить за работу. Половину наклеек они передали, и я заплатил. Через четыре дня девушки куда-то исчезли. Они хотели выпить, пошли в

магазин и купили бутылку рома. Мне можно было выходить на улицу только с сопровождающим – членом персонала или пациентом, который мог уйти под расписку, если он был согласен пойти со мной. Мы с Гасом Холстоном пошли на улицу. Кэтрин отметила время ухода. Она сказала, чтобы мы гуляли не более девяти-десяти минут. Мы вышли и обошли вокруг здания. На улице я почувствовал себя неуютно, поскольку в то время «распался».

– Кто появился? – спросил писатель.

– Денни. Холстон, кажется, испугался и не знал, что со мной делать. Он не знал, в чем моя проблема. Прохаживаясь вокруг здания, мы слышали, как девушки зовут Гаса и меня – они называли меня Билли. Когда девушки подошли к нам, они были очень-очень пьяные. У одной в руке была, кажется, бутылка пепси. Она была светлее, чем обычно, наверное пустая. От них пахло спиртным.

Учитель рассказал, как одна из девушек, понимая, что это Денни, а не Билли, прижалась к Гасу и сказала:

– Отведи это недоразумение обратно и приходи к нам.

Гас сказал, что не может прийти к ним, но прежде, чем он и Денни отошли от них, одну из девушек вырвало прямо на рубашку Гаса, и немного даже попало на брючину Денни. Тот отпрыгнул, чувствуя отвращение, и закрыл лицо руками. Гас закричал на девушек. Он и Денни повернулись и пошли в здание. Девушки сначала пошли следом, хихикая и ругая их, потом направились в сторону кладбища.

– Вот и все, что было, – сказал Учитель.

Он не может ничего сказать о Холстоне, но сам он ни разу не тронул ни одну из девушек.

По его словам, восемь дней, проведенных в Лиме, были адом.

– Я запишу, что случилось здесь со мной, и перешлю вам записи.

Когда посещение закончилось, Учитель прошел через металлоискатель с целью проверки на что-либо недозволенное, что могли принести посетители. Он повернулся к писателю и помахал ему рукой:

– Увидимся в конце ноября, на следующем слушании. А за это время я напишу вам.

Писатель попытался увидаться с доктором Линднером и поговорить с ним, но тот ответил по телефону довольно неприязненным тоном:

– Известность не пойдет на пользу его лечению.

– Мы не ищем известности, – ответил писатель.

– Полагаю, нет смысла обсуждать это, – сказал Линднер и положил

трубку.

Когда писатель попросил разрешения присоединиться к группе, которая будет знакомиться с клиникой в Лиме накануне ноябрьских слушаний, отдел связи с общественностью разрешил ему. Однако за день до экскурсии ему позвонили и сказали, что доктор Линднер и заведующий Хаббард аннулировали разрешение. Отдел охраны уведомлен о том, что писателю вообще запрещен вход на территорию клиники. На вопрос о причинах запрета помощник генерального прокурора Дэвид Белинки сказал, что администрация клиники подозревает писателя в передаче Миллигану наркотиков. Позднее формулировка причины была изменена на следующую: «терапевтическая целесообразность».

3

30 ноября было холодно, землю покрыл первый снег. Окружной суд в Лиме находился в старом здании, и хотя зал № 3 был достаточно большой, чтобы вместить около пятидесяти человек, осталось много свободных мест. Повторное слушание по делу Миллигана было закрытым, в том числе и для прессы, но за дверью поджидали телекамеры.

Учитель, в наручниках, сел между своими адвокатами. Помимо адвокатов суд разрешил присутствовать в качестве наблюдателей только Дороти, Делу Муру и писателю. Присутствовали также Джеймс О'Грейди, помощник прокурора от округа Франклин, Уильям Джен Хэнс, представитель Комиссии по условно-досрочному освобождению, штат Огайо, и Энн Хенкинер, адвокат-наблюдатель от Юго-Западного центра психического здоровья в Коламбусе.

Судья Дэвид Р. Кинуорти, чисто выбритый, приятный молодой человек со строгими чертами лица, напомнил историю многочисленных слушаний дела, начиная с 4 декабря 1978 года, когда Миллигана оправдали по причине безумия, и до сегодняшнего дня, почти год спустя. Кинуорти сказал, что слушание проводится в соответствии со статьями нового кодекса штата Огайо, параграф 5122, раздел 15.

Предложение помощника генерального прокурора Белинки разделить свидетелей было удовлетворено. Ходатайство адвоката Стива Томпсона о возвращении Билли Миллигана в Афины, учитывая процессуальные нарушения, допущенные при его переводе в Лиму, было отклонено.

С предварительными ходатайствами было покончено, и повторное слушание началось.

Первый свидетель от штата был шестидесятипятилетний психиатр Фредерик Милки, небольшого роста, полный, в мешковатых брюках и свободном свитере, с приглаженными волосами. Раскачивающейся походкой он прошел от стола, где он сидел рядом с Белинки (у которого позднее стал работать техническим консультантом), до места свидетеля.

Доктор Милки показал, что дважды видел Миллигана: первый раз – 24 октября 1979 года, когда пациента привезли в Лиму к нему на лечение, и второй раз – 30 октября, при рассмотрении плана лечения. Ему разрешили полчаса понаблюдать Миллигана сегодня утром, перед слушанием, чтобы посмотреть, изменился ли он за прошедший месяц. Ссылаясь на записи в истории болезни, доктор Милки диагностирует у Миллигана расстройство личности, замкнутость, психоневротическую тревожность с депрессивными и диссоциативными явлениями.

Дэвид Белинки, мужчина с мальчишеским лицом и вьющимися волосами, спросил свидетеля:

– Сегодня он именно такой?

– Да, – сказал Милки. – Он психически болен.

– Каковы его симптомы?

– Его поведение неприемлемо, – сказал доктор Милки, в упор глядя на Миллигана. – Он преступник, обвиняемый в изнасиловании и ограблении. Он не в ладах с окружением, это тип человека, которого наказание ничему не учит.

Милки сказал, что он рассматривал возможность множественности личности, но не видел симптомов этого диагноза. В ответ на вопросы Белинки Милки сказал, что наблюдается риск самоубийства и что Миллиган представляет опасность для других.

– Улучшения в состоянии этого пациента не наблюдается, – сказал Милки. – Он заносчив, необщителен. У него ярко выраженное эго. Он не мирится со своим окружением.

Когда Белинки спросил его, как он относится к пациенту, Милки ответил:

– Со скрытым пренебрежением.

Милки сообщил, что он прописал пять миллиграммов стелазина. Негативных эффектов не наблюдалось, но, поскольку и положительного эффекта не было, он прекратил давать это антипсихотическое лекарство. Он сказал суду, что, по его мнению, Миллиган нуждается в максимально строгом режиме и Лима – единственное место для него в Огайо.

В ходе перекрестного допроса, который провел адвокат Стив Томпсон, долговязый молодой коллега Голдсберри, Милки сказал, что отрицает

диагноз множественной личности, так как не наблюдал соответствующих симптомов. Сам он не согласен с определением множественной личности, данным во втором издании «Справочника по диагностике и статистике». Милки сказал:

– Я исключил возможность множественной личности так же, как исключил возможность сифилиса, когда увидел результаты анализа его крови.

– Какие симптомы вы наблюдали? – спросил Томпсон.

– Гнев, панику. Когда что-то идет не так, как хочет Миллиган, им овладевает гнев и он действует под влиянием импульса.

Томпсон нахмурился:

– Вы хотите сказать, что человек психически болен, когда он гневается или подавлен?

– Именно так.

– Разве у всех нас не бывает периодов гнева или депрессии?

Милки огляделся по сторонам и пожал плечами:

– В сущности, все мы психически больны.

Томпсон с удивлением посмотрел на свидетеля и что-то записал себе.

– Скажите, Билли доверяет вам?

– Нет.

– Как вы думаете, будет ли он поправляться быстрее, если будет доверять своему врачу?

– Думаю, да.

– Ваша честь, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

До перерыва Алан Голдсберри представил письменные показания доктора Кола, данные им три дня назад. Голдсберри хотел, чтобы показания внесли в протокол, прежде чем он вызовет других своих свидетелей – доктора Джорджа Хардинга-младшего, доктора Стеллу Кэролин и психолога Дороти Тернер.

В допросе под присягой Стив Томпсон, задавая вопросы доктору Колу о том, как надо лечить пациентов с диагнозом «множественная личность», спросил:

– Можете ли вы сказать, какие именно требования в программе лечения пациента с диагнозом «множественная личность» вы считаете существенными?

Доктор Кол, читая по своим заметкам, включающим письмо, которое он послал Голдсберри 19 ноября, ответил следующее:

«Лечение любого пациента с диагнозом “множественная личность” должно осуществляться только профессионалом в области психического здоровья, преимущественно психиатром, который отвечал бы следующим критериям:

1. Врач должен быть согласен с диагнозом. Лечение не должно проводиться врачом, который “не верит” в это явление.

2. Если психиатр не имеет опыта, но хочет лечить пациента и принимает его состояние, им должен руководить (или хотя бы консультировать его) коллега, имеющий соответствующий опыт и знания.

3. Врач должен иметь возможность применить гипноз в качестве дополнения к лечению, если возникнет такая необходимость.

4. Врач должен быть знаком с современной медицинской литературой по вопросу и должен постоянно пополнять свои знания в данной области.

5. Врач должен обладать большим терпением, терпимостью и упорством. Лечение такого больного требует от врача мобилизации всех сил, потому что это длительный, сложный и трудоемкий процесс.

Вот несколько *основополагающих принципов терапии*, которые должны соблюдаться врачами, лечащими пациентов с диагнозом “множественная личность”:

1. Все личности должны быть идентифицированы и признаны.

2. Психиатр должен знать причину существования таких личностей.

3. Психиатр должен быть готов работать со всеми личностями, пытаясь добиться улучшения.

4. Психиатр должен сосредоточить внимание на любых положительных качествах, какие только могут быть выявлены, и пытаться достичь некоторого компромисса между личностями, особенно теми, которые могут представлять угрозу самому человеку или окружающим его людям.

5. Пациент должен полностью сознавать природу и объем своих проблем и помогать врачу в ходе лечения. Иными словами, пациент должен иметь представление о ходе терапии, а не оставаться пассивным реципиентом лечения.

6. Следует избегать антипсихотических препаратов, поскольку хорошо известно, что они могут вызывать расщепление личности и другие побочные эффекты, пагубные для лечения.

Таковы лишь некоторые принципы, составляющие основу лечения при подобных заболеваниях. Это ни в коем случае не является полным

описанием того, как осуществляется лечение».

Далее в показаниях эти критерии рассматривались более подробно.

Когда в ходе перекрестного допроса Белинки высказал мнение, что Кол считает перечисленные условия лечения множественных личностей оптимальными, Кол резко возразил:

– Нет, сэр, я не сказал, что это оптимальные условия. Я бы даже сказал, что они минимальны. Господин советник, я считаю, что они должны служить отправной точкой для врача, приступающего к лечению множественной личности. В противном случае врач должен оставить пациента в покое и отказаться от лечения.

Когда после перерыва Миллигана привели из клиники, на нем была надета другая рубашка. Писатель заподозрил, что Учитель уже ушел.

Голдсберри и Томпсон вызвали свидетеля доктора Джорджа Хардинга-младшего. После краткого рассказа о своем участии в лечении Миллигана доктор Хардинг сказал, что продолжает считать Афины подходящим местом для его лечения.

– Доктор Хардинг, – спросил его Белинки при перекрестном допросе, – является ли множественная личность редким явлением?

– Да, является.

– Можно ли сказать, что личности – это фактически разные люди?

– Доказательством этого является амнезия, – сказал доктор Хардинг.

– Как вы докажете амнезию? Можно симулировать ее?

– Мы были очень осторожны, – сказал Хардинг. – Мы провели серию исследований. Сначала мы отнеслись к этому скептически, но амнезия пациента была подлинной – он не симулировал.

– Доктор Хардинг, – задал вопрос Голдсберри, – вы пользовались историями болезни и другими записями, когда ставили свой диагноз?

– Да. Мы использовали все, что могли найти.

– Считаете ли вы, что психиатр должен использовать прошлые записи и мнения других практикующих врачей при постановке диагноза?

– Считаю это совершенно необходимым.

Когда Хардингу показали письмо доктора Кола с критериями лечения множественной личности, Хардинг сказал суду, что считает их отлично сформулированными, и согласился, что это – минимальные требования.

Затем была вызвана психолог Дороти Тернер, показавшая, что до суда она виделась с Билли почти ежедневно и с некоторыми его личностями провела тест на коэффициент интеллектуального развития (IQ).

– И каковы результаты? – спросил Голдсберри.

– Двое показали шестьдесят восемь и семьдесят. У одного был средний показатель, еще один имел показатель явно выше других – сто тридцать.

– Возможно ли, – спросил Белинки, – что эта разница в коэффициентах симулирована?

– Абсолютно невозможно, – решительно возразила Тернер.

Доктор Стелла Кэролин показала, что она самостоятельно, независимо от других, поставила тот же самый диагноз, что и доктора Дороти Тернер, Корнелия Уилбур и Джордж Хардинг. Кэролин видела Миллигана в апреле, июне и июле этого года и поняла, что он все еще «расщеплен».

– А что, если существуют другие проблемы? – спросил Белинки.

– Сначала следует лечить множественную личность, – ответила Кэролин. – У него могут быть и другие психические проблемы – разные личности могут иметь разные болезни, – но общая проблема должна стоять на первом месте.

– Вы считаете, что в Афинах он получал правильное лечение?

– Да, я так считаю.

Голдсберри показал ей письмо Кола. Она кивнула и согласилась, что это минимальные основные требования. После того как свидетели Хардинг, Кэролин и Тернер закончили свои показания, им было разрешено остаться в качестве наблюдателей.

В тот день, в 15.50, Билли Миллигану впервые в жизни разрешили выступить в свою защиту. В наручниках ему трудно было положить левую руку на Библию, а правую поднять. Он склонился над Библией и улыбнулся, пытаясь сделать, как нужно. Дав присягу говорить правду и ничего, кроме правды, он занял свое место и посмотрел на судью.

– Мистер Миллиган, – сказал судья Кинуорти, – я предупреждаю вас, что, хотя вы имеете право участвовать в этих слушаниях, вас не могут заставить давать показания. Вы можете хранить молчание.

Билли кивнул. Алан Голдсберри стал задавать вопросы спокойно, четко.

– Билли, вы помните, что говорили в этом зале суда двенадцатого октября?

– Да, помню.

– Я хочу спросить вас о лечении, которое вы получаете в клинике в Лиме. Вы получаете гипнотерапию?

– Нет.

– Групповую терапию?

– Нет.

– Лечение музыкой?

Билли посмотрел на судью.

– Нас по несколько человек приводили в комнату, где стояло пианино, и велели сидеть там. Психиатра не было. Мы просто сидели там целыми часами.

– Вы доверяете доктору Милки? – спросил Голдсберри.

– Нет. Он приказал давать мне стелазин. Мне стало хуже.

– Вы можете описать ваше лечение?

– Когда меня привезли туда, я был помещен в отделение номер двадцать два. Психолог был очень груб со мной. И я уснул.

– Билли, когда вы впервые узнали, что вы – множественная личность?

– В клинике Хардинга. Я вроде поверил этому, но окончательно удостоверился, когда увидел видеозаписи в Афинском центре психического здоровья.

– Как вы думаете, почему это случилось?

– Наверно, из-за того, что делал со мной мой отчим. Я не хотел больше быть самим собой. Я не хотел быть Билли Миллиганом.

– Вы можете привести нам пример, что случается с вами, когда вы – множественная личность?

– Примерно так: однажды я стоял в своей квартире перед зеркалом и брился. У меня тогда были проблемы. Я только что переехал в Коламбус, и у меня было плохое настроение, потому что я уехал, поругавшись с домашними. Я стоял, брился, и вдруг – словно выключили свет. Я почувствовал покой. Когда я открыл глаза, то был уже в самолете. И испугался: я ведь не знал, куда лечу, пока мы не приземлились и я не очутился в Сан-Диего.

В зале суда было тихо. Судья слушал внимательно. Женщина у пишущей машинки смотрела на Билли Миллигана приоткрыв рот, с широко раскрытыми от удивления глазами. Дэвид Белинки поднялся, чтобы задать вопросы свидетелю.

– Билли, почему вы доверяете доктору Колу и не доверяете врачам в Лиме?

– Я почему-то поверил доктору Колу с первого дня, как увидел его. Полицейский, который год назад привез меня туда из Коламбуса, надел на меня очень тесные наручники. – Он поднял руки, чтобы показать, что сейчас наручники на нем свободные. – Доктор Кол стал ругать полицейского и заставил его снять с меня наручники. И я сразу понял, что

он на моей стороне.

– Не лучше ли для вас будет согласиться на лечение в Лиме? – спросил Белинки.

– Не могу же я сам себя лечить, – возразил Билли. – Отделение А похоже на место, где купают овец: вошел – вышел. В Афинах у меня были регрессии, но я должен был научиться преодолевать их. Там знали, как это делать – не наказанием, а лечением, терапией.

В своем заключительном выступлении Белинки убеждал суд, что в обязанности штата входило лишь доказать, что ответчик психически болен и подлежит госпитализации. Сам диагноз он доказывать не обязан. Единственные показания на текущий момент, сказал он, даны доктором Колом и доктором Милки. Доктор Кол категорически заявил, что Билли Миллиган все еще психически болен. Доктор Милки сказал, что клиника в Лиме – учреждение с наименее строгим режимом, в котором следует лечить этого пациента.

– Я настоятельно прошу суд, – сказал Белинки, – оставить его в Лиме.

Стив Томпсон в своем выступлении подчеркнул, что внушительный кворум психиатрических талантов представил суду состояние клиента и что все согласились с диагнозом «множественная личность».

– Теперь, когда это выяснено, вопрос – как мы будем его лечить? – сказал Томпсон. – Принимая во внимание психический статус Билли Миллигана, эксперты согласны, что его следует поместить в Афины как в наиболее приемлемое место для лечения. Все свидетели-специалисты согласны с тем, что лечение будет длительным. 4 октября он был переведен в Лиму и осмотрен врачом, который заявляет, что не знаком с предыдущей историей болезни и предыдущим лечением. И он делает вывод, что Билли Миллиган представляет угрозу себе и другим. И как же он пришел к выводу, что Миллиган представляет угрозу? На основании предыдущих признаний его виновным, Ваша честь. На основании устаревших показаний, представленных на этом слушании. Доктор Милки говорит, что Миллиган необщителен. По мнению доктора Милки, состояние Билли Миллигана не улучшилось. Ваша честь, ясно, что доктор Милки не специалист по лечению множественной личности. Позиция ответчика такова: солидные специалисты на стороне Билли Миллигана.

Судья Кинуорти объявил, что он тщательно рассмотрит дело и объявит о своем решении не позже чем через десять дней. До тех пор Миллиган останется в Лиме.

10 декабря 1979 года суд принял следующее решение:

«1. Ответчик является психически больным, что проявляется в существенном нарушении мышления, настроения, восприятия, ориентации и памяти, а это, в свою очередь, значительно ухудшает его суждения, поведение и восприятие реальности.

2. Психическая болезнь ответчика – состояние, диагностируемое как “множественная личность”.

3. Ответчик – психически больной человек, подлежащий госпитализации согласно решению суда, поскольку, по причине своей болезни, он представляет серьезную опасность для себя, как следует из угроз самоубийства, и опасность для других, как следует из его недавнего буйного поведения. Ответчик нуждается в лечении в психиатрической клинике, о чем свидетельствует его поведение, представляющее серьезную и неизбежную угрозу себе и другим.

4. Ввиду своей психической болезни ответчик представляет опасность для себя и для других и поэтому нуждается в госпитализации в учреждении с максимально строгим режимом.

5. Ввиду того что ответчик диагностирован как множественная личность, его лечение должно соответствовать его диагнозу.

В связи с вышеизложенным суд постановляет поместить ответчика в Государственную клинику в Лиме, штат Огайо, для лечения, соответствующего диагнозу упомянутого ответчика как множественной личности. Заверенные печатью копии данного постановления передать в Государственную клинику в Лиме, штат Огайо.

Дэвид Р. Кинуорти, судья.

Окружной суд по гражданским делам, округ Аллен.
Отделение по делам наследства»

18 декабря Билли позвонил писателю из мужского изолятора клиники. Он был жестоко избит санитаром. Адвокат из Лимы, назначенный опекуном-представителем в судебном деле на слушании, сфотографировал рубцы от электрического шнура на его спине. Под глазами и на лице были синяки, два ребра оказались сломаны.

Администрация клиники объяснила прессе, что после «ссоры с санитаром» у Миллигана не было других повреждений, кроме тех, которые он, очевидно, нанес сам себе.

На следующий день после визита адвоката Стива Томпсона администрация клиники заявила прямо противоположное, подтвердив, что Миллиган «позже был сильно избит». С целью возможного обращения в Большое жюри для расследования вызвали специалистов из полиции и ФБР.

Томпсон был в ярости, получив известие от Билли и от адвоката из Лимы. Он сделал заявление, которое прозвучало по радио. «В конце концов, любой заключенный имеет право на защиту своих гражданских прав, – сказал он радиокорментатору. – И согласно статутному праву штата Огайо, пациенты имеют права, гарантированные последними дополнениями к биллю о психическом здоровье граждан, – гражданские права пациентов. По условиям законодательных актов Соединенных Штатов имеются также билли о защите федеральных гражданских прав. В конечном счете пациент может подать в суд по поводу защиты своих прав. В настоящий момент рано говорить о том, что еще может произойти».

В «Третьем рассмотрении ежемесячного плана лечения» от 2 января 1980 года клиника в Лиме определила следующее:

«План лечения эффективен и соответствует состоянию пациента.

Диагнозы пациента:

1. Псевдопсихопатическая шизофрения (СДС-П, 295.5) с диссоциативными проявлениями.
2. Необщительная личность, враждебный подтип (СДС-П, 301.7).
3. Алкогольная зависимость (СДС-П, 303.2), из прошлого.
4. Наркотическая зависимость, стимулянты (304.6), из прошлого.

Пациент был переведен в отделение интенсивной терапии две недели назад из-за его буйного поведения... Можно предположить, что на пациента неблагоприятно подействовала известность, которую он получил благодаря прессе, вследствие чего он стал вести себя как “звезда”... Мистер Миллиган демонстрирует явные признаки истинного психопата, вследствие чего с ним общаться так же трудно, как с любым другим психопатическим пациентом... К тому же пациент проявляет

многочисленные признаки истерической личности. Хотя подобное нарушение обычно наблюдается у женщин, есть много случаев истерических личностей мужского пола. Такое состояние не следует исключать.

Льюис А. Линднер, доктор медицины, штатный психиатр.
4.01.80

Дж. Уильям Макинтош, доктор философии, психолог.
4.01.80

Джон Доран, магистр гуманитарных наук, помощник психолога. 7.01.80»

Возмущенные тем, что администрация клиники в Лиме не выполняет предписание судьи Кинуорти относиться к Миллигану как к множественной личности, Алан Голдсберри и Стив Томпсон подали в суд ходатайство по поводу оскорбления суда со стороны администрации клиники и Департамента по проблемам психического здоровья, штат Огайо. Они настоятельно требовали, чтобы директор департамента распорядился перевести Билли Миллигана в клинику с менее строгим режимом.

5

Запертый в Государственной клинике для психически больных преступников в Лиме, «распавшийся» Билли Миллиган выкупил карандаш у одного из санитаров и начал писать первое из серии писем писателю:

"Внезапно санитар, появившийся на пороге, грозно рявкнул пациентам отделения 22: «Эй вы, дерьмо проклятое, выходите из зала! Живо!» Помолчав, чтобы набрать воздуха и приладить во рту толстый окурочок, он пробурчал: «Когда окна вымоют, позовем вас, кретины, а до тех пор – марш по комнатам!»

Под его ледяным взглядом несколько человек встали со своих стульев и, как зомби, потянулись из зала, потом послышался лязг закрываемых больших железных дверей. Люди без всякого выражения на лице и с полотенцами на груди, подвешенными в виде слюнявчиков, шли очень медленно, но дородные санитары подгоняли их щелчками широких кожаных ремней, лишая последнего человеческого достоинства. Торазин, проликсион, халдол и любое другое существующее психотропное лекарство

помогают поддерживать самое строгое послушание, поэтому нас кормят ими, как леденцами. Никакой человечности. Да, я же забыл. Мы здесь не люди. Лязг!

Казалось, каждый мой мускул затвердел и застыл, когда я вошел в тесную комнатку и закрыл за собой дверь. Лязг! Сидеть на кровати надоедает, поэтому я удобно устроился на пластиковом матрасе. Заняться абсолютно нечем. На противоположной стенке облетела краска. И я решил использовать свое воображение. Я вызывал в воображении разные силуэты, чтобы развлечься, и пытался опознать их. Сегодня, например, только лица – старые, безобразные, дьявольские лица – смотрели на меня с облезлой стены старого здания. Было страшно, но я смотрел. Стена смеялась надо мной. Я ненавижу эту стену. Будь проклята эта стена! Она все ближе и ближе подступает ко мне и все громче смеется. Стекавший со лба пот щипал глаза, но я упорно не закрывал их. Стена громко смеется. Я должен сторожить ее, иначе она надвинется, вторгнется в меня и раздавит. Я застыну и буду сторожить эту проклятую хохочущую стену. Четыреста десять человек, объявленных психически больными, бродят, как тени, по бесконечным залам этой дьявольской богадельни. Меня бесит тот факт, что государство имеет наглость называть это место клиникой. Государственная клиника Лимы. Лязг!

В отделении 22 наступила тишина. Слышно лишь звяканье и скрип разбитого окна. Кто-то разбил маленькое окошко в дневном зале, где мы обычно сидим вдоль стены на массивных деревянных стульях. Сидишь, можешь курить. Не разговариваешь, обе ступни обязательно прижаты к полу, иначе будет плохо. Кто разбил окно? Теперь санитары будут зверствовать, потому что прервали их игру в карты и одному из них надо находиться в дневном зале, если нас выпустят из наших ящиков.

...Я ничего не слышу, находясь в ступоре, похожем на транс. Тело онемевшее и пустое. Проклятая хохочущая стена перестала смеяться. Это просто стена, и на стене просто облетает краска. У меня холодные, липкие руки. Удары сердца эхом отдаются в пустом теле. Тревожное ожидание душит меня, я жду, когда выйду из моего ящика. Но я остаюсь, застыв на кровати и глядя на молчащую, неподвижную стену. Я – ничто,

зомби в пустом ящике, в аду небытия. Слюна, стекающая по сухим, запекшимся губам, – верный знак, что психотропное лекарство борется за контроль над моим мозгом, душой и телом. Должен ли я сопротивляться? Объявить его победителем? Поддаться, чтобы избежать трагической реальности, лежащей за моей стальной дверью? Стоит ли жизнь того, чтобы жить в этой общественной помойке, предназначенной для тех, кто не играет по их правилам? Чего я могу достичь или какой вклад могу внести в человечество, находясь в этом ящике из бетона и стали, с проклятой хохочущей стеной, которая еще и движется? Сдаться? В голове все интенсивнее роятся вопросы, словно пластинку в 33 оборота поставили на 78.

Вдруг словно страшный электрический шок прошел по моему телу, плечи откинулись назад, я сел прямо. Реальность, как сильная пощечина, прервала мой транс. Хрустнули замерзшие суставы. Что-то ползло вверх по позвоночнику. Игра воображения? Собрав остатки своего рассудка, я понял, что это не воображение. Что-то ползло по позвоночнику. Я быстро скинул рубашку через голову, хотя на ней были пуговицы. Слепой страх беспощаден к материальным ценностям. Три пуговицы отлетели. Я бросил рубашку на пол. Ощущение исчезло. Посмотрев осторожно на рубашку, я увидел нарушителя. Черный таракан длиной сантиметра три отбивал чечетку на моей поясице. Огромное насекомое было безобидно, но отвратительно. Я вернулся в реальность, но все еще продолжал думать о своем внутреннем споре – таракан решил его, и я отпустил отвратительное существо. Втайне я гордился победой своего рассудка, своими действиями. Я не псих. Во мне еще есть желание бороться. Я не потерпел поражение, но и не победил. Я разбил окно и даже не знал почему".

Писатель получил письмо от другого пациента клиники, датированное 30 января:

*"Уважаемый сэр,
позвольте сказать вам главное. В течение 24 часов после посещения адвоката Билли перевели из пятого от деления в девятое, с более строгим режимом.*

Решение о переводе было принято на собрании дневной

смены персонала. Это явилось сюрпризом и шоком для Билли, но он выдержал...

Единственное время, когда мы с Билли можем теперь поговорить, это во время коллективного отдыха. Тогда я и узнал, что на него надавили на полную катушку. Он сказал, что, пока он не откажется от своих адвокатов, ему запретили посещения, переписку, звонки. Ему приказали прекратить работу над книгой, его изводят санитары. (Меня тоже обвинили в том, что я помогаю Билли с книгой, и я понял, что он и не хотят, чтобы книга вышла).

Мне сказали, что Билли проведет остаток своего срока здесь, в отделении строгого режима..."

12 марта писатель получил письмо на сербскохорватском языке, с почтовым штемпелем Лимы. Почерк незнакомый. Вот перевод письма:

"Суббота, 8 марта 1980 г.

Как ваши дела? Надеюсь, хорошо. Я потерял время. Сейчас нет лечения, потому что Билли спит. Он в порядке. Не беспокойтесь. Я беру все в свои руки. Сделаю для него, что смогу. Можете на меня рассчитывать. Необходимость не знает законов.

Рейджен"

Эпилог

В последующие месяцы я имел связь с Билли только по почте и по телефону. Он продолжал надеяться, что апелляционный суд отменит решение, по которому его отправили в Лиму, и он сможет возвратиться в Афины, чтобы продолжить лечение у доктора Кола.

14 апреля 1980 года, на втором пересмотре дела, судья Кинуорти отклонил обвинения в оскорблении суда, выдвинутые адвокатом Билли против директора клиники Роналда Хаббарда и директора медицинской части Льюиса Линднера, обвиняя их в том, что они не лечат Билли как множественную личность. Судья решил, что Билли останется в Лиме.

Большую часть 1979 года Законодательное собрание Огайо рассматривало изменения, вносимые в существующие законы, касающиеся лиц, признанных невиновными по причине безумия. Прежде чем переводить больного человека в учреждение с менее строгим режимом (как требовал того закон), окружной прокурор будет иметь право потребовать судебного разбирательства в рамках закона, действующего на момент совершения преступления. Пациент будет иметь право на пересмотр дела через каждые 180 дней, вместо 90. Слушание будет происходить публично, в присутствии прессы и телевидения. Вскоре это стали называть «Законом «Коламбус диспэч»» или «Законом Миллигана».

Берни Явич, бывший обвинителем по делу Миллигана, позднее сказал мне, что он участвовал в подкомитете Ассоциации прокуроров штата Огайо, который работал над проектом нового закона. Явич сказал:

– Я думаю, эта группа собралась в ответ на протесты против того, что происходит с Миллиганом...

Новый закон, билль Сената №297, был принят 20 мая 1980 года. Судья Флауэрс сказал мне, что новый закон прошел благодаря делу Билли.

1 июля 1980 года я получил письмо с почтовым штемпелем Лимы. На обороте конверта было напечатано слово «Срочно». Открыв конверт, я увидел письмо от Билли на трех страницах, написанное арабской вязью. Переводчик сказал, что это превосходный арабский язык. Вот отрывки из письма:

"Иногда я не знаю, кто я или что, а бывает, не узнаю окружающих. В голове отдается эхо голосов, но я их не понимаю.

Возникают лица, словно из темноты, но мне страшно, потому что ум мой распался.

...Моя [внутренняя] семья фактически существует отдельно от меня, я с ними не контактирую, и это уже давно... События за последние недели были не особенно хороши: но я за это не отвечаю. Ненавижу все, что происходит вокруг, но мне не остановить это, ничего не изменить..."

Письмо было подписано: «Билли Миллиган». Несколько дней спустя я получил еще одно письмо, объясняющее, кто был автором первого послания:

"Извините за письма, написанные не на английском. Меня смущает то, что я все делаю неправильно. Артур знает, что вы не говорите по-арабски, но все равно посылает вам это глупое письмо.

Артур никогда не старался произвести впечатление, значит, он спутал себя с кем-нибудь и забыл об этом. Артур учил Сэмюэля арабскому, но Сэмюэль не умеет писать на арабском. Артур говорит: хвастаться плохо. Я хотел бы, чтобы он поговорил со мной. Происходит что-то плохое, и я не знаю почему.

Артур говорит и на суахили. В Ливанской тюрьме Артур прочитал много книг об основах арабского языка. Он хотел исследовать пирамиды и египетскую культуру. Ему надо было выучить их язык и узнать, что они написали на стенах. Однажды я спросил Артура, почему его так интересовала эта груда треугольных камней. Он сказал мне, что его не очень интересует то, что внутри гробницы, но это может дать ключ к тому, как эта гробница попала туда. Он что-то сказал о том, что все это противоречит закону физики и он хотел бы получить ответ. Он даже сделал маленькие пирамидки из картона, но Дэвид сломал их.

Билли-Н"

В это время в клинике, по словам Билли, было много агрессии, санитары избивали пациентов, но из всех личностей, кроме Рейджена, лишь Кевин восстал против санитаров. В знак признания Артур вычеркнул

его из списка «нежелательных».

Кевин написал мне 28 марта 1980 года:

"Произошло что-то плохое, но я не знаю что. Полный распад – лишь дело времени, и Билли уснет навсегда. Артур говорит, что в Билли еще остался вкус к сознательной жизни, но, к сожалению, вкус этот горький. Здесь он день за днем все больше слабеет. Не может понять ненависти и ревности начальников этого учреждения. Они подначивали других пациентов бить его и заставляли Рейджена драться, но Билли не мог отозвать Рейджена... уже не мог. Врачи плохо о нас говорят, и ведь они правы, вот что больно...

Мы, я – уроды, недоразумение, ошибка природы. Мы ненавидим это место, но только здесь нам и жить. Нас не очень-то хорошо приняли, верно?

Рейджен все прекратил навсегда. Ему пришлось это сделать. Он сказал, если не говоришь, то никому не причиняешь вреда – ни внутри, ни снаружи. Никто ни в чем не сможет нас обвинить. Рейджен выключил слух. Внимание будет обращено внутрь, и это приведет к полной блокировке.

Отгородившись от реального мира, мы сможем мирно жить в своем собственном мире.

Мы знаем, что мир без боли – это мир без чувств... но ведь мир без чувств – это мир без боли.

Кевин"

В октябре 1980 года Департамент штата по проблемам психического здоровья сообщил, что клиника в Лиме больше не будет считаться государственной клиникой для психически больных преступников и станет тюрьмой, подведомственной Департаменту исправительных учреждений.

В газетах опять появились заголовки, гадающие, куда именно переведут Миллигана. Возможность того, что его могут перевести обратно в Афины или в другое учреждение с минимально строгим режимом, заставила прокурора Джима О'Грейди потребовать, чтобы, согласно новому закону, Билли перевели в Коламбус для пересмотра приговора о его безумии. Судья Флауэрс согласился провести слушание.

Сначала намеченное на 31 октября 1980 года, слушание было отложено по взаимному соглашению на 7 ноября, после дня выборов. Все

согласились, что политики и пресса не должны сделать из этого слушания политическое событие.

Но чиновники Департамента по проблемам психического здоровья использовали перенос дела, чтобы предпринять некоторые шаги. Они информировали прокурора О'Грейди о том, что принято решение послать Миллигана в Центр судебной медицины в Дейтоне, который открылся в апреле. Это новое учреждение с максимально строгим режимом было окружено двойным забором с натянутой поверх него спиралью из острой ленточной проволоки, внутри которой проходила колючая проволока. Система безопасности была самая надежная, более жесткая, чем в большинстве тюрем. Прокуратура отложила это требование до проведения слушания.

19 ноября 1980 года Билли Миллигана привезли в Дейтонский центр судебной медицины. Артур и Рейджен, чувствуя отчаяние Билли-Н и боясь, что он может попытаться убить себя, снова усыпили его.

Когда Миллиган не находился в комнате для свиданий, он читал, писал или делал эскизы. Рисовать красками ему не разрешали. Его посещала Мэри, молодая девушка, пациентка на амбулаторном лечении, с которой он познакомился в первые месяцы пребывания в Афинах. Она переехала в Дейтон, чтобы каждый день приходить к нему. Билли вел себя хорошо. Он сказал мне (автору этой книги), что с нетерпением ждет, когда пройдут 180 дней и состоится слушание. Возможно, судья Флауэрс решит, что ему не требуется максимально строгий режим, и отошлет его в Афины. Он знал, что доктор Кол мог вылечить его, снова сделать его цельным человеком и вернуть Учителя. При спящем Билли-Н, сказал он, дела обстояли так, как все было перед тем, как доктор Корнелия Уилбур разбудила его.

Я видел, что Миллиган распадается. Несколько раз во время моих посещений он говорил мне, что не знает, кто он. При частичном слиянии он стал человеком без имени. Он сообщил, что Рейджен потерял способность говорить по-английски. Личности перестали разговаривать друг с другом. Я предложил вести ежедневные записи, чтобы тот, кто занимал пятно, мог писать сообщения, письма. Некоторое время так и было, но интерес пропал, и записи делались все реже и реже.

3 апреля 1981 года прошел 180-дневный срок, и было проведено слушание. Из четырех психиатров и двух специалистов в области психического здоровья, которые дали показания, только доктор Льюис Линднер из Лимы, который не видел его пять месяцев, показал, что Билли

следует держать в условиях максимально строгого режима.

Прокурор представил суду письмо. В нем Миллиган, очевидно, излагал свою реакцию на известие, что другой пациент в Лиме планирует убить доктора Линднера: «Твоя тактика абсолютно неправильна... Думал ли ты о том, что не многие доктора согласились бы лечить тебя, зная, что могут пострадать, если скажут что-то не то? Но фактически, если Линднер нанес тебе непоправимый ущерб и если ты чувствуешь, что твоя жизнь закончена, потому что ты собираешься провести остаток жизни за решеткой, я благословляю тебя».

Когда вызвали Миллигана для дачи показаний и попросили назвать под присягой свое имя, он сказал: «Томми». Томми объяснил, что письмо написал Аллен, пытаясь отговорить другого пациента от убийства доктора Линднера: «Неправильно убивать людей только потому, что они выступают против тебя на суде. Сегодня доктор Линднер выступил против меня, но я же не убью его за это ».

Билли в Центре судебной медицины в Дейтоне. 20 февраля 1981 г.

Судья Флауэрс отложил свое решение. Газеты разразились статьями против перевода Миллигана в Афины.

В ожидании решения своей судьбы Аллен проводил большую часть времени в Дейтоне, работая над обложкой для этой книги. Он хотел послать редактору несколько набросков на выбор, но однажды утром проснулся и обнаружил, что, пока он спал, вышел кто-то из детей и разрисовал наброски оранжевым мелком. Утром, в последний день срока, Аллен работал без отдыха и вовремя закончил картину.

21 апреля 1981 года районный апелляционный суд четвертой инстанции штата Огайо рассмотрел решение суда, по которому Билли был отправлен в Лиму. Суд решил, что его перевод из учреждения с менее строгим режимом в клинику с максимально строгим режимом – государственную клинику в Лиме – «без уведомления его или его семьи, без разрешения пациенту присутствовать, консультироваться со своим адвокатом, вызывать свидетелей, то есть без предоставления ему права на слушание по всей форме закона является грубым нарушением. Необходимо отозвать приказ о переводе и вернуть пациента в то место, где он находился до незаконного перевода».

Хотя апелляционный суд и квалифицировал перевод как судебную ошибку, было решено, что ошибка не нанесла ущерба, поскольку дело Миллигана заслушивалось также в округе Аллен, где было обнаружено «на основании достаточных и веских улик, что апеллянт, в силу психического заболевания, представляет опасность для себя и для других». Поэтому апелляционный суд не согласен с действиями судьи Джоунса, но и не станет переводить Билли в Афины.

Голдсберри и Томпсон опротестовали это решение в Верховном суде штата Огайо.

20 мая 1981 года, через шесть с половиной недель после последнего слушания, судья Флауэрс сообщил свое решение. Судебная запись дает два объяснения.

Первое: «Суд в своем решении опирается на вещественное доказательство №1 [письмо] и его интерпретацию в показаниях доктора Льюиса Линднера. Суд находит показания убедительными в той части, что в настоящее время Уильям С. Миллиган демонстрирует отсутствие моральных сдерживающих факторов, факт знакомства с криминальной субкультурой и безразличие к человеческой жизни».

Второе: судья решил, что показания доктора Дэвида Кола, данные в письменном виде, где он говорит, что «не хотел бы соглашаться с

наложенными судом ограничениями», делают Афинский центр психического здоровья «недостаточно соответствующим требованиям».

Без ссылок на других психологов и психиатров, которые в своих показаниях утверждали, что Миллиган не опасен, судья Флауэрс вынес решение о длительном лечении в клинике судебной медицины в Дейтоне «как наименее строгой альтернативе, отвечающей целям лечения подзащитного и общественной безопасности». Далее судья Флауэрс обязал Миллигана лечиться в Дейтоне у психолога (которая еще раньше предупредила судью, что у нее нет опыта лечения множественной личности) «за свой [т. е. Миллигана] счет».

Это решение было вынесено через три с половиной года после ареста Билли Миллигана и суда, где судьей был Флауэрс; и через два года и пять месяцев после того, как судья Флауэрс нашел его невиновным по причине безумия.

Алан Голдсберри немедленно послал апелляцию и краткое письменное изложение дела в Десятый апелляционный центр округа Франклин, штат Огайо, оспаривая билль Сената №297 («закон Миллигана») как отказывающий в равной защите со стороны закона и не дающий гарантии справедливого судебного разбирательства, а потому неконституционный. Он доказывал также, что применение билля к Миллигану – это нарушение пункта Конституции штата Огайо, направленного против законов, имеющих обратную силу.

Казалось, Билли не огорчило ни постановление апелляционного суда, ни решение судьи Флауэрса. У меня создалось впечатление, что он устал от всего этого. Мы с Билли все еще часто говорили по телефону, и время от времени я навещал его в Дейтоне. Иногда это был Томми, иногда Аллен или Кевин. А иногда это был человек без имени. В одно из моих посещений, когда я спросил, кто передо мной, он сказал:

– Я не знаю, кто я. Внутри пусто.

Я попросил его рассказать, что он ощущает.

– Когда я не сплю и не на пятне, – сказал он, – это похоже, как будто я лежу лицом вниз на бесконечном стекле и вижу сквозь него. За стеклом, в необозримой глубине, видны словно звезды в космосе, а потом появляется круг, луч света. Словно этот луч исходит из моих глаз, потому что он всегда передо мной. Вокруг луча лежат в гробах некоторые из моей «семьи». Гробы не закрыты, потому что они еще живы – они спят, ожидая чего-то. Есть несколько пустых гробов, потому что не все пришли туда. Дэвид и другие младшие хотят еще пожить, а старшие уже перестали надеяться.

– Как называется это место? – спросил я его.

– Дэвид дал ему имя, – сказал он, – потому что нарисовал его. Он называет его Местом Умирения.

Послесловие

Начиная с первого выхода этой книги я получал письма от читателей со всех концов страны, в которых они спрашивали, что происходило с Билли Миллиганом после того, как судья Флауэрс отклонил его прошение о переводе в Афины.

Если вкратце, произошло следующее.

В своих записках, адресованных мне, Аллен описал Государственную клинику для психически больных преступников в Лиме как «комнату ужасов». Позднее он отозвался о Дейтонском центре судебной медицины как о «сверхчистой тюрьме-питомнике». Заведующий клиникой в Дейтоне Аллен Вогель симпатизировал Миллигану и понимал его потребности, но ему постоянно препятствовали сотрудники отдела безопасности. В частности, когда Вогель разрешил Миллигану рисовать красками и Томми и Аллен заказали необходимый материал, отдел безопасности клиники отменил распоряжение Вогеля на том основании, что льняное масло, используемое в красках, может представлять опасность. И принадлежности для рисования были изъяты из клиники.

В еще более подавленном настроении Аллен настоял на том, чтобы Мэри, его подруга и постоянный посетитель, возвратилась в школу, закончила ее и начала собственную жизнь: «Не могу держать ее в тюрьме вместе со мной».

Через несколько недель после того, как Мэри уехала из Дейтона, в жизни Миллигана появилась другая девушка. Танда, жительница Дейтона, которая регулярно навещала своего брата, заметила Миллигана в комнате для посетителей. Ее брат познакомил их. Вскоре она стала делать для Миллигана некоторые вещи, которые раньше делала Мэри: печатала для него, приносила еду, покупала одежду.

22 июля 1981 года Танда позвонила мне и сказала, что ее беспокоит Билли. Он не менял одежду, не брился, не ел, уходил от всех внешних контактов. Чувствовалось, что он утрачивает интерес к жизни.

Когда я пришел к нему в клинику, Томми сказал, что Артур, потерявший надежду на излечение, решил покончить с собой. Я стал доказывать ему, что должна быть альтернатива самоубийству – перевод из Дейтона. Мне было известно, что доктор Джудит Бокс, психиатр, которая давала показания от его имени на последнем слушании, недавно была назначена директором медицинской части в только что открывшемся в

Коламбусе Региональном отделении судебной медицины.

Сначала Томми отказался даже думать о переводе из одной клиники строгого режима в другую. Это отделение было частью Центральной психиатрической клиники штата Огайо, где Миллиган провел три месяца еще в пятнадцатилетнем возрасте. Томми настаивал, что если невозможно вернуться в Афины к доктору Дэвиду Колу, то лучше умереть. Я обратил внимание Томми на то, что доктор Бокс, которая уже лечила пациентов с диагнозом «множественная личность», лично знала доктора Кола и, более того, проявила интерес к делу Билли, действительно может помочь ему. Наконец Томми согласился на перевод.

Департамент по проблемам психического здоровья, прокурор и судья согласились, что, раз это будет внутренним переводом из одной клиники максимально строгого режима в другую такую же, судебного слушания не требуется. Но колеса бюрократии крутились медленно. Однажды, перед самым переводом, мне позвонил другой пациент, который сказал, что Миллиган, опасаясь, что может кого-нибудь задеть и тем самым поставить под угрозу перевод в Коламбус, заявил о желании побыть в изоляторе. Четверо охранников привели его в изолятор, связали руки и ноги и стали его избивать.

Когда в следующий раз, 27 августа, я увидел Аллена, его левая рука, вся покрытая синяками, распухла, а кисть потеряла подвижность. Левая нога была забинтована. 22 сентября 1981 года он был переведен в Региональное отделение судебной медицины – в коляске.

Вскоре после его перевода Департамент по проблемам психического здоровья предъявил Билли Миллигану иск на пятьдесят тысяч долларов за его принудительную госпитализацию и лечение в Афинах, Лиме и Дейтоне. Адвокаты Билли подали встречный иск на уплату за фрески, которые он нарисовал на стенах клиники в Лиме, и на возмещение ущерба в результате побоев и противозаконных действий. Встречный иск был отклонен. Иск штата до сих пор не рассматривался.

Танда, желая быть ближе к Билли, нашла работу в Коламбусе и переехала туда вместе с его сестрой Кэти. Она сказала, что любит его и хочет часто навещать.

Доктор Бокс приступила к интенсивной терапии, которая раньше успешно применялась при лечении множественных личностей в Афинском центре психического здоровья. Она работала с Дэвидом, Рейдженом, Артуром, Алленом, Кевином и наконец смогла добраться до Учителя. Каждый раз, когда я приходил, Аллен или Томми говорили мне, что я только что пропустил Учителя. Наконец я дал им указание передать

Учителю при его следующем появлении, что я жду его звонка.

Примерно через неделю Учитель позвонил:

– Здравствуйте. Мне передали, что вы хотите поговорить со мной.

С тех пор как мы вместе работали с ним над книгой в Лиме, это был первый раз, когда я говорил с Учителем. Мы долго беседовали, и он смог заполнить многие пробелы, о которых другие ничего не знали.

Однажды Учитель позвонил и сказал:

– Я должен кому-то рассказать. Я влюблен в Танду, и она влюблена в меня. Мы хотим пожениться.

Свадьбу назначили на 15 декабря, чтобы могла присутствовать доктор Бокс, которая собиралась уехать на месяц к себе домой, в Австралию.

Как часть плана лечения, доктор Бокс перевела Миллигана в новое отделение вместе с тремя другими пациентами, предварительный диагноз которых был «множественная личность». Поскольку множественные личности требовали особого лечения и внимания, она чувствовала, что лучше держать их вместе. Доктор Бокс не была готова к критике политиков Коламбуса, последовавшей за две недели до дня выборов.

«Коламбус диспэч» сообщила 17 октября 1981 года, что представитель штата Дон Гилмор, республиканец от Коламбуса, утверждает, будто Билли Миллиган получает привилегированное лечение в клинике Коламбуса, включая «разрешение Миллигану выбирать пациентов, с которыми он будет в отделении». Хотя администрация клиники отрицала, что Миллиган получает привилегированное лечение, Гилмор продолжал обвинять.

19 ноября газета «Коламбус ситизен джорнал» сообщила:

«ГИЛМОР ТРЕБУЕТ НОВОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО МИЛЛИГАНУ

Несмотря на уверения, что Уильям Миллиган не пользуется особыми привилегиями в Центральной психиатрической клинике Огайо, представитель штата попросил провести еще одно расследование по поводу такой возможности... В частности, Гилмора встревожил инцидент, случившийся несколько недель тому назад, когда Миллиган, говорят, заказал сэндвич с копченой колбасой в 2.30 ночи. Потом он потребовал, чтобы такие сэндвичи приготовили для всех в отделении Миллигана...»

Танда в течение нескольких недель пыталась найти священника или судью, который совершил бы церемонию. Наконец один молодой священник-методист, руководитель городской ночлежки, согласился их

поженить. Гэри Уитте надеялся остаться неизвестным, боясь, что известность повредит его работе в приюте. Однако журналист «Коламбус диспэч» узнал и нашел его. «Моя личная философия, – сказал ему молодой священник, – заключается в том, что я всегда на стороне побежденного. Я совершил церемонию, так как никто другой не сделал бы этого».

Бракосочетание состоялось 22 декабря 1981 года. Присутствовали только священник, сотрудник суда по делам наследства, который принес разрешение на брак, и ваш покорный слуга. Доктор Бокс уже уехала в Австралию. Учитель (это был именно он) надел кольцо на палец Танды и поцеловал ее. Поскольку в Огайо не предусмотрены свидания супругов, у них не будет возможности побыть наедине до тех пор, пока Миллигана не переведут в клинику с минимально строгим режимом или в клинику психически больных, осужденных по гражданскому делу.

После бракосочетания Танду ждали десятки репортеров, фотографов, телеоператоров. Она сказала им, что познакомилась с большинством личностей Билли и они приняли ее. И что настанет день, когда они заживут нормальной жизнью.

Вскоре после этого Учитель и Танда стали замечать зловещие перемены. Учителю перестали давать все лекарства. Охранники завели привычку обыскивать его комнату и его самого перед каждым визитом и после визита. Обыскали даже Танду, пришедшую на свидание. Супруги Миллиган сочли это унижительным и поняли, что это намеренное оскорбление.

Когда доктор Бокс возвратилась из Австралии, она узнала, что Департамент по проблемам психического здоровья отказывается возобновить ее контракт.

– Меня просто выжили, – сказала она мне.

17 января 1982 года «Коламбус диспэч» опубликовала очередную статью:

«ПСИХИАТР МИЛЛИГАНА УХОДИТ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Доктор Джудит М. Бокс, психиатр Уильяма С. Миллигана, осужденного [!] насильника с множеством личностей, оставила службу вследствие конфликта с руководителями Центральной клиники судебной медицины штата Огайо.

Конгрессмен-республиканец от штата Огайо Дон У. Гилмор, Коламбус, приветствует ее уход...»

Учитель распался.

Новый психиатр Миллигана, доктор Джон Дейвис, в недавнем прошлом служивший на флоте, был настроен скептически, когда принял Миллигана, но потом заинтересовался его анамнезом. Он добился доверия большинства личностей и смог с ними работать.

12 февраля Кэти обнаружила, что вся одежда и вещи ее невестки отсутствуют, а машина Билли исчезла. Танда оставила для Билли записку, в которой говорилось, что она сняла все его деньги с их общего счета в банке, но что когда-нибудь она отдаст их ему. Кроме того, в записке было сказано, что она сознает, как плохо поступает, уходя тайком и ночью, но что у нее нет сил выдерживать давление со всех сторон.

– Я был влюблен и слишком доверчив, – сказал мне Аллен. – Сначала я почувствовал себя несчастным, и мне было очень грустно. Но потом я сказал себе, что должен пережить это и забыть. Нельзя судить по ней обо всех женщинах, так же как нельзя судить обо всех мужчинах по папе Челу.

Доктор Дейвис был поражен тем, как его пациент воспринял известие. Хотя его личности чувствовали себя униженными и преданными, они отнеслись к этому спокойно.

26 марта 1982 года было проведено судебное слушание под председательством судьи Флауэrsa на предмет определения, опасен ли Миллиган для себя и окружающих или теперь его можно перевести в клинику с минимально строгим режимом, такую как Афинский центр психического здоровья. Показания психиатров и психологов были противоречивыми.

Позиция прокуратуры была ясно высказана в интервью помощника окружного прокурора округа Франклин Томаса Д. Била репортеру «Коламбус ситизен джорнал», которое было опубликовано 14 января: «Я отчасти надеюсь, что имеется [доказательство того, что Миллиган вспыльчив], поэтому у нас прибавляется оснований держать его в учреждении с максимально строгим режимом».

На слушании доктор Майджо Закман, директор медицинской части Центральной психиатрической клиники штата Огайо, заявил, что он и еще два психиатра наблюдали Миллигана в течение двух часов перед слушанием и не заметили никаких личностей. Он сказал, что Миллиган вообще не болен психически, но является необщительной личностью.

Дело приняло неожиданный и угрожающий оборот. Если Департамент по проблемам психического здоровья сможет убедить судью Флауэrsa, что Миллиган психически здоров, его могут выписать из клиники. В этом случае за него немедленно ухватится Комиссия по условно-досрочному

освобождению и отправит в тюрьму как нарушившего условие освобождения.

Но доктор Дейвис засвидетельствовал: «В настоящий момент он находится на первоначальном уровне... Он расщеплен. Я могу назвать личность, сидящую перед вами, и это не Билли». Дейвис объяснил судье Флауэрсу, почему Коламбус не место для Миллигана: учреждения с максимально строгим режимом препятствуют лечению пациентов с диагнозом «множественная личность». Если Миллиган останется в Коламбусе, лечение ни к чему не приведет.

Доктор Гарри Эйзель, медицинский психолог, показал, что он провел тест «Рука» на нескольких агрессивных личностях Миллигана, чтобы определить, могут ли они быть опасными. Тест «Рука» – серия фотографий руки в разных положениях, по которым пациент делает свои заключения, – является методом оценки способности человека к насильственным действиям. Эйзель показал, что ни одна из проверенных им личностей (позднее я узнал, что это были Филип, Кевин и Рейджен) не являлась опасной в более или менее значительной степени.

Хотя социальный работник, свидетель со стороны обвинения, показал, что Миллиган угрожал ему и его семье, при перекрестном допросе он признался, что психически больные пациенты часто угрожают ему, но такие угрозы никогда не осуществляются.

Доктор Кол заявил, что согласен принять Миллигана на лечение и будет соблюдать ограничения, наложенные судом.

8 апреля 1982 года судья Джей Флауэрс обязал Департамент по проблемам психического здоровья перевести Билли Миллигана обратно в Афинский центр психического здоровья. Пациент может рисовать и заниматься резьбой по дереву, но не разрешается отпускать его одного за пределы отделения. Прежде чем разрешить Миллигану покинуть территорию клиники, следует известить суд. «Люди говорят, что он заслуживает, чтобы ему дали еще один шанс, – сказал судья Флауэрс. – Давайте дадим ему этот шанс».

15 апреля 1982 года, в 11 часов утра, после двух с половиной лет пребывания в трех клиниках Огайо с максимально строгим режимом, Билли Миллиган возвратился в Афины.

Я регулярно посещаю его, беседую с Томми или с Алленом. Они сказали, что долгое время между «людьми» не было «общего сознания». Аллен слышит в голове голоса с британским и югославским акцентами, но ни он, ни Томми не могут говорить ни с ними, ни друг с другом. Внутри нет связи. Теряется много времени. На данный момент Учитель еще не

вернулся.

Томми пишет пейзажи, Денни – натюрморты, Аллен рисует портреты и пишет о пережитом в Лиме, Дейтоне и Коламбусе и о том, как его «люди» справились с этим и выжили.

Доктор Дэвид Кол приступил к трудной задаче – исправить вред, нанесенный за два с половиной года, и собрать воедино все кусочки. Никто не знает, сколько времени потребуется на это.

Возвращение Билли Миллигана в Афины вновь всколыхнуло Коламбус, и это расстроило его. Но он был рад, когда увидел университетскую газету «Курьер», которая еще 12 апреля опубликовала редакторскую статью, предвидя скорый перевод Билли:

«Миллиган, которому, конечно же, не повезло в жизни, прибыл в Афины, чтобы здесь его лечили специалисты. И наше общество, если оно вообще что-то делает, должно оказать ему поддержку, в которой он так нуждается. Мы не просим принять Миллигана с распростертыми объятиями, но мы просим вашего понимания. Это самое меньшее, чего он заслуживает».

Примечания автора

Среди множества документов, изученных мной перед написанием этой книги, я нашел две удивительные записи об электроэнцефалограммах (ЭЭГ) мозга Билли Миллигана. Они были сделаны в мае 1978 года с интервалом в две недели разными врачами, когда по предписанию суда он проходил экспертизу в клинике Хардинга. Последние исследования пролили новый свет на значение этих энцефалограмм.

Доктор Фрэнк У. Патнем, психиатр из Национального института психического здоровья, обнаружил, что отдельные личности у людей с диагнозом «множественная личность» имеют физиологические характеристики, которые отличаются от аналогичных показателей других личностей и личности-ядра. К таким параметрам относятся гальванические реакции кожи и рисунки волновой активности мозга.

В недавней беседе по телефону я обсуждал с доктором Патнемом результаты ЭЭГ, фиксирующих волновые импульсы мозга, которые он представил в мае 1982 года на совещании Американской ассоциации психиатров в Торонто. Он сделал серию контрольных замеров у десяти пациентов, которым ранее был поставлен диагноз «множественная личность». В каждом случае тестировалась личность-ядро и две или три другие личности. В качестве контрольных он взял десять пациентов такого же пола и возраста, которым было предложено придумать наличие в себе других личностей, с подробными историями их жизни, с характерными особенностями, и попрактиковаться в переключении на эти личности.

Тесты повторялись в произвольном порядке для каждого «ядра» и его другой личности, в пять разных дней – всего пятнадцать – двадцать тестов для каждого пациента. В то время как контрольные пациенты и их придуманные личности не показали значительной разницы в волновых рисунках работы мозга, *разные личности пациентов с диагнозом «множественная личность» показали значительное отличие как от их ядра, так и друг от друга.*

Согласно «Сайенс ньюс» от 29 мая 1982 года, результаты доктора Патнема нашли подтверждение в исследованиях в Институте жизни в Хартфорде, штат Коннектикут, где психолог Коллин Питбладо сообщил о подобных результатах тестирования одного пациента с четырьмя личностями.

Узнав об этом новом исследовании, я вернулся к своим записям и

просмотрел ЭЭГ Миллигана, сделанные за четыре года до представления результатов Патнема.

9 мая 1978 года доктор П. Р. Хаймен сообщил, что запись, сделанная в тот день, была «аномальной электроэнцефалограммой». Из-за активности тета- и дельта-волн (медленных волн, обычно не выявляемых в мозгу бодрствующего взрослого человека, но выявляемых у детей) в правой задней полусфере доктор Хаймен посчитал, что эта аномалия, вероятно, вызвана техническими неполадками. Он подчеркнул: «Однако технологи не могли доказать этого, хотя и поменяли электрод». Он предложил повторить ЭЭГ.

Доктор Джеймс Паркер, доктор медицины, написал 22 мая 1978 года, что локализованная область аномалии в первой ЭЭГ не была выявлена во второй ЭЭГ. Вторая запись выявила фоновую перемежающуюся альфа-активность. Паркер описал эту ЭЭГ как «аномальные двухсторонние тета- и дельта-волны [и] двухсторонние временные резкие волны». Резкие волны, пишет он, могли быть эпилептиформные.

Доктор Фрэнк Патнем рассказал мне, что 10–15 % ЭЭГ множественных личностей, которых он тестировал, показали аномальные мозговые волны и что эти пациенты в анамнезе были диагностированы как эпилептики. Такие же отчеты об аномальных ЭЭГ и множественной личности были сделаны в Гарварде.

Когда я показал описания двух ЭЭГ Миллигана оператору ЭЭГ, он уверил меня, что это ЭЭГ двух разных людей. Я считаю, что это согласуется с результатами исследований, проведенных в этой области, и свидетельствует о том, что ЭЭГ, сделанные в клинике Хардинга, фактически принадлежат разным личностям – вероятно, детям.

Говоря о важности новых исследований, доктор Патнем заявил: «Изучение множественных личностей всем нам даст что-то важное – в смысле контроля тела и разума. Мне представляется, что множественные личности являются одним из экспериментов природы, который может многое сказать нам о нас самих».

20 июля 1982 г.

Афины, Огайо

Благодарности

В основу этой книги положены материалы сотен встреч и бесед с Уильямом Стэнли Миллиганом. Кроме того, шестьдесят два человека, жизнь которых так или иначе соприкасалась с его жизнью, согласились побеседовать со мной. Большинство этих людей достаточно подробно описаны в книге; пользуясь случаем, хочу искренне поблагодарить их за содействие.

Спасибо всем, чья помощь сыграла важную роль в моих исследованиях, а также при написании и опубликовании данной книги: доктору Дэвиду Колу, директору медицинской части Афинского центра психического здоровья, штат Огайо, США; доктору Джорджу Хардингу-младшему, директору клиники им. Хардинга; доктору Корнелии Уилбур; Гэри Швейкарту и Джуди Стивенсон, государственным защитникам; Алану Голдсберри и Стиву Томпсону, адвокатам; Дороти Мур и Делу Муру, матери и нынешнему отчиму Миллигана; Кэти Моррисон, сестре Миллигана, и его подруге Мэри.

Благодарю за сотрудничество персонал следующих учреждений: Афинского центра психического здоровья; больницы им. Хардинга (в особенности Элли Джоунс, специалиста по связям с общественностью); сотрудников полиции, охраняющей территорию Университета штата Огайо; работников прокуратуры штата Огайо; служащих полицейских управлений городов Коламбуса и Ланкастера.

Моя искренняя благодарность и уважение двум жертвам насилия из Университета штата Огайо, представленным в книге под именами Кэрри Драйер и Донна Уэст, которые согласились изложить свой взгляд на события.

Благодарю моего адвоката Доналда Энгела за поддержку на начальных стадиях написания книги, а также издателя Питера Гетерса, чей неослабевающий энтузиазм и критический взгляд помогли мне справиться с материалом.

Хотя многие высказали горячее желание сотрудничать со мной, некоторые люди предпочли избежать личной беседы. Считаю своим долгом назвать источники, из которых я получил сведения об этих людях.

Доктор Гарольд Т. Браун из Психиатрической клиники г. Фэрфилда, который лечил Миллигана, когда тому было 15 лет, представлен комментариями и мыслями, почерпнутыми из записей в истории болезни.

Дороти Тернер и доктор Стелла Кэролин из Юго-Западного центра психического здоровья, которые первыми обнаружили и диагностировали множественную личность Миллигана, описаны мной на основании воспоминаний Миллигана о встречах с ними, а также со слов других психиатров и адвокатов, которые знали докторов Тернер и Кэролин и беседовали с ними в период описываемых событий.

Челмер Миллиган, приемный отец Уильяма Миллигана (на суде и в прессе его называли «отчим»), отказался обсуждать заявления, выдвинутые против него, и не принял моего предложения изложить свою версию этой истории. В своих заявлениях и интервью, опубликованных в газетах и журналах, он отрицал обвинения Уильяма в угрозах, оскорблениях и домогательстве.

Вышеупомянутые действия Челмера Миллигана описаны на основании материалов суда, подтвержденных данными под присягой показаниями родственников и соседей и подкрепленных записанными мною беседами с его родной дочерью Челлой, приемной дочерью Кэти, приемным сыном Джимом, бывшей женой Дороти и, конечно, самим Уильямом Миллиганом.

Особая признательность моим дочерям Хиллари и Лесли за понимание и помощь в трудные дни сбора материала, а также моей жене Аврелии, которая в дополнение к обычным редакторским советам прослушала сотни часов аудиозаписей интервью и систематизировала их так, чтобы я легко мог найти нужные записи и перепроверить их. Без ее поддержки и помощи эта книга не увидела бы свет еще очень долгое время.

---

notes

Примечания

1

Образ действия (*лат.*).

2

Явление ложной памяти (фр.).